

И. М. Дьяконов

ПУТИ ИСТОРИИ

**От древнейшего человека
до наших дней**

Издание второе, исправленное

URSS

МОСКВА

ББК 63.3 63.4 63.5

Дьяконов Игорь Михайлович

Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр.
М.: КомКнига, 2007. — 384 с.

Вниманию читателей предлагается краткий очерк всемирной истории, принадлежащий перу одного из крупнейших отечественных историков-востоковедов. Книга написана на основе разработанной автором новой концепции хода исторического процесса, радикально отличающейся от марксистской: И.М.Дьяконов считает, что этот процесс протекает не через пять фаз (первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую), а через восемь (первобытную, первобытнообщинную, раннюю древность, имперскую древность, средневековье, абсолютистскую постсредневековую, капиталистическую и посткапиталистическую). Книга читается с неослабевающим интересом.

Предназначено широкому кругу читателей, интересующихся историей.

Фото автора публикуется с разрешения А. И.Янковского.

Издательство «КомКнига». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

Формат 60х90/16. Печ. л. 24. Зак. № 791.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, г.Москва, пр-т 60-летия Октября, д. НА, стр. 11.

13-значный ISBN, вводимый с 2007 г.:

ISBN 978-5-484-00573-4

Соотв. 10-значный ISBN, применяемый до 2007 г.:

ISBN 5-484-00573-6

© И.М.Дьяконов.

Наследники, 2007

© КомКнига, 2007

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

Предисловие

Всю свою жизнь я занимался социально-экономической историей древнего мира, а в последние годы — и его социальной психологией. В результате выработалась концепция хода исторического процесса от палеолита до конца древнего мира; мне стало ясно, что этот процесс проходит не две, а четыре закономерные, во всем мире прослеживаемые фазы; выяснился и вероятный механизм их смены.

Я задумался над вопросом: применима ли эта концепция фазовых механизмов и к последующей истории человечества? Не будучи специалистом по истории средних веков и нового времени, я попробовал сделать некий абрис исторического процесса в эти периоды, извлекая данные из чужих работ. И, как мне представилось, и эта, позднейшая часть процесса четко разделилась еще на четыре фазы, каждая со своим механизмом становления и функционирования. Получился краткий очерк всей истории человечества, со вполне определенными механизмами фазовых периодов.

За этот диагноз фаз истории (быть может, слишком поспешный) несу ответственность я один, поэтому в книге нет сносок — ни в главах, посвященных первобытному и древнему миру, потому что подробную мотивировку моих построений можно найти в моих же собственных публикациях по более частным вопросам; ни в главах, посвященных последним четырем фазам, — чтобы не делать других ответственных за свои собственные возможные ошибки.

Поколением раньше составить подобный очерк всемирной истории взялся Герберт Уэллс, который и вовсе не был историком. Его попытка имела некоторый успех, во всяком случае у широкого читателя. Поэтому я питаю надежду, что и мой очерк, все-таки написанный профессионалом, тоже представит интерес.

Книга рассчитана на читателя, интересующегося историей и имеющего некоторую общую подготовку, но совсем не обязательно на специалиста-историка. Бегло излагаются

исторические периоды и эпизоды, достаточно освещаемые существующими учебниками, подробнее — выпадающие из учебников или почему-либо показавшиеся автору особо любопытными.

За неизбежные мелкие, а может быть, и крупные ошибки и пробелы я прошу прощения у читателя.

И. Д.

Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несу.

Данте

Введение

Всякая наука есть познание причин некоторого процесса или движения. Природный процесс обычно имеет достаточно четко выделяемые фазы развития и может быть колебательным, вариативным в пределах заданных закономерностей и физических постоянных. Большинство природных процессов развивается не изолированно, а взаимодействуя с другими процессами, что вызывает кажущиеся иррегулярности. Таким процессом является и существование вида «Человек разумный». В задачу историка-теоретика входит выявление общих закономерностей: как причин, а равно и фаз развития самого этого процесса, так и причинности отклонений и частных проявлений общих законов.

Процесс человеческой истории более всего напоминает реку. Она имеет исток; сначала она ручьевидная, затем идут более широкие плесы, могут возникать неподвижные заводи, старицы, пороги и водопады. Помимо общих законов гравитации и молекулярной физики жидкости, течение реки более конкретно определяется берегами, разнородными по крутизне и геологическому составу; конфигурация речных изгибов определяется почвой, окружающей природной средой; одни струи набегают на другие и несут разные органические и неорганические примеси. Является ли метафорическая аналогия с течением реки достаточной, чтобы предположить втекание исторической реки в некое историческое море, или процесс истории завершится вмешательством каких-либо иных природных сил,— прогнозировать сейчас трудно. История человечества может оказаться сходной с историей динозавров. Однако сквозь все эти обстоятельства можно проследить действие основных законов.

В течение XX в. в среде историков было довольно широко распространено полное отрицание общих закономерностей в развитии человечества; задачей историка объявлялось выявление только частных факторов или же выдвигались теории, подобные предложенной А. Тойнби; идея его может быть сведена к утверждению о последовательном возникновении и гибели причинно почти не связанных между собою цивилизаций. Такой подход представляется неплодотворным, и в настоящее время он отошел в прошлое.

Позднее, в западной исторической науке конца XX в., эмпирически выработалась некоторая общая периодизация человеческих социумов, которые подразделяются на доиндустриальные (первобытные, или догородские, а затем городские) и индустриальные, а после них (пока лишь намечающиеся) — постиндустриальные. Такая классификация, конечно, соответствует наблюдаемым фактам и в этом смысле приемлема, но она содержит тот коренной недостаток, что в ней отсутствует элемент причинности. Еще Аристотель сказал, что наука есть познание причин, и, несмотря на все сложности новейших эпистемологических построений, это положение остается безусловно верным.

С точки же зрения каузальности, казалось бы, имеет преимущество теория социально-экономических формаций, намеченная Марксом более 100 лет назад (в 1859 г.) и в деформированном виде сформулированная Сталиным в 1938 г.¹. Согласно этой теории, производительные силы, т. е. технология в сочетании с ее производителями как общественной категорией, развиваются до тех пор, пока нуждам их развития соответствуют существующие в обществе производственные отношения. Когда это условие начинает нарушаться, развитие производительных сил затормаживается, что вызывает переворот в производственных отношениях, и одна общественная эпоха сменяется другой. Маркс различал азиатский, античный и буржуазный (капиталистический) способы производства как «прогрессивные эпохи общественной формации». Позднейшие марксисты заменили понятие «эпохи общественной формации» термином «общественно-экономическая формация» применительно не ко всему процессу, как у Маркса, а к каждой отдельной его стадии. Таких стадий («формаций») теперь насчитывалось пять: доклассовая (первобытная), затем три классовые, или антагонистические (рабовладельческая, феодальная и капиталистическая), и, наконец, имеющая наступить коммунистическая формация, начальным этапом которой является социализм.

Под «капитализмом» Маркс, конечно, подразумевал такой способ производства, где буржуазное меньшинство эксплуатирует трудящееся большинство (пролетариат), и, как сейчас очевидно, правильно определял этот способ производства как одну из переходящих ступеней общественного развития человечества. Не ограничившись предложенной им периодизацией исторического процесса, Маркс применил к его исследованию гегелевскую идею движущих противоречий. Для трех антагонистических формаций это было противоречие между эксплуатируемым и эксплуатирующим классами. Слабость марксистской концепции заключалась прежде всего в том, что не было найдено убедительного движущего противоречия ни для первой, первобытной, формации, ни для последней, коммунистической⁹⁸. Поэтому коммунистическая формация рассматривалась как абсолютное гармоническое будущее — идея, восходящая к христианской апокалиптической эсхатологии и плохо вяжущаяся с материалистическим объяснением исторического процесса.

Сейчас, в конце XX в., нет сомнений в том, что марксистская теория исторического процесса, отражавшая реалии XIX в., безнадежно устарела — и не только из-за теоретической слабости коммунистической посылки, но и вследствие других как теоретических, так и чисто прагматических неточностей и ошибок. Советским историкам древности уже со времен второй дискуссии об азиатском способе производства 60-х годов стало ясно, что эксплуатация рабского труда в производстве не являлась движущим фактором древней общественной формации и вообще не связана с определенной фазой, — она встречается во всех фазах без исключения.

Но если рабовладельческая формация была не рабовладельческой, то и феодальная была не феодальной. Маркс ввел понятие «феодализм» в качестве одной из ступеней исторического процесса Западной Европы потому лишь, что в середине XIX в. имел смутные сведения о средневековом обществе Восточной Европы и Азии. Феод — земельное владение или право на доход, пожалованное сюзереном вассалу под условием несения службы и уплаты дани сюзерену. Это — система организации средневекового господствующего класса, характерная для Запад-

ной Европы до эпохи абсолютных монархий, но совершенно несвойственная едва ли не большинству средневековых обществ за пределами западноевропейской политической традиции. Поэтому называть всякое средневековое общество феодальным значит подравнивать весь мир под Европу. Вряд ли этот термин заслуживает увековечения.

В отличие от феода отношения труда и капитала имели и имеют всемирно-исторический характер. Однако если капитал, как и рабство, может существовать и существует в разных исторических «формациях», то капитализм как система есть несомненно, явление, возникшее только после средневекового общества. Но можно ли обозначать термин «капитализм» общество, в котором не только капиталисты, но и пролетарии находятся в меньшинстве, а большинство общества занято в сфере обслуживания? Между тем именно таковы наиболее развитые современные общества. Западная наука называет их постиндустриальными, мы же должны, очевидно, рассматривать их как посткапиталистические.

Отметим, что Маркс, намечая норму прибавочной стоимости (ориентировочно 100%), давал (в первом томе «Капитала») в сущности только прикидку. Помимо этого, из третьего тома «Капитала» мы узнаем, что эти 100% вовсе не присваиваются капиталистом для собственного потребления. За счет них делаются расходы на обновление оборудования, рекламу, земельную ренту, погашение кредита и т. п. Если, как рекомендовали фанатичные руководители рабочих кружков, отобрать прибавочную стоимость у капиталистов, то, во-первых, у новых хозяев остались бы все те же производственные расходы, а во-вторых, и оставшиеся 3—5% дивидендов, реально присваиваемых немногочисленными капиталистами, не могли бы быть разделены между многочисленными трудящимися (повышая их заработную плату на доли процента), но должны были бы тратиться на содержание администрации, осуществляющей все эти косвенные производственно необходимые операции,— что мы и увидели в обществе, построенном марксистами, где присваивается не только прибавочный, но и значительная часть необходимого труда.

Поставим вопрос: может ли в современном так наз. «капиталистическом» обществе не только класс капиталистов, но и вся гигантская сфера обслуживания содержаться лишь за счет прибавочной стоимости, создаваемой трудом столь малочисленного пролетариата? Величина стоимости товара определяется количеством труда, общественно необходимого для его производства. Между тем общественно необходим

для производства товара не только труд токаря, обрабатывающего резцом металл, или кочегара, подбрасывающего уголь в топку, но и труд изобретателя, в результате которого может быть изготовлен резец или сооружена печь, а стало быть, и труд ученого, который создает предпосылки для производственных изобретений, разрабатывая фундаментальные исследования,— т. е. труд не только синих, но и белых воротничков. И если величина стоимости измеряется рабочим временем, то в него надо включать и время, израсходованное на создание самой возможности для рабочего действовать непосредственно у станка, в том числе затраченное на труд в сфере фундаментальных наук.

Марксистская теория формаций в том виде, какой она приняла к исходу XX столетия, имеет еще один существенный недостаток: в ней не предусмотрен явственный механизм перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Но возникшее несоответствие между развитием производительных сил и характером производственных отношений не приводит к смене так наз. «формаций» автоматически. На вопрос о механизме перехода марксизм XIX и первой половины XX в. отвечал, что им является революция, т. е., иначе говоря, насильственный переворот: «насилие — повивальная бабка истории». Это, однако, во всемирно-историческом плане неверно. Маркс знал, что насильственный переворот не отделяет ни древность от первобытности, ни средневековье от древности. Что же касается капитализма, то это всемирно-историческое явление наступило в результате революции только в одной-единственной стране — во Франции; о вероятных причинах этого мы скажем ниже. В Англии буржуазная революция произошла в XVII в., промышленный переворот, т. е. переход от одного типа производства к другому,— в конце XVIII — начале XIX в., а реальная власть перешла к классу буржуазии лишь после парламентской реформы 1832 г., да и то не сразу. В России капитализм начал пускать корни после реформ 1860-х годов, а класс буржуазии мог бы прийти к власти в результате Февральской революции 1917 г., но не пришел. В Германии капитализм установился в результате реформ, в Америке, в Италии — в результате освободительных войн, которые никак нельзя назвать революциями в точном смысле слова. А в Египте? А в Скандинавии? А в Таиланде?

На самом же деле, для того чтобы народные массы устремились на создание новой системы производственных отношений, нужно, чтобы их социально-психологические ценности превратились в антиценности, а антиценности — в ценности. Иначе несоответствие производительных сил производственным отношениям приводит только к долгому застою.

Кроме того, чтобы установились новые производственные отношения, необходимо введение принципиально новых технологий, в особенности технологии производства оружия.

Принимаем ли мы научную доктрину марксизма или не принимаем, но исторический процесс в любом случае остается естественным процессом, который, безусловно, имеет свои закономерности. История — сложный процесс, в котором социально-экономическое развитие неотделимо ни от развития технологического, ни от развития социально-психологического. Тут не надо шарахаться из одной крайности в другую. Если созданная в XIX в. историческая теория марксизма, одного из великих учений прошлого столетия, в конце XX в. обнаруживает целый ряд существенных недостатков, то это не значит, что для объяснения исторического процесса нужно сейчас же броситься искать все ответы, скажем, в православии, хотя христианство, безусловно, имеет свою теорию истории, кстати сказать, заметно повлиявшую на марксизм, да и на другие социальные теории XIX в.

В наше время все концепции исторического развития имеют один важнейший, коренной недостаток. Все они построены на идее прогресса, причем прогресса, ничем не ограниченного во времени. Эта идея уходит корнями именно в христианскую концепцию будущего — «Царства Божия на земле», которая, в свою очередь, восходит к историзму, свойственному предку как христианства, так и ислама — иудаизму. Она была совершенно не свойственна ни античной философии, ни философии эпохи Возрождения в Европе. Мы не встречаем ее ни у Монтеня, ни у Спинозы, ни у Декарта, ни у Лейбница, и только в совершенно зачаточном виде она присутствует у Ф. Бэкона.

Вплоть до XVIII в. европейские мыслители единодушно считали высшим достижением исторического процесса античность. Идея о том, что человечество вечно улучшается, может быть прослежена до энциклопедистов середины XVIII в. — Дидро и д'Аламбера³, но концепция последовательных определенных этапов бесконечного прогресса, при котором следующий за нашим, еще не достигнутый этап истории будет наиболее совершенным, была впервые сформулирована маркизом де Кондорсе, активным участником Французской революции. Мы находим ее в работе «Опыт исторической картины прогресса человеческого духа», опубликованной посмертно в 1795 г. (Кондорсе умер в тюрьме).

От Кондорсе тянется нить к социалистам-утопистам, и прежде всего к Сен-Симону, который представлял себе историю как смену позитивных и негативных эпох с постепенным усилением позитивного начала. А от Сен-Симона путь вел к Марксу. Другим источником идеи прогресса явля-

ется философия Гегеля, еще непосредственнее воздействовавшая на Маркса, который в молодости и был гегельянцем. Сам же Гегель начинал свою деятельность как лютеранский теолог и автор книги «Дух христианства»; он всегда оставался верующим, хотя его далеко не сразу сложившаяся философия как бы освободилась от прямого богословского влияния. Гегель оказал огромное влияние не только на Маркса⁶, но и на всю философскую мысль XIX в. Проповедниками идеи прогресса явились такие очень влиятельные философы первой половины — середины XIX в., как Огюст Конт, Герберт Спенсер (для которого прогресс был «не случайность, а необходимость») и Джон Стюарт Милль. Неограниченность и бесконечность прогресса казались чем-то само собою разумеющимся людям второй половины XIX и всего XX века, и это несмотря на сформулированный еще в 40-х годах XIX в. Майером, Джоулем и Гельмгольцем закон сохранения энергии. Ничем не ограниченный, вечный прогресс (предполагающий, конечно, затрату энергии) есть случай вечного двигателя и противоречит этому основному закону природы. И в том заключается надежда человечества, поскольку «неограниченный» технологический прогресс уже привел человечество на грань экологической гибели, чего не предвидели ни Маркс, ни другие мыслители истекших полутора веков. Вообще само понятие «прогресс» внутренне противоречиво, потому что из закона сохранения следует, что всякое одностороннее прибавление оплачивается потерями с другой стороны, т. е. всякий прогресс есть тем самым и регресс; нет прогресса без потерь, и чем больше прогресс, тем больше потери. Абсолютно неподвижное гармоничное будущее, будь то «Царство Божие на земле» или коммунизм,, невозможно по законам физики⁷.

Оставляя вопрос об абсолютном будущем, перейдем все же к закономерностям исторического процесса, к его необходимой периодизации и к установлению возможных отклонений от прямолинейного развития истории по ее этапам. При этом попытаемся рассматривать историческое развитие с точки зрения не только прогресса, но и потерь.

Наиболее отчетливо историческое продвижение наблюдается в области технологии. Развитие технологии отчасти зависит от того, насколько доступными человеческой эксплуатации становится все больше произведений внешней среды и общества, отчасти — от продолжающегося развития познавательных функций головного мозга, обусловленных его физиологией. Возможностям развития познания пока не грозит исчерпание, особенно с тех пор, как человек изобрел механизмы, исполняющие за него значительную часть мыслительной работы. Поэтому технологическому прогрессу и

процессу познания пока конца не видно, и они могут и впредь восприниматься как неограниченные, хотя на самом деле это не так, да и в принципе это невозможно.

Но когда общественные деятели и историки рассуждают о прогрессе, они обычно имеют в виду не только и даже не столько прогресс мысли и технологии, сколько прогресс самого человеческого общества, условий его существования, доступа к материальным благам, познанию, прогрессу гуманности, или «духовности». И здесь бесконечный или даже линейно-непрерывный прогресс вряд ли возможен.

Марксистская же теория говорит и о технологии, но не столько о ней самой, сколько о производительных силах, под которыми понимаются человеческие (личностные) и вещественные (технологические) элементы, осуществляющие взаимодействие человека с природой в процессе общественного производства. Однако развитие личностных отношений в процессе производства можно (а с моей точки зрения — и нужно) рассматривать не только в рамках факторов, относящихся к социально-производственным отношениям, но и в рамках социального сознания и мотивации производственных (и иных общественных) поступков, т. е. социальной психологии.

Поэтому я предлагаю устанавливать совместимость каждой системы производственных отношений не с нерасчлененной категорией производительных сил, а с уровнем технологии, во-первых, и с состоянием социально-психологических процессов, во-вторых. Социальная деятельность человека зависит от ее социально-психологической оценки. А это значит, что переход от одного типа хозяйствования к другому и далее от одной системы социальных отношений к другой, даже когда эта перемена не носит характера смены принципа социальных отношений, а сводится к этническим, религиозно-идеологическим или же внутрисловным сдвигам, должен сопровождаться сменой социальных ценностей. Как уже было сказано, то, что было антиценностью, должно стать ценностью, а то, что было ценностью, должно стать антиценностью. Такая перемена не может сразу стать массовой: для приведения в движение массы нужно появление эмоционального и волевого лидера или лидеров (это явление Л. Н. Гумилев⁸ и называет пассионарностью).

Осознание того, что существующая система производственных отношений (или характера государственного устройства, или характера идеологии) ограничивает возможности развития производительных сил, еще не ведет непосредственно к насильственной или постепенной замене этой системы. По существу говоря, только развитие новой технологии индустриального общества невозможно без соответствующего

коренного преобразования производственных отношений; но и здесь переход к новой системе не всегда является революцией и не всегда синхронизирован с переворотами в технологии. Тем более это верно в отношении более ранних систем производственных отношений. Появление металлического лемеха для сохи и стального топора действительно привело к изменению системы организации производства и самого территориального распространения цивилизаций. Но та же соха применялась без особых усовершенствований с конца IV тысячелетия до н. э. (в Шумере) *уі* до XIX в. н. э. (хотя бы в России). Изменение металла для лемеха (сталь вместо бронзы и меди) не имело принципиального значения и не напрямую связано с коренными изменениями в состоянии общества. Горнорудное дело тоже не менялось принципиально с начала века металла до начала эпохи капитализма. В области ремесла различные новшества (изобретение стекла, введение вертикального ткацкого станка, алмазного сверла и т. д. и т. п.) никак не связываются по времени с системными изменениями общества. Существенное влияние на развитие общества оказало введение стальных орудий, что позволило значительно расширить распахиваемые территории. Огромное историческое значение имел прогресс в мореплавании. Но ни то, ни другое технологическое новшество не синхронизируется с изменениями в социально-экономической структуре человеческого общества в целом; результаты этих открытий сказываются очень постепенно.

Есть лишь одна область технологии, где прогресс — конечно, не безвозмездный — оказывает непосредственное влияние на смену производственных отношений. Это прогресс в производстве оружия⁹. Где нет металлического оружия, там не может быть классового общества (ни даже предшествующей ему стадии, выделенной современными этнографами, — чифдома¹⁰). Воин, имеющий вооружение, которое ему предоставляет медно-бронзовый век, не может организовать массовую эксплуатацию рабов классического типа: к каждому рабу с медно-бронзовым орудием в руках нужно было бы приставить надсмотрщика. Но эксплуатация целых отрядов рабов классического типа возможна во второй фазе, когда воин имеет стальной меч, стальной панцирь и настоящие шлем и щит. Если и от эксплуатации классических рабов пришлось отказаться, то не из-за какого-либо переворота в производительных силах (в смысле технологии), а из-за малой производительности рабского труда. Воин на защищенном панцирем коне, сам закованный в броню, а позже и опирающийся на новое достижение архитектурного искусства — укрепленный замок, может обеспечить эксплуатацию крестьянина, который в предшествующую эпоху и поставлял основную массу воинов.

Со средневековьем покончили не столько великие географические открытия (хотя и они тоже), сколько пушка, которая свела на нет роль средневекового рыцаря и поставила промышленное предпринимательство выше сельскохозяйственного, не говоря уже о ручном ремесле. Атомная и водородная бомбы приведут (если человечество сохранится) к утверждению посткапиталистического общества во всемирном масштабе. Оно, конечно, само полно противоречий и никоим образом не может рассматриваться как абсолютное будущее. Но в этом разберутся будущие поколения, если, конечно они состоятся.

Подчеркну, что изменения и в военной технологии сами по себе не обуславливают смену общественных отношений (производственных отношений). Их обуславливают только такие изменения, которые сопровождаются сменой ценностной ориентации. И наоборот, перемена ценностей не приводит к коренной смене общественных отношений, если она не подкреплена наступившей или хотя бы могущей наступить революцией в технологии производства оружия.

Единство закономерностей исторического процесса явствует из того, что они равно прослеживаются как в Европе, так и на противоположном конце Евразии — в почти изолированной островной Японии, не испытавшей ни крестовых походов, ни турецкого, ни монгольского нашествия, и даже в Южной Америке. На их примере может быть довольно строго проверена предлагаемая ниже периодизация фаз исторического процесса.

В течение истории непрерывно происходит столкновение обществ различных фаз. Фаза от фазы нормально отделяется не революционным переворотом, а переходным периодом различной длительности, продолжающимся до тех пор, пока вырабатываются все признаки, диагностические для новой фазы. Этот междуфазовый период мы будем называть фазовым переходом.

Первая фаза

(первобытная)

Для самых ранних периодов истории *Homo sapiens sapiens* возможна только технологическая периодизация: палеолит, мезолит (преимущественно установлен в западной части Евразийского континента), неолит. Реальную жизнь позднепалеолитического человека можно было бы наблюдать у аборигенов Австралии, но, к сожалению, непосредственные наблюдения, притом весьма немногочисленные, велись в основном тогда, когда жизнь аборигенов уже была решительно нарушена массовой иммиграцией в Австралию из Европы во второй половине XIX—XX в. Одно из наиболее интересных свидетельств принадлежит неграмотному англичанину, который был сослан в Австралию за преступление, бежал из колонии, прожил среди аборигенов десятки лет, а остаток жизни провел в одном из городов Восточной Австралии; свою историю он поведал случайному журналисту. Научные исследования начались только в самом конце XIX в. Кажется бы, палеолитическое состояние австралийских аборигенов в эпоху, когда Европа и Америка находились на высоком уровне капиталистического развития, должно свидетельствовать о продолжительной не только социальной, но, может быть, и биологической отсталости австралийцев. Это, однако, не так. Эпоха классового развития человечества занимает не более 1—2% продолжительности существования вида *Homo sapiens sapiens*¹. Соответственно технологическое отставание всего на 2%—скажем, скорость 10,2 секунды вместо 10,0 в беге на стометровку — достаточно для возникновения такого разброса в уровне развития.

И дело тут даже не столько в небольшом уменьшении скорости технологического развития, сколько в благоприятной или неблагоприятной экологической среде. Аборигены попали в Австралию во время последнего ледникового периода и соответственно низкого стояния уровня Мирового океана². Вся Индонезия в тот период составляла единый

полуостров с Индокитаем, а Новая Гвинея и остров Хальмахера — полуостров Австралийского континента. Небольшие проливы между Хальмахерой и Сулавеси и между Сулавеси и уже континентальным (евразийским) Борнео (Калимантаном) могли быть преодолены на плотах, сооружать которые, видимо, умели уже и палеолитические люди. (Аналогичным образом, по древней суше, произошло и заселение Тасмании³.) На Австралийском континенте совершенно отсутствовали экологические (зооботанические) предпосылки для выращивания злаков и плодовых растений и для приручения животных.

На уровне первой фазы первобытного общества помимо австралийцев находились вплоть до новейшего времени и население приполярных и таежных областей Евразии и Америки, значительная часть населения Африки, Южной и Северной Америки — и по той же причине чисто экологического характера, что и австралийцы: ввиду отсутствия в соответствующих зонах растений и животных, пригодных для массового одомашнивания (даже северный олень — животное полудомашнее).

Заметим, что уже на уровне первой фазы исторического процесса (фазы ранней первобытности) существовал зачаточный обмен между группами населения, иногда — через много рук на большие расстояния. Так, путем обмена получали обсидиан и даже кремнь для изготовления неолитических орудий труда и оружия.

В советской учебной литературе наша первая фаза объединяется со второй под общим названием «первобытно-общинная формация». В этом она следует Сталину, а не Энгельсу, хотя книга последнего — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» считается для марксизма классической. Энгельс, однако, разделял эту «формацию» (термин, им не применявшийся) на два этапа, которые он (вслед за Л. Г. Морганом) обозначал как «дикость» и «варварство». Книга Энгельса является блестящим, но дилетантским переложением идей этого крупнейшего американского этнографа. Труды Морганов, однако, являются не завершением, а началом научного исследования первобытных обществ и, в частности, важнейшего фактора их социальной жизни — систем родства.

Канонизация книги Энгельса привела к тому, что советская этнография лишь повторяла зады уже преодоленного этапа в изучении первобытности. Совершенно превратным является представление Энгельса о периоде «дикости», в котором человек якобы проходит через стадию промискуитета (беспорядочных половых сношений), через стадию группового брака к стадии парного брака. Промискуитет не на-

блюдался не только в человеческих обществах, но даже у высших обезьян; что касается группового брака, то и это явление может быть констатировано лишь с большими оговорками (у ряда первобытных племен имеются степени родства, в которых половые отношения между принадлежащими к ним мужчинами и женщинами категорически запрещены, и степени родства, в которых такого запрета нет). Однако уже у наиболее отставших из известных нам популяций — австралийцев — господствует не групповой, а кросскузенный брак (мужчина берет в жены дочь брата отца или дочь сестры матери). Несмотря на то что внебрачные отношения (в пределах незапретных групп родства) ненаказуемы, фактически господствует нуклеарная семья, скрепляемая именно женщиной как хранительницей очага и детей. Заметим, что нуклеарная семья обычно, но не обязательно моногамна.

Можно с уверенностью сказать, что и другие, позднейшие семейно-социальные структуры (большая семья, lineage, род и т. п.) являются всякий раз развитием нуклеарной семьи и по достижении известных предельных размеров распадаются на новые нуклеарные семьи, порождающие новые большие семьи, роды и т. п. Внешняя активность мужчин семьи или рода тоже в значительной мере зависит от роли женщины как побудительницы к активности и даже агрессии.

Это обстоятельство надо иметь в виду при рассмотрении всех эпох истории. Только учет нуклеарной роли функции женщины-прародительницы и женщины—побудительницы к деятельности позволит нам преодолеть взгляд на историю как на череду мужских драк, чаще всего смертельных.

Вторая фаза (первобытнообщинная)

Предыстория цивилизации началась на Ближнем Востоке, где в горах вокруг Плодородного Полумесяца¹ росли дикие злаки и жили животные, удобные для приручения: овцы, предки домашних быков и коров, свиньи и ослы. Здесь же имелись и почвы, годные для искусственного засева. Столь благоприятные условия мощно ускорили развитие производства со всеми вытекающими из этого обстоятельствами. На Американском континенте в распоряжении населения наиболее благоприятных регионов были такие одомашниваемые растения, как кукуруза, картофель, помидоры, арахис, какао-бобы и т. п., но их разведение требовало более сложного технического обеспечения, и поэтому до уровня развития, подобного достигнутому в Шумере или фараоновском Египте, люди дошли здесь на четыре тысячи лет позже — срок небольшой по сравнению со всей историей рода Номо.

По всей территории распространения рода человеческого, согласно принятой у нас ранее марксистской теоретической периодизации, вплоть до создания «классового» общества (прежде всего — в зоне сухих субтропиков), господствовало «первобытнообщинное» производство.

Способ производства, по определению, зависит от характера отношений собственности, соединения рабочей силы со средствами производства², форм связи между производителями, классовой структуры общества, мотивов и целей хозяйственной деятельности. Из этого определения, в случае первобытнообщинного строя, надо, конечно, исключить классовую структуру общества. Но если исходить из остальных требуемых отличительных черт способа производства, то мы все же не можем зачислить все «доклассовые» («догородские») общества в один и тот же способ производства. Дело в том, что часть их являлась только производящими (собирающие, охоту и рыбную ловлю, производство напитков, производство шкур для одежды и шалашей надо считать, в эко-

номическом смысле, производством, если производство есть процесс создания материальных благ, необходимых для существования и развития общества: «присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством ее»³). Но более поздние, так называемые первобытнообщинные общества второй фазы исторического процесса являются не только производящими, но и. воспроизводящими. Это те общества, которые занимались земледелием и скотоводством. В фазе перехода к ним меняются средства производства, связи между производителями, мотивы и цели хозяйственной деятельности. Меняется структура общества: только на этом уровне развития можно говорить о наличии общины — нельзя называть общинами бродячие маленькие группы палеолитических австралийцев (5—20 человек), хотя они (как и животные) имеют каждая свою вполне определенную территорию, а также ориентируются на довольно разветвленные родственные и брачные связи. Но в общинных социумах меняется общественная структура — выделяются вожди и дружинники. В англоязычной литературе, а в последнее время и у нас по отношению к таким обществам введен термин «чифдом» (chiefdom). Меняется и социально-психологическая надстройка⁴.

Потребность в познании — одна из коренных физиологических потребностей человека. Соприкасаясь с некоторым явлением, человек соотносит его с ощущаемой им самим потребностью и с информацией о средствах удовлетворить эту потребность, которые оцениваются как благоприятствующие или препятствующие такому удовлетворению, что на неосознаваемом уровне создает определенную эмоцию. Но оценка происходит и на осознаваемом уровне и подвергается осмыслению.

Не следует, однако, преувеличивать силу побуждения первобытного человека к осмыслению окружающего мира: за исключением некоторых особых обстоятельств, преобладал практический характер реакций на внешние импульсы, и интерпретация явления была необходима лишь в пределах нужд физических потребностей. Только у философов поздней древности, составлявших ничтожную группу человечества, появились и интерес, и досуг, и практическая возможность к сознательным, неэмоциональным обобщениям всего окружающего мироздания.

Но и в повседневной жизни необходимо было практическое осмысление мира и общества, а осмысление без обобщений невозможно. Между тем процесс языкового развития шел медленно; не только у человека первой и второй фазы, но и в условиях начала третьей (ранней древности) челове-

ческий язык не выработал слов для непредметных, абстрактных обобщений. А чего не хватало для осмысления мира, так это именно некоего обобщения его процессов. При отсутствии языкового аппарата для абстрагирования главным способом обобщения явились тропы — предметные сопоставления явлений как части и целого, по сходству, по смежности и т. п., ощущавшиеся как своего рода отождествления. Явления мира сложны, и один троп цеплялся за другой, образуя семантические ряды.

Уже на самой ранней стадии своего существования человек не мог бы выжить, не воспринимая причинной связи явлений. Связной же интерпретацией процессов мира, организующей восприятие их человеком при отсутствии (а в дальнейшем — и при исключении) абстрактных понятий, является миф. Это умственный и словесный след не только того, о чем думал, что полагал, во что верил и что чувствовал первобытный и древний человек, но и того, как он думал.

Однако при том, что в представлениях первобытного человека об окружающем мире первостепенную роль играло определение причин, само понятие «причинно-следственная связь» не могло быть выражено в каком-либо логически обобщающем высказывании. В опыте человека причина и следствие связывались его волей. Отсюда неизбежность восприятия всякой причинно-следственной связи как волевой. Вместе с тем воля предполагает наличие некоего обладающего волей начала — а раз обладающего волей, то, значит, обладающего и разумом. Таким образом, для первобытного и древнего человека за каждым случаем причинных связей социально-психологически воспринимаемых явлений стоит божество, а за множественностью явлений, с которыми сталкивается в своей жизни человек, стоит множество отдельных сил, независимых от человека, — божеств. Божество, конечно, может считаться объяснением явлений мира, но осмысление это подчинено не рассуждениям, логически проверяемым, а вере.

Жизненная активность человека обуславливается известными социально-психологическими побуждениями (импульсами). Божества определяют для архаического человека характер причинно-следственных связей и тем самым возможность или невозможность удовлетворения социальных побуждений. На каждый стимул можно найти множество неодинаковых действенных ответов (или мифологем), но число основных побуждений довольно ограничено.

Это — реакция поиска («что это?»), эмоциональное побуждение, вызываемое либо положительным, либо (чаще) отрицательным характером явления. Реакция поиска может

развиться в побуждение к познанию нового, однако такое развитие ее вступает в противоречие с побуждением к стабильности места человека в социуме и космосе: основное правило «быть как все» (что предопределяет и побуждение к взаимопомощи) содействует возникновению консенсуса в человеческом социуме, а это очень важно для его целенаправленной деятельности⁵.

Это — стремление утолить голод. При всей эмоциональности такого побуждения оно может иметь только социальный характер (поэтому уже в наиболее древнем обществе возникает разделение труда, прежде всего между мужским и женским трудом: охота — собирательство). Существенно, что с самого раннего периода истории человечества была нужда и в обмене.

Это, далее, — побуждение прибегнуть под защиту, быть охраняемым и любимым.

Это — побуждение устранить психологический дискомфорт («несправедливость»). В истории именно оно является главной причиной стремления к социальным переменам.

Это — побуждение к агрессивности, необходимой для выживания человека во враждебном мире, связанное с побуждением к движению вообще.

Это — побуждение к удовлетворению половой потребности, стоящее, между прочим, в прямой связи с агрессивностью (мужчина должен победить соперников и саму женщину): женщина выступает как побудительница агрессии.

Это — побуждение к славе.

Это — побуждение к разрядке, к смеху, очень важное в суровых, строго регламентированных обычаях условиях существования первобытного и древнего человека.

Это — побуждение к лидерству, к тому, чтобы не только быть «не как все», но и возглавлять всех. Данное побуждение резко проявляется, как правило, в критические моменты истории. Заметим, что оно проявляется почти исключительно у мужчин (у женщин оно скорее проявляется в форме соревнования в привлекательности⁶).

Каждое из этих побуждений должно иметь в архаической социальной психологии свое причинное начало — божество. Божество, как объяснение причинно-следственной связи через троп, входит в семантический ряд. Различные местные пантеоны божеств, если отвлечься от деталей, связанных с локальными условиями, определяются как причинные начала этих побуждений, а различаются развитием семантических рядов в повествованиях о них — мифах.

В фазе собственно первобытного общества доминируют, во-первых, семантические ряды, связующие божество с

данной группой людей и с природой, а по тропу связи «части» и «целого» — со зверем, птицей, растением, определенным для каждой человеческой группы (тотемизм), и, во-вторых, вера в возможность прямого общения с организующим началом мира через особенно одаренных членов группы — шаманов или шаманок.

Пантеоны божеств явственно оформляются во второй (первобытнообщинной) фазе истории и сохраняются как социально-психологическое обоснование бытия обществ еще и третьей фазы — ранней древности — по той причине, что основная масса популяции ранних древних обществ является прямым продолжением популяций первобытнообщинных социумов.

Весьма существенно, что общинные мифологические религии, во-первых, локальны, во-вторых, не исключают одна другую, в-третьих, не носят догматического характера, в-четвертых, не имеют никакого отношения к этике, которая очень постепенно складывается сама по себе в практической жизни людей как ее организующее начало.

Не только в первобытных, но и в древних обществах не возникает противостоящих друг другу классовых идеологий: рабы своей идеологии не имеют, а зависимое и независимое население поклоняется тем же самым или типологически совершенно аналогичным богам. Существенной переоценки ценностей, а тем самым и явного социального переворота между чифдами и ранним классовым государством не прослеживается, хотя меняется ценностное значение отношений между человеком и явлениями мира, т. е. как бы характер отношения между человеком и божеством. Проследить это изменение по большей части трудно, так как источники не позволяют исследовать хотя бы одно какое-нибудь общество последовательно — как в фазе общинной первобытности, так и в фазе ранней древности. Однако сам факт возникновения иной структуры производственных отношений, прежде всего факт разделения общества древности на классы, различающиеся по месту в процессе производства, заставляет нас выделить первобытнообщинный строй и строй ранней древности как две различные, последовательные фазы исторического процесса, сцепляемые фазовым переходом.

Если есть не одна первобытная фаза, а две, то в чем между ними социально-психологическая разница? Для первой фазы характерны тотемизм и шаманизм, для второй — генеалогические структуры пантеонов во главе с богом-«вождем» и его семьей — женой и сыном, весьма важные культы человеческого, животного и растительного плодородия, а также культ «богини-воительницы», социально-психологически отражающей импульс агрессивности. При этом верования не догматичны и совершенно локальны (при переезде в другое

место естественно поклоняться местным богам;,, характерна •большая вариативность мифов), и верования эти не связаны с определенно сформулированными этическими нормами.

В первой фазе отдельные группы людей достаточно отделены друг от друга в пространстве и обычно мирно сосуществуют, если не считать случайных стычек, в особенности в связи с похищением жен. Вторая фаза предполагает общество более богатое, в котором есть что вождеть и есть что защищать, а часто и оружие становится гораздо более совершенным. Энгельс называет этот период «военной демократией», хотя считает ее не отдельной «формацией», а этапом в пределах первобытности. Эпитет «военная» действительно уместен: со второй фазы и до конца третьей фазы — ранней древности — наступает эпоха войны всех со всеми. Еще в Вавилонии начала II тысячелетия до н. э. не было выражения «чужая страна», «заграница», а было выражение «вражеская страна» — даже в письмах купцов-мореходов, плававших за границу со вполне мирными целями.

Мы не будем употреблять термин «военная демократия» — он неудачен как общее обозначение интересующей нас стадии развития общества. Далеко не все чифдомы были демократичными. Остановимся на термине «чифдом». Под этим термином имеется в виду развитое доклассовое и догородское общество. Его технологическая база — не ниже поздненеолитической или эпохи раннего металла (производство копалки, мотыги и ранней формы сохи). По характеру производственных и социальных отношений вторая фаза заметно отличается от первой. Действительно, хотя чифдом имеет и много такого, что объединяет его с обществом ранней древности, в нем уже выделились вожди, обладающие привилегиями, и социальные группы, окружающие вождя, — жрецы, военачальники и т. п. Однако эти группы складываются не как правовые, а как неформальные структуры. Поэтому наряду с советом вождей, дружиной, жрецами существует и народное собрание, объединяющее всех, носящих оружие. (Не исключено выступление в собрании и даже в совете и женщин.) Структурированность общества, в соединении со строжайшей регламентацией всех сторон жизни каждого, — это то, что отличает первобытнообщинную фазу от собственно первобытной. Маркс и Энгельс, рисуя общество первобытной свободы, все еще находились под влиянием руссоистских идей. На самом деле свобода личности была чужда этой фазе человеческой истории, но сильно было чувство коллектива.

Однако есть не меньше важнейших черт, объединяющих вторую фазу исторического процесса с первой, собственно первобытной фазой. Прежде всего, как в первой, так и во

второй фазе существует нерушимая социально-психологическая общность между определенной группой людей и землей, которую она занимает,— общность, доходящая до идентификации. Никакое отчуждение земли не мыслится как возможное. Далее, хотя в общине есть известный привилегированный социальный слой, в ней нет эксплуатируемого производящего класса, который противостоял бы господствующему непроизводящему классу. Сельскохозяйственное (включая скотоводческое) производство, так же как и ремесло, осуществляется всей массой носящего оружие населения. Рабство не было неизвестно, но это было патриархальное рабство; положение раба мало отличалось от положения членов семейства, в котором вполне полноправным в любом случае был только его глава; рабский труд не являлся определяющим в общественном производстве.

Чифдами были очень многие из обществ родо-племенной структуры, которые в нашей историографии числятся как первобытные. Их устройство принимает довольно разнообразные формы, не сводимые к простой формуле род — племя. Хозяйственной единицей во второй фазе обычно является домашнее хозяйство (household), осуществляемое либо индивидуальной семьей, либо, по мере появления сыновей, внуков и их брачных ячеек,— большой семьей⁷. Но и большая семья не является «собственником» земли, на которой она хозяйствует, она является частью большего объединения, lineage, связанного отдаленным, действительным или ритуальным родством. Lineage не обязательно совпадает с родом (кланом), как и домашнее хозяйство не обязательно совпадает с семьей в современном понимании слова. Племя, имеющее вождя, управляемое племенным собранием и образующее племенной совет, тоже не обязательно сводится к lineage, не говоря о том, что могут существовать и союзы племен, также имеющие свои органы управления. Ощущение тождества людей и их земли сохраняется и на этой стадии. Существенно, что, если не считать более или менее спорадических случаев порабощения пленных, деление общества на антагонистические классы, противостоящие друг другу в процессе производства, отсутствует. И нет крупных хозяйств, требующих учета, так же как нет и религиозных положений, требующих фиксации. Поэтому нет письменности⁸.

Едва ли не первыми из чифдомов, по Уровню, жизни обогнавшими многие другие и во многом приблизившимися к обществам древней фазы (создание поселков городского типа, храмов), были те, которые создали культуру Чатал-Хююка на западе полуострова Малая Азия (± 6000 г. до н. э.). Как и в случае последующих, уже собственно древних культур Западной Азии и долины Нила, экономика Ча-

тал-Хююка, по всей видимости, базировалась на освоении диких ячменей для искусственного разведения и на приручении крупного рогатого скота. Культура Чатал-Хююка и другие родственные ей культуры (Мерсин, Иерихон) погибли в VI тысячелетии до н. э., видимо, вследствие наступления длительной эпохи сухого и жаркого климата, но ее достижения были восприняты на Балканском полуострове и распространены дальше.

Чифдомы со временем широко распространились по всей Евразии. Первобытнообщинным было, видимо, социальное устройство первых индоевропейцев, составлявших единый диалектный континуум (возможно, генетически они были связаны с культурой Чатал-Хююка). В благоприятных условиях природной среды (по нашему предположению — в Юго-Восточной Европе) они достигли высокого развития как земледелия, так и молочно-мясного скотоводства и тем самым — резкого снижения детской смертности и быстрого роста населения. Это привело к постепенному растеканию индоевропейских диалектов и культур, которые их носители передавали другим популяциям и на все большие части Европы и Азии; здесь с ними сливались не столь многочисленные собственно первобытные группы населения, которые сами становились носителями и передатчиками этих же диалектов и культур.

Нечто аналогичное (хронологически — на более раннем этапе) происходило, видимо, среди носителей афразийских языков (в том числе семитских), а также сино-тибетских и т. п.

Ко второй фазе (первобытнообщинной) относились позже образовавшиеся чифдомы разных частей света (видимо, Зимбабве с династией Момотапы в Юго-Восточной Африке XI—XVI вв., «империя» зулусов в Южной Африке XIX в., «государства» Гавайи, Самоа и маори в Океании и другие подобные образования). Не для всех из них выяснено, отсутствовал ли там явно вычлененный класс, эксплуатируемый в процессе производства (а не какие-нибудь, например, этнически обособленные и просто ограбляемые группы), и были ли поборы с какой-то части населения нерегулярными и случайными или же регулярными. При существовании систематически эксплуатируемого класса и регулярных поборов общество следует относить к третьей фазе, т. е. к ранней древности. В Америке многие племена зон тайги на севере и джунглей на юге, да и в степи еще задерживались в первой фазе, но многие племена Североамериканского континента (ирокезы, дакоты), видимо, были во второй фазе или в фазовом переходе к ней. Все еще ко второй, а не к третьей фазе, вероятно, относятся некоторые значительные индейские со-

циумы, например хопи и др. (культура пуэбло); в фазовом переходе от второй к третьей фазе были астеки и майя⁹, но андские («инкские») цивилизации, по-видимому, относились к третьей фазе истории (древней общинной).

По уровню технологии общинные социумы второй фазы — в основном земледельческо-скотоводческие. Чисто скотоводческие (кочевые) социумы относятся к более позднему периоду, и о них речь пойдет ниже. Развитие земледелия базируется на освоении металла — появляется мотыга, а затем и: первобытный плуг, борона и т. д., первобытное металлическое оружие — топор, кинжал, копье, простой лук, металлический колпак, примитивный щит.

Третья фаза

(ранняя древность)

По мере четкого вычленения эксплуатируемого класса, противостоящего (пока не расчлененному) классу свободных, система управления социумом институционализируется, получает постоянную общепризнанную структуру, аппарат принуждения — и превращается в государство. Вместе с оформлением, с одной стороны, четко определившегося эксплуатируемого класса, а с другой — государственного аппарата кончается вторая историческая фаза и начинается третья — фаза ранней древности, первая для классового общества.

Исходя из определения способа производства как зависящего от характера отношений собственности и соединения рабочей силы со средствами производства, мы должны рассматривать древность не как один способ производства (тем более не как рабовладельческий способ производства), а как две четко различающиеся фазы. Мы условно назовем их третьей фазой (ранняя, или общинная, древность) и четвертой фазой (поздняя, или имперская, древность).

Фазовый переход к общинной древности от общинной первобытности (второй фазы) начинается с создания больших хозяйств. Создаются они либо для поддержания культа главного местного божества, либо для содержания вождя с его окружением. Такой вождь в нашей историографии обычно называется царем, в отличие от средневековых монархов — королей; традицию эту трудно нарушить, она слишком укоренилась, хотя слово «царь», как известно, происходит из латинского *seasag* и значит «император». Власть «царей» ранней древности по большей части была очень далека от императорской; они гораздо больше были похожи — в том числе чисто типологически — на древних восточноевропейских князей, и так их, собственно, и следовало бы называть.

Большие храмовые (жреческие) и «княжеские» хозяйства велись силами людей особого, трудящегося класса, отличного от класса свободных. Последний включал как знать, так и

рядовых земледельцев (или скотоводов)—воинов; они различались по авторитетности, по положению в генеалогической и управленческой структуре (как гражданской, так и военной), но между знатью и воинами не было непреходимой социальной границы.

Эксплуатируемый класс имел разное происхождение. Это могло быть покоренное аборигенное население (как в Спарте или Фессалии) или просто первоначальное население тех сельскохозяйственных земель, которые были в какой-то момент отведены на содержание храмов и/или вождя-царя. Число собственно рабов среди них было невелико. Из наступательного оружия воин имел только копье с медным наконечником, короткий кинжал, иногда пока еще весьма несовершенный лук, а из оборонительного оружия — только медную шапку; коней не было (в древнейшем израильском поэтическом произведении — Песне Деборы, Суд. 5, XII в. до н. э. — знать обозначена как «ездящие на ослицах», но чаще и знать сражалась в пешем строю). При таком положении брать в плен и содержать пленных в рабстве было практически невозможно: поэтому всех пленных воинов убивали ударом топора по затылку, а захватывали только женщин и подростков. В составе патриархальной семьи пленные подростки становились ее младшими членами, женщины — наложницами. Большая часть мирного покоренного населения пополняла ряды эксплуатируемых, особенно в государственном секторе, но, за исключением некоторых древних государств, например, III династии Ура в Месопотамии («Царство Шумера и Аккада»), им фактически предоставлялась возможность вести семейную жизнь, и они не подлежали купле-продаже. Я предложил, ради краткости и удобства, называть этот древний эксплуатируемый класс илотами, хотя и отдаю себе отчет в том, что этот термин традиционно и по происхождению относится только к Спарте, где у илотов были свои особенности, не имевшие всемирно-исторического распространения.

Образование эксплуатируемого класса можно, по-видимому, связать с переходом от каменных орудий к металлическому оружию. Пантеон олицетворяемых волевых начал — божеств принимает характер небесного государства.

Возникновение эксплуатируемого класса означает возникновение прибавочного труда; отсюда, однако, не вытекает, что весь господствующий класс живет за счет прибавочного труда всего эксплуатируемого класса. Значительная часть свободных сама продолжает участвовать в производстве продукта. Существование свободных крестьян и ремесленников, являвшихся одновременно и войском, — характеристический («диагностический») признак как третьей фазы истори-

ческого процесса (ранней древности), так и четвертой фазы (имперской древности).

Все человечество в третьей фазе (ранней древности), так же как в предыдущей (первобытнообщинной) фазе, находилось в состоянии непрерывного, чаще всего вооруженного противостояния между социумами. При переходе к медному оружию стычки превратились в кровопролитные войны. Поэтому более мощная оборона становится совершенно необходимой: возникают укрепленные города — центры минимальных государственно-административных образований — *номов*. Пользуясь аэрофотосъемкой и массовым изучением подъемного керамического материала, Р. М. Адаме и Н. И. Ниссен смогли показать на примере Месопотамии и долины р. Диялы постепенное исчезновение мельчайших населенных пунктов на равнине в течение IV — начала III тысячелетия до н. э. и сосредоточение жителей за стенами городов. Города стали центрами обитания свободного населения, администрации, хранения и распределения продуктов и центрами ремесла. Каждый город, как правило, являлся центром нома.

Наша наука называет общественные стадии начиная с ранней древности классовым обществом, западная — городским (*urban society*). Все же деление на классы кажется нам относящимся к явлениям причинным, а возникновение городов — одним из следствий, поэтому марксистский термин «классовое общество», нам представляется, следует сохранить. В любом случае речь идет о цивилизациях¹.

Первое классовое общество (третья фаза, или ранняя древность) не развивается равномерно и одинаково — оно имеет различные пути развития, в основном обусловленные экологией. В Западной Азии, где оно возникло ранее всего, можно констатировать следующие основные пути развития.

Один из путей общества третьей фазы на ее раннем этапе лучше всего изучен на материале Шумера. В экономическом отношении общество Шумера разделялось на два сектора. В первый входили крупные хозяйства, которыми владели храмы и верхушка должностных лиц нарождавшегося государства. Эти хозяйства в течение первых столетий письменной истории постепенно вышли из-под ведения общинных органов самоуправления. Во второй сектор входили земли, свободное население которых участвовало в органах общинного самоуправления; этими землями в пределах территориальных общин владели большесемейные общины во главе со своими патриархами. На третьем-четвертом поколении домашняя община обычно делилась, но разделившиеся общины продолжали считаться родством, могли иметь общий культ предков, обычаи взаимопомощи и т. п.

В дальнейшем хозяйства первого сектора стали собственностью государства, хозяйства же второго (общинно-частного) сектора остались под верховной собственностью территориальных общин и во владении глав семей; практически такое владение отличалось от полной собственности лишь тем, что пользоваться и распоряжаться землей по своей воле могли только члены территориальных общин (соседских, сельских, затем и городских).

Общинники, т. е. свободные члены хозяйств общинно-частного сектора, как правило, работали на земле сами и с помощью только членов своей семьи. Однако в пределах домашних общин, и в особенности между родственными домашними общинами, существовало имущественное неравенство. Оно зависело от социального положения глав отдельных семей (так, некоторые общинники были жрецами, старейшинами и т. п.), от случайной удачи или неудачи, от умения отдельных членов распорядиться своими средствами, так как движимое имущество, в отличие от дома или поля, принадлежало лично каждому члену семьи в отдельности. Некоторые семьи общинников — на основе обычаев взаимопомощи или же давая продукты в долг менее удачливым однообщинникам — могли пользоваться и чужим трудом; иногда имелись и рабы, о которых речь пойдет ниже.

Люди, расселенные на землях, ставших впоследствии государственным сектором, могли только условно владеть землей. Она давалась им для пропитания и как плата за службу или работу индивидуально, на малую, а не на большую семью, т. е. сыновья и внуки несли службу отдельно от своих отцов и дедов. У каждого из них земля могла быть отобрана или заменена на другую по усмотрению администрации. Многие работники государственного сектора земли вообще не получали, а получали только паяк. Однако и среди государственных людей были состоятельные по тем временам личности, пользовавшиеся чужим трудом и имевшие рабынь и рабов. Это были чиновники, военная верхушка, квалифицированные ремесленники. Им выделялась также некоторая часть продукта, созданного земледельческими работниками храмового или правительственного хозяйства. Они могли иной раз очень высоко подняться по служебной лестнице, именно из их числа в основном пополнялся административный аппарат; некоторые из них, хотя и не имели своей земли в собственности, фактически управляли хозяйствами государственного сектора. Но среди государственных людей были и собственно рабы и особенно рабыни, которых можно было покупать и продавать.

Таким образом, общество, сложившееся в III тысячелетии до н. э. вдоль нижнего Евфрата, разделилось на сословия.

К одному из них принадлежали члены свободных общин, участвовавшие в общинной собственности на землю и обладавшие правами общинного самоуправления, а первоначально и правом избрания вождя-правителя.

К другому сословию принадлежали члены персонала храмового или правительственного хозяйства, лишенные собственности на средства производства, владевшие землей только с условием служить и работать или вовсе не владевшие и получавшие только паек. Но в числе их могли быть также администраторы.

Кроме того, были рабы, которые стояли как бы вне сословий, поскольку с ними можно было в принципе обращаться как со скотом. Но по существу и они представляли собой особое, бесправное сословие.

Таково было деление общества, как оно социально-психологически сознавалось самими древними.

Обратим особое внимание на рабов, которые не только были лишены собственности на средства производства, но и сами являлись собственностью эксплуатирующих; таким образом, они были как бы живыми орудиями труда. Именно эксплуатация рабов была наиболее полной, а следовательно, наиболее желанной для господствующего класса любой фазы исторического процесса. Производительность рабского труда в третьей фазе при постоянном наблюдении за ним и при тогдашних крайне примитивных орудиях труда пока еще существенно не отличалась от производительности труда крестьянина-общинника, но раб не смел иметь семью, а те члены эксплуатируемого класса, кто не являлся собственно рабами, должны были содержать и семью на свой паек или урожай с надела. Для хозяина было удобнее не давать рабу прокорма на семью и ежедневно заставлять больше работать. Это было выгодно, и при всяком удобном случае хозяева во все эпохи старались и других эксплуатируемых лиц превращать в настоящих рабов. Но институт рабства был прежде всего изучен для эпохи древности. Поэтому в марксистской историографии древнюю экономику мы до сих пор называли рабовладельческой, а подневольных людей третьей, да и четвертой фазы часто обозначали как класс рабов «в широком смысле слова», что вряд ли можно считать приемлемым. Рабство не есть диагностический признак какой-либо определенной фазы исторического процесса.

На самом деле в ранней древности максимальная, «классическая» эксплуатация рабов была, как правило, неосуществимой. Обратив в рабство пленного мужчину при том вооружении, какое имел воин ранней древности, было делом затруднительным. Обратив однообщинника в полного раба тоже было нельзя, потому что он был связан родственными

и культовыми узами с другими общинниками, и они приходили ему на помощь. Например, в течение около тысячи лет в долине нижнего Евфрата общинники добивались периодического освобождения всех своих земляков, попавших в рабство за долги. Если даже иноземец был взят в плен в бою, все равно насильственно заставить его работать было трудно и небезопасно, если только не создать для него сколько-нибудь сносные условия существования.

В частных хозяйствах у общинников не было возможности выделять пленным еще особый надел, не было и возможности держать пленных рабов под охраной на полевых работах. Поэтому здесь могло существовать только патриархальное рабство. Это значит, что из пригнанного полона в дом брали либо девушек и молодых женщин (с которыми рабовладельцы приживали детей), либо мальчиков, которые были в таком возрасте, что могли привыкнуть к дому и почувствовать себя принадлежащими к нему. Рабыням и рабам поручали преимущественно тяжелую работу в самом доме (лепить горшки, ухаживать за скотом, прясть и ткать, варить пищу, молотить зерно между двух камней — это был особенно тяжелый труд — и т. п.). В поле мальчикам-рабам и рабыням поручалась подсобная работа вместе с членами семьи — погонять волов, полоть, жать, вязать снопы, — но пахота и сев им не доверялись. Труд рабов в доме спорился не только потому, что они были под постоянным наблюдением хозяев, но и потому, что они участвовали с хозяевами в одном общем производственном процессе; немаловажным было и фактическое родство многих рабов со своими хозяевами, а также незначительная разница в бытовых условиях между хозяевами и рабами; сами хозяева тоже питались скудно, одевались более чем скромно. Мелкому хозяйству, будь то на «своей» (общинной), будь то на казенной (храмовой, дворцовой) земле, рабов много и не требовалось — можно было обойтись и без них.

На храмовой земле работников требовалось много, но держать на полевых работах целые отряды рабов было невозможно — не хватило бы надзирателей. В то же время здесь не было и «хозяйской» семьи, которая могла бы сама пахать и сеять. Поэтому в рабском положении тут держали обычно только женщин, а мужчин-пленных и детей рабынь приравнивали к остальному трудящемуся персоналу больших хозяйств; этот персонал мог происходить из числа младших братьев в обедневших домашних общинах, из беглецов, искавших убежища под защитой храма или соседского вождя — либо при разгроме их родного города, либо в случае катастрофической засухи или наводнения у них на родине и т. п. Не исключена возможность, что когда-то община не

только выделила землю храмам и вождям, но одновременно и обязала часть своих членов работать в храмовых и правительских хозяйствах. Таким образом, получали ли работники государственного сектора только паек или еще и земельный надел, они (хотя и подвергались эксплуатации путем внеэкономического принуждения и были лишены собственности на средства производства) все же были не совсем в рабском положении.

Они не обязательно происходили из пленных, даже чаще это были местные жители. Им разрешалось иметь движимое имущество, а нередко свой дом и семью и даже изредка скот — все это, правда, не в собственности, а в условном владении. Так как им не разрешалось покидать имение, в котором они работали, то их нередко обозначают как крепостных. Но поскольку они не имели собственности на средства производства, они отличались от средневековых зависимых крестьян, так как находились все-таки в зависимости, сходной с рабской. Поэтому во избежание путаницы мы и будем здесь и далее называть их тем термином, которым в Греции называли государственных рабов, посаженных на землю и имевших собственное хозяйство: илоты.

Илоты в нашем понимании представляют собой эквивалент патриархальных рабов в пределах государственной собственности.

Опираясь на персонал постепенно захваченных ими в свои руки мощных государственных хозяйств, правители отдельных номов или городов-государств создавали многочисленные дружины, независимые от совета, народного собрания и других общинных органов самоуправления. Это позволило правителям, поддержанным группировкой бюрократии, созданной из их личных приверженцев, стать выше отдельных номов и создать деспотическую, т. е. не ограниченную никакими другими законными органами, единую царскую («княжескую») власть, и притом в пределах всей ирригационной сети Нижней Месопотамии — страны между реками Тигр и Евфрат. Соответственно в государственном секторе создается тогда же единое царское («княжеское») илотское хозяйство, поглощающее хозяйство храмов. Частные хозяйства внутри общинного сектора и при описываемом пути развития общества все же сохраняются. Заметим, что степень их вовлеченности в товарный обмен все время остается низкой.

При этом вследствие сезонного характера земледелия, составлявшего экономическую основу общества, более слабые хозяева не могли обходиться без регулярных натуральных кредитов, предоставляемых более знатными и сильными хозяевами. Это привело к развитию ростовщичества, настояще-

го бича большинства обществ третьей фазы, и содействовало хроническому застою в экономическом развитии.

Кроме того, в ходе дальнейшей истории выяснилось, что содержание государственного сектора за счет ведения им самим собственного хозяйства с помощью больших масс эксплуатируемых рабского типа не только в третьей фазе, но и во все эпохи было нерентабельным: оно требовало слишком больших непроизводительных затрат на управление и надзор. С середины II тысячелетия до н. э. государство начинает взимать прямые налоги и дань со всего населения.

Налог как таковой может в принципе и не носить характера эксплуатации, если он собирается на необходимые для всех мероприятия; но в данном случае налог имел также целью изъятие прибавочного продукта у зависимого трудящегося класса.

Различие между государственным и общинно-частным секторами тем не менее остается, хотя и на государственной, и на общинной земле существуют совершенно однотипные частные илотовские или рабовладельческие хозяйства; разница заключается в характере собственности и владения, а именно: владение государственной землей не связано с собственностью на нее, а владение общинной землей предполагает долевое участие в общинной собственности.

В обмене ведущую роль в первой фазе древности играла международная торговля (через посредников — на большие расстояния). Эту торговлю вели на свой страх и риск либо государственные агенты, либо специализировавшиеся на обмене общины семейного типа, члены которых не состояли на государственной службе. И те и другие были тесно связаны с новым государством, но оно не столько контролировало их международную деятельность, сколько обеспечивало себе доход от нее. Перераспределение продукта происходило через город и поселки городского типа, где и действовала государственная администрация. Внутри городской общины господствовали в основном натуральные обменные отношения, централизованное государственное распределение и слабо-развитый внутренний рынок.

Обмен как на внутреннем, так и на внешнем рынке нередко происходил в порядке неэквивалентной «взаимопомощи» или обмена дарами, обычно тоже неэквивалентными («потлач»).

Таким был в третьей фазе (в ранней древности) один из путей развития общества. Он характеризовался сосуществованием двух экономических секторов — государственного и общинно-частного при преобладании первого. Этот путь развития был характерен для долины нижнего Евфрата и для соседних долин рек Карун и Керхе (древний Элам).

Создание крупного хозяйства привело к необходимости учета и к созданию письменности, распространившейся затем и на другие западноазиатские цивилизации.

На землях, не обладавших благодатной урожайностью наносного ила великих речных долин, классовое общество складывалось по тем же описанным выше законам, но другим путем. Во-первых, для достижения того более высокого технологического уровня, при котором в сельском хозяйстве стал возможен прибавочный продукт, здесь требовалось значительно больше времени. При этом наряду с освоением зерновых культур обычно играли роль и другие факторы. Так, скотоводство, культивирование винограда, оливок, добыча металлов позволяли через обмен принимать участие в извлечении прибавочного продукта в собственно земледельческих странах. Во-вторых, тут не было необходимости в создании и поддержании трудоемких и обширных ирригационно-мелиоративных систем. Соответственно здесь храмы и вождь-жрец играли несравненно меньшую роль, и общинно-частный сектор был гораздо важнее государственного. Правда, из-за того что эти общества достигали уровня классовой цивилизации позже, Нижняя Месопотамия (а также Египет, о котором — ниже) успела оказать на них могучее культурное влияние, направленное, между прочим, как раз на усиление авторитета храмов и царской власти.

Древнейшие западноазиатские общества подобного пути развития дают разнообразную картину соотношения между государственным и общинно-частным секторами: где сильнее один, а где — другой. Кроме того, поскольку отсутствовали обширные и многочисленные оросительные системы, которые можно было бы с успехом и пользой объединить, тут и не возникли монолитные деспотические царства, подобные царству на Ниле и менее устойчивым царствам в Месопотамии. Здешние «державы» (Ахейская, Хеттская, Митаннийская, Среднеассирийская, египетская «империя» в Сирии времен Нового царства) имели скорее характер военных союзов, в которых более слабые городские или «номовые» государства обязывались платить дань и оказывать военную помощь более сильному, центральному государству. К этому пути развития древнейшего классового общества относились в III и главным образом во II тысячелетии до н. э. все общества Малой и Передней Азии (за исключением Нижней Месопотамии и равнин Керхе и Каруна), а также общества вокруг Эгейского моря в Восточном Средиземноморье. В начале I тысячелетия до н. э. к тому же типу, видимо, все еще принадлежали различные общества переднеазиатских и малоазиатских нагорий, Греции и, возможно, Италии (Этрурия, другие мелкие государства Италии, в том числе и Рим).

Основная масса населения государств третьей фазы (ранней древности) была прямым потомством населения предыдущей фазы. Отсюда социально-психологическая близость к первобытнообщинным структурам. Идеология царской власти вырабатывается медленно и основывается на использовании генеалогической системы общинных пантеонов и культов плодородия. Мы мало знаем о социально-психологической жизни эксплуатируемого класса, но, по-видимому, она не вступала в противоречие с идеями, унаследованными из первобытнообщинного прошлого. Что же касается рабов, то собственной идеологии у них не было. Самое большое, о чем они мечтали, — чтобы они стали хозяевами, а хозяева — рабами. Даже Спартак не предлагал своим сторонникам ничего иного.

Наряду с основными для Ближнего Востока путями развития третьей фазы исторического процесса был еще один, которого мы пока не касались. Это — египетский путь развития. Весь Верхний Египет вытянут узкой лентой вдоль единой водной магистрали — Нила; лишь в Нижнем Египте Нил расходится веером русел — Дельтой. По-видимому, из-за того что номы Верхнего Египта примыкали цепочкой друг к другу, стиснутые между Нилом и скальными обрывами на краю пустыни, здесь были неосуществимы многосторонние политические группировки, которые давали бы возможность, используя борьбу и соперничество соседей, обеспечивать отдельным номам с их самоуправлением достаточную независимость. Столкновения между номами неизбежно приводили к их объединению «по цепочке» под властью сильнейшего, а то и к полному уничтожению строптивого соседа. Поэтому уже в самую раннюю эпоху в Верхнем Египте появляются цари с признаками деспотической власти над отдельными номами и всей страной, позже завоевывающие и Нижний Египет. Хотя, по всей вероятности, и в Египте раннего периода параллельно государственному сектору (куда входили храмовые и царские, а может быть, и вельможные «дома») тоже существовал и общинно-частный сектор, но последний был вскоре без остатка поглощен государственным. Это не мешало тому, что и в пределах государственного сектора возникали отдельные хозяйства, экономически автономные. Развитие частных рабовладельческих хозяйств происходило на формально государственной земле, и эти частные хозяйства черпали рабочую силу (илотскую) из государственных фондов, помимо того что они имели и собственных рабов. Работникам вменялось в обязанность выполнение определенного урока на хозяйство, которому они были подчинены; произведенное сверх урока могло поступать в их пользу с правом распоряжаться этой своей долей продукта.

Начиная с эпохи Среднего царства (ок. 2000 г. до н. э.) вырабатывается система, согласно которой вся основная масса трудящегося населения числится как «царские хемуу»². Все они по достижении определенного возраста подлежали распределению по профессиям (к которым относились земледельческие и различные ремесленные, но сюда же входила и профессия воина). Все они затем распределялись по царским и храмовым хозяйствам, но из них же черпали для себя работников и «частные» хозяйства представителей знати, в основном входившей в состав администрации и высшего жречества³.

Помимо царских хемуу отдельно существовали и собственно рабы, *баку*, но их роль в производстве была совершенно второстепенной.

Система эта претерпевала различные частные изменения во времена Нового, Позднего царства, эллинистического и римского периодов, но принцип управления всеми производящими хозяйствами из государственного центра неизменно сохранялся. С введением железных орудий и более совершенного вооружения этот принцип не изменился. Поэтому египетская история, хотя и обнаруживает известные изменения общественных форм, в целом не являет подлинного общественного прогресса. Бюрократическое управление страной периодически приводит к возникновению полного хаоса (это так называемые Переходные периоды, длившиеся 200—300 лет, между Древним и Средним царствами, несколько меньше между Средним и Новым, Новым и Поздним, и т. д.). Эти периоды хаоса нельзя считать фазовыми переходами, и египетский путь развития можно с уверенностью назвать тупиковым. Подобные тупиковые пути можно наблюдать и во многих последующих фазах общественного развития, и не только в Египте.

Отличие египетского от других путей эволюции общества древности отразилось и на социально-психологическом облике египетского общества. Мироздание мыслится здесь перевернутым по отношению к тому, что мы наблюдаем в концепциях остального человечества (небо в Египте — женское начало, земля — мужское), а типичный для всей третьей фазы культ плодородия принимает характер культа мертвых и жизни в смерти.

В XV в. до н. э. фараон Эхнатон попытался провести религиозную реформу, введя учение об универсальном солнечном верховном (в принципе едином) божестве Атоне. Эта реформа несколько раскрепостила изобразительное искусство, до того (и позже) развивавшееся в строгих канонических рамках; к этому времени относится творчество гениального скульптора Джахутимеса. Однако реформа не пережила

своего создателя: она не обещала ничего положительного в социально-психологическом плане.

Во всемирном масштабе (в пределах круга классовых обществ) эпохой господства отношений, типичных для ранней древности, являются III и II тысячелетия до н. э. Но производственные отношения третьей исторической фазы (первой для классового общества) возникают не обязательно в хронологических рамках классического Востока. Тот же характер общественного развития может быть прослежен в ряде регионов земного шара и гораздо позже, а в тропических, горных и предгорных условиях этот тип может задерживаться и даже создаваться и воссоздаваться вплоть до второй половины II тысячелетия н. э.

Общества, типологически относившиеся к общинной древности (третьей фазе), помимо описанных нами выше, пока трудно классифицировать по «путям развития». Мы отметим лишь, что к этой социально-экономической фазе относились: в Китае — государство Инь и все остальные государственные образования, предшествовавшие империи Цинь, т. е. вплоть до III в. до н. э.; в Японии — по всей видимости, вся раннегосударственная эпоха вплоть до периода Нара (III—VI вв. н. э.); в Европе — прежде всего крито-микенская цивилизация II тысячелетия до н. э. (а в I тысячелетии до н. э. — этрусская); равным образом и значительно более поздние, но типологически ранние государства Севера и Востока — англосаксонские до IX в. н. э., скандинавские и славянские до XII в.⁴. В Африке к типу ранних древних обществ надо, возможно, отнести государства Малинке, Сонгай VII—XV вв. н. э., государства народа хауса (с X—XI вв. н. э.) и государства Конго, Буньоро и Буганда (с XVIII в.) и др., в Америке — андскую (инкскую) цивилизацию⁵ и, с оговорками, майяскую и астекскую. Все три или лишь последние две следует отнести к фазовому переходу.

Значительная часть обществ третьей фазы была окружена мощной племенной (первобытнообщинной) стихией, все меньше уступавшей им в военной силе. Историю этой стихийной силы ни в коем случае нельзя упускать из виду. Мне хочется подчеркнуть, что речь не идет о мифических массовых миграциях индоевропейских по языку племен. Я уже не раз говорил о том, что распространение индоевропейских языков, в том числе и как носителей какой-либо определенной культуры, не имело характера массовых воинственных кочевых передвижений типа гуннского или монгольского (заметим, что оба последних, во-первых, относились к пятой фазе и, во-вторых, не привели к распространению гуннского и монгольского языков на завоеванные территории). Подчеркнем еще раз, что «передвижение» популяций Евразии во второй

фазе происходило в основном за счет индоевропеизаций окрестных племен, как правило принимавших и первобытно-общинный строй вместо господствовавшего у них до тех пор раннепервобытного (первой фазы). Индоевропейские языки не столько мигрировали, сколько растекались.

Во всяком случае, движение племен, индоевропейских по языку, не имеет никакого отношения к падению некоторых цивилизаций ранней древности, о которых пойдет речь. Дело в том, что в пределах ранней древности есть и разительные, имевшие серьезнейшие исторические последствия примеры замирания исторического процесса и возобновления его в несколько иных условиях. Речь идет об индской и крито-микенской цивилизациях ранней древности.

Государства индской цивилизации имели, скорее всего, дравидоязычное население. Распад их следует, по всей вероятности, приписать кризису в их бюрократической структуре, приведшему к экономическому хаосу. Это же явление наблюдалось в Шумере при падении «царства Шумера и Аккада» (III династия Ура) около 2000 г. до н. э., в Египте в конце Древнего царства около 2200 г. до н. э., вероятно, в Хеттском царстве в XIII в. до н. э. (нападение «народов моря» здесь лишь привело к кульминации и так уже нараставшего кризиса). Индская цивилизация распалась после XVIII в. до н. э.; лишь остатки ее (Лотхал, Калибанган) дотянули до XV—XIII вв. до н. э. или просуществовали дольше. Крито-микенская цивилизация распалась к XIII в. до н. э. Население государств крито-микенской цивилизации было частично аборигенным, частично греческим (ахейским); какую роль в их падении сыграли внутренние процессы, какую — природные (в начале XV в. до н. э. гигантское землетрясение разрушило один из важных центров крито-микенской цивилизации — о-в Феру, или Санторин, который частично ушел под воду⁶, и нанесло непоправимый ущерб Криту, затопив его побережья и засыпав поля жгучим пеплом) и какую роль сыграли вторжения каких-то новых племен — пока сказать трудно.

Южная Месопотамия и Египет оправились от кризиса, первая — в течение полутораста лет, второй — за более длительный промежуток времени. Падение же хеттской, индской и крито-микенской цивилизаций открыло путь к проникновению на их бывшие территории нового первобытнообщинного населения, не имевшего отношения к их падению. --

В случае Хеттского царства это были протоармяне (мушки), пересекшие территорию Малой Азии в течение XII в. до н. э., а затем фригийцы в VIII (?) в. до н. э. (те и другие с Балкан⁷), в случае индской цивилизации это были арии (ветвь носителей индоевропейских языков), появление кото-

рых в Северной Индии датируется XV—XII вв. до н. э., а в случае крито-микенской цивилизации это были ионийские, дорийские и эолийские греки, продвинувшиеся на ее бывшие земли с более северных территорий между XIII и XI вв. до н. э. Еще раз подчеркнем, что эти процессы были не чисто миграционными, но характеризовались растеканием новых индоевропейских языков на осваиваемые территории.

Как показывают общая для индоариев и древних восточных иранцев социальная и правовая терминология и некоторые общие институты, те и другие уже достигли весьма высокого общественного уровня типа чифдомов еще на их общей среднеазиатской родине. Труднее судить об уровне общества ионийцев и дорийцев до их появления в собственно Греции. Но так или иначе в обоих случаях население Индии и Греции начинало на новых местах фазовый переход от второй фазы (первобытнообщинного строя) к третьей (ранней древности). Несколько односторонне рисуют нам эту картину гимны Вед, относящиеся, видимо, к началу I тысячелетия до н. э. Гомеровские поэмы, окончательно оформившиеся, вероятно, в VIII—VII вв. до н. э. и рисующие картину общества, реально существовавшего три-четыре поколения ранее, но сохранявшегося в памяти, дают нам едва ли не самую наглядную картину чифдомов.

Заметим, что ранняя древность, заново начавшая складываться в Греции, существенно отличалась от того общества, которое впервые сложилось на Ближнем Востоке. Там возникновение государственного сектора в третьей 'фазе' было в значительной мере связано с ирригационным характером земледелия, организованного в довольно крупном масштабе. Однако не только в ирригации было дело: государственный сектор занимал ведущее положение и в Хеттском царстве, и на Крите, и в Микенской Греции, где ирригация такой роли не играла. Поскольку именно неэффективность государственного сектора привела к гибели эти цивилизации, постольку именно этот сектор и подвергся наибольшей деструкции. И в следующей фазе роль государственного сектора в Греции была все еще велика лишь в отдельных регионах — в Спарте, отчасти в Фессалии. В большинстве же греческих общин, намного позже гибели царских хозяйств Микенской Греции перераставших в города-государства (полисы), государственный сектор практически вновь уже не возникал; существовал лишь общинно-частный сектор, в котором все большее значение приобретали частные хозяйства. Отсутствие государственного сектора обусловило отсутствие или ликвидацию царской власти (не только абсолютной, но и ограниченной) и массовое установление в греческих государствах республиканского строя.

Отсутствие крупных государственных хозяйств и в основном республиканский характер государств, где могло активно действовать все свободное население, позволили в полисном мире избавиться от едва ли не главного бича третьей фазы — ростовщичества. Система кредита была введена в строгие рамки (Солон в Афинах, 594 г. до н. э.), теперь чисто торговые. Все это имело огромное социально-психологическое значение. Именно здесь впервые выработалось понятие «свобода» (*eleutheria*), означавшее полную независимость индивида; все формы зависимости, в том числе всякое подчинение царской власти (вместо характерного для греков общинно-городского самоуправления), квалифицировались греками как «рабство» (*doulosynē*). Возможность развития греческих полисов в этом направлении была связана еще и с тем, во-первых, что они сложились уже в железный век, а во-вторых, с тем, что они были в постоянном контакте с развитыми классовыми цивилизациями, а также с прибрежными чифдами, вовлеченными в систему торгового обмена. Если на Востоке развитие торговли сильно ограничивалось постоянными препятствиями, чинившимися царской властью (о чем речь пойдет ниже), то на Средиземном море не было препятствий для торговли и частного обогащения.

Мифологию, как и локальный характер культов и слабость этического начала в религии, греки унаследовали от первобытнообщинной эпохи (второй исторической фазы). С течением времени, однако, мифология все более отходила в область сказки, и являлась вырабатываться научная философия. Сначала она пользовалась, как и миф, метафорическим языком, но затем стала вырабатывать собственную терминологию и — что оказалось важнейшим для дальнейшего развития человека — научную логику (Аристотель). В рамках философии разрабатывалась и этика (Сократ). Хотя древнегреческое государство входит, согласно нашим принципам периодизации, в число регионов третьей фазы (для которой обычны небольшие «княжества»), полисный мир был обществом совершенно особого рода, который мог самым своеобразным образом повлиять на весь дальнейший ход истории человечества. Таким образом, в данном случае историческое развитие дало начало вполне нетривиальному стволу, и это имело для будущего громадные последствия.

В I тысячелетии до н. э. государства, относившиеся к третьей фазе, находились почти сплошь в Восточном полушарии. Пояс их протянулся от Испании (Тартесс) и средиземноморских побережий (финикийские и греческие колонии, республики материковой, островной Греции и ионийского побережья Малой Азии, этрусские и другие города в Италии, филистимляне — в Палестине) по всей территории Ближ-

него Востока — целая серия государств Восточного Средиземноморья, Малой Азии (Фригия, потом Лидия), Армянского нагорья (Урарту), Месопотамии (включая Ассирию) — и с ответвлением вверх по долине Нила (Египет и Нубия). Далее на Восток шли отдельные ранние государства и чифдомы Ирана и Средней Азии⁸ и возникающие новые государства ранней древности в Индии. Еще не дошла до стадии ранней древности широкая полоса земель между Черным морем и Индийским океаном — к востоку от очерченной здесь зоны. Но регион возникновения ранней древности имелся и в Китае, в основном в долине р. Хуанхэ, а затем и на смежных территориях. Это были: государство Инь (Шан) с характерным для него ритуальным убийством всей массы захваченных пленных мужчин (XIV—XII вв. до н. э.), а затем государства Западного Чжоу (XII—VIII вв. до н. э.) и целого конгломерата обществ третьей фазы в периоды Ле-го (VIII—V вв. до н. э.) и Чжань-го (V—III вв. до н. э.). Хозяйственной основой этих государств было земледелие (лишь частично ирригационное) — посевы сорго, проса и чумизы и лишь вторично — ячменя и пшеницы, а также скотоводство — разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиней. Возникновение китайской цивилизации запаздывало по сравнению с переднеазиатской и египетской на полторы тысячи лет — срок небольшой в масштабе истории человечества. Еще больше опаздывала островная Япония.

Фаза ранней древности в Японии чрезвычайно слабо освещена историками. Однако ясно, что бронзовый век, сигнализирующий о наступлении ранней древности, начинается здесь лишь со II—III вв. н. э. Согласно китайским хроникам, еще в V в. Японский архипелаг был занят пятью отдельными государствами. Объединение их всех одной «царицей» (жрицей?), может быть, относится к области легенд.

Между III и VII вв. происходила миграция новых племен из Кореи. К VI—VII вв. в Японии сложилась довольно рыхлая федерация под главенством *тэнно* (условно: «императора»); в нее входили два центра японской цивилизации — Идзума и Ямато и полоса корейского побережья — Мимана. С IV в. образуется как бы единое царство Ямато, но реальная власть все еще принадлежит местным правителям, главам знатных кланов. Полноправные члены кланов, включавших как родовую знать, так и массу свободных земледельцев, обладали собственностью на землю и средства производства при условии членства в общине. Поливные поля, на которых выращивался рис, находились в общинной собственности. Нечлены общины (клана), *бэмин*, образовывали примыкавшие к кланам профессиональные организации. Бэмин не имели собственности на средства производства, они работали на

тэнно и на клановую знать, но некоторые из них — лица, возглавлявшие профессиональные организации, — были, по существу, чиновниками; некоторые бэмин занимали важные посты при дворе тэнно. Существовали рабы и рабыни, но они имели мало значения.

Японскую религию этого времени обычно характеризуют как «ранний синтоизм», хотя на самом деле это был вообще не «-изм», не какая-либо строгая религиозно-догматическая система, а характерные для ранней древности местные культы с мифологическим осмыслением мира. В условиях коллективной работы на рисовых полях складывались характерные черты японской ментальности, типичной и для позднейших времен, — коллективизм с чертами конформизма, слаженность действий, трудолюбие.

С VI в. японцы потеряли Миману, с VII в. Корея перешла в подчинение Китая и началась миграция китайцев на острова. К этому времени восходит начало тесных культурных связей Японии с Китаем и влияние на нее китайских идеологий эпохи средневековья, в частности буддизма и конфуцианства. Среди иммигрантов было немало грамотных людей; в это время японцы заимствовали китайскую иероглифическую письменность, постепенно (с большими сложностями) приспособливая ее к собственному языку.

Эта картина соответствует фазе ранней древности.

Подводя итоги, отметим, что возникновение государств третьей фазы было связано с резким скачком в развитии производительных сил: производство достигло такого уровня, когда стал создаваться прибавочный продукт, достаточный для содержания и обслуживания господствующего класса, а также государственной организации и культовых институтов. Однажды возникнув, эти «надстроечные институты» стремятся к расширению и развитию, для чего нужен дальнейший прирост прибавочного продукта. Во второй и особенно в начале третьей фазы общественного развития этот прирост действительно был велик по сравнению с первой фазой, первобытной, и мы наблюдаем процесс экстенсивного расселения людей, увеличение числа населенных пунктов на все более широкой территории. Можно ли это рассматривать как прогресс в смысле наибольшего блага для наибольшего числа людей? Конечно, нет. Это был период роста числа благ для части общества и оскудения их для другой, куда более многочисленной его части. Но как бы то ни было, рост материального богатства приводит к наступлению периода постоянных войн (ежегодных), а это, по-видимому, явилось главной причиной урбанизации — возникновения укрепленных городов как центров управления государством, ремесла и скопления продовольственных запасов.

Четвертая фаза

(имперская древность)

Кризис обществ третьей фазы был вызван тем, что внутри каждого отдельного общества рост прибавочного продукта после первых блестящих успехов цивилизации сильно замедлялся и даже приостанавливался.

Производительность труда в течение третьей фазы значительно возросла. Это было связано с освоением орошаемого земледелия, но также с новыми достижениями в области ремесла — выплавкой медной, а позже и железной руды, технологией бронзы, — с введением плуга, гончарного круга, ткацкого станка, с проведением ирригационных каналов и изобретением первых водоподъемных устройств. В дальнейшем, однако, производительность не только не росла, но иногда даже снижалась. Так, в месопотамском сельском хозяйстве из-за истощения и засоления почвы в результате нерационального орошения более ценные культуры (пшеница) были вытеснены менее ценными (ячмень). Рост нормы эксплуатации также упирался в естественные границы: известное усовершенствование ручных орудий не могло привести к значительному увеличению производительности все того же ручного труда.

Наконец, и последний резерв увеличения абсолютного количества производимого продукта — естественный прирост населения — также иссякал. Во второй (первобытнообщинной) фазе и особенно в начале третьей фазы (ранней древности) прирост населения был действительно велик по сравнению с первой, собственно первобытной фазой, и мы наблюдаем увеличение числа населенных пунктов. Однако при возникновении урбанизации мы сталкиваемся с общей закономерностью всякого прогресса: за него нужно платить, и плата в конечном счете превышает выгоду от него. Крайняя скученность населения городов при полном отсутствии общественной гигиены приводила к частым эпидемиям и к повышенной детской смертности. Выживаемость детей в условиях

как первобытности, так и ранней древности, видимо, не превышала даже вне городов средней цифры два-три ребенка на одну женщину в возрасте, способном к деторождению, т. е. примерно соответствовала норме, едва достаточной для поддержания данной численности населения. К этому добавлялись ежегодные войны, в некоторых регионах приводившие к катастрофическим последствиям (например, к практической гибели ханаанейской цивилизации в Палестине к концу II тысячелетия до н. э. из-за ежегодного безжалостного разорения страны египетскими войсками; это привело к заселению страны пришедшими из пустынно-степной зоны израильскими племенами, находившимися во второй фазе развития).

Государствам приходилось искать вовне дополнительные источники изымаемого продукта.

До начала I тысячелетия до н. э. существовали государства только трех типов: мелкие «номовые» княжества; неустойчивые конгломераты таких государств, где более слабые платили центральному, более сильному определенную дань и оказывали ему по требованию военную помощь; наконец, относительно крупные царства, объединявшие целый речной бассейн. Единственным довольно стабильным государством последнего типа был Египет (хотя периодически и разваливавшийся и приходивший в хаотическое состояние из-за гипербюрократизации системы изъятия и распределения продукта). Всеобщий кризис обществ третьей фазы привел к необходимости решительных изменений.

Одним из способов привлечения внешних ресурсов был неэквивалентный обмен: в торговле продукт, конечно, не создается, но зато он перераспределяется, и можно попытаться перераспределить его с целью увеличения доходов господствующего класса наиболее сильных государств. В ранней древности постоянно и равномерно действующего международного рынка не существовало, и купцы, привозившие товары, в которых остро нуждались земледельческие общества, но которые производились в других местах, могли получать баснословные прибыли. Торговая прибыль в государствах ранней древности усиливала имущественное расслоение и имела тенденцию превращаться в ростовщический капитал. Большинство хозяйств из-за их сезонности (едва ли не как правило) не могли обойтись без кредита, а он принимал ростовщическую форму. Прогресса из этого не получалось.

Делались попытки вести торговлю через государственный аппарат. Этот способ оказался невыгодным: за пределами страны контроль над торговыми агентами был невозможен, и дело сводилось к их частной наживе, а контроль внутри страны был неэффективен ввиду крайней бюрократичности аппарата.

Можно было предоставить международную торговлю частным лицам (что мы кое-где в ранней древности и наблюдаем), а роль государства свести к сбору пошлин князьями. Это значило, что успех и неуспех международной торговли всецело будет зависеть от благоразумия или жадности князей, через земли которых проходили купеческие экспедиции. Но так как кризис в том и состоял, что государства рассматривали изымаемый ими продукт как недостаточный, то рано или поздно побеждала жадность. Когда купцов начинали чересчур обирать или когда грабили их перевалочные центры (как это делали цари Ассирии), они попросту прекращали торговлю (тем самым приводя экономику торгующих государств к упадку) или меняли направление торговых путей в обход более сильных царств — с Евфрата в Сирию, из Сирии на островные владения Финикии, оттуда — в Карфаген и мир греческих полисов.

Задачей государства теперь стало увеличение изымаемого продукта за счет внешних ресурсов без привлечения торговли, что привело повсеместно к созданию империй. С их появлением началась новая, четвертая общественно-историческая фаза — развитого древнего общества, — сопровождавшаяся переменами в технологии (прежде всего военной)» в государственном устройстве, а также в области социальной психологии. Революционный переворот между этими двумя фазами не происходил, но происходили грандиозные военные завоевания, вносившие радикальные перемены в структуру обществ, и нередко эти перемены определялись выдающимися лидерами.

Такие грандиозные завоевания стали возможны вследствие громадного шага вперед в развитии военного дела, а это развитие стало возможно благодаря существенному технологическому скачку — переходу от бронзового к железному веку.

Железо труднее выплавлять из руды, чем медь, его труднее обрабатывать, чем бронзу, а литейные качества его ниже. Кроме того, на воздухе оно быстрее ржавеет. По всем этим причинам технология производства железа в фазе ранней древности была мало развита; известны лишь отдельные, случайные образцы железных изделий этого периода, главным образом украшения. Во II тысячелетии до н. э. монополистами производства железа были племена северо-востока Малой Азии, и хеттские цари ревниво оберегали эту доходную монополию.

С начала I тысячелетия до н. э., с падением хеттов, препятствовать вывозу железа стало некому; создается «железный путь» — от месторождений металла к греческим городам Южного Причерноморья и по долине Евфрата на Ближний.

Восток. Но секрет добычи железа из руд был вскоре раскрыт и в ряде других стран; выяснилось, что железные руды имеют очень широкое распространение на земной поверхности. В IX—VII вв. до н. э. в Европе и на Ближнем Востоке было открыто производство углеродистого железа, которое можно было подвергать закалке, — «стали»¹.

Только с массовым внедрением производства «стали» мы можем говорить о наступлении железного века. Стальные инструменты делали возможными более успешную обработку земли, вырубку лесов под пашню, прокладку оросительных каналов в твердом грунте, создание более совершенных оросительных устройств; они революционизировали кузнечное, столярное, кораблестроительное ремесла, и прежде всего оружейное.

Вместо кинжалов, топориков и легких копий пехотное войско было теперь вооружено мощными мечами. Появились шлемы, закрывающие щеки, шею и подбородок, латы, поножи, щиты со стальной обивкой, более совершенные луки и стрелы. Уже не могло быть и речи о том, чтобы взятый в плен и обращенный в рабство мужчина, получив в руки лопату или мотыгу, был опасен для охраны. Рабство получило гораздо более широкое развитие. Завоевания могли стать более обширными и более прочными.

Кораблестроение помогло созданию приморских колоний • финикийцев и греков, позволило вести регулярную войну на море. Одомашненные кони, прирученные для сопровождения стад и для военных целей сначала только в Восточной Европе и за Уралом, распространились теперь по всем цивилизованным странам, где были введены сначала колесницы, а потом конница. (Заметим, что в хозяйственных целях лошади не использовались, так как подковы были придуманы гораздо позже.)

Центрами образования империй стали не те области, которые и ранее были наиболее развиты, а те, которые были лучше всего стратегически расположены и имели доступ к путям, соединявшим регионы новых производств. Первой такой областью стала Ассирия на р. Тигр.

Точнее сказать, первую заявку на создание «мировых империй» сделали в I тысячелетии до н. э. в Передней Азии Урарту, Элам и Ассирия. Урарту имело относительный успех, включив непосредственно в свой состав все Армянское нагорье (Восточную Анатолию) и часть Закавказья. Признаком сложения новой фазы в истории здесь явилось вытеснение локальных генеалогических пантеонов единым культом общегосударственного бога Халди. Его храмы с приданными им скотоводческими хозяйствами (для обеспечения жертвопри-

ношений) основывались в каждой завоеванной долине — ничего подобного не делали другие ранние государства.

Урарту сравнительно быстро пало под воздействием различных внешних сил. Об Эламе мы знаем очень мало. Зато подробно нам известно об Ассирии. Это была первая «мировая держава». Чтобы понять, как же она могла возникнуть, нужно учесть следующее².

Если с точки зрения господствующего класса складывавшейся империи речь шла об увеличении изымаемого продукта, то с точки зрения общества в целом речь шла об обеспечении расширенного воспроизводства, без которого никакое развитие производительных сил невозможно. Расширенное же воспроизводство требует определенного стабильного соотношения производства средств производства и производства предметов потребления. Все области, охваченные древними цивилизациями, и смежные с ними можно рассматривать с точки зрения их роли в общественном разделении труда. Основные земледельческие страны были производителями прежде всего предметов потребления (хлеба, текстиля и т. п.), в то время как области горные и степные — средств производства (металла, тяглового и выючного скота, кож и т. п.). Население земледельческих стран этого периода потребляло крайне мало мяса, хлебом же, шерстью и текстильными изделиями могло обеспечить себя само. На строительство шли местная глина и тростник.

Для правильного функционирования общественного расширенного воспроизводства в масштабах целых регионов древних цивилизаций области первого и второго типа (или «подразделения») должны были быть насильственно, но надежно объединены. В этом заключалась функция империй. Империи представляли собой довольно неустойчивые образования — слишком сильны были центробежные силы, но на месте разрушавшейся империи неизменно возникала новая. Первой такой империей была Ново-Ассирийская, охватившая всю Переднюю Азию (кроме Урарту и Малой Азии, IX—VII вв. до н. э.); за ней последовали Ново-Вавилонская и Мидийская (VII—VI вв. до н. э.), за ними Персидская Ахеменидская, основанная Киром, — она уже захватила территорию от Эгейского моря до долины Инда, от Египта до Амударьи и даже Сырдарьи (VI—IV вв. до н. э.); позднее возникли эллинистические империи. Аналогичными были империя Маурьев (цари Чандрагупта и Ашока) в Индии (IV—II вв. до н. э.), империя Цинь (от реформ Шан Яна до императора Цинь Ши Хуан-ди, IV—III вв. до н. э.) и сменившая ее империя Старшей династии Хань (основана императором Лю Баном; с III по I в. до н. э.). Большинство этих империй было основано выдающимися лидерами, яркими личностями,

хотя по своим характерологическим чертам они расходились: от кровожаднейших тиранов (Цинь Ши Хуан-ди) до покровителей наук и культуры (Александр) и людей, обладавших терпимостью даже при наличии официального культа (Ашока). Историческая их роль тем не менее была жестокой и в принципе примерно одинаковой.

Своеобразное и исторически весьма значительное явление представляла собой ранняя Римская империя (I в. до н. э. — III в. н. э.); поздняя Римская империя (III—IV вв. н. э.) представляет собой уже переход к следующей фазе общеисторического процесса.

Экономический смысл возникновения и существования древних империй, как явствует из уже изложенного, заключался в следующем. Для того чтобы обществу, повсеместно переживавшему к концу эпохи бронзы период многолетнего застоя, перестать топтаться на месте (в бесконечной цепи возвышений, смены и гибели и вновь возвышений мелких государств), нужно было обеспечить расширенное воспроизводство (без него никакое развитие производительных сил невозможно) и тем самым достичь определенного стабильного соотношения областей, производивших в избытке продукты потребления, и областей, производивших средства производства.

В горных районах условия для развития сельского хозяйства были хуже, чем в областях цивилизаций речных долин. Но зато их специализация на рудной промышленности не зависела от необходимости периодически вкладывать средства, например, в посевное зерно, а также от доступности или недоступности тяглового скота и пастбищ или фуража для него. В то время как любое земледельческое хозяйство переживает сезонные перерывы в* производственном цикле (а неблагоприятные климатические условия — такие, как эпоха засух, наступившая во II тысячелетии до н. э., — могут нарушить или даже вообще прервать сельскохозяйственные циклы), в горнорудной промышленности сезонность не играет никакой роли, и единственно необходимые затраты заключаются в периодической смене орудий труда и рабочей силы.

В наше время естественно было бы искать объединения регионов в налаженном международном обмене. Но на рубеже II и I тысячелетий до н. э. этому мешали непреодолимые препятствия. Источники сырья в горных районах перестали в то время быть легкодоступными, так как зоны между ними и основными производителями продуктов питания (такими, как Египет и Месопотамия) находились под контролем достаточно сильных ранних государств, а это (при склонности князьков к насильственному захвату торговых путей и торговых центров — и к их полному разорению) служило сущест-

венным препятствием для развития международной торговли. В то же время внутреннее развитие районов производства минерального сырья и лесных районов привело к тому, что они могли обеспечить самих себя пищевой и текстильной продукцией в достаточной мере; сырье, ранее задешево вывозившееся, можно было теперь перерабатывать и на месте.

Выходом из положения могло быть не просто продолжение взаимного ограбления соседей (что не вело к налаживанию расширенного воспроизводства на всей территории цивилизованного мира), а, как уже отмечалось, обязательное насильственное объединение обоих «подразделений» общественного производства — средств производства и продуктов потребления. Империи, которые отныне сменяли одна другую на всей территории древнего мира, должны были решать именно эту задачу. При этом внутренний обмен в пределах империи начинает играть весьма важную роль. Это находит отражение в повсеместном введении денег (монеты). Серебряный лом в прошлом играл роль преимущественно меры стоимости — реальное серебро редко шло в уплату. Теперь впервые возникает собственно денежный, а не только товарный обмен. Монета была изобретена в Лидии и распространялась в Ахеменидской империи в конце VI в. до н. э. и в Китае почти в то же самое время (в период Чжань-го, т. е. еще до образования империи)⁴.

Есть закономерность и в технологическом уровне фазы имперской древности. Заметим соотношение периодов возникновения железного века в различных частях мира и периодов возникновения империй (исключим при этом Средиземноморье, которое шло особым путем развития):

	Массовое введение железа	Установление имперского строга
Ближний Восток	XI—IX вв. до н. э.	IX—VIII вв. до н. э. (Ассирия)
Индия	VII—VI вв. до н. э.	IV в. до н. э. (Маурья)
Египет	VI—V вв. до н. э.	IV—III вв. до н. э. (Пто- леми) ⁹
Китай	V—III вв. до н. э.	III в. до н. э. (Цинь)
Япония	VI в. н. э.	VII—VIII вв. н. э. (На- ра)

Промежуточные двести лет соответствуют фазовому переходу от третьей к четвертой фазе.

Подчеркнем еще раз, что движущей силой было не введение технологии железного века само по себе, а, во-первых, необходимость объединения регионов производства средств производства и регионов производства средств потребления

и, во-вторых, введение производства стали не только в ремесле, но прежде всего в военном деле (стальные мечи, кольчуги или латы, шлемы).

Империи, или так называемые мировые державы, принципиально отличались от сравнительно крупных конгломератов княжеств, образовывавшихся в фазе ранней древности. Во-первых, империи насильственно объединяли непременно территории, неоднородные по своей экономике и экономическим нуждам, по географическим условиям, по этническому составу населения и по культурным традициям. Во-вторых, если крупные государства-конгломераты в основном не нарушали традиционной структуры управления подчиненных стран, то империи, напротив, подразделялись на единообразные административные единицы (области, сатрапии, провинции). Все государство в целом управлялось из единого центра, а автономные единицы если и сохранялись в пределах империи, то (во всяком случае, на первых порах) имели совершенно подчиненное значение; империи стремились низвести их до уровня своих обычных территориально-административных подразделений, хотя в то же время не спешили уравнивать их жителей с жителями государства-завоевателя.

Ранние империи как огромные машины для ограбления множества народов не могли быть устойчивыми образованиями, потому что простое ограбление было только перераспределением и не могло достаточно обеспечивать расширенное воспроизводство и развитие производительных сил. Грабительская политика империи вступала в противоречие с потребностями нормального разделения труда между включенными в ее состав областями; торговые нити, как уже упоминалось, вскоре были перенесены за пределы империй — в финикийско-греко-римский полисный мир (VII—IV вв. до н. э.), на «шелковый» путь, не контролировавшийся Китайской империей (I в. до н. э. — II в. н. э.), и т. п.

Чем более вырастали империи, тем менее они оказывались стабильными, но вслед за падением одной империи сейчас же возникала другая. На Ближнем Востоке вслед за Ассирией появились Ново-Вавилонская и Мидийская империи, затем Ахеменидская, затем Селевкидская, затем Римская, Парфянская; в Индии империя Маурья сменилась империей Кушан (II в. до н. э. — IV в. н. э.), а та — империей Гупт (IV—VI вв. н. э.); в Китае империя Цинь (III в. до н. э.) быстро сменяется империей Хань (II в. до н. э.). Империи возникали вновь и вновь потому, что принудительное объединение областей производства средств производства и производства предметов потребления все время оставалось для общества поздней древности жизненной необходимостью.

Постепенно выяснилось, что для империи помимо армии и

общеимперской администрации необходим еще один механизм. Он призван был обеспечить реальное функционирование расширенного воспроизводства в условиях существующих производительных сил и производственных отношений и при этом быть гарантированным от произвольного имперского вмешательства. Механизм этот вырабатывался постепенно, встречая на первых порах решительное противодействие армии и администрации, которые видели в нем подрыв монопольного единства империи; тем не менее он рос и развивался, хотя в неодинаковой степени в различных империях древнего мира. Наилучшим механизмом явилась система независимых, самоуправляющихся городов внутри целостной империи — центров ремесла и торговли. Отсутствие слишком сильного царского вмешательства и налоговые привилегии создавали благоприятные условия для развития товарного хозяйства и весьма значительного роста богатств господствующего «ласса, а мир в пределах империи обеспечивал безопасные связи с сырьевыми районами и районами сбыта товаров.

В Западной Азии этот процесс хорошо прослеживается уже при империи Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), но получает мощный толчок после завоеваний Александра (IV в. до н. э.), когда на Восток была распространена, хотя и в подчинении верховной имперской власти, греческая модель полиса. Она просуществовала, постепенно хирея, в течение всего времени существования эллинистических империй, созданных преемниками Александра: Птолемеями (в Египте и за его пределами), Селевкидами (на Ближнем и отчасти Среднем Востоке) и Аршакидами (в Парфии и Армении), — а затем и римлянами. Менее всего был затронут полисной системой Египет, в основном сохранивший архаические черты государственной бюрократической эксплуатации. Самоуправляющиеся республики были известны и в Индии, где они создавались до эпохи Маурья, но здесь имперские власти не сумели ими воспользоваться, и они захирели очень рано. В Китае при империи Хань наблюдаются известные послабления для торгово-ремесленной прослойки населения и значительный рост городов, самостоятельность которых, однако, была несравнима с парфянскими грекоязычными полисами. Все же они выполняли (особенно вначале) свою роль по стабилизации обмена между районами производства средств производства и районами производства продуктов потребления. Отсутствие полисной системы в Индии и Китае способствовало более скорому падению здесь империй древнего типа и переходу к раннему средневековью.

Главным эксплуатируемым классом в фазе поздней (имперской) древности на обоих ее этапах являлись не рабы, а

некоторая часть населения, имевшая разные наименования в различных империях (*лаой* в эллинистических империях, *шудры* (и *дасью*) в Индии, *цзянь-минь* в Китае, *колоны* в Римской империи⁶). Рабство существовало в течение обеих фаз древности и всех последующих фаз истории, однако почти всегда (за исключением отдельных регионов и отдельных периодов) играло вспомогательную роль.

Неясно, можно ли вообще считать рабов отдельным классом или их следует считать низшей прослойкой класса древних подневольных людей, которых мы предложили условно обозначать как илотов. Люди, принадлежавшие к этому классу, обязаны были создавать избыточный продукт в пользу господствующего класса (этот класс часто принимал форму военной аристократии или бюрократии). Продукт мог изыматься в форме простого налогообложения⁷ (в Касситской Вавилонии во второй половине II тысячелетия до н. э., затем в Ассирии, в ханьском Китае и т. п.) или же в виде оброка и барщины. Если он взимался в форме налога, то мог переуступаться государством определенным чиновникам и/или военачальникам, а также их потомству или поступать непосредственно государству и распределяться среди господствующего класса каким-либо другим способом.

Сохранение полисной системы было характерно для наиболее могущественной и высокоразвитой (и самой богатой) империи поздней древности — Римской. Важнейшая ее особенность заключалась в том, что завоевания здесь велись не каким-либо царем отдельного традиционного государства, а самим полисом Рим. Предпосылки превращения римской городской республики и зависимых от нее областей в империю были созданы при полководце и диктаторе Юлии Цезаре, убитом республиканцами в 44 г. до н. э. и затем при Августе, собственно основоположнике Римской империи. Оба, однако, считались (как и длинный ряд их преемников) республиканскими магистратами. Основная часть Средиземноморья была завоевана еще республиканским Римом, и даже после установления империи Цезарем и Августом полисы повсеместно являлись ее важнейшей структурной частью.

Использование, хотя и в урезанном виде, полисной системы (и даже распространение ее на новые регионы) придало Римской империи стабильность, которой были лишены индийские и китайские империи поздней древности⁸. В привилегированном положении находились граждане самого Рима, однако по мере утраты независимости подчиненными полисами и все большей формализации их институтов наиболее выдающимся гражданам полисов тоже стало дароваться римское гражданство, пока, наконец, в 212 г. при императоре Каракалле оно не было даровано вообще всем свободным в

империи. Отсюда само понятие гражданства, как оно было создано в греческом полисном мире в середине I тысячелетия до н. э., потеряло смысл: римское, гражданство стала означать просто подданство Риму и 'Подверженность римскому налогообложению. Это, как мы увидим, было первым шагом к переходу к еще одной, пятой фазе в истории человечества.

Наиболее существенной чертой, отличающей фазу поздней (имперской) древности от средневековья, является стабильное сохранение лично-свободного крестьянства (оно, хотя и обязывалось платить налоги и нести воинскую службу, не было собственностью какого-либо лица или государственного органа), а также свободных горожан. Древность кончается не тогда, когда кончается рабская эксплуатация (она продолжается и в средневековой, и в капиталистической фазе, и в условиях так называемого развитого социализма). Древность завершается тогда, когда прекращается личная свобода.

Можно ли считать позднюю древность способом производства, отличным от способа производства ранней древности (особой «формацией», или фазой)? Уровень развития производительных сил и средств насилия (оружия) совершенно различен для ранней и поздней древности и в последней опирается на совершенно новую технологию (железный век, ранняя форма стали). Характер эксплуатации низшего класса в поздней и ранней древности отличается мало, однако В. П. Илюшечкиным было показано, что формы эксплуатации не привязаны строго к той или иной фазе исторического развития. Различаются, с моей точки зрения, формы собственности: если для ранней древности характерно противопоставление дворцово-храмовой и общинно-частной форм собственности и почти полное отсутствие регулярного налогового обложения⁹, то для поздней древности — во-первых, сосуществование государственной собственности и собственности частной, во-вторых, разная степень сословной разделенности свободного населения (в Индии — «варны»: жрецы, воины, прочие «дваждырожденные», т. е. полноправные; право гражданства в полисе есть тоже, конечно, сословная принадлежность!) с разным объемом собственнических и гражданских прав («свобод»), причем и эксплуатируемый класс (включая иногда рабов¹⁰) не полностью лишен собственности на средства производства или, по крайней мере, стабильного владения ими. На то, что имперская древность является одной из закономерных фаз всего исторического развития, указывает и те примерно синхронный и универсальный" характер (от Атлантического океана до Китая и, по-видимому, даже до Японии). Не нужно говорить, что политическая над-

стройка имперской древности тоже отлична от политической надстройки ранней древности.

Имперская древность отделена от ранней древности не социальным переворотом снизу (народной революцией), а закономерным фазовым переходом, в течение которого создавались все необходимые признаки новой фазы («стальное» оружие, имперская идеология, новые формы эксплуатации труда и организации господствующего класса).

Становление государств имперской древности знаменует переход к новой исторической фазе; с точки зрения традиционной марксистской теории между ними должна бы лежать грань насильственного переворота. Таковым можно считать совершавшееся повсюду насильственное завоевание империями обществ типа ранней древности. Но если это и была революция, то революция сверху. Следовательно, и социально-психологические механизмы, непосредственно двигавшие этим переворотом, надо искать не в идеологии масс — те повсеместно держались за старое, — а в психологии образующегося имперского господствующего класса. Хотя мы видим, что в большинстве империй сохранялись прежние пантеоны и даже прежнее терпимое отношение к соседним культам, несколько иным, чем собственные, возникали и особые, ведущие — например, столичные — культы. Но появляется и еще новая черта: верховный бог рассматривается как царь небесной империи, а прочие боги образуют вокруг него при* дворный штат. Так было на большей части Ближнего Востока и в Римской империи. В Китае культ безличного, но сознательного божественного «Неба» активно начинает вытеснять местные архаические культы еще до начала имперского периода. В ряде стран наблюдается и обожествление царя.

Но если имперская революция происходит вне воли и ведома народных масс, то среди народных масс под влиянием тех же социально-политических и экономических процессов зреют новые социально-психологические побуждения, имеющие далеко идущие исторические последствия.

Усложнение технологии и социальных отношений уже в период ранней древности привело к пониманию того, что причинно-следственные связи являются не только мифологическими. Все более неудовлетворенным оставалось социально-психологическое побуждение к защищенности, «справедливости». Роковой вопрос «почему?» вставал все болезненнее. Он звучит в замечательных произведениях древности — еще глухо в вавилонском «Эпосе о Гильгамеше», громко в поэмах «Вавилонская теодицея» и «Невинный страдалец» и в библейской «Книге Иова» (I тысячелетие до н. э.). Глухо звучит он даже в некоторых, в целом очень архаических ведических гимнах Индии того же времени. В дальнейшем в этом ре-

гионе вырабатывается учение об индивидуальном спасении путем освобождения себя из рабства чувственного мира к «узнавания» вечных начал бытия (Упанишады, VII—II вв. до н. э.?).

Но этим дело не ограничивается: возникают учения универсального, не локального характера, которые ставят во главу угла добро, этическое начало. При этом (на первых порах) либо вовсе отрицается существование каких-либо божеств (как в раннем джайнизме, VII в. до н. э., созданном Джнатрипутрой, или Натапуттой; джайнисты видели освобождение от зла в крайнем аскетизме), либо божествам приписывалось совершенно второстепенное значение, как в буддизме, созданном Сиддхартхой Гаутамой, или Буддой, в VI в. до н. э.

По учению Будды, отрицавшему традиционное сословное деление индийского общества, этически правильное поведение в конечном счете ведет к личному освобождению любого человека от мирских страданий (в нирване). Те, кто приобщился к такому освобождению, могли отказаться от нирваны и стать бодхисаттвами, которые способны помогать страдающим (это, по-видимому, концепция более позднего буддизма). Сам Будда проповедовал устно; письменный буддийский канон, весьма объемистый, начал складываться, видимо, в III—I вв. до н. э. Буддизм был учением прозелитическим, т. е. не замыкающимся в какой-то одной человеческой общности, а вербующим сторонников.

В Китае уже в эпоху царства Западного Чжоу (XII—VII вв. до н. э.) наблюдаются признаки отмирания архаической мифологической религии, а на грани VI и V вв. до н. э. появляется учение Конфуция, впервые положившего в основу идейной жизни общества нравственное начало (*жэнь* — «человечность»). Это понятие, однако, не означало некой любви ко всему человечеству, а предполагало прежде всего любовь к семье и почитание матери и особенно отца; затем эта любовь иерархически распространялась на главу рода (впоследствии на законного начальника) и, в конечном счете, на государя. Но во главу угла был положен некий культ нуклеарной семьи как основы всех структур человеческого общества. Конфуцианская семья не обязательно мыслилась как моногамная; состоятельный человек мог, основать и полигамную семью, при этом жены не были затворницами гаремов (как впоследствии в исламе); все они свободно общались с внешним миром и пользовались правом на почтение, полагающееся замужним дамам.

В своей первоначальной форме конфуцианство было не столько религией (хотя оно и предполагало верховный культ Неба, допуская культы и других богов), сколько фило-

софским мировоззрением и даже образом жизни. В дальнейшем конфуцианство испытало многие превращения.

В Иране и примыкающих к нему районах Средней Азии складывается на очень ранней стадии, в сущности еще на самой грани создания ранних государств, учение Зороастра (Заратустры), изложенное в гимнах Гат и содержащее определенные постулаты, призванные обеспечить общественную справедливость. Однако главным содержанием зороастризма стали формальные моменты: запрет гекатомб скота, культ чистых стихий — воды, огня и плодородной земли — с запретом сжигать трупы или хоронить их в плодородной земле. Но, кроме того, зороастризм обещал посмертную награду безгрешным (переходящим в рай по узкому, как волос, мосту Чинват) и (по-видимому, на каком-то более позднем этапе развития учения) приход Спасителя и царство гармонии в будущем. Дата возникновения зороастризма неясна (VIII—VII в. до н. э.?).

В особом положении оказалось население Израильского царства и в еще большей степени — отчленившегося от него Иудейского царства в Палестине. Возникший для израильских племен еще в догосударственный период запрет поклоняться другим богам, кроме союзного племенного бога Яхве, в результате развития движения пророков (Осии, VIII в. до н. э., Исайи и его школы, VIII—V вв. до н. э., Иеремии, VI в. до н. э., и др.) привел к концепции существования одного, вообще единого, бога. Культ единого бога (иудаизм) помимо различных ритуальных предписаний опирался на этические основы, изложенные в «Десяти заповедях», весьма близких по содержанию к пяти заповедям Будды и легших в основу европейской этики на все последующие времена. Возможно, под влиянием зороастризма в иудаизме затем выработалось учение о приходе в будущем «помазанника» — мессии из рода второго общеизраильского царя и основателя иудейской династии Давида; именно мессия создаст абсолютно гармоничное и вечное царство для израильтян; но ряд пророков, начиная с Иеремии, мыслил это будущее мессианское царство как имеющее целью объединить все вообще народы.

Как это было обычно в эпоху древности, древние иудеи были, за редким исключением, грамотны". Распространившееся среди них учение и связанные с ним проповеди принимали письменную форму; их отбор и редактирование относятся в основном к периоду V—II вв. до н. э.; окончательную форму канон Библии (евр. «Танах», в христианстве «Ветхий Завет») получил к 100 г. н. э.

Начиная со II в. до н. э. внутри иудаизма возникают различные обособленные течения, придававшие этическому мо-

менту все возрастающее значение. В начале I в. н. э. появляется Иисус¹², отвергавший ритуальные моменты иудаизма и придававший вере в единого Бога-Отца целиком этический характер. Иисус объявил себя (или был признан учениками) обещанным иудеям «Помазанником» («Мессией», греч. «Христос»).

Появление предполагаемого царя вечного Израильского царства представляло политическую опасность как для господствовавших в это время в Палестине римлян, так и для официальной иудейской верхушки, заинтересованной в мире с римскими властями, и Иисус был казнен распятием на кресте. Однако его сторонники объявили о его воскресении и вознесении на небеса, с тем, чтобы ему «в последнее время» прийти «судить живых и мертвых, его же царствию не будет конца». Приверженцы Иисуса продолжали считать себя частью иудейства; понадобилась энергичная деятельность Павла из Тарса для того, чтобы догматично сформулировать христианское учение, сделать его прозелитическим и распространить на всю Римскую империю — сначала среди разбросанных по ней групп иудейских беженцев, потом и вообще народных низов, а затем и среди всего населения.

Уже события и идеи раннего христианства излагались в письменных памятниках, но традиционный текст «Нового Завета», включающий четыре истории жизни Иисуса — «Евангелия», а также «Послания» Павла и некоторых других апостолов и «Апокалипсис» — поэтическое видение конца света и установления Царства Божия на земле, сложился к III в. н. э., а окончательно был канонизирован еще позже.

Все этические учения древних народов были оппозиционными по своему характеру, и впоследствии в сильно переработанном виде большинство их сыграло свою роль в социально-психологическом обосновании перехода от фазы имперской древности к средневековой фазе развития исторического процесса.

В Средиземноморье этически окрашенное учение греческого мудреца Сократа, умертвившего себя по приговору суда (V в. до н. э.), оказало влияние лишь на численно небольшой слой философствующей «интеллигенции»; в основном сохранились культы старого типа, характерные для многочисленных полисов и царств ранней древности. Такой ход идейного развития обуславливался сохранением, хотя и все более формальным, полисного строя внутри эллинистических и Римской империй. В период поздней империи и здесь все же возникают различные «религии спасения» (герметизм, учение орфиков, гностицизм, митраизм). Но ни одно из них в смысле обращенности к психологическим нуждам большинства населения не могло поспорить с христианством.

Что касается самих империй древности, то их отношение к этико-догматическим религиям было различным в зависимости от обстоятельств. Ассирийская и Ново-Вавилонская империи довольствовались перестройкой традиционной мифологии по образцу имперской земной администрации (о попытке религиозной реформы последнего ново-вавилонского царя — Набонида мы знаем очень мало). Мидийская и Ахеменидская империи приняли зороастризм, по-видимому, в очень искаженном виде; возможно, он уже тогда включал более позднее, чем созданное самим Заратуштрой, учение о явлении Спасителя в конце времен. В то же время эти империи не только допускали дальнейшее функционирование архаических локальных культов, но и покровительствовали им. Эллинистическая и Римская империи сохраняли местные культы архаического типа, обусловив их дальнейшее существование повсеместным введением культа главного божества — покровителя империи или культа самого обожествленного императора.

Поскольку буддизм считал добродетелью покорность своей доле и проповедовал спасение только через внутреннее самосовершенствование, он редко подвергался преследованиям со стороны государства. Мало того, буддисты в сущности обещали монархам, создававшим империи, лучших подданных, более покладистых, более удовлетворенных, чем буйные брахманисты (придерживавшиеся традиционных причудливых и разнообразных индийских мифологий, а также традиционных культов), разделенные на враждебные друг другу, частью озлобленные, частью отчаявшиеся, жесткие сословные группировки (варны), нередко уже не соответствовавшие реальным социально-экономическим отношениям, существовавшим в обществе. Поэтому династия Маурья приняла буддизм как официальную догматическую религию (однако то допуская, то преследуя джайнизм и безусловно допуская архаические брахманистские и более поздние индуистские культы); отметим, что известная терпимость была вполне в духе буддизма. Нечто аналогичное происходило и при династии Кушан — наряду с буддизмом на территории Индии сохранялись и древние культы, породившие уже к началу новой исторической фазы, на основе большой религиозно-философской работы, новые авторитетные учения индуизма. Буддизм (в менявшихся формах) был отнесен на периферию — в Тибет¹³, позже в Монголию, Китай, на Цейлон¹⁴, в Бирму, Японию.

В Китае не сложилось ничего подобного эллинистическо-римскому по происхождению полисному понятию гражданства. Наиболее полноправными являлись члены бюрократии. Поэтому идеологическое развитие приняло здесь другой ха-

раक्टर, чем на Западе. Как буддизм не противоречил интересам нового, имперского строя древних обществ, так обстояло дело и с ранним китайским конфуцианством. Философия Конфуция отвечала на всеобщую для эпохи ранней древности тревогу относительно бессилия справедливости — не какими-либо рецептами ее достижения (в конечные времена или уже сейчас, по крайней мере для индивида), а стремлением снять эту тревогу: «Правитель да будет правителем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном». В имперский период древности конфуцианство, особенно в сочинениях мыслителя IV—III вв. до н. э. Мэн-цзы, оставалось неофициальным учением.

Что же касается локальных архаических культов, соответствовавших социально-психологическим потребностям второй исторической фазы (первобытнообщинной) и третьей фазы (ранней древности), то они вступили в противоречие с интересами государственной власти в Китае очень рано (еще в эпоху Чжань-го). Ко времени же династии Хань центральным для всей империи был культ безличного «Неба», а император выступал как «Сын Неба». Это, однако, не исключало различных второстепенных культов либо архаического или даоистского, либо буддистского происхождения.

В силу того значения, которое конфуцианцы придавали неизблемости устоев, переходящих от предков к потомкам, они признавали каноническими пять архаических книг, пришедших из ранней древности. Из них наиболее существенны «Шу цзин» («Книга преданий») и «Ши цзин» («Книга песен») — постепенно сильно отредактированный и очищенный от архаической мифологии сборник весьма древней поэзии. Нормативными для конфуцианцев были сочинения, приписываемые самому Конфуцию, а также некоторым из его позднейших последователей.

Параллельно конфуцианству развивалось даоское учение. Оба они влияли друг на друга. Для даосов канонической книгой была «Даодэцзин», восходящая, как полагают, к IV в. до н. э. или ранее. Она приписывалась самому древнему святому мудрецу — Лао-цзы.

Следует различать философский и религиозно-магический даоизм. Основание философии даоизма приписывается полумифическому Лао-цзы, но она развивалась, и углублялась, исторически засвидетельствованными деятелями — Чжуан-цзы (IV в. до н. э.) и Лю Анем (II в. до н. э., автор книги «Хуай-нань-цзы»). Центральным для философского даоизма является понятие *дао* — некоего абсолюта бытия. Задача человека — «неделание» (собственно, неделание ничего «неестественного» — естественная жизнь человека, не нарушает *дао*), т. е. смирение, удовлетворенность жизнью,

слабостью, отсутствие стремления к знанию, к карьере. Что же касается ритуалов, искусственного упорядочения общества, войны, налогов, официальной нравственности,— все это отвергалось Лао-цзы. У Чжуан-цзы к этому прибавляется понимание бытия как вечной перемены, но в то же время на самом деле «все — едино»; человек должен быть «товарищем природы» и «другом и жизни, и смерти». По «Хуай-нань-цзы», бытие подобно текущей воде: вначале было небытие, из *пустоты* возникло *дао*, но она же создала вещественный мир, мир создал материальные силы, соединились начала *инь* и *ян* — женское и мужское, или негативное и позитивное; эти начала прослеживаются в мироздании вообще. Даосская космогония, в частности учение об *инь* и *ян*, была в общем освоена и конфуцианством; очень сильным было влияние даоизма на китайские формы буддизма; в особенности даоизм повлиял на тот вариант буддизма, который обычно обозначается японским термином *дзэн*.

Параллельно философскому даоизму развивался и религиозно-магический даоизм. Восприняв остатки очень древних культов, он получил оформление во II в. до н. э. в деятельности Чжун Даолина, великого мага и целителя, основателя целой многовековой линии учителей. Исходя из того же принципа *инь* и *ян*, религиозно-магический даоизм в то же время был склонен приписывать специальным отдельным божествам едва ли не все явления мира. Главные цели даоса — достижение счастья, здоровья, многодетности и долгожительства. К VII в. н. э. развилась система магических действий, которые должны были принести каждому верующему эти блага и дать проявиться началам «сущности», «жизненной силы» и «духа». Эти действия включали воспринятые из буддизма управление дыханием, определенную диету, омовения, медитацию, сексуальные ограничения, физические упражнения, но также применение лекарственных средств и магических предметов, а впоследствии благоприятствовали созданию алхимии, включая попытки превратить ртуть в золото.

Коснемся теперь Японии, отстававшей в своем развитии.

Несмотря на свое островное положение, она, конечно, поддерживала через моря связь с Кореей и Китаем, и Китай оказал на нее существенное влияние. Но железное оружие было введено в Японию лишь с VI в. н. э.; только тогда здесь началось сложение общества четвертой фазы — имперской древности. Эта фаза не была здесь долговременной, потому что континент жил в то время уже в фазе средневековья, а японские власти копировали континентальные образцы.

В конце VI в. влиятельнейший магнатский клан Сога выдвинул нового регента страны — Сётоку Тайси (593—622).

Сора и сам Сётоку задались замыслом построить в Японии государственную систему по китайскому образцу, вернее, по образцу династии Суй, правившей в это время в Китае. В качестве официальной идеологии был принят буддизм, но с добавлением положений конфуцианской этики. Эта идеология, несмотря на свою официальность, ни тогда, ни позже не вытеснила более древних верований, которые лишь намного позже приобрели более определенную форму «синтоизма». В 603 г. были установлены при дворе иерархические чины по китайскому образцу. В 607 г. было послано официальное посольство к китайскому двору, а за ним последовали группы ученых и священнослужителей для обучения.

В результате борьбы между кланами Сага сходят со сцены и господство захватывает глава другого клана — Камагари Фудзивара. При нем тэнно (императором) стал Котоку. Новые единомышленники провели в 646 г. так (Называемую «реформу Тайка», в результате которой тэнно был наделен обширной властью и обожествлен, частная собственность на землю и работников была заменена государственной, знать получила места в имперской администрации и наделы от императора. (Места давались не по экзаменам, как в Китае, а по влиятельности клана.) Армия набиралась путем призыва. По закону каждый третий мужчина в возрасте от 20 до 60 лет должен был служить в войске, а в мирное время — в рабочих отрядах. Эту реформу не удалось провести полностью, особенно в отдаленных районах. Уже к VIII в. начинают создаваться частные (магнатские) владения аристократии. Возникают богатые буддистские монастыри.

В 710 г. была основана первая постоянная имперская столица — Нара. Именно с этого времени Япония может считаться империей. Была создана имперская почтовая связь, впервые начала чеканиться монета. Развивается поэзия, и зарождается историография.

К началу IX в. при тэнно Камму столица из Нары была перенесена в Хэйан (ныне — Киото). Одновременно происходили бегство крестьян с государственной земли, коммendaция ими себя знатным домам.

Период Нары, будучи кратковременным (всего около 100 лет), может быть определен как составляющий слабо-развитую, непоследовательную четвертую фазу имперской древности. На это указывают такие диагностические признаки, как железные оружие и орудия, централизация государства, обожествление монарха, введение официального вероучения (буддистского; однако отношения между властями и буддизмом, как видно, были довольно неопределенными).

Подытоживая, можно сказать, что для фазы поздней (имперской) древности характерно более или менее активное насаждение определенных культов, направленных на усиление империи и даже на обожествление монарха, что поддерживает действенность социально-психологической потребно-

сти «быть как все». Мифологическая идеология прошлого не полностью вытесняется, а приспосабливается к имперским условиям, но повсюду продолжает существовать (менее всего в Китае). Одновременно нельзя не отметить, что крестьяне и ремесленники остаются свободными (хотя и облагаются налогами) и поставляют воинский контингент. Именно это обстоятельство обуславливает сохранение архаических, общинных по своему происхождению культов. Но в то же время среди многих слоев населения под влиянием побуждения к преодолению «несправедливости» (все резче ощущаемой в период господства мощной центральной власти) возникают религиозно-этические учения. Эти учения готовят социально-психологический кризис общественного строя эпохи имперской древности. Подводя к новой исторической фазе, они еще не сразу принимают догматическую форму.

Остановимся, наконец, на культурных и научных достижениях обеих фаз древности. О развитии технологии в фазе имперской древности мы уже говорили выше. Важнейшим культурным достижением эпохи всей древности было отделение научного, неэмоционального познания от познания мифологического. Это произошло впервые в полисном мире еще ранней древности; здесь, как нигде, были созданы условия для свободы мышления. Впервые наблюдается отделение философии от религии — явление, характерное прежде всего для античного мира, создавшего философов, которые оказали очень существенное влияние на передовую мысль как в Европе, так и в Западной Азии. В VI—III вв. до н. э. это — Гераклит, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, а в имперский период — Эпиктет, Сенека и даже император Марк Аврелий (все они занимались преимущественно нравственной философией); позже появляется учение неоплатоников, уже религиозно-философское. История как наука имеет свои истоки прежде всего в работе грека Фукидида (V в. до н. э.)¹⁵. Китай имел своих замечательных историков: Сыма Цяня (II в. до н. э.) и Бань Гу, основателей также и китайской литературной прозы. Эта же историческая фаза создала китайских философов. Учение Конфуция (VI в. до н. э.) вначале имело философский характер; вероятно, философом можно считать полумифического Лао Цзы (дата неясна). Уже в V фазе выдающимся философом-материалистом, выпадавшим из общей китайской традиции, был Ван Чун (I в. до н. э. — I в. н. э.).

В Индии тоже можно назвать ряд выдающихся личностей, идеи которых далеко выходили за пределы мифологии. Но все же философия, стремившаяся к объективному познанию мира, здесь не отделилась от религиозного, мифологизированного, если не прямо мифологического мышления.

Начинает развиваться и собственно наука, как неэмоциональное познание явлений мира. В имперский период античности в числе первых надо назвать греков . (результат существования полисного мира!): Теофраста (ботаника, IV—III вв. до н. э.), Эвклида (геометрия, III в. до н. э.), Архимеда (математика и механика, III в. до н. э.), Эратосфена (теоретическая география, III в. до н. э.), Аристарха Самосского (астрономия, III в. до н. э.), Гиппарха (астрономия, II в. до н. э.), Герона (создатель автоматов, I в. н. э.), Птолемея (астрономия; он же основатель научной хронологии, II в. н. э.). Несмотря на то что деятельность этих ученых падает уже на имперский (эллинистический и римский) период, они все были представителями именно полисной идеологии. Труды Эвклида и Архимеда оказывали серьезнейшее воздействие на европейскую науку вплоть до XIX в. н. э. В Индии можно назвать гениального грамматиста Панини, в Китае между периодами Чжоу и Хань были широко развиты и имели важные достижения геометрия, астрономия, математика, медицина (к сожалению, мы мало знаем о первых китайских ученых).

Надо отметить, что научные открытия времени имперской древности, как бы они ни были значительны, не находили практического применения. Технология, в том числе военная, в эпоху имперской древности хотя и совершенствовалась (осадная техника ассирийцев, улучшенные «скифские» стрелы и луки, введение конницы; из мирной технологии — изобретение шелка в Китае), но совершенствовалась в общем несущественно. Основной фонд орудий труда был заимствован из ранней древности (с заменой бронзы на железо) и лишь отчасти усовершенствован; научные открытия не использовались, наука не стала производительной силой.

Из искусств древности наиболее значительны изобразительные, а также поэзия и драматургия (в Греции, Риме и Индии). Проза (главным образом историческая) появляется поздно — в Иудее в VII—VI вв., в Греции в VI—V вв., в Китае в III—II вв. до н. э. Римские поэты — Вергилий, Гораций, Овидий, Катулл — не потеряли и ныне своей силы воздействия, но это особая область духовной жизни, которую придется оставить в стороне.

Исключительно важное значение для будущей истории человечества имело создание этических учений, либо не сразу ставших религиозными (буддизм, конфуцианство), либо религиозных с самого начала (поздний зороастризм, иудаизм, христианство). Именно они подготовили социально-психологический переворот, послуживший тем механизмом, который в конечном счете привел к концу имперский период древности.

Пятая фаза

(средневековье)¹

Вся современная историческая терминология и классификация базируется на опыте одной лишь Европы; азиатские общества относятся к «формациям» совершенно механически, и всякая эксплуатация в этих обществах огульно обозначается как «феодалная», хотя ни к каким феодалам она, как правило, не имеет отношения.

Между тем на самом деле Европа имела на изучаемом отрезке исторического процесса как раз своеобразное развитие, азиатские же пути развития были типичными. Своеобразие развития Европы было обусловлено, с одной стороны, ее идейными традициями, восходившими к имперской древности, которая на этом континенте на всем своем протяжении не расставалась с полисными структурами и пережитками полисной экономики и идеологии, с другой — конкретно-исторической обстановкой, в которой происходил здесь кризис имперской древности. Эта обстановка определялась, во-первых, захватом германскими и славянскими чифдомами, обладавшими в то время большой подвижностью, значительных территорий, которые сами уже миновали и чифдомы, и раннюю, и имперскую древность; во-вторых, губительными набегами кочевых орд.

Но прежде чем перейти к причинам, предпосылкам и особенностям развития очередной, пятой фазы исторического процесса, как он протекал у земледельческо-индустриальных народов, целесообразно остановиться (вкратце) на той своеобразной разновидности человеческого общества, которую образовывали кочевники.

Разделение труда между земледельцами и ремесленниками, с одной стороны, и скотоводами — с другой, восходит еще ко второй (первобытно-общинной) фазе. Однако вплоть до приручения верблюда и лошади степняки-скотоводы могли кочевать лишь вблизи от воды. И в то же время,

например, в оседлой Месопотамии успешно применялось стойловое содержание скота с сезонным выгоном его в болотные тростниковые заросли, а в горных областях — отгонное скотоводство. У чисто же скотоводческих обществ, образовавшихся «а равнинах, в фазах общинной, первобытной» и ранней (общинной) древности еще ощущалась зависимость от оседлого ремесла, что приводило к развитию обмена, но в то же время к периодическим вторжениям скотоводов на оседлые земли. Эти скотоводы не отходили от воды более чем на два-три дневных перехода, не полностью отрываясь от земледелия, и довольно легко возвращались к нему в благоприятных для этого обстоятельствах. Примером могут служить ближневосточные арамеи и другие семитские племена, описанные в «Книге Бытия» в Библии.

Верблюд-дромадер был одомашнен в Аравии и прилегающих областях. Ближнего Востока около 1000 г. до н. э.; кони были очень рано известны в Европе, но общества, целиком ориентированные на конницу (не на колесницы, которые были технически громоздким и малоэффективным видом оружия), возникают на степных пространствах Евразии тоже с начала I тысячелетия до н. э.

Обществом, переходным к собственно кочевому, можно считать на востоке Европы скифов начиная с VIII в. до н. э. Сюда я включаю и киммерийцев, а также массагетов, саков, савроматов и других ираноязычных кочевников от причерноморских степей до Алтая, Памира и Копетдага. Они не были сплошь кочевниками, и их отдельные земледельческие племена кооперировались с собственно скотоводческими. Хотя скифы сделали важные военно-технические нововведения — создали знаменитые скифские стрелы с легким бронзовым наконечником и тактику конных наездов на вражескую пехоту, — влияние их на ход развития соседних оседлых обществ было пока еще очень ограниченным.

Подлинными кочевниками не только не занимались земледелием, но — что, может быть, не менее важно — не могли наладить и собственное ремесло. Скифские конные отряды, правда, включали специалистов-кузнецов, способных отливать бронзовые наконечники стрел (из награбленного металла) в переносных формочках, но развитого кузнечного, гончарного и ряда других ремесел скифы не имели² и потому зависели от окружающего земледельческо-ремесленного населения. Земледельцы же обладали собственным скотом и лишь в ограниченной степени зависели от кочевых скотоводов (например, большая потребность в боевых конях стала ощущаться лишь с I тысячелетия до н. э., а в хозяйстве земледельцы довольствовались тягловыми водами, а также ослами). С наступлением железного века кочевники стали остро нуждаться в кузнечном деле и в различных изделиях оседлого ремесла. Им все более недоставало оседлых соседей, и, будучи не способны давать достаточно товаров в обмен, они фактически начали паразитировать на оседлой популяции. Периодические завоевания земледельческих регионов степняками задерживали нормальное развитие.

Положение достигло кризисной точки, когда разрыв между уровнем жизни численно возраставших кочевников и уровнем жизни оседлых стал очень значительным, а своего оружейного производства (тем более производства предметов роскоши) кочевники наладить по-прежнему не могли. Цивилизованные регионы перешли к товарно-денежному хозяйству и в натуральном обмене с кочевниками нуждались все меньше. В оседлых производствах на кочевых территориях происходил регресс.

Кочевники стали переходить в наступление. Если до сих пор их общество можно было числить как первобытнообщинное, то теперь они мощно вторгаются в жизнь обществ, находящихся в разных исторических фазах, в том числе и в фазе имперской древности, самой богатой материальными средствами. Такие вторжения с созданием кочевых «империй»³ известны и в Африке (фулани⁴ в Западной Африке), но наиболее могущественными — и наиболее разрушительными — «империями» кочевников были те, которые не просто опирались на боевую конницу, но где всё поголовно мужское население было конным войском, вооруженным луками. Культура железного века, высочайшая техника стрельбы и массовое использование конницы — это признаки, которые, казалось бы, указывают на принадлежность кочевых «империй» либо к фазе имперской древности, либо к следующей за ней фазе исторического процесса. Однако вернее считать, что кочевники шли совершенно особым путем развития в рамках всемирно-исторического господства и той и другой фазы.

В дальнейшем влияние кочевников на развитие этих фаз в истории человечества — в основном вызванные ими местные регрессии в плавном ходе процесса — будет нами рассмотрено в соответствующих главах.

Однако отметим прежде всего, что — в противоположность мнению М. Гимбутас и других авторитетов XIX и XX вв., но в общем согласии с археологическими и демографическими наблюдениями К. Ренфрю и М. Мэллори — древние индоевропейцы V—III тысячелетий до н. э. (т. е. жившие задолго до эпохи железа, хотя знакомые уже с конными колесницами) никогда не были кочевниками. Их продвижение по земле Евразии было не военным нашествием, а медленным растеканием, вызванным снижением детской смертности и соответственно ростом народонаселения. Причина заключалась в переходе популяции, говорившей на индоевропейском праязыке, к молочно-мясной диете при развитом земледелии (культуры ячменя, пшеницы, винограда, овощей). Окружавшее население, находившееся в фазе ранней первобытности и поэтому далеко не столь многочисленное, перенимало земледельческую культуру индоевропейцев и вместе с

тем вливалось в их состав; дальнейшее продвижение совершалось уже не первоначальными индоевропейцами, а племенами, индоевропеизированными по языку и усвоившими их более высокую культуру первобытнообщинного характера.

Что касается кочевых вторжений на оседлые территории, то они были разного типа. Наиболее раннее из них, скифско-сакское, оказало мало влияния на ход всемирно-исторического процесса.

Гуннское нашествие III—V вв. н. э. (включавшее и сдвинутых гуннами с места ираноязычных, скифских по происхождению аланов) пронеслось как разрушительный вихрь по первобытнообщинной территории и странам древней имперской цивилизации. Но численность гуннских воинов была мала по сравнению с численностью всего местного населения, и, захлебнувшись, их нашествие не оставило следов ни в языках, ни в антропологическом типе, ни в культуре затронутых им стран.

Монгольское нашествие (XIII в. п. э., когда имперская древность была уже позади) было более грозным. Следует учитывать, что и монголы были взращены на молочно-мясном питании и поэтому испытывали довольно большой рост населения; но в отличие от носителей индоевропейских диалектов они были кочевниками, и рост их численности привел не к медленному растеканию, а к мощным конным набегам и к значительному увеличению давления монголов на более развитые народы соседних территорий. Из всех кочевников именно монголы и их преемники (тюркоязычные и тунгузоязычные) воздействовали на покоренные народы наиболее длительно (XIII—XVII вв.) и, как правило, сильно тормозили развитие оседлых областей. Однако монгольские властители («императоры») не обязательно полностью ломали существовавшие государственные структуры, а использовали их в своих интересах. Начало монгольским захватам положил хан Чингиз (Темучин).

Весьма важно, что влияние монгольского завоевания было неодинаковым в разных регионах. Из Руси после первых вторжений монголы ушли, и власть их ограничивалась тем, что князья должны были ездить на поклон к их ханам и получать там ярлык на княжение, а также уплачивать ханам большую или меньшую, но все же не вовсе, разорительную дань; правда, регулярность поступления ее поддерживалась время от времени опустошительными набегам на Русь. Иным, более катастрофическим, было монгольское завоевание для богатых царств и городов Средней Азии. С одной стороны, монголы сажали здесь своих собственных правителей, поэтому резня и грабеж были организованнее, а с другой — здесь складывались более сложные отношения еще и

с иной силой, тоже кочевой по происхождению,—тюрками, что кончилось слиянием тюрков и монголов, а в ряде случаев и коренного оседлого населения. Иным было и монгольское завоевание Китая. Здесь хан Кублай, внук Чингиз-хана, основал империю в собственном смысле слова. При этом монголы образовывали лишь верхушку господствующего класса китайского общества, которое продолжало развиваться по-прежнему и без особенно сильной задержки.

К монгольской кочевой «империи» в целом, и в особенности к разрушительному завоеванию стран ислама, мы еще вернемся.

С отливом избыточного населения в завоеванные области Монголия превратилась в более стабильное кочевое общество.

Наконец, тюркское движение из Центральной Азии носило характер чего-то среднего между растеканием носителей индоевропейских языков и монгольским нашествием. Древнейшие тюрки местами сочетали отгонное или даже кочевое скотоводство с земледелием. С VI в. н. э. в течение многих столетий они продвигались отдельными племенами или группами племен и на восток, и главным образом на запад, захватывая сравнительно небольшие государства, где они сажали свои династии и вводили свои дружины, сначала грабя местное население, а потом легко ассимилируясь с ним.

Поскольку все тюркские диалекты были близки друг другу, тюркский превратился в своего рода *lingua franca* для всей Центральной и Средней Азии, части Поволжья, восточного Закавказья, а затем и Малой Азии. Постепенно тюркские говоры вытеснили более древние языки сохранившегося местного населения (хорезмский, согдийский, греческий, агванский и т. д.). Отторжению подверглись и среднеазиатские группы монголов, когда они там появились. Таким образом, тюркские языки были донесены до берегов Черного моря, но следы антропологического типа первоначальных тюрок (монголоидные) наблюдаются тем слабее, чем западнее живет тот или иной тюркоязычный народ, и в Турции эти следы «сходят на нет».

Оставив теперь в стороне кочевников, обратимся к основным чертам той фазы исторического процесса, которая последовала во всемирно-историческом масштабе за четвертой фазой (имперской древностью).

В принципе все историки согласны, что здесь начинается средневековье (так, по традиции, считают на Западе), или феодализм (как считается у нас в соответствии с марксистской теорией. По ней феодализм — предпоследняя антагонистическая формация, предшествующая капитализму).

Первым диагностическим признаком пятой, средневековой фазы исторического процесса является превращение этиче-

ских норм в догматические и прозелитические (а также из оппозиционных в господствующие), причем строжайшее исполнение догм обеспечивается государством и организованной межгосударственной и надгосударственной церковью, а нормативная этика теперь толкуется в смысле освящения общественного устройства, господствовавшего в тогдашнем мире (а по существу в некоем огромном суперсоциуме).

Эпоха терпимости полностью уходит в прошлое, в ряде обществ принадлежность к оппозиционным учениям карается смертью. Догматические религии были основаны преимущественно на социальном побуждении «быть как все» и на жестком подавлении социального побуждения «новизны».

Значительного совершенствования в технологии оружия не происходит, но зато само оружие становится достоянием одного только господствующего класса, так что можно сказать, что все же происходит коренное изменение в военном деле.

Еще одним диагностическим признаком является, как уже упоминалось, эксплуатация главным образом (или даже исключительно) крестьянства, т. е. той самой части общества, которая в третьей и четвертой фазах поставляла массу лично-свободных воинов, подчинявшихся только воинской дисциплине. Война теперь становится занятием и привилегией господствующего класса.

Отметим здесь, чтобы уже не возвращаться к этому вопросу, что средневековые войны трудно объяснить социально-экономическими причинами. Почти все они (как и многие из более ранних и более поздних войн) объясняются весьма просто с социально-психологической точки зрения — как результат присущего человеку побуждения к агрессии. Завоевать и покорить соседа было и престижно и удовлетворяло социальный импульс агрессивности, который в Риме отчасти погашался гладиаторскими боями, а в конце седьмой и в восьмой фазе станет удовлетворяться футбольными и хоккейными матчами и вообще профессиональным спортом, а также бесчинствами подростковых хулиганских банд — настоящего бедствия больших городов как на Западе, так и на Востоке. В средние века мощной побудительной силой становится эмоциональное восприятие воинской славы — как личной, так и государственной. Стремление к славе, без сомнения, побуждало и полководцев древности, но⁴ именно в средние века слава институциализируется, становясь мерилем оценки человеческого достоинства всех принадлежащих к высшему сословию.

В средние века происходит некоторый прогресс в военной технике (замки, арбалеты³, броня для коней, «греческий огонь» и т. п.).

В начале этой фазы возникает «магнатское» землевладение, при котором землевладелец обладает атрибутами судебной и исполнительной власти. Круг лиц, подвергающихся эксплуатации, растет. Уровень жизни населения (и даже господствующего класса) понижается⁶. Международная торговля ослабляется, товарно-денежные отношения хиреют (местами вплоть до исчезновения монетного обращения). Позитивные науки прекращают существование, философия полностью вытесняется теологией. Установившаяся на данной обширной территории религия определяет региональные черты характера населения. Искусство, в первую очередь поэзия и живопись (иконопись), продолжают играть большую роль⁷.

Заметим, что, хотя художественная тематика и вкусы от периода к периоду меняются, изобразительное искусство как таковое (в смысле воздействия на зрителя) не знает «прогресса» — палеолитические сцены охоты на мамонта не уступают ассирийским сценам охоты на львов, портрет Нефертити, созданный в Египте художником Джехутимесом в XV в. до н. э., ничем не уступает Джоконде, созданной Леонардо да Винчи в XV в. н. э., орнамент эпохи неолита или мусульманского средневековья не уступает по эмоциональному воздействию абстрактной живописи Кандинского. Но, конечно, в период жесткого господства догмы искусство тоже сковано ее рамками; и тем не менее готические соборы и православные иконы не теряют своей эмоциональной силы и в наше «просвещенное» время. В целом же прогресса, в привычном смысле «большого блага для большего числа людей», в пятой фазе истории — средневековье, безусловно, не происходило. Это шаг истории дальше, но не «высь»; данная фаза истории (ранний период крестьянской эксплуатации) часто является нам скорее картину регресса, особенно в Европе, где она справедливо получила наименование «темных веков».

Мы будем считать «средневековьем» в Европе период от III—V вв. н. э., в Китае — от I в. н. э., в Японии — с IX в. н. э. (в других регионах соответственно в пределах своих особых сроков)⁸.

Так же как в свое время хозяйство государств ранней древности, хозяйство древних империй повсюду дошло до предела возможного экономического развития. В древности, в том числе и в имперской, сохранялась тенденция к максимальной эксплуатации подневольного класса; периодически делался упор на расширение собственно рабской эксплуатации. Так было в поздней Римской республике и в Римской империи I—II вв. н. э., то же самое мы наблюдаем и в китайских империях Цинь и Старшей Хань. Между тем с течением времени всегда выясняется низкая производительность

рабского труда. Крайняя централизация управления, усиливавшаяся даже в Римской империи, но особенно явная в Китае, также сдерживала, развитие производительных сил. Крупные землевладельцы, появившиеся во всех империях, стремились к максимальной независимости. Прогресс в военной технике и разорение жившего натуральным хозяйством свободного крестьянства в условиях мощного развития товарно-денежных отношений позволяли этим землевладельцам начать его эксплуатацию. Военное дело препоручалось профессиональной военной знати, т. е. самим же землевладельцам и созданным ими военным дружинам. Внутри империй все более ощущались центробежные силы, способствовавшие их постепенному развалу. Кроме того, играли свою роль некоторые специфические локальные явления.

Например, в Европе средневековые развивалось, с моей точки зрения, атипично. Причина заключалась в том, что здесь как раз в момент перехода обществ, уже прошедших раннюю и имперскую древность, к новой исторической фазе на большом пространстве произошли их столкновение и контаминация с обществами, стоявшими на уровне ранних чифдомов. Европоцентризм тут более чем где-либо в истории — плохое руководство для правильной классификации исторических фаз. Поэтому рассмотрение особенностей новой, пятой фазы исторического процесса я начну с противоположного конца Евразийского континента — с Китая (не с Японии, поскольку смена фаз там происходила с задержкой).

В Китае толчком к социальным сдвигам и к концу четвертой фазы исторического процесса (имперской древности) послужила «реформа» Ван Мана, который сверг на короткое время династию Хань (5—23 гг. н. э.). Он объявил себя сторонником «истинного» конфуцианства, хотя на деле скорее следовал учению «Фацзя», вдохновлявшему еще Цинь Ши Хуан-ди. Формально Ван Ман призвал к возврату «идеального» древнего общественного устройства и борьбе с безудержной коррупцией бюрократического аппарата. На самом деле он попытался довести имперскую централизацию до крайних и, как оказалось, неосуществимых пределов.

Всю землю империи, в качестве якобы государственной, он решил переделить на равные мелкие наделы, не считаясь с реальным общинным устройством земледельческих хозяйств, причем земельный налог был увеличен; всех рабов он также объявил государственными. Торговля, в том числе работорговля, была до крайности затруднена стремлением Ван Мана сделать ее «справедливой». Естественное возмущение зверски каралось: за «преступление» обращался в рабство не только сам «преступник», но и полностью пять семейств (большая семья?). Так были поработаны сотни тысяч

людей, значительная часть которых погибла при пересылке и на каторге. Кредит, т. е. фактически ростовщичество, также был передан государству. Все это вызвало тяжелый экономический кризис, Головокружительную инфляцию. Стали все ярче проступать явные признаки фазового перехода.

Для своей безрассудной реформы Ван Май выбрал предельно неудачный момент. С запада грозили сильные орды кочевников сюнну, захватившие огромные* пространства и оборвавшие «шелковый путь». В самой стране началось страшное стихийное бедствие — катастрофически изменяла русло главная река Китая — Хуанхэ (и это длилось в течение всего I века). В стране вспыхнули восстания, наиболее мощным из которых было восстание «Красных бровей». Ван Ман был побежден и покончил с собой. С «Краснобровыми» оставшимися в живых членам династии Хань пришлось бороться еще несколько лет.

С приходом к власти Младшей династии Хань (29 г. н. э.) в Китае начался постепенный переход к следующей, пятой фазе мировой истории. Он, конечно, был вызван внутренними противоречиями китайской имперской древности; кризис был неминуем, но предыдущая фаза могла продлиться в стране дольше, если бы ее конец не приблизили безумные действия единичного тирана.

При Младшей династии Хань не только восстанавливается коррумпированная бюрократия (при частном землевладении), но и появляются, как первый признак средневековья, зачатки «магнатского» землевладения: наиболее богатые землевладельцы, так называемые «сильные дома», брали под «патронат» маломощные сельскохозяйственные хозяйства, получая, видимо, с них натуральные поборы, но платя за них государственные налоги; хозяева становились лично-зависимыми от магнатов, при этом патронат фактически привязывал крестьян к земле. Магнаты присваивали себе и право суда над своими крестьянами. Существование всеобъемлющих «магнатских» хозяйств с публично-правовыми функциями приводило к упадку денежного обращения и возрождению товарообмена.

В то же время одним из важных источников рабства было обращение в рабов по суду за преступления. Тем не менее рабство не могло играть сколько-нибудь большой общественной роли. В обширных магнатских хозяйствах для эксплуатации рабов не хватало средств принуждения.

Императоры пытались сохранить и даже усилить централизованную администрацию и стабилизировать налогообложение, но сумма собираемых налогов падала. В начале II в. продолжались катастрофические наводнения на Хуанхэ. Северный Китай подвергся нашествиям новых "кочевников —

сяньби. Отчасти в связи с этим происходит еще один важный процесс, который стал возможным благодаря освоению техники грядочного земледелия и в особенности рисоводства: началось отселение части «сильных домов» со всеми зависимыми людьми на ранее свободные заболоченные или покрытые густыми лесами пространства Южного Китая.

Должны ли мы рассматривать период пребывания у власти Младшей династии Хань, особенно его вторую половину, как последний этап фазы имперской древности или как продолжение фазового перехода к средневековью? Изменения в характере как производительных сил, так и производственных отношений кажутся очевидными. Внутренней войне, приведшей к свержению Ван Мана, может быть приписано революционное значение, но, как мы уже указывали, насильственный переворот необязателен для признания наступившей смены исторических фаз.

Кажется более правильным считать, что при Младшей династии Хань завершился фазовый переход к новой, пятой фазе человеческой истории — средневековью. Помимо возникновения «магнатского» землевладения на это указывает и другой важный диагностический признак: появление в ханьском Китае нормативного, догматического учения. В основу его было положено конфуцианство в новой редакции, сформулированной философом Дун Чжуншу, советником ханьского императора У-ди, и дававшей оправдание возникшему социальному и государственному строю.

Дун Чжуншу соединил конфуцианское учение с учением о мужском (позитивном) и женском (негативном) началах — натурфилософские понятия *ян* и *инь*, сочетанием которых объясняется все многообразие явлений мира (понятия *ян* и *инь*, по-видимому, впервые были системно использованы даоизмом).

Важно, что Дун Чжуншу принадлежит идея назначать на административные посты лиц, прошедших курс конфуцианского учения в специальной академии. Эта система отбора администраторов с помощью экзаменационных испытаний получила большое развитие в позднейшие времена и определила на столетия самый облик китайского общества. Со 136 г. до н. э. (еще при Старшей Хань) были введены «экзамены», и конфуцианство в толковании Дун Чжуншу было признано официальным учением империи. То, что общество далеко еще не порвало с традициями древности, показывает, однако, философия другого позднеханьского мыслителя (I в. н. э.), Ван Чуна, исходившего, казалось бы, из тех же конфуцианских посылок, но стоявшего на позиции материализма и впервые поднявшего вопрос о необходимости опытного доказательства выдвигаемых истин.

Усиление «магнатского» землевладения, естественно, вело к ослаблению центральной власти и к развалу империи. В 184 г. вспыхнуло антиимперское и в сущности антиконфуцианское мощное восстание «Желтых повязок». Оно не носило крестьянского характера — его деятели не выдвигали требования о земельном переделе и ограничивались конфискацией, якобы для благотворительных и военных нужд, продовольствия и других необходимых ресурсов. «Желтые повязки» были разбиты, но и среди победителей-«магнатов» не было единства. Одновременно усилилось нашествие кочевников скиту и сяньби, а затем тоба на северо-востоке Китая, которые даже создали собственную «китайскую» династию.

В середине III в. начинается период Троецарствия, для которого характерно укрепление и расширение «сильных домов», в составе которых так называемые *кэ* («гости» — колонны) превратились в бесправных держателей земли на основе долговой кабалы. Происходит новое сословное деление общества («людей» — *минь*) — на «подлый народ» (*цзяньминь*) и «добрый народ» (*ляньминь*), а к IV—VI вв. появляется учение о том, что само Небо установило деление людей на «аристократов» (*ши*) и «простолюдинов» (*шужэнь*). Ни к тем ни к другим, однако, не относились рабы и домашняя прислуга. Сословные перегородки возникали и внутри нового господствующего класса. Магнаты имели и собственные войска, причем принадлежность к военному сословию стала наследственной. Имперские власти тщетно пытались противостоять этому процессу. Одновременно продолжался натиск кочевых племен на страну и в то же время все более сильный отток населения на юг.

Период усобиц длился с начала III по конец VI в. К этому времени, однако, относится творчество великого китайского лирического поэта Тао Юаньмина (365—427). Кратковременное восстановление империи произошло при династии Суй (в 580-х годах), которая за счет применения массового принудительного труда улучшила систему каналов, объединившую долины Хуанхэ и Янцзы, отстроила имперские городские центры Льян и Чанань. Была обновлена Великая Стена против кочевников, завершенная еще при Цинь Ши Хуан-ди (но она никогда не служила гарантией защиты от кочевых племен). Велись завоевания и за пределами Китая. В числе прочих династия Суй воевала (неудачно) и с тюрками, которые в этой связи впервые упоминаются в истории (в Восточной Монголии, где в 550-х годах возник их первый каганат).

Непосредственным продолжением династии Суй была династия Тан, основанная в 618 г. Ли Юанем. Средневековый характер династии Тан, как и Суй, конечно, не подлежит никакому сомнению, хотя при этом отмечается рецидив применения рабского труда. Характерно, что при Тан налог собирается в натуре (при династии Хань все налоги, кроме позе-

мельчаго, взимались в деньгах). В то же время сохраняется социальное деление, сложившееся при Младшей династии Хань. История Тан наполнена войнами с внешними силами (уничтожение Восточнотюркского каганата в 630 г., поражения, нанесенные Западнотюркскому каганату в 657 г., завоевания в Индокитае и Корее). Наблюдается также деструктивное соперничество китайских военачальников и придворных групп (в это время преимущественно евнухов).

Тем не менее танское время было для средневековой фазы периодом наибольшего расцвета. Центр государства из бассейна Желтой реки (Хуанхэ) постепенно переходит в бассейн Янцзы, где население быстро росло в связи с успехами рисоводства и грядочной системы земледелия (оказавшей впоследствии большое влияние на выработку национального характера китайцев, терпеливого и обстоятельного в работе до мелочей). Рисоводство продвигается и на север. Растет население, развивается торговля внутренняя и внешняя, появляется много чужестранцев, несших в Китай буддизм (еще с I в.), христианство, зороастризм и манихейство (о котором см. примеч. 14). Но, несмотря на успехи торговли, товарно-денежные отношения в городах не развиваются, денежное обращение осложняется тем, что с государственным монетным двором соперничают дворы частные. В VIII в. впервые вводятся переводные чеки банкиров — «летающие деньги». В XII в. осуществляется первый массовый выпуск бумажных денег. Кодифицируется право.

В то же время становым хребтом империи остается бюрократия. Именно служилые грамотеи начинают верховодить в обществе при одновременном огромном росте влияния крупных землевладельцев. Уже ранее вводившаяся система экзаменов на чин получает более четкое развитие при династиях Суй и Тан, но путь в бюрократию был все же открыт главным образом для той же землевладельческой знати; и даже независимо от экзаменов, она оспаривает действительное господство бюрократов в стране.

Императоры Танской династии покровительствовали сначала даоизму, а потом буддизму, но конфуцианство никогда не теряло своих позиций в идеологической жизни Китая. Вместе с налаживанием экзаменационной системы пополнения администрации большое место занимает изучение конфуцианской литературы.

С начала средних веков определяющим учением в Китае было именно конфуцианство, хотя его влияние могло от периода к периоду усиливаться или ослабевать. В этом отношении роль конфуцианства была аналогична роли католичества в Европе или ислама на Ближнем Востоке. Однако, будучи официальным и обязательным учением, конфуцианство ма-

ло похоже на религию в общепринятом смысле. Так, оно допускало, с меньшей или большей степенью свободы, функционирование разных религиозных учений (прежде всего буддизма и даоизма) — в той мере, в какой они не нарушали государственный и этический порядок, требуемый конфуцианством. Преследование инакомыслия в известной степени имело место и в Китае. В то же время конфуцианская этика все более впитывается как буддистами, так и даоистами, становится образом жизни.

Грамотность была распространена среди широкого слоя чиновного населения. Массовый спрос на конфуцианскую классическую литературу привел в IX в. к изобретению книгопечатания (с досок — так называемая ксилографическая книга, выпускавшаяся в тысячах экземпляров; в особенности размножались буддистские сочинения).

Что касается общей технологии производства, то здесь, кроме грядкового земледелия (в VIII в. начали возделывать чай), наблюдалось мало прогресса. Но в области военной техники отмечается появление башенной архитектуры, улучшение брони не только для воинов, но и для коней.

Большим достижением танской культуры была литература. В прозе продолжали развиваться более или менее «утилитарные» жанры — история, философия, прозаические диспуты на моральные и философские темы. Художественная проза появилась сначала в виде переводов буддистских книг, а в IX в. создаются и свои прозаические литературные жанры. Однако главной, непреходящей славой танского периода была лирическая поэзия (Ли Бо, 701—722, Ду Фу, 712—770, Бо Цзюй, 772—846); замечательно и танское изобразительное искусство.

Можно без преувеличения сказать, что танский Китай являет собой картину наиболее яркого расцвета общества пятой, средневековой фазы.

Последовавшие за Танской династия Сун, а также монгольская династия Юань, как мне кажется, относятся уже к шестой фазе.

В Японии фаза средневековья начинается с переноса столицы из Нары в Хэйан в IX в. Превращение всей земли в государственную оказалось невозможным. Все шире распространяется система поместий (*сёэн*), принадлежащих знати. В то же время фигура тэнно становится все более ритуальной, а реальная власть переходит к наиболее знатным родам, возглавлявшим военные отряды, — прежде всего к роду Фудзивара. В середине XII в. разгораются истребительные усобицы между родами Минамото и Тайра; в 1192 г. вождь победившего рода Минамото, Еритомо, был объявлен «полководцем» (*сёгун*). С этих пор страной правили именно сёгу-

ны и лишь в редких случаях тэнно; их положение остается в основном ритуальным в течение всего средневековья и постсредневековья.

Общественный строй, сложившийся в Японии в XII—XVI вв., в высшей степени напоминает западноевропейский феодализм, и этот период, безусловно, можно охарактеризовать как пятую (средневековую) фазу. Сегуны опирались на военно-феодалное сословие знати — *буси*, рядовые члены которого назывались *самураями*. Они очень напоминают европейское рыцарство и вооружением (они носили броню, похожую на европейскую), и понятием дворянской чести (когда была затронута честь, а отомстить было нельзя, полагалось делать *харакири* — кончать самоубийством). Зависимость крестьян от военного сословия напоминала крепостничество.

Господствующей религией стал буддизм (в новых, доступных для широкого понимания вариантах; в конце концов возобладали дзэн-буддизм). Как уже упоминалось, буддизму в отличие от христианства не-свойственна нетерпимость: он готов признавать существование любых божеств, которые, как и люди, имеют свою *карму*. Поэтому буддизм не исключал и традиционных культов синто. Именно отсутствие у буддизма нетерпимости явилось причиной того, что японское средневековье в отличие от европейского привело не к упадку художественной литературы, а к ее расцвету. Развивается художественная проза. Роман придворной дамы Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи» принадлежит к вершинам мировой литературы. Развивается, главным образом под буддистским воздействием, лирическая поэзия в характерных лаконических формах (*танка*).

Две попытки монголов захватить Японию с помощью китайского флота (в 1274 и 1281 гг.) сорвались отчасти из-за тайфуна, отчасти из-за решительного сопротивления японцев.

В 1316—1339 гг., свергнув сегунов рода Минамото, правил император Дайго II. Он пришел к власти с помощью соперничавшего с Минамото-рода Асикага, который затем господствовал в Японии более 200 лет. При Асикага Япония формально признала вассальную зависимость от китайской Минской династии. (В Китае официально всегда считалось, что в мире существует лишь одно независимое государство — Китайская империя, все остальные — вассальные варвары.) Японская сторона бралась бороться с пиратами на море, за что получала деньги от минского правительства — минские монеты стали средством денежного обращения в Японии.

Период Асикага (1335—1587), как и предшествовавший, типологически мало отличается от европейского средневековья. К концу его начинает зарождаться городская буржуазия. С XVI в. Япония вступает в фазу постсредневековья.

В Индии ввиду отсутствия исторической традиции и по-

тому, что климат ее не способствует сохранению документальных материалов, реконструкция глубинных процессов истории очень затруднена. Здесь мы остановимся только на одной стороне дела — социально-психологической и идеологической.

Государство Маурья (IV—II вв. до н. э.) оказывало поддержку буддизму. Тем не менее не делалось препятствий развитию и других учений. В течение этого и последующего периодов сложились канонические книги, создавшие впоследствии идеологическое осмысление индийского средневековья. Идеологией его стал индуизм.

Один исследователь пишет: «Индуизм — не религия, а образ жизни». В этом определении немало верного¹⁰.

Хотя ведические гимны, обращенные к древнеиндийским богам, во все периоды оставались священными для индийцев и читаются всегда во время религиозных собраний, религия средневековой Индии, вытеснившая буддизм, совершенно отличается от ведической. Подобно тому как буддизм и конфуцианство были философскими учениями, прежде чем стали религиями, так и основанием индуизма явилось религиозно-философское учение. Если оставить в стороне Пураны (они были первоначально стихотворными комментариями к Ведам, но в сохранившихся частях как бы перебрасывают мост к позднему индуизму), то религиозно-философской основой будущего индуизма явились Упанишады. Разбирая суть существующего, они видят ее не в материи, не в жизненном существовании, не в разуме и логическом познании, а в блаженстве (*ананда*), достижимом за пределами мысли. Затем Упанишады рассматривают «самость» — *атман* («бытие самим собой») и приходят к выводу, что это — универсальное сознание, существующее как в тебе самом, так и вне тебя. Наше внутреннее «я» идентично универсуму (*брахман*), поэтому в отношении человека к человеку «он — это тоже ты». Брахман как универсум не имеет прямого определения, а только негативное («не то», «не это»). Но универсум проявляется в бесконечном разворачивании картины внешних явлений (*майа*). Как и в буддизме, спасение лежит в освобождении от всего чувственного и личного.

Дата составления Упанишад неизвестна, но они, видимо, предшествовали появлению буддизма, который давал более простые и доходчивые ответы на религиозно-философские проблемы Упанишад.

В дальнейшем философия Упанишад развивалась в так называемых «шести учениях» (*дършанах*), древнейшие из которых (*санкхья*, *йога*) были уже известны Будде, а наиболее поздние относятся к раннему средневековью. Все они иногда объединяются как «Веданта» («Завершение Вед»), но обычно «Ведантой» называются только наиболее поздние из даршан, разрабатывавшиеся философами Шанкаррой (IX в.), Рамануджой (XII в.) и Мадхвой (XIII в.).

Признание единого общего начала, находящегося за пределами познания, каковое есть бра́хман (причем весь мир — лишь его проявления), открыло дорогу к сохранению политеизма: каждое божество есть тоже проявление брахмана. Развилась концепция *аватар* — проявлений божества в различных лицах и формах (вплоть до животного или фаллического облика). Основным для всех индуистов текстом является «Бхагавад Гита» — стихотворная вставка в текст великого древнеиндийского эпоса «Махабхарата». Первый комментарий на «Гиту» писал еще Шанкара. «Бхагавад Гита» — это диалог богатыря Арджуны, которого воинский долг заставляет убивать в бою своих родичей, и его колесничего, который на самом деле является аватарой бога Кришны, а тот, в свою очередь, — аватарой одного из верховных богов, Вишну (по некоторым индуистским учениям, только Вишну именно и есть верховный бог). Диалог превращается в обсуждение моральных проблем индуизма. Одним из важнейших утверждений Кришны является: «Какого бы бога человек ни чтит, Я отвечаю на молитву» (ср. в «Десяти заповедях» Ветхого Завета: «Да не будет у тебя иных богов, кроме Меня»). Таким образом, индийская религиозная философия допускает любые формы богопочитания (современные индуисты почитают и Христа), любые формы политеизма при общей философской монотеистической основе.

Учение «Бхагавад Гиты» привело к тому, что в пределах индуизма возникли различные по форме политеистические течения, из которых важнейшие, но далеко не единственные — вишнуизм и шиваизм. Все течения признают высшим божеством Брахму — создателя, восседающего в вечном покое где-то на Гималаях. Культ Шивы мельком упоминается в Ведах, вероятно, восходит к индской цивилизации и к дравидскому населению Индийского субконтинента¹². Вишну посвящено несколько гимнов в Ведах, но ведущую роль эти культы получили только в средневековье. Большую роль в индуизме играют богини (например, Парвати).

Важным элементом индуизма является понятие *дхармы*, т. е. навечно предписанного человеку удела, в пределах которого лежит его *карма*, что, собственно, означает «деяние». Учение о карме предполагает признание вечного переселения душ и состоит в том, что счастье и несчастье человека зависят от его деяний в этой или прошлой жизни и что всякое злое деяние портит карму в будущем рождении; это учение свойственно и буддизму.

Дхарме, непремennomу и вечному уделу человека, придается в индуизме центральное место. Именно на ней основана кастовая система, определяющая весь облик индийского общества от начала средних веков и до наших дней.

Неправильно рассматривать касты как дальнейшее подразделение ведических сословий — варн, хотя существуют, например, касты специально брахманские (жреческие). В сложении каст, возможно, сыграло известную роль и тесное соприкосновение северного, индоарийского населения с южным, дравидским. Как система касты стали складываться около начала нашей эры, но они еще не были вполне замкнутыми, потому что от государства зависело перемещение отдельных лиц и целых групп из касты в касту. В развитой кастовой системе каждая каста не являлась ни социальной, ни профессиональной общностью. Существуют касты экзогамные, запрещающие браки внутри группы, группы «соедоков», которые не могут принимать пищу от других групп. Нарушение правил касты, даже неосторожное общение между кастами ведет к «осквернению»; существуют касты, которым поручена деятельность, оскверняющая членов других каст, например касты мясников, цирюльников, мусорщиков. Такие касты чаще всего «неприкасаемы» для членов остальных¹. Все касты объединяет то, что члены каждой имеют общую карму.

Для индуизма, в отличие от религии ведического периода, характерны вера в переселение душ, запрет жертвовать любой жизнью (если только быть воином — не твоя карма); особенно запретным является убийство коров, считающихся священными. Рецитации культовых текстов и другие ритуалы происходят в недрах семьи: храм — жилище божества, которое можно посещать, но нельзя в нем совершать богослужение в европейском смысле слова.

Мы уделяем столько внимания описанию индуистских верований и индуистской кастовой системы потому, что, в отличие от средневековья всех других стран, индийское средневековье не выработало общеобязательной религиозно-догматической системы. На наш взгляд, это объясняется тем, что никакие ереси здесь не были опасны, поскольку сама кастовая система разобщала людей, так что существующему общественно-государственному строю ничто не могло угрожать.

В технологическом отношении, в том числе и в военном деле, индийское общество находилось в общих чертах на том же уровне, что и другие средневековые общества. Причины перехода к средневековью в Индии нам не вполне ясны ввиду скудости источников, но надо думать, что здесь Индия не особенно отличалась от других регионов.

Важнейшим явлением в истории Индии в этой фазе были завоевания частей страны мусульманами и введение в них ислама (об этом речь пойдет ниже, в связи с исламом).

Переходя к Ирану, вначале следует вкратце сказать, что Парфянская империя (III в. до н. э. — III в. н. э.) вполне сопоставима со Старшей династией Хань в Китае, а последовавшая за ней Сасанидская империя (III—VII вв. н. э.) — с Младшей династией Хань (и, по В. Г. Луконину, с династией Тан). В Парфянской империи еще существовали, хотя и влачили довольно призрачное существование, отдельные полисы. Проявлялась значительная веротерпимость, несмотря

на то что династия и большая часть знати были привержены некой архаичной форме зороастризма. Цельность империи нередко нарушалась появлением местных и соперничавших династов. Уровень вооружения не особенно отличался от ханьского или римского (но уже в парфянский период появляются профессиональные воины-конники, одетые в кольчугу.— катафрактарии).

При Сасанидах гибнут самостоятельные города, на их месте возникают административные центры — царские ставки под властью царских же чиновников. В обществе господствует «магнатское» землевладение, и грань между крупным землевладельцем и мелким государем была нечеткой. Первоначально (в течение III в. до н. э.) являвшее собой скорее конфедерацию отдельных царств, Сасанидское государство в дальнейшем стремилось к централизации. Общество делилось четко на четыре сословия: жрецов (магов), воинов, чиновников и земледельцев; в последнее сословие входили также ремесленники, купцы и еще врачи. Деление на сословия не вполне соответствовало реальному классовому делению; в господствующий класс кроме воинов входила и часть писцов. Кроме того, сословие воинов делилось на царских родичей (*васпухров*), магнатов (*вазшргов*) и прочих (*азатов*, что означает «свободные»). Существовала сложившаяся придворная иерархия, отражавшаяся и в костюмах. Земля разделялась на царскую (*дастакерт*), на землю мелких царьков (*шахр*) и (только в первое время, преимущественно на западе) землю городов. Эксплуатируемое крестьянство входило либо в состав дастакерта, либо в состав шахра; сельские округа при городах перешли в состав дастакерта. Огромными богатствами пользовались храмы огня.

При Сасанидах было кодифицировано иранское право, представлявшее сложную и продуманную систему.

Идеологической основой Сасанидского государства была религия зороастризма — реформированная в сторону большего догматизма. Важнейшую роль играл культ огня. При этом складывался и культ сасанидского царя. Так же как при Старшей династии Хань конфуцианство было реформировано Дун Чжуншу, при династии Сасанидов в середине III в. н. э. зороастризм был реформирован Картиром (а потом еще вторично в конце века). Но так же как при Ханьской династии терпели буддизм, даоизм и другие учения, так и при Сасанидах существовали оппозиционные учения, с которыми был установлен *modus vivendi*. Так было с иудеями, христианами и на первых порах с манихеями", однако основатель учения, Мани, в конце концов погиб, а манихеи ушли в подполье. Запрещено было манихейство позже и в Китае. Христианство в Иране преследовалось как религия врагов

государства — византийцев, но затем было официально допущено с 484 г., когда восточные христиане отказались принять византийский «Символ веры» и образовали особые христианские церкви несториан и монофизитов; они обладали, самоуправлением во внутренних религиозных и гражданско-правовых делах. В таком же положении были и иудеи (евреи), которых немало было в городах и селах сасанидской Вавилонии. Главой христиан перед лицом сасанидского правительства был патриарх, главой евреев — *реш-галута* («глава изгнания»). Тот и другой отвечали за сбор податей, со своих единоверцев. Среди ремесленников и купцов тоже были по вероисповеданиям свои отдельные «главы».

По уровню развития технологии Сасанидское царство недалеко ушло от своих предшественников; лишь в военном деле, видимо, слагалось «рыцарское» войско с опорой на укрепления — городские и другие. Большую роль играла международная торговля: она велась на север через Среднюю-Азию (там возникли государства по типу ранней древности и господствовал зороастризм несколько иного типа, чем в Иране, а также манихейство) и далее навстречу китайскому «шелковому пути»; на юг шел «путь благовоний» в Южную Аравию и оттуда в Индию по морю. Торговля была в значительной мере в руках христиан-несториан (арамеев, или «сирийцев»), а также манихеев и неортодоксальных зороастрийцев—согдийцев. Поселения и тех, и других, и третьих протянулись через Центральную Азию до Китая, а через море—до побережья Индии. По-видимому, купцы старались держать свои главные перевалочные центры подальше от досягаемости Сасанидской империи. Иранская знать в торговле сама не участвовала, но, без всякого сомнения, сильно на ней наживалась.

Несмотря на свой имперский характер, Сасанидское государство, как и государство Младшей династии Хань, принадлежит скорее к раннему средневековью, чем к имперской древности.

О гибели Сасанидской державы мы скажем ниже, когда будем говорить об исламе.

Типологическое сходство между поздней Римской империей, Сасанидским Ираном и поздниханьским Китаем настолько велико, что можно было бы пренебречь их частными расхождениями, если бы не некоторые специфические или внешнего происхождения обстоятельства.

Технология со времен ранней Римской империи изменилась мало, в том числе и в области оружейной техники; но из века в век менялась структура войска. Если раньше в войско призывались свободные земельные собственники, то теперь постепенно создается профессиональная армия из наследственных воинов. Специфической особенностью поздней империи было сохранение системы городов (теперь называемых не полисами, а муниципиями), причем горожане (муниципалы, потом куриалы) продолжают использовать в производстве рабский труд, в то время как за пределами го-

родских земель используется труд колонов. Но рабы переводятся на пекулий (свободное владение средствами производства и другим имуществом при сохранении права хозяина на собственность) и тем самым все менее отличаются от колонов. В то же время муниципалы обременены *литургиями*, т. е. обязательными затратами на строительство и поддержание общественных сооружений (зданий, дорог, водопроводов и т. п.). Когда-то бывшая почетной обязанностью зажиточных членов полиса, литургия успела превратиться в обременительный налог.

Государственного сектора хозяйства в Римской империи никогда не было (поскольку империю создал не какой-либо государь, а полис Рим). Земля делилась на муниципальную, которой в принципе владели горожане, и экзимированную (букв. «изъятую»), где преобладали крупные хозяйства — *сальтусы*, а также (в особенности в периферийных областях) крестьянские общины. При всей непоследовательности действий отдельных императоров общая тенденция заключалась в стремлении к ликвидации разницы между муниципальными и экзимированными землями. Среди куриалов идет расслоение на меньшинство, являвшееся средними землевладельцами, и большинство, сливавшееся с эксплуатируемым классом. Уже в III в. происходит неофициальное общее разделение жителей империи на «почтенных» (*honestiores*) и «скромных» (*humiliores*), а с IV—V вв. — и официально-законодательное их деление на «сильных» (*potentiores*) и «низших» (*inferiores*), чем и завершается фазовый переход к средневековой структуре общества (ср. аналогичную терминологию в Китае III—VI вв.).

Ведущим явлением в экономике поздней Римской империи стало сложившееся между III и V вв. «магнатское» землевладение, при котором магнаты соединяли в своих руках права собственности с административной, а затем и судебной властью. Ввиду обширности «магнатских» владений «низшим» в них жилось привольнее, и происходил массовый отток населения из городов в *сальтусы* с захирением городов. Внутри «магнатских» владений все более господствует натуральный обмен; хотя денежное обращение и не прекращается, но деньги обесцениваются (например, вместо серебряной монеты выпускается посеребренная медная).

В области идеологии власть долго пыталась сохранить древние полисные культы (с добавлением обязательного для всех культа императора), и при императорах Деции (ок. 250 г.) и Диоклетиане (284—305) происходят кровавые преследования христиан. Однако твердость христианских мучеников лишь укрепляет их оппозиционное учение. Оно было сильно своим отрицанием этнических и сословных пере-

городок (по апостолу Павлу, «нет ни эллина, ни иудея, ни свободного, ни раба»), организованностью, щедрой взаимопомощью и помощью другим, не говоря уже о надежде, которую оно давало отчаявшемуся населению Римской империи (впрочем, христианское учение распространилось и за ее пределы). В конце концов власти решают, что, чем подавлять диссидентов, лучше взять их учение на «вооружение». Христианство успело к тому времени распространиться среди всего населения, и при императоре Константине (в 313 г.) оно было введено как обязательное для всех подданных империи догматическое учение (но еще не исключавшее старую веру — ее запретили только в 381 г.). Попытка императора Юлиана создать на базе традиционных греко-римских культов альтернативную универсальную религию (361—363 гг.) не удалась. И уже начинаются преследования «язычников» (особенно известно зверское убийство в Александрии в 415 г. женщины-философа, неоплатоника Гипатии христианской толпой, видимо возбужденной патриархом Кириллом. Что касается последнего, вообще прославившегося преследованием разных инакомыслящих, то он был причислен к лику святых).

Возникшее еще в I—II вв. в Египте движение анахоретов, бежавших в пустыню от насилия местной бюрократии, превратилось в эпоху победы христианства в движение христианского монашества: монахи удалялись ради спасения души в нежилые места (*пустыни*), селились в покинутых башнях, а затем стали образовывать монастырские общины. Монахи, более строго исполнявшие требования Христова учения, в частности — целомудрия, пользовались уважением верующих, и из них в значительной мере выдвигались церковные руководители. Существовало даже мнение, что иначе чем через монашество спастись нельзя.

В христианстве вводится специальная иерархия: *диакон* — «помощник», *иерей* — «священник», *епископ* — «надзиратель» и *патриарх* — титул, получаемый главенствующими епископами. Выше всех стоял патриарх Рима — «*papa*». Догматические основы христианства («Символ веры») утверждаются на специальных съездах иерархов — «соборах» (первые и важнейшие — Никейский в 325 г., на котором председательствовал император Константин, в то время формально еще не крещенный, Константинопольский в 381 г. и Халкедонский в 451 г.). Важнейшее положение «Символа веры» заключалось в том, что организацией всех христиан является церковь: во-первых, единая и святая; во-вторых, апостольская (ибо апостолы получили благодать от Христа, их ученики — от апостолов, и так до последнего иерея); в-третьих, всеобщая (католическая); и в-четвертых, единственно правильная

(православная). Остальные положения «Символа веры» были сформулированы так, чтобы каждая фраза опровергала какую-либо отдельную «ересь», а различных толкований учения Христова в это время было множество. Некоторые и «еретических» учений были подавлены, другие ответвились в особые церкви.

Характер богословских споров, как в раннем средневековье, так и в постсредневековье, современного человека, привыкшего к разномыслию, часто поражает своей мелочностью — тем, что англичане называют «расщеплением волоска» (hair-splitting). Происходило это оттого, что христианская иерархия приняла на себя (в силу «апостольской благодати») право решать вопросы, которые не освящены ни евангелиями, ни апостольскими посланиями и решение которых, казалось бы, должно быть предоставлено самому Богу. Таков, например, был в IV в. спор между сторонниками «единосушности» Бога-Сына (= Иисуса Христа) Богу-Отцу и сторонниками его «подобносушия», и еще в XVII в. — спор между янсенистами и иезуитами о соотношении свободной воли и божественной благодати для искупления грехов и спасения грешников: иезуиты делали упор на благодать, янсенисты — на свободную волю. Кое-кто в результате был казнен. Каждый такой спор (а их было немало) был, конечно, определенным образом политически обусловлен, а подавление «еретиков» принимало самые жесткие формы.

Окончательно порвав с римскими полисными традициями, император Константин перенес столицу империи из Рима в г. Византии на берегу Босфорского пролива между Черным и Мраморным морями (330 г.); новая столица получила название Константинополь (ныне — Стамбул), а новая Восточная Римская империя стала называться и Византийской, хотя Рим продолжал быть параллельной столицей до конца V в.

Плавный ход развития средневекового общества на Западе прервался катастрофическими событиями внешнего происхождения, приведшими к падению имперской власти в Западной Европе во второй половине V в., — вторжением войск и племен, стоявших на уровне чифдомов и ранней древности. К ним мы вернемся ниже. Но на востоке Римской империи вторжение удалось несколько сдержать, и здесь развитие, начавшееся в поздней Римской империи, продолжается без особых изменений еще в течение нескольких столетий. Последним императором, еще задававшимся целью восстановить Римскую империю в ее прежнем объеме, был Юстиниан (527—565), который вел также долгую и бесполезную войну с сасанидским Ираном.

Судьба Западной Римской империи, с одной стороны, и

населения Восточной Европы к северу от Византии — с другой, была связана с явлениями особого рода, выпадающими, казалось бы, из намеченной схемы, но на самом деле подчиненными тем же закономерностям фазовых переходов: исчерпанием возможностей развития общества при данном состоянии «производительных сил» (т. е. преимущественно технологии); возникновением социально-психологического комплекса «несправедливости»; перестройкой (сверху или снизу) существующих производственных отношений с опорой на новую технологию производства оружия. Процесс этот повторяется при каждой исторической фазе, но он не синхронен в разных регионах мира; это зависит от различий в природной среде и ресурсах, необходимых для введения нового вооружения и повышения уровня и качества потребления. Поэтому в иные периоды в разных местах Земли происходят соприкосновения обществ четвертой или пятой фазы с обществами второй или третьей фазы, а также с кочевниками, что приводит к нестандартным, но имеющим очень серьезные исторические последствия ситуациям.

Дело в том, что население таежно-лесной зоны Европы к северу от Альп и на запад от Днепровского бассейна задержалось вплоть до первых веков нашей эры на уровне чифдомов. Это было обусловлено естественными условиями (лишь сравнительно небольшие площади могли быть очищены от леса под пашню и особенно под пастбища для крупного рогатого скота)¹⁵. Часть таежного населения жила даже в первобытной фазе. Между тем оживленный обмен с Римской империей дал племенам технологию, характерную для имперской древности и даже для эпохи перехода к средневековью. Это привело к избыточному росту населения и к уникальному явлению: массовому переселению уже ранее оседлых племен на юг, к границам и на саму территорию Римской (а позже Византийской) империи. Переселялись две ветви германцев: готско-вандалская и центральная (алеманны, франки и др.), а также славяне. Первоначально соприкосновения между Римом и «варварами» (в данном случае германцами) были эпизодическими, причем агрессивной стороной был Рим, но затем начинается определенное давление германских племен на римские границы. Видимо, в связи с ростом в Римской империи числа колоннов и относительным уменьшением численности свободных воинов империя стала испытывать недостаток в вооруженных силах и пошла на то, чтобы размещать «варваров» внутри своих границ в качестве так называемых «федератов» (союзников), широко используя их в вооруженных силах. Римская армия в последние века империи становилась все менее римской.

Часть германцев, которые переходили на римские земли,

приняла христианство (но не в признанной Римом католико-православной форме, а в форме арианства: ариане считали Христа человеком, лишь после рождения воплотившим в себе Божество); а те из германцев, кто не принял христианство, тоже перестроили свою идеологию: вместо прежнего Донара, верховного бога-громовержца (что было типично для чифдомов), они признали верховным божеством второстепенного бога-странника Вотана, которого римляне отождествляли со своим Меркурием. Подойдя по своим жизненным условиям к уровню, когда стало возможно классовое устройство общества, германцы начали создавать по обе стороны Римской границы свои чифдомы, а затем и государства. В результате в Северной Африке, Испании, нынешней Франции и в полосе между Рейном и правыми притоками Днепра образовались королевства, соединившие в себе признаки ранней древности и раннего средневековья.

• Германцев упоминает в своих «Записках» Юлий Цезарь (I в. до н. э.) в связи с их попытками перейти Рейн в Галлии (области нынешней Бельгии и Франции), которая тогда уже была завоевана Римом. Если верить сведениям Цезаря, германские племена того времени еще не вышли из первой фазы первобытности. Почти на 150 лет позже их подробнее описывает римский историк Тацит, и по его описанию ясно, что мы имеем дело уже со второй, первобытнообщинной фазой общественной истории.

В первой половине I тысячелетия н. э., еще до возникновения у них первых государств, германцы и славяне образовывали различные племенные союзы, быстро распадавшиеся, судя по тому, как меняются их обозначения и локализация в римских источниках. В своих первоначальных местах жительства германцы были преимущественно земледельцами, но во время походов они становились скотоводами. Первые германские государства принимают характер больших, но неустойчивых конгломератов наподобие африканских империй фулани или зулусской в XIX в. Территории варварских королевств быстро менялись и даже передвигались на сотни километров в стороны. Мы не будем рассматривать все перипетии этой политически очень сложной истории и остановимся только на нескольких наиболее ярких примерах.

Возьмем прежде всего готов и родственных им вандалов. Живя в железном веке, германцы имели железные наконечники стрел и копий, однако в целом вооружение германского воина соответствовало описанному нами выше вооружению воина времен начала ранней древности. Родиной готов была Южная Швеция¹⁶ — область, которая и сейчас называется Гётланд (ср. также о-в Готланд по соседству). В Скандинавии германцы давно уже освоили мореплавание, и готы на своих ладьях, вероятно, во II—I вв. до н. э. переправлялись на южный берег Балтийского моря. Здесь — примерно от п-ова Ютландия в сторону устья р. Вислы и в глубь нынешней Германии — жили родственные готам вандалы. Сдвинутые со своих насиженных мест, вандалы проделали огромный путь, включавший поход через Балканы, разгром рим-

ских городов в Италии и создание королевства сначала в Испании (в Андалузии), а потом в Северной Африке; это вандалское королевство было завоевано императором Юстинианом — вернее, его полководцем Велизарием — в 534 г.

Готы, которые были, видимо, наиболее развитым германским племенем, — создали к I в. н. э. королевство на Висле; в III в. им удалось принудить римлян оставить вполне романизованную провинцию Дакию (нынешнюю Румынию), но главным направлением движения готов было восточное. По-видимому, в готском королевстве большую роль играли славяне, поскольку славянские языки сохранили немало готских слов, отражающих культурные заимствования. К ним относится такое слово, как *хлеб* (из более древнего **хлейбъ*; твердый знак выражает здесь нейтральный гласный, вроде краткого «у») — из готского *hlaifs* или еще более древнего *hlaibhaz*, что значит «хлеб, готовящийся в печи (и, вероятно, на дрожжах)», — вместо слепленной *лепехи*, пекшейся на углях¹⁷. Другое такое слово — *изба* из более древнего *истъба* из готского *stuba*, означавшее, в отличие от более древнего индоевропейского *дом*, жилье, отапливаемое не открытым очагом под отверстием в крыше, а печью и угретое крышей. В немецком языке это древнегерманское слово превратилось в *Stube* («комната, горница»), у германцев-англосаксов оно дало *stove* («печь»). Готское слово *kuningaz* — «вождь» сохранилось почти неизменным в Прибалтике, а в славянском приняло форму **кѣне(н)з(и)* — «князь». Готского происхождения и слово *каура*, откуда древнеславянское **коунит(и)*, эстонское *kauba* и русское «купить». Такое тесное культурное соприкосновение славян с готами тем интереснее, что слов, заимствованных из языка норманнской (варяжской) династии на Руси IX—X вв., в русском языке практически нет.

На восток готы проникли до самого Черного моря и Крыма, где готский язык сохранялся до XVII в. (потом готы слились с крымскими татарами). Напротив, народная латынь сохранилась в готской Дакии, образовав впоследствии румынский язык. Дальнейшее продвижение готов на восток было, видимо, задержано на Дону кочевым ираноязычным племенем аланов (передавших свой язык и традиции нынешним осетинам). Здесь (?) готы разделились на две ветви: восточную — остроготов и западную — визиготов. Знаменитейшим королем остроготов был Эрманарих, сказания о котором сохранились впоследствии у всех германских племен, вплоть до англосаксов. Но Эрманарих столкнулся с врагом, который оказался непобедимым, а именно с гуннами.

Гунны были могущественным, антропологически монголоидным, по языку не то тюркским, не то монгольским, много-

численным и воинственным племенем; не исключено их тождество с сюнну китайских источников. По тем же причинам,, которые обычно приводят к миграции кочевников, они начали мощное движение на запад, срывая на своем пути и включая в свои орды другие, неоседлые племена, в том числе значительную часть аланов (остальные отошли на Кавказ). Не сумев одолеть гуннов, Эрманарих в 376 г. (?) покончил, самоубийством.

Остаток остроготов и все визиготы отошли с семьями и скотом на запад, причем остроготы поселились на византийской земле в качестве федератов, а позже прошли через все Балканы и Грецию и в конце концов вторглись в Рим, где их вождь Теодорих, после другого германца, Одоакра, стал королем Италии (493—526). Формально он подчинялся византийскому императору. В королевстве Теодориха римлянам запрещалось носить оружие и были введены некоторые другие ограничения их прав. Королевство остроготов в Италии просуществовало недолго. А между тем визиготы с 376 по 507 г. прошли невероятный маршрут: с Днестра под самый Константинополь, оттуда в Грецию, включая Пелопоннес, на север вдоль Адриатического моря и на юг по Апеннинскому полуострову, включая Рим, и вплоть до оконечности Калабрии, оттуда через Южную Францию и Восточную Испанию, затем снова во Францию до р. Луары. Отброшенные оттуда, они отошли (вероятно, к тому времени в значительной степени романизованными по языку) обратно в Испанию, где создали стабильное королевство, уничтоженное только в 711 г. арабами; до того по дороге они неоднократно останавливались на 10—15 лет, а затем следовали дальше.

Добавим к этому, что в движение пришли германцы не только готско-вандалской, но и центральной группы: франки и бургунды¹⁸ вторглись в Галлию (еще не ставшую Францией) и осели там, англ и саксы — в Британию и осели там (при этом, что было довольно необычно, они пытались истребить здесь местное население; это вынудила кельтский народ бриттов отступить в Уэльс и Корнуолл или бежать через море в современную Бретань, на северо-запад Франции), лангобарды (ломбардцы) остались в Северной Италии (и там романизовались), геллы — в нынешней Швейцарии. Все это — далеко не полный перечень передвижений германцев.

Отбросив готов с равнин Восточной Европы, гунны мощным клином ворвались в Центральную Европу через визиготскую Дакию и вышли на дунайскую границу Римской империи, совершая невероятно опустошительные набеги на ее территорию.

При гуннском «царе» Атиле на Византийскую империю была наложена огромная дань золотом.

Атила приобрел деспотическую власть. Он торговал захваченными; пленными и при этом продолжал совершать набеги на имперские территории, заявляя претензии на имперскую власть, но, вторгшись в Галлию, потерпел сокрушительное поражение от союзных войск римлян и визигот-

ского короля Теодориха на Каталаунских полях (450 г.; около совр. Шалона-на-Марне?). Гунны, однако, не прекратили набеги, но после смерти Атилы в 453 г. они погибли от войн с готами и особенно от внутренних усобиц.

Уже упоминалось, что гунны не оставили никаких следов в Европе — ни антропологических, ни языковых¹⁹.

Естественно, что в этих условиях существование Римской империи (по крайней мере Западной) стало фикцией, и почти никто не заметил, как еще в 476 г. последний римский «император», юный Ромул Августул (выдвинутый на этот престол своим ловким отцом, бывшим советником Атилы), был низложен и сослан германцем Одоакром.

На VI век приходится последнее крупнейшее произведение античной мысли.

В 530-х годах по инициативе императора Юстиниана происходит кодификация римского права (такая же кодификация, как уже упоминалось, проводилась примерно в то же время и в Сасанидской империи; в Китае первая попытка кодификации права была сделана еще при Цинь и Старшей династии Хань, но юридическая система, оказавшая сильнейшее влияние на все последующее китайское право, была создана в VII в. н. э. при династии Тан). Заслуга составителей Кодекса Юстиниана — и прежде всего их руководителя Требониана — заключалась в разработке целой системы юридического мышления, юридических дефиниций, вследствие чего римское право имело громадное влияние на позднейшее европейское право, вплоть до нашего времени (менее всего оно затронуло англосаксонские страны). Несмотря на то что Кодекс Юстиниана появился уже в эпоху средневековья, он подвел итоги юридической мысли фазы имперской древности.

То обстоятельство, что на Римскую империю двигались не кочевые, а первоначально оседлые племена, придало всему этому периоду совершенно особую историческую окраску. Возникавшие королевства раннего европейского средневековья сохраняли известные черты ранней древности. При этом в завоеванных германцами странах Европы население коренным образом не переменилось. Основная масса жителей Франции, Испании и Италии продолжала говорить на «народной латыни», и вклад германских говоров в сложившиеся на ее основе французский, испанский, итальянский и другие языки довольно незначителен. История этих стран не началась заново — это история в основном того же населения, которое сидело на этих землях в древности.

В связи с передвижением германских племен следует еще отметить особую роль германцев скандинавской группы, которые называли себя *вэрингами* (варягами), т. е. «жителями прибрежных островов», а также данами, норманнами и русами. Русы происходили, видимо, из Северной Швеции, где их название еще живет в местных топонимах (а финны и сейчас называют Швецию «Руотси» — «Русь»). Что касается да-

нов и норманнов, то эти названия лишь позже закрепились за датчанами и норвежцами, а первоначально употреблялись почти безразлично для тех и других. Скандинавы либо захватывали практически незаселенные пространства (Северную Норвегию, Исландию, Гренландию с устройством «колонии» Винланд на побережье Северной Америки, Фарерские, Гебридские, Оркнейские и Шетландские острова), либо пытались завоевать земли, уже заселенные другими германцами и кельтами (Данию, Восточную Англию, часть Ирландии, Северную Францию — Нормандию). Впоследствии они были романизированы в Нормандии, славянизированы на Руси и вытеснены с большинства островов (кроме ранее пустовавших) кельтами и англосаксами. Норманны также совершали дальние шорские набеги на южные области Западной Европы, включая Средиземноморское побережье, по большей части чисто грабительские²⁰. Кроме того, они поднимались и вверх по рекам и даже спускались по Волге до Каспия («русы» истории Азербайджана, зверски грабившие берега Каспия, были, конечно, варягами-норманнами). С ними связан знаменитый путь по славянским рекам «из варяг в греки», который они проложили, а позже не столько поддерживали, сколько «охраняли», занимаясь поборам с проезжих купцов.

Нечто аналогичное германскому движению на Западе происходило и в Восточной Римской (Византийской) империи со славянами. Центром их первоначального расселения были территории от среднего течения Днепра до Вислы (I в. до н. э. — I в. н. э. и позже). Как уже упоминалось, славяне довольно прочно вошли в состав Готского королевства. Его распад и гуннское вторжение, а также те причины, которые привели несколько ранее к продвижению германских племен, способствовали перемещению и славян на запад (отчасти в места, наполовину освободившиеся от германцев и кельтов), на северо-восток (где происходило их растекание в сравнительно редко заселенной полосе финно-угорских племен, занимавших почти всю европейскую часть таежно-лесной зоны) и на юг, в пределы Византии. В ранней истории славян большую роль сыграла их борьба с вторжениями авар (обров) в VI—VII вв. и сдвинувшегося несколько позже с Волги тюркского племени булгар. В конце концов те и другие растаяли в славянской массе («погибоша», по словам нашей «Начальной летописи»).

Сохраняя языковое взаимопонимание, славяне разделились к IV—V вв. на три группы: венедов (запад), склавинов (юг) и антов (восток)²¹.

Кое-где славянские племена создавали чифдомы, а иногда довольно обширные королевства. Но фаза чифдомов пришла

к славянам несколько позже, чем к германцам, поэтому при создании первых славянских государств играли роль и пришедшие династии — норманны на Руси, болгары, сдвинутые с Волги хазарами, — на Балканах. Те и другие вскоре полностью растворились по языку и культуре в славянской массе, не оставив в славянских языках даже таких следов, какие оставили готы. Тем не менее утверждать, что на Руси никаких норманнов не было, — это пошлое проявление квасного патриотизма. На «пути из варяг в греки» сохранились скандинавские рунические надписи и археологические находки» греческие источники сообщают «русские» (норманнские) и одновременно «славянские» (действительно славянские) названия днепровских порогов, первые русские князья носят легко узнаваемые скандинавские имена: Рюрик, Олег, Игорь, Ольга, Свенельд, Аскольд, Володимер (Hrörek, Helgi, Yngvar, Helga, Sveinveld, Haskuld, Valdemar; последнее имя пришло к норманнам от кельтов, а у нас было довольно поздно славянизировано во «Владимир»). Из двух десятков имен русских послов, прибывших в XI в. в Византию, всего два-три имени славянские, остальные норманнские. Да и наша «Начальная летопись» говорит: «Так ибо звались те варяги „русь“, как другие зовутся шведами, норманнами, англами и готами; так и эти». Но вскоре варяжский слой вошел в состав славянской этнической массы, точно так же как в него вошли меря, весь и другие финно-угорские племена. «И были у него, — говорит „Начальная летопись“ про князя Олега, — варяги, и славяне, и прочие, прозывавшиеся Русью». Вообще культурные связи у славянской Руси были широкие: Владимир Мономах (1113—1125) пишет о своем отце: «Мой отец, сидя дома, изучил пять языков, ибо в том есть честь от иных земель».

Несколько дольше, чем на Руси норманноязычная династия, продержалась болгароязычная (тюркская)²² на Балканах; как и норманнская Русь, болгары передали свое имя стране и народу, оставшемуся славяноязычным.

Передвижение германцев и славян по Европе закончилось к VII в. (хотя растекание славянской речи на иноязычные племена к востоку продолжалось еще много столетий). Начался период создания новых, более стабильных государств, ни одно из которых, однако, не было «национальным» в смысле связанности с носителями какого-либо одного языка. На Западе лишь Британия и Паннония сменили язык (соответственно на англосаксонский и венгерский). А франки, бургунды, визиготы, лангобарды влились в население, говорившее на «народной латыни» Римской империи. В пределах Византийской империи, напротив, кроме румын и греков, население славянизировалось. Письменным языком

на западе Европы оставалась латынь, на востоке — по большей части греческий, хотя готы, а с IX в. и славяне создали свои письменные языки²³.

С VIII в. Западная Европа после Великого переселения народов возвращается к нормальному средневековому пути развития и достигает его высшего этапа, который в мировой науке именно и обозначается как «феодализм». В области вооружения для него характерно рыцарство со щитами и в кольчугах, а позже в латах, с «бронированной» конницей, с мечами и луками (с XII—XIII вв. — и с арбалетами; к тому же времени создается система по возможности неприступных замков в каждом значительном феоде). В области идеологии господствует догматическая христианская религия в ее римско-католическом варианте, с жестким подавлением любого рода оппозиционных учений.

Основы общественной структуры феодализма были заложены при второй франкской династии — Каролингов, — прд-вившей на значительных территориях нынешних Франции, Германии и Италии в VIII—X вв.

Феодальная система основана на ленных (феодо-вассальных) земельных и личных отношениях, предполагающих, что земли (или другие источники дохода) держатся владельцем в качестве бенефиция (не собственности). Держатель такого бенефиция является вассалом вышестоящего лица (сюзерена), которому он обязан определенными службами и личной верностью и который, в свою очередь, может быть вассалом кого-то еще. Для содержания вассала-рыцаря требовалось не менее 15—30 крестьянских семей, в отношении которых он сам был сюзереном. Военное дело было целиком вручено рыцарскому сословию, крестьянам носить оружие запрещалось. Кроме того, наряду с феодами кое-где сохранились и аллоды, т. е. земли, собственники которых не были ничьими вассалами, за исключением короля. Сюзерены имели нередко и судебную власть над вассалами — где у них для того хватало сил.

Феодальная система сложилась впервые во Франкском королевстве. Ее не было, например, в Британии²⁴, Скандинавии и на Руси, где всякий землевладелец, даже сам обрабатывающий землю, мог носить оружие, где сохранялись вече или другие формы народного собрания и иные институты, характерные еще для ранней древности, где лишь часть крестьянства (*смерды* на Руси) эксплуатировалась и была ограничена в правах. Существовали и рабы (*холопы*), но их труд не имел существенного значения.

На Руси не было феодо-вассальной системы. Теоретически великому князю подчинялись местные князья из его же рода, менявшиеся уделами: по смерти одного держателя все

князья перемещались из менее важного в более важный удел; самый важный был связан с великокняжеским достоинством. Однако соблюсти эту систему, введенную в XI в., не было никакой возможности. Точно так же как и западная феодальная система, она вела только к непрерывным кровопролитным усобицам и к делению уделов на полууделы, с созданием некоего подобия западной феодальной системы, но не в хозяйственном, а лишь в политическом смысле.

Подобно Руси, Польша и страны Скандинавии миновали фазу имперской древности, приняв в то же время христианство. Но историческое развитие пошло в них разными путями.

Начало сложения государства Польши при династии Пястов (X—XII вв.) было очень сходно с ранней историей Руси: то же выдвижение одного князя (в Польше — с 1025 г. короля), который делит землю между сыновьями, те же споры по поводу старшинства внутри династии. Это приводит к попыткам завоевания страны Священной Римской империей (при Фридрихе Барбароссе, 1157 г.); германские торговцы, ремесленники и крестьяне просачивались на польскую территорию. Страна подверглась разрушительному татаро-монгольскому набегу в 1241 г., который, однако, не имел тягостных последствий. Главной проблемой была постоянная война с северными и северо-восточными «язычниками» — чифдомцами пруссов²⁵ и литовцев. Против них князь Конрад Мазовецкий призвал рыцарей Тевтонского ордена — крестоносцев, вернувшихся после неудачных кампаний в Палестине (см. об этом ниже), — и предложил им крестовый поход против прибалтийских «язычников». Великий магистр ордена Герман фон Зальц признал сюзереном всех завоеванных крестоносцами территорий германского императора Фридриха II. С этих пор в Прибалтике сосуществовали немецкое дворянство и местные по языку и культуре крестьяне. Лишь Пруссия была постепенно полностью германизирована (так же как ряд западных окраин польских земель). Наиболее культурно изолированной была Литва, где при Гедимине и его потомках не приживалось даже христианство в какой бы то ни было разновидности.

Скандинавские страны начали свое развитие с уровня ранней древности, постепенно переходившей в средневековье, минуя имперскую древность. Рабство здесь отмерло рано, крестьянство делилось на свободное, имевшее право носить оружие, и «наемников» — арендаторов. Норвегия в 1380 г. была присоединена к Дании, а Дания шла примерно тем же путем, что и соседние германские феодальные государства (однако датские порядки на Норвегию не распространялись). Что касается Швеции, то и она начинала с ранней древности; еще в XV—XVI вв. в риксдаге (своего рода парламенте)

наряду со знатью, церковью, горожанами были представлены и крестьяне²⁶.

В Англии до XI в. также царила ранняя древность; феодализм здесь был введен норманнским завоевателем Вильгельмом I (1066—1087). В целом Англия развивалась по обычному средневековому пути, но характерно, что свободное крестьянство здесь не исчезло, а дворянство, выступая вместе с горожанами, вырвало у королевской власти «Великую хартию вольностей»²⁷; был создан сословный парламент (1265 г.). Применительно к XV—XVI вв. здесь можно говорить о наступлении постсредневековья. К этим событиям истории Англии мы еще вернемся.

В рамках задач, поставленных в этой книге, неинтересно и малопродуктивно описывать все перипетии возникновения, расширения, сужения и упадка различных феодальных государственных образований Западной Европы. Достаточно сказать, что существование всех их зависело от конкретной расстановки сил, и ни в одном случае такое государство не соответствовало распространению каких-либо определенных языков или этнических особенностей. Поэтому мы остановимся только на одном историческом явлении, имевшем принципиальное значение для истории средневековой Европы,— на создании империи Карла Великого (Шарлеманя).

В ходе обычных для феодального периода войн западно-франкскому королю Карлу удалось в конце VIII в. объединить все государства и племена от Бискайского залива до Адриатического моря и от Северного до Средиземного моря; кроме того, он собирал дань с некоторых славянских племен и князей на всем протяжении восточной границы своего государства.

В то время римский папа Лев III был крайне обеспокоен судьбой римского католичества: императорская корона продолжала находиться в Византии, по-прежнему считавшей себя наследницей Римской империи. Воспользовавшись моментом, когда в Византии пришла к власти чудовищно жестокая узурпаторша Ирина, папа объявил императорский престол вакантным и предложил его тому из христианских государей, кто обладал наибольшей силой для защиты римской веры и самого папы, а именно Карлу, королю франков. В 800 г. папа короновал Карла как императора. Так возникла новая Западная Римская империя. Конечно, новорожденная империя начала распадаться уже при сыне Карла Великого, Людовике Благочестивом; но принцип союза между папством и императорами из франкских королей (потом саксонских или других германских) сохранился и поддерживался веками; все государи Центральной Европы, Бургундии и Италии рассматривались как имперские вассалы и нуждались в импера-

торской инвеституре. Такое положение сохранялось веками и пережило эпоху крестовых походов, к которым мы вернемся ниже.

Отношения между императорами и папами (которые сами стали крупными феодалами и владели широкой полосой земли в Центральной Италии) менялись от дружественных до враждебных, но вся история Европы складывалась в зависимости от факта существования — или хотя бы противостояния — папства и империи. Со временем к названию «Римская империя» прибавился эпитет «Священная», а затем, когда в XV в. итальянские владения были совсем потеряны и коронование императоров папами прекратилось, «Римская империя» стала «Священной Римской империей германской нации»; но ее монархи продолжали именоваться «цезарями» и «императорами», а в Восточной Европе — «кесарями» или «цесарями».

Здесь надо оговорить, что тогда подразумевалось под словом «нация» (лат. *natio* от *patere* — «родить»). По-латыни это слово означает «рождение, порождение, происхождение, род, разновидность; степень родства более общая, чем семья или община». Таким образом, этот термин не несет той нагрузки, которую он имеет в современной терминологии (нация — осознаваемая историческая общность людей, основанная на общности территории, языка, политических и культурных традиций и вызванных определенными длительными формами существования чертах национального характера). В этом, современном смысле нации не существовали до шестой, а иногда и седьмой фазы исторического процесса.

Прозелитическое начало, заложенное в самой основе этико-догматических религий (противостояние «правильно верующий — неправильно верующий»), благоприятствует завоевательной политике ведущих средневековых государств (сюда относятся уже походы Карла Великого и других Каролингов против «языческих» западных славян и крестовые походы — не только в Палестину, но с XIII в. также в Прибалтику). Войны между отдельными крупными феодалами не приводят к усилению господствующего класса в целом и все более разоряют подневольное крестьянство; с исчерпанием производственных возможностей средневекового строя создается «патовая» ситуация, которая может быть разрешена только введением новых производственных отношений. Но введение новых производственных отношений требует альтернативной социально-психологической идеологии и принципиально нового оружия.

Мы еще вернемся к позднему средневековью в Европе и на Руси и к важнейшим процессам, которые там начинались, а сейчас перейдем к Восточной Римской империи, судьбы

наряду со знатью, церковью, горожанами были представлены и крестьяне^{2с}.

В Англии до XI в. также царила ранняя древность; феодализм здесь был введен норманнским завоевателем Вильгельмом I (1066—1087). В целом Англия развивалась по обычному средневековому пути, но характерно, что свободное крестьянство здесь не исчезло, а дворянство, выступая вместе с горожанами, вырвало у королевской власти «Великую хартию вольностей»^{2г}; был создан сословный парламент (1265 г.). Применительно к XV—XVI вв. здесь можно говорить о наступлении постсредневековья. К этим событиям истории Англии мы еще вернемся.

В рамках задач, поставленных в этой книге, неинтересно и малопродуктивно описывать все перипетии возникновения, расширения, сужения и упадка различных феодальных государственных образований Западной Европы. Достаточно сказать, что существование всех их зависело от конкретной расстановки сил, и ни в одном случае такое государство не соответствовало распространению каких-либо определенных языков или этнических особенностей. Поэтому мы остановимся только на одном историческом явлении, имевшем принципиальное значение для истории средневековой Европы,— на создании империи Карла Великого (Шарлеманя).

В ходе обычных для феодального периода войн западно-франкскому королю Карлу удалось в конце VIII в. объединить все государства и племена от Бискайского залива до Адриатического моря и от Северного до Средиземного моря; кроме того, он собирал дань с некоторых славянских племен и князей на всем протяжении восточной границы своего государства.

В то время римский папа Лев III был крайне обеспокоен судьбой римского католичества: императорская корона продолжала находиться в Византии, по-прежнему считавшей себя наследницей Римской империи. Воспользовавшись моментом, когда в Византии пришла к власти чудовищно жестокая узурпаторша Ирина, папа объявил императорский престол вакантным и предложил его тому из христианских государей, кто обладал наибольшей силой для защиты римской веры и самого папы, а именно Карлу, королю франков. В 800 г. папа короновал Карла как императора. Так возникла новая Западная Римская империя. Конечно, новорожденная империя начала распадаться уже при сыне Карла Великого, Людовике Благочестивом; но принцип союза между папством и императорами из франкских королей (потом саксонских или других германских) сохранился и поддерживался веками; все государи Центральной Европы, Бургундии и Италии рассматривались как имперские вассалы и нуждались в импера-

торской инвеституре. Такое положение сохранялось веками и пережило эпоху крестовых походов, к которым мы вернемся ниже.

Отношения между императорами и папами (которые сами стали крупными феодалами и владели широкой полосой земли в Центральной Италии) менялись от дружественных до враждебных, но вся история Европы складывалась в зависимости от факта существования — или хотя бы противостояния — папства и империи. Со временем к названию «Римская империя» прибавился эпитет «Священная», а затем, когда в XV в. итальянские владения были совсем потеряны и коронование императоров папами прекратилось, «Римская империя» стала «Священной Римской империей германской нации»; но ее монархи продолжали именоваться «цезарями» и «императорами», а в Восточной Европе — «кесарями» или «цесарями».

Здесь надо оговорить, что тогда подразумевалось под словом «нация» (лат. *natio* от *natere* — «родить»). По-латыни это слово означает «рождение, порождение, происхождение, род, разновидность; степень родства более общая, чем семья или община». Таким образом, этот термин не несет той нагрузки, которую он имеет в современной терминологии (нация — осознаваемая историческая общность людей, основанная на общности территории, языка, политических и культурных традиций и вызванных определенными длительными формами существования чертах национального характера). В этом, современном смысле нации не существовали до шестой, а иногда и седьмой фазы исторического процесса.

Прозелитическое начало, заложенное в самой основе этико-догматических религий (противостояние «правильно верующий — неправильно верующий»), благоприятствует завоевательной политике ведущих средневековых государств (сюда относятся уже походы Карла Великого и других Каролингов против «языческих» западных славян и крестовые походы — не только в Палестину, но с XIII в. также в Прибалтику). Войны между отдельными крупными феодалами не приводят к усилению господствующего класса в целом и все более разоряют подневольное крестьянство; с исчерпанием производственных возможностей средневекового строя создается «патовая» ситуация, которая может быть разрешена только введением новых производственных отношений. Но введение новых производственных отношений требует альтернативной социально-психологической идеологии и принципиально нового оружия.

Мы еще вернемся к позднему средневековью в Европе и на Руси и к важнейшим процессам, которые там начинались, а сейчас перейдем к Восточной Римской империи, судьбы

которой мы уже слегка затронули в связи со славянскими передвижениями.

Описание общества поздней Римской империи, как он дано выше, вполне соответствует описанию общества Византийской империи по VII в.; в нем оно получает дальнейшее развитие в том же направлении. При этом уже в период с конца IV в. старые города аграризируются, а новые города растут уже в основном как административные центры. По уровню жизни Византия стоит выше тех стран, которые ранее входили в бывшую Западную Римскую империю, а теперь подверглись нашествию варваров; страна ведет обширную торговлю с Ираном, Аравией и даже с Китаем.

Когда-то Римская империя простиралась от Испании и Британии до Сирии, но как вся история поздней Римской империи, так и ранняя история Византии прерывается периодами распада первоначальной территории, возникновения конкурировавших «империй» и новых, по большей части неустойчивых государств.

С VII—VIII вв. в Византийской империи, охватывавшей Балканы, Малую Азию, Сирию, Палестину и Египет, создается новая система военно-административных округов (*фем*) и новое сословие воинов-стратигов (причем воины и их кони были защищены броней). Стратиги соответствовали западноевропейским рыцарям и японским самураям. В то же время подвластное крестьянство организуется (отчасти под влиянием переселившихся в Византию славян) в сельские общины. Дело не обходится и в эти века без внутренних усобиц, получавших идеологически-религиозное обоснование. В середине IX в. значительно уменьшившаяся Византия спланируется в сильное централизованное государство, а в XI—XII вв. в ней создается система условного «феодального» владения с «сеньориальной» системой эксплуатации крестьян при одновременном их государственном налогообложении. Отмечаются новый рост городов и развитие товарно-денежных отношений. В XI—XIII вв. оформляется отделение восточного (православного) христианства, объединенного византийским патриархом, от римско-католического христианства, руководимого римским патриархом — папой.

Новому расцвету Византии, напоминавшему расцвет Китая при династии Тан, мешали в XI—XV вв. постоянные нападения славян, норманнов и (бывших особенно разрушительным фактором) западноевропейских крестоносцев, тюркских («турецких») воинств — сельджуков и др.

Выше отмечалось (и к этому мы будем еще не раз обращаться), что для смены исторических фаз необходим коренной переворот в социальной психологии, в идеологии, в мировоззрении. Но этого мало: он должен сопровождаться пере-

воротом в технологии, и прежде всего в технологии производства оружия. На огромной части территории Старого Света в течение пятой фазы произошла резкая смена господствующего мировоззрения, однако она не вызвала фазового перехода. Разумеется, этот мировоззренческий переворот был обусловлен существованием социально-психологического перенапряжения, которое он в известной степени разрядил, но без появления новой технологии производства оружия перехода к следующей фазе быть не могло.

Речь идет об исламе. Новое учение было создано в Аравии пророком Мухаммедом (570?—632) на основе уже ранее распространившихся на эту страну иудаизма и христианства. Мухаммед происходил из Мекки (центра очень важной в то время торговли между Византией и странами Индийского океана), но, испытав преследования в родном городе, бежал в соседнюю Медину, которая и стала центром распространения новой религии — ислама, или мусульманства.

В отличие от других основателей религиозных и религиозно-философских доктрин — Заратуштры, Будды, Конфуция, Иисуса, Павла — Мухаммед был не только вдохновенным проповедником своего учения, но и воином, и это оказало серьезное влияние на развитие ислама вообще. Именно сам Мухаммед во главе своих последователей ради насаждения ислама завоевал Мекку и значительную часть остальной Аравии. При его преемниках, халифах, не только новая вера, но и новая государственная власть распространились сначала по Плодородному Полумесяцу (Ближнему Востоку), а потом вскоре до Испании (с попыткой вторжения в Галлию) на западе, до Инда и за Инд, до Амударьи и за Амударью на востоке. При этом арабы-мусульмане не имели над своими противниками ни численного, ни технического превосходства. Можно сказать, что завоевание совершили не столько арабские войска, сколько учение ислама.

Чем отличался ислам от христианства, ставившего перед своими верующими приверженцами очень тяжелые требования морально-этического и догматического характера, пропагандировавшего идею, что только полное отрешение от мира и человеческих страстей (по возможности в монашестве) может дать спасение, и от зороастризма с его сложными табу и учением об обязательном (и труднодостижимом) неосквернении чистых стихий? Тем, что бремя ислама было легким. Вместо того чтобы выучивать сложнейшее кредо («Верую») с его опровержением всех поодиночке еретических вариантов христианства, от мусульманина требовалось знать и повторять краткую формулу: «Нет никакого божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха». В пределах ислама возникали различные доктринальные течения, но ни одному

из них не отказывали в правоверии; даже основное деление мусульман на суннитов и шиитов касается не самого учения, а правомочности или неправомочности суннитских халифов — преемников пророка (Омар или Али?) и частных восприятия устной традиции. Иудеев и христиан мусульманство считает не язычниками (как христианство считает мусульман), а лишь обладающими неполным откровением — все же они «люди книги», а Моисей и Иисус чтятся как предшественники Мухаммеда.

Основные требования ислама могут быть изложены в нескольких строках: это устное утверждение единственности (т. е. не троичности) божества, пять ежедневных молитв с омовением, уплата «благотворительной подати» — *закят* (сверх государственного налога), пост в месяце рамадан и, по возможности, паломничество в Мекку; а в богословском плане — это вера в единого Бога, в ангелов, в книжное откровение, в пророков и в День Страшного суда. Кроме того, к основным требованиям ислама надо отнести и *джихад* — «священную войну» против неверных и для насаждения правой веры. Правда, позднее мусульманские богословы выдвинули положение о том, что джихад может осуществляться не только оружием, но также мысленно и устно. Однако первые мусульмане, безусловно, понимали его только как наступательную войну.

Кроме устранения социально-психологического дискомфорта, что является целью любого массового идеологического движения, ислам удовлетворял побуждение к лидерству, к агрессивности и даже к удовлетворению половой потребности. Если христианство взывало к всяческому ее подавлению, то ислам не только не призывает к монашескому воздержанию, но прямо рекомендует многоженство (до четырех законных жен, если муж способен их содержать; практически разрешается и неограниченное число наложниц). Даже в раю исламский праведник может наслаждаться со множеством «чистых жен» — *гурий*, с каждой один раз за каждый день поста в месяце рамадан и за каждое доброе деяние. (В то же время на земле прелюбодеяние карается телесным наказанием.)

Неудивительно, что ислам распространялся, как огонь. Арабы вторглись в ближневосточные страны Плодородного Полумесяца отдельными племенными ополчениями при халифах Абу Бакре (632—634) и Омаре (634—644), причем между отдельными арабскими племенами немедленно вспыхнули войны, которые продолжались фактически в течение времени правления всех халифов из династии Омейядов (660—750). Тем не менее в 637 г. пала столица сасанидского Ирана Ктесифон (в Месопотамии), в 651 г. погиб последний сасанид-

ский царь Ездигерд III (около Мерва), в 645 г. 12 тыс. мусульман захватили Египет, в 670-х годах и снова в 717 г. осаждался Константинополь, в 676 г. арабы вторглись в Хорезм, в 709 г. была взята Бухара, в 710 г. арабы достигли берега Атлантики, в 711—712 гг. захватили почти всю Испанию и даже (неудачно) сражались с франками в центре Галлии и т. д. Арабские завоевания продолжались до второй четверти VIII в. При этом уже в 655 г. был совершен морской (I) набег на Кипр и другие византийские владения, позже — на Сицилию. Ясно, что для этого были нужны моряки, и эти моряки должны были быть уже мусульманами, но явно не могли быть арабами. Таким образом, к середине VII в. под знамена ислама становились не только арабы, но и местное население.

Арабское вооружение было не сильнее, а скорее даже слабее византийского и сасанидского: копье, меч (или сабля), лук, небольшой щит, шлем-шишак с кольчужной бармицей, натальная кольчуга; сравнительно редко применялась конская броня. Арабы не имели осадных орудий (но у них была зажигательная смесь), и тем не менее города им, как правило, быстро сдавались.

Все новообращенные освобождались от *джизьи* (дополнительного налога на «неверных») — весомый аргумент в пользу принятия ислама.

Земельные отношения в халифате отличались простотой. За исключением необрабатываемых или неудобных земель (*савафи*), вся земля была роздана в собственность {мульк}, и с нее платился налог — *харадж*. Иметь мульк мог и сам халиф; духовные и благотворительные учреждения (например, *медресе* — религиозные школы) тоже получали земли из специально выданной (дареной) земли — *вакф*. Начиная с IX—X вв. различным военачальникам и вельможам уступается право сбора хараджа с определенных земель — *акта*. Феодальной иерархии исламское право не знало. Харадж взимался с любого дохода, в том числе и горожан — ремесленников и торговцев.

Не сложилось в исламе и сословие духовенства. Ближайшим соответствием христианскому духовенству являются '*улама*' («ученые», ед. ч. '*алим*'), т. е. лица, получившие образование в медресе. Наиболее почтенному из местных '*улама*' поручается председательствовать на коллективной молитве в мечети и (при случае) произносить проповеди. Такой председательствующий на молитве является *имамом*, хотя «имам» может быть и чисто почетным званием. Некоторым «ученым» традиция предоставляет право толковать религиозные положения и законы — это *муфтии*. Наконец, к '*улама*' относится и *кади* — «судья», обычно назначаемый государством. Никако-

го рукоположения для мусульманских 'улама не требуется, как и не почит на них никакой особой благодати. Термин *мулла* (более позднего происхождения) может применяться по отношению к любому из улама.

В правовом отношении мусульманство руководствуется *шариатом*. Но шариат шире права в западном понимании слова, так как он регулирует всякую деятельность человека в бытовом, правовом или религиозном смысле. Всякое делание или неделание либо приказано Богом, либо рекомендовано Богом, либо не имеет правового значения, либо осуждается Богом, либо совершенно запрещено Богом. Существенно, что установления шариата исходят не из изданных человеком законов, а из откровения, которое, как предполагается, дал сам Бог. Поэтому шариат основан на Коране, на канонической традиции (сунне), на единодушном мнении толкователей. Эти мнения проверяются (как в Талмуде) особой хитроумной системой сопоставления суждений по аналогии (*кияс*). Поскольку шариат все же не способен охватить все возникающие вопросы, постольку используется и *адат*, т. е. местное обычное право. Шариат считался боговдохновенным и столь же обязательным, как Коран; в практической жизни он даже важнее Корана, поскольку, в отличие от обличений библейских пророков и Павловых посланий в христианстве, Мухаммед почти не давал указаний на этическое содержание понятий «добро» и «зло» и сосредоточивался на самой вере.

«Боговдохновенность» шариата делает его жестким и со временем все более и более архаичным. Именно следование шариату, а также легкость, с которой мусульмане прибегают к джихаду («священной войне») против всякого, кого они считают своим противником, и создает у других народов образ мусульман как людей ограниченных, отсталых и агрессивных. Но, как уже указывалось, приход ислама в VII—VIII вв. на Ближний и Средний Восток и в Северную Африку ощущался населением как социальное облегчение их жизни. Интересным и не до конца объясненным явлением представляется массовый и быстрый переход местного населения не только в мусульманскую веру, но и на арабский язык — притом что абсолютная численность пришельцев-арабов была относительно невелика. Правда, это наблюдалось преимущественно в странах, говоривших ранее на родственном арабскому афразийских языках, но не в Иране, Средней Азии, Индии, Индонезии. Впрочем, живым языком образованных людей арабский стал по всему мусульманскому миру.

Халифат просуществовал под династией Омейядов (со столицей в Дамаске) до VIII в. и при Аббасидах (со столицей в Багдаде) до XIII в. Параллельно происходило обычное для средневековья возникновение неустойчивых, не соответст-

вовавших каким-либо этносам государств (эмиратов и султанатов), часть которых объявляла себя халифатами (как, например, шиитский, точнее, исмаилитский, халифат Фатимидов с центром в Тунисе, а потом в Египте, X—XII вв.).

Исламская цивилизация выдвинула замечательных философов, историков и врачей; менее значительны были достижения в художественной литературе (кроме поэзии); в силу запрещения «идолопоклонства» совершенно прекратилось всякое изобразительное искусство (мощно развивалось только орнаментальное и архитектурное).

Арабоязычные философы были знакомы с сирийскими (арамейскими) и греческими (неоплатоническими) комментариями к сочинениям Платона и Аристотеля, а иногда и с их собственными трудами; но Плотин (которого иногда неправильно отождествляли с Платоном) имел больше влияния на них. Можно заметить, что среди арабских философов были далеко не одни природные арабы. На первые места из них (а их было немало) следует поставить ар-Рази (868—923?), Авиценну (Ибн Сина, 980—1037), Бируни (973—1050?) и Аверроэса (Ибн Рушд, 1126—1198). Первый из них был перс, второй и третий — хорезмийцы²⁸, последний, возможно, арабизированный испанец. Для ар-Рази Бог — это мировая душа, но помимо него существуют материя, время и пространство; в отношении материи ар-Рази выступает как атомист, близкий Демокриту и Эпикуру. Авиценна считал, что интеллектуальное познание настолько могущественно, что оно — единственный способ познать даже верховенство пророческого откровения, а Аверроэс утверждал, что истина — одна и что она может быть достигнута как через философию, так и через веру. Бируни, ученый, удивительный по энциклопедическому охвату знаний, вообще был склонен к известной религиозной терпимости. Ар-Рази и Авиценна были также величайшими медиками своего времени, а Авиценна внес много нового и в другие науки. Следует также отметить выдающегося мыслителя Ибн Халдуна (1332—1406). Это был историк-теоретик, рассматривавший развитие человеческого общества как природный процесс и впервые попытавшийся объяснить ход истории социологическими и климатическими факторами.

Материальный и культурный уровень жизни в странах ислама IX—XIII вв. значительно превосходил уровень захлащенной и одичавшей Европы. Пожалуй, наивысшего расцвета мусульманское общество достигло в Испании (VIII—XI вв.; в Гренаде оно продержалось до 1492 г.). Здесь сохранилась династия омейядских халифов, которая на Ближнем Востоке в 750 г. уступила Аббасидам. В Испании процветали торговля и промышленность, а также философия, как

мусульманская (Ибн Рушд), так и иудаистская (Ибн Габироль, Маймонид, которые отдельные свои труды писали по-арабски), и поэзия — как арабская, так и еврейская. Как правило, здесь не преследовались ни христиане, ни иудеи. В течение так называемой > Реконкисты (обратного завоевания Испании христианами, XI—XV вв.) мусульманские земли в этой стране перешли под власть христианских феодалов.

Реконкиста — это завоевание богатых бедными, что объясняет невероятное ожесточение христианских завоевателей. За Реконкистой последовало насильственное обращение как мусульман («мавров»), так и иудеев в католичество, что сопровождалось их ограблением и привело к массовому их бегству из Испании в Северную Африку, на Балканы и в Нидерланды. Не удовлетворившись этим, испанские власти стали точно так же преследовать новообращенных, после чего многие из них, бежав, вернулись в новых местах к прежней вере.

С самого начала Реконкисты свирепствовала инквизиция. (Великий инквизитор был, однако, назначен в Испанию лишь в 1483 г.) Слово «инквизиция» внушает ужас сквозь века, главным образом бесчеловечной системой допросов, пытками и публичным сожжением «еретиков» (их было сожжено несколько тысяч; по количеству убийств испанская инквизиция уступала репрессиям XX в. примерно на три порядка). Тем не менее уничтожение ценнейшего генофонда ощущается в Испании вплоть до нашего времени²⁹, а уровень жизни в христианской Испании падал начиная с XI в. и достиг наинизшей отметки в XV в.

В странах, где ислам господствовал нерушимо, дальнейшее развитие тоже было задержано, но по другим причинам: крестовыми походами, монгольским и тюркским завоеваниями.

Формальной причиной начала крестовых походов явилось то обстоятельство, что вождь тюрок-сельджуков Тогрул-бек, уже овладевший большей частью Ирана и Средней Азии, и его сын, Маликшах, получившие от аббасидского халифа султанский титул, стали вторгаться в византийскую Малую Азию, а затем и в подчиненные самим Аббасидам Сирию и Палестину (1071—1092) и тем самым отрезали пути для существовавшего ранее постоянного потока христианских паломников из Западной Европы в Иерусалим. Более важная причина заключалась, однако, в том, что после распространения христианства на Скандинавию и Венгрию прекратились набеги викингов и кочевников на Европу; в феодальных государствах установился относительный порядок, и некоторые воинственные дружины рыцарей почувствовали себя «без работы».

В европейской исторической традиции организация крестовых походов рассматривается как период духовного, религиозного подъема. Действительно, религиозная пропаганда накаляла страсти — известно, что даже дети пытались совершить «свой» крестовый поход. Но на самом деле крестоносцы (названные так по знаку креста, который они носили на груди или на щите; арабы называли их «франками») представляли собой плохо организованные разбойные банды. В наше время их называли бы гангстерскими; им нужен был прежде всего грабеж, и, как правило, для них ничто не было свято. Они не всегда так уж стремились в Иерусалим: часто создавали свои феодальные владения и по дороге туда — в Западной Армении, в северо-западной Месопотамии, на восточном побережье Средиземного моря. При этом они нередко воевали и между собой.

Первый крестовый поход был благословлен папой, который рассчитывал с его помощью прекратить раскол между римско-католической и греко-православной церковью, в то время еще неофициальный. Поводом послужила просьба византийского императора Алексия I о помощи против Тогрула и его сельджуков. Поход начался в 1096 г. и шел двумя потоками — через Венгрию и через Албанию. Вместо ожидавшегося подкрепления Алексий получил вторгшиеся на его территорию недисциплинированные банды, сопровождаемые тысячами паломников и просто разного сброда. Император заставил их присягнуть себе и обещать, что они отвоюют для него Малую Азию и город Антиохию в Сирии и что территории, в том числе в Палестине, которые они, возможно, завоеуют в дальнейшем, станут вассальными владениями Византии. Почти сразу начались, однако, грабежи, а затем столкновения между крестоносцами и византийскими войсками, и как только рыцари вышли из Малой Азии и направились в Сирию, Алексий вернул малоазийские земли себе. Антиохия была взята крестоносцами, но здесь сразу началась борьба между двумя претендентами на это княжество. Дойдя, наконец, в 1099 г. до Иерусалима (он находился в руках египетского Фатимидского халифата), крестоносцы заняли его лишь после длительной осады. Королем Иерусалима стал Балдуин (Бодуэн) I.

В результате Первого крестового похода в Восточном Средиземноморье возник ряд христианских королевств, княжеств и графств (а внутри них существовали многочисленные баронства). Они протянулись от залива Акаба на Красном море до юго-восточной части Малой Азии. Во всех этих государствах установился феодальный строй по западноевропейскому образцу. Они находились в постоянной вражде друг с другом и с окружающими мусульманскими государствами.

Действовали они чрезвычайно неразумно и неудачно; обычным делом для них были погромы — самый большой произошел в Иерусалиме. В этих государствах были созданы полумонашеские ордены рыцарей — тамплиеров³⁰ и иоаннитов (госпитальеров)³¹.

Поводом для Второго крестового похода (1147 г.) был захват графства Эдессы (на Евфрате) мусульманами и объявление ими «священной войны» против «латинских» государств Восточного Средиземноморья. Поход возглавил Людовик VII, король Франции. Вместо того чтобы попытаться вернуть Эдессу и укрепиться в Антиохии, благочестивый король двинулся в сторону Иерусалима. Посетив Иерусалим, крестоносцы решили пограбить Дамаск, но город взять не удалось, и результат Второго похода оказался нулевым, если не считать, что он окончательно возбудил «священную войну» против христиан. Вели ее владельцы (*атабеги*) Мосула и Халеба (Алеппо) — Имад ад-Дин и его сын Нур ад-Дин, которому удавалось контролировать и фатимидский Египет. После смерти Нур ад-Дина в 1174 г. фактическая власть перешла к его военачальнику, курду Саладину (Салах ад-Дину). Ему удалось в 1187 г. занять Иерусалим. Богатые латинские феодалы откупились от Саладина и вернулись в Европу, бедные остались. Саладин не трогал ни православных, ни монофизитских христиан, ни евреев, хотя истреблял орденских рыцарей.

Третий крестовый поход (1189 г.) возглавили французский король Филипп II Август и английский король Ричард I «Львиное Сердце» (вассал Филиппа по своим владениям в Нормандии и других частях Франции), а также король Ги Иерусалимский (взятый в плен Саладином и отпущенный под честное слово, которое он тотчас же и нарушил). Но Филипп Август вернулся в Европу, взяв в Палестине одну крепость и оставив Ричарда наедине с Саладином (Ги, вторично изгнанный из Иерусалима, основал собственное королевство на Кипре). Ричарду удалось захватить палестинские порты. Ушел он из Палестины в 1192 г.

Наиболее странным был Четвертый крестовый поход (1199 г.). Задуман он был графом Тибо Шампанским, но его крестоносцы не имели кораблей, чтобы переправиться в Палестину. Они попросили их у дожа венецианского, который дал их под условием, что крестоносцы сначала вернут ему город Задар (в нынешней Хорватии), занятый венгерским королем, а затем помогут венецианцам посадить дружественного им претендента на византийский престол. Крестовый поход вылился в беспорядочный разгром Византийской империи с захватом Константинополя в 1204 г. и образованием «Латинской империи». Константинополь византийцам уда-

лось вернуть в 1261 г., но Византия уже никогда не достигла прежнего расцвета и могущества.

Дальнейшая история Малой Азии и Балкан XIV—XIX вв. относится к истории Турции и ее владений.

После этого были еще Пятый (1218 г.), Шестой (1227 г.) и Седьмой (1244 г.) крестовые походы. Пятый практически свелся к осаде египетского порта Дамьетты (Думьята), Шестой — к восстановлению на десять лет Иерусалимского королевства и к десятилетней же усобице между самими рыцарями. Седьмой — к бессмысленной войне с Египтом.

Для мусульманского мира крестовые походы принесли разве что озлобление против христиан, которого раньше не было. Они как бы ужесточили ислам, сделали невозможным всякое разномыслие в нем; они совпали по времени с наступлением из Центральной Азии тюрок и монголов, и период арабского процветания пришел к концу. Византии крестовые походы принесли конец ее могущества и процветания. Для Европы их значение состояло в сильном росте нетерпимости, приведшей к еврейским и антиеретическим погромам³², но и в знакомстве европейцев с более высокой культурой Ближнего Востока. Как пишет один историк, «корабли, выходившие из европейских портов, неся воинов и их припасы — лошадей, лес и зерно, могли свободно грузиться награбленными товарами для обратного пути и награбленное задешево продавать. Они везли пряности, ткани, ковры, лекарства, фрукты, драгоценности, благовония, стекло и закаленную („дамаскую“) сталь в количествах, несравнимых с прежними временами». Продажа всего этого способствовала обогащению торгового сословия и знати, усилению землевладельцев, а стало быть, росту крепостного гнета, пополнению казны феодальных государств. Торговля и необходимость доставлять паломников обусловили бурное развитие ростовщичества и вообще кредитного дела как для итальянских купцов, так и для рыцарей-тамплиеров.

Восточнее зоны, пораженной крестовыми походами, исторические события складывались следующим образом. В ходе исламского завоевания арабы поставили гарнизоны в важнейших городах Ирана — сначала в Нишапуре, Мерве и Герате, а затем уже и в Средней Азии — в Бухаре и Самарканде (после ее завоевания Кутайбой ибн Муслимом в 705—715 гг.). Арабы вначале не трогали местную зороастрийскую знать — *дехкан*³³, но затем, при переходе местного населения в ислам, появились смешанные браки; начался процесс образования новой «персидской» народности и новоперсидского языка, который стал средством общения почти для всего населения к востоку от Ирака (Месопотамии) и до гор Гиндукуша и границ Индии.

Из персидского рода Бармекидов вербовались великие визири в Аббасидском халифате. Восточная часть Ирана — Хорасан — сделалась центром оппозиции Аббасидам, сидевшим в Багдаде, хотя она возглавлялась аббасидскими же царевичами и военачальниками. В Хорасане образовались независимые государства во главе с первоначально аббасидским наместником Тахиром и его родичами (821—875). Далее происходили обычные для средневековья войны между претендентами на государственную власть на переменных территориях, причем в их борьбе немаловажную роль играли исламские религиозные группировки — хариджиты и шииты. После свержения Тахиридов власть в Восточном Иране вскоре переходит к Исмаилу, основателю суннитской династии Саманидов (конец IX в.), а в Западном Иране — к шиитской династии Бундов (946 г.).

Уже при завоевании бассейнов Амударьи и Сырдарьи (встретившем серьезное сопротивление местной согдийской и хорезмийской знати) арабы соприкоснулись с тюркскими племенами, начавшими продвижение из Восточного Туркестана в степи современного Казахстана и Кыргызстана еще в досасанидские времена.

В отличие от монголов первоначальные тюрки были, по-видимому, не сплошь кочевниками, а частично либо сами занимались земледелием, либо использовали труд местного земледельческого населения. Образованные ими примитивные государства трудно отнести к третьей, четвертой или пятой фазе из-за скудости данных, но, во всяком случае, они имели свою письменность, заимствованную у согдийцев, которые получили ее от несториан-арамеев. Учитывая соприкосновение тюркских «царств» с первобытными и первобытнообщинными племенами, мы должны сделать вывод, что для средневековья они были довольно устойчивыми.

Так, Тюркский каганат (552—745) в период наибольшего размаха его завоеваний осуществлял верховное господство над территорией от Амударьи до Китая. Основу его заложило племя (или племена), впервые носившее название «тюрки» и, видимо, рано отколовшееся от движения гуннов. Тюрки имели своим центром сначала Алтай, а потом верховье р. Орхон (приток р. Селенги) в Монголии.

На смену распавшемуся Тюркскому каганату пришел Уйгурский каганат (ок. 750—840). Он был создан другой группой тюрков, которые позже, по-видимому, ассимилировали небольшие индоевропейские по языку народы Восточного Туркестана, условно (и неправильно) называемые «тохарами» (поэтому уйгуры антропологически скорее европеоиды, чем монголоиды).

Начиная с IX в. мусульмане покупали тюркских (а также кавказских и других) пленных и рабов и перепродавали их в глубь халифата, где из них иной раз создавались военные отряды гулямов, или мамлюков, — особая гвардия, тем более удобная для властителей, что она не имела никаких местных корней.

Кроме того, набранные из числа тюркских племен воины стали захватывать власть в важных исламских центрах. Такое тюркское по характеру своей военной элиты государство сложилось в Хорасане со сто-

лицей в Газни (ныне в Афганистане); затем тюрки разрушили царство Саманидов в Иране. Часть тюрков-огузов была переселена в Хорасан Махмудом Газневи (XI в.), который был великим завоевателем и разбойником. В 1020 г. его царство простиралось от Мавераннахра (области между Амударьей и Сырдарьей) до Пенджаба на Индийском субконтиненте, а его набеги сопровождались массовыми погромами и грабежами. Преемники Махмуда были, однако, вытеснены другим завоевателем, Мухаммедом из Гора, который прорвался с афганцами еще дальше в Индию; и как следствие его завоеваний в начале XIII в. был основан мусульманский Делийский султанат. На остальной территории Индии продолжали существовать индуистские средневековые государства.

После смерти завоевателя Махмуда Газневи вожди огузского племени сельджуков, Тогрул-бек и Чагры, разбили газневидское войско и начали завоевание Западного Ирана, Ирака, а затем и Малой Азии. Сельджук Маликшах (1073—1092), правивший в Багдаде (его визирем был выдающийся персидский государственный деятель Низам аль-Мульк), создал государство, охватившее Сирию, Ирак и весь Иран. Провинции раздавались сельджукским вождям на праве икта' (см. выше). Но после смерти Маликшаха его царство захватывали местные главари-атабеги, а также вожди отдельных ополчений и племен. На это же время пало бедствие крестовых походов, о котором уже говорилось. А в Средней Азии и Иране тогда же создавались независимые государства, по преимуществу с династиями, происходившими из тюрков, и одновременно шло вторжение на юг туркменско-огузских пастушеских племен; много земли было занято под пастбища.

Несмотря на все эти важные события, характерные для всякого средневековья, с XI в. начинается расцвет новоперсидской науки и литературы. Мы уже упоминали Авиценну и Бируни, но надо еще назвать великого персидского эпика, создателя монументальной поэтической истории Ирана — Фирдоуси³⁴. Его «Книга царей» («Шах-наме»), формально вполне мусульманская, имела, однако, определенную антиарабскую и особенно антитюркскую направленность. Вся история рисуется у него как вековая 'борьба между Ираном и Тураном'³⁵. Неудивительно, что книга не имела успеха у Махмуда Газневи, которому была поднесена. Она отражает, таким образом, зарождение персидского самосознания. Великим прошлым для Фирдоуси являются владычество мифической авестской предзороастрийской династии Кайанидов и историческое, зороастрийское царство •Сасанидов. Интересно, что само существование Ахеменидской империи •было к тому времени полностью забыто.

Захватывая земли ираноязычных (в широком смысле) народов — бактрийцев, хорезмийцев, согдийцев, различных племен Афганистана, персов и мидян, — тюрки брали жен среди местного населения и вообще смешивались с ним в культурном и языковом отношении. Однако значительная часть Восточной Сибири, Казахстана, Кыргызстана — на востоке, Иранского Азербайджана³⁶ и Малой Азии — на западе (а также Восточного Закавказья, населенного северокавказски-

ми племенами, в первую очередь аланами) постепенно перешла на тюркские говоры — сначала знать, а затем и все население³⁷. Это объясняется, с одной стороны, тем, что тюркский язык был очень легок для усвоения, с другой — тем, что тюркские говоры были довольно однородными, что обеспечивало взаимопонимание населения на всей территории от Восточного Туркестана до Малой Азии. Тюркский язык стал еще одним средством взаимопонимания народов³⁸. В то же время следует подчеркнуть, что государства Ирана и Средней Азии, как и все средневековые государства, не имели «национальных» основ.

Теперь нам придется рассмотреть такое важное событие, оказавшее серьезнейшее влияние на последующую историю; как монгольское завоевание. Мы уже говорили о его перво-причинах; здесь остановимся на нем подробнее.

Монгольское завоевание имело гораздо более разрушительные последствия для исламских цивилизаций, чем крестовые походы.

Территория Южной Сибири и современной Монголии была со времени образования в этой части планеты кочевых племен исходной базой их набегов на окрестные территории. Все эти кочевники принадлежали к носителям различных урало-алтайских языков — тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских; конкретная языковая принадлежность отдельных групп часто остается невыясненной.

Причины военного распространения монголов на восток и: запад при Чингиз-хане (начало XIII в.) нужно, как мне кажется, искать в избыточном росте скотоводческого населения в степях Монголии. Но масштабы монгольских завоеваний зависели не от этого: по мере своего продвижения в разные стороны монгольское войско включало в себя все больше других кочевых и просто скотоводческих популяций, особенно тюркских, так что вскоре армия стала только по названию (и по правящей династии) монгольской.

В эпоху Ханьской династии произошло нападение на Китай антропологически смешанных (?) племен сюнну и хунну³⁹, может быть тюркских; их потомками или ответвлением считаются ту-цзюэ, или ту-кю,— уже несомненно тюрки, жившие в Западной Монголии с VII в. Сюнну еще в I в. разделились на восточную и западную группы; тождество западных сюнну с гуннами, напавшими на Европу во II—V вв., вероятно.

С начала нашей эры, и особенно во II—III вв., главными кочевыми противниками Китая были сяньби, племена, возможно, монгольского происхождения, которые, подобно сюнну, создали недолговечную, но весьма пространную кочевую «империю». В V—VI вв. мы узнаем о большом кочевом союзе жужан, воевавших с китайцами, тюрками и уйгурам», а затем, видимо, они же под именем обров, или аваров, очутились на среднем Дунае, о чем уже говорилось. В X—XI вв. монголоязычные племена киданей (китаев), захватив северо-западные части Китая и Маньчжурии, создали империю Ляо, имевшую даже свою письменность. На территории,

по

лежащей между Китаем и Тибетом, тибето-бирманским по языку народом тангутов была создана империя Си Ся (XI—XIII вв.), тоже имевшая развитую письменность. В 1115—1234 гг. в современной Маньчжурии и в некоторых северных районах Китая существовала империя Цзинь, созданная туигусо-маньчжурским племенем чжурчженей. Все эти государства по большей части имели господствующие династии из кочевников и — часто — господствующую кочевую элиту, но основное население обычно занималось не только скотоводством, но и земледелием. Землю могли обрабатывать либо китайцы, либо племена или группы самих завоевателей. Часть этого населения приняла христианство несторианского толка, занесенное сюда сирийскими (арамейскими) купцами. На территории Синьцзяна, с центром в Турфанском оазисе, было царство уйгуров, слившихся к тому времени с индоевропейским народом, ошибочно называемым «тохарами»; к северо-западу от них кочевали и царили кара-кидани. Почти вся Средняя Азия и значительная часть Ирана входили в государство Хорезмшахов, имевших столицу в Ургенче (ныне в Узбекистане). Хорезмшахи были династией тюркского происхождения, но с иранской культурой и сильными исламскими традициями; они возвысились в борьбе с тюрками же — сельджуками. Для средневековья это было процветающее государство.

На этом историческом фоне создалась великая Монгольская кочевая империя. Монголы под названием *мэн-гу* или *мэн-гу да-да* («монголы» или «монголо-татары») впервые упоминаются в китайских источниках при Танской династии. Собственно монголы были чисто кочевым племенем, обитавшим к юго-востоку от оз. Байкал и в бассейне р. Селенги. Здесь и начал свою деятельность монгольский вождь Темучин — будущий великий хан Чингиз, претендовавший на власть над всем миром (действительный объем мира был «му, конечно, неясен»).

К западу от селенгинских монголов жили христианские тюркские племена найманов и кераитов, эксплуатировавшие предположительно труд китайских переселенцев-земледельцев. Возможно, именно к этим тюркским племенам впервые относился этноним «татар». К 1206 г. кераиты и найманы были покорены Чингизом и включены не только в его империю, но и в его войско. Этим объясняется то, что полчища Чингиза и его преемников обозначались как «•монголы» главным образом на востоке и на юге, в то время как на Руси они с самого начала именовались «татарами»⁴⁰.

Непобедимость монголов кажется загадочной.

Воинская сила монголов, как уже указывалось, заключалась в их мощной и многочисленной коннице — отрядах стрелков из лука, использовавших при этом развитую разведывательную службу. Привлекая в свой состав военных и прочих специалистов из разных народов, монголы в отличие от других кочевых полчищ могли брать укрепленные города. Кроме того, невероятные разрушения и кровавейшая резня, учинявшиеся монголами на завоеванных территориях, оказывали на их соседей столь мощное психологическое давление,

что в ожидании пощады сдавались и такие противники, которые могли бы сопротивляться. В этом, вероятно, и есть причина непобедимости монголов.

Как уже говорилось, Чингиз около 1206 г. начал с подчинения найманов и кераитов и включения их ополчения в свое войско. Затем он добился признания своего верховенства от тангутского государства Си Ся, отнял большую часть территории у династии Цзинь в Северном Китае. Затем начались грозные походы против Средней Азии. В 1218 г. в империю Чингиза были включены кара-кидани. В течение 1219—1225 гг. шла опустошительная война с Хорезмом: были взяты и полностью разрушены Бухара, Самарканд и Ургенч. Передовые отряды монголов во главе с Джебе и Субэдэем, пройдя сквозь Грузию и Армению, обошли Каспийское море с запада и через Кавказ вторглись в Крым и на Русь (1223* г., битва при р. Калке, ныне в Донецкой области). Несогласованно и неразумно действовавшие русские князья были разгромлены, полонены, их полки и сами они уничтожены и даже пленные перебиты.

Но поражение русских князей в битве при Калке по трагичности последствий не могло сравниться с тем массовым кровавым погромом, который монголы произвели в Средней Азии. Последствия его ощущались столетиями— разрушены были не только города, но и ирригационные системы.

Царь тангутов отказался выступить вместе с монголами против Хорезма, результатом чего был карательный поход против Си Ся; смерть Чингиза во время этого похода лишь усилила ожесточение монголов: было не только уничтожено тангутское царство, но погибла и вся тангутская цивилизация.

К 1227 г. власть монголов простиралась от Каспийского моря и Памира до Центрального Китая и лесов Сибири. Существенно, что монголы взяли под свой контроль все важнейшие торговые пути в Средней и Центральной Азии. Они нередко обращали в рабство целые народы и раздаривали их своим полководцам. Чингиз-хан считал себя избранным Небом для мирового господства — идея, очевидно заимствованная из Китая. Его советник, кидань Елю Чуцай, уговорил его не превращать китайскую территорию, как было им первоначально задумано, в сплошные пастбища для монгольского скота. Во всяком случае, вся административная структура на завоеванной территории была полностью разрушена: Чингиз полагался на полководцев, а не на администраторов, хотя при нем были, как видно, образованные советники — уйгуры, кидани и тюрки-несториане. Монгольские полководцы собирали дань с покоренного населения с помощью откупщиков и совершенно не считались с его общественными и государственными традициями. Однако это не мешало монголам заключать и союзы с традиционными царствами. Так, уже после Чингиза, в 1234 г., монголы разгромили чжурчжэньскую империю Цзинь и захватили ее столицу Кайфын — совместно с войсками южнокитайской Сунской династии!

Империя монголов считалась владением не великого хана

лично, а его клана. Управлять ею как единым целым было невозможно, хотя существовала развитая система гонцов. Когда великий хан пытался руководить из единого центра,, его гонцу приходилось тратить месяцы, если не годы, чтобы добраться от одного края империи до другого.

Поэтому еще при жизни Чингиза монгольская империя была разделена на улусы — наделы его сыновей. Тулуй получил коренную монгольскую территорию и Северный Китай (он умер раньше отца, и после него правил его сын Мункэ), Угэдэй — Западную Монголию (территорию найманов), Чагатай — земли кара-киданей и восточную часть Средней Азии, Джучи (а после его смерти в 1227 г. — его сын Батый) — западную часть Средней Азии и Юго-Западную Сибирь (будущую Золотую Орду).

На великом собрании монголов — курултае преемником Чингиза в качестве великого хана в 1229 г. был провозглашен его третий сын, Угэдэй (1229—1241). Столицей стал Каракорум на р. Орхон в Центральной Монголии. Эта столица в течение XIII в. превратилась в богатый город с церквями, мечетями и буддистскими храмами.

Созыв курултая и принятие решений отнимали много времени, и после смерти великого хана некоторый срок империей могла править его вдова. После Угэдэя был избран его сын Гуюк (1246—1248), а затем Мункэ (1251—1259) — но дальше последовала борьба между разными претендентами на наследие Чингиз-хана.

Монгольские разрушительные завоевания продолжались и после Чингиза. В 1236 г. было решено завоевать западную часть мира, и это было поручено Батыю. Он разрушил царство Волжской Булгарии в 1237 г., в том же году уничтожил город Рязань с почти всеми жителями и начал завоевывать одно русское княжество за другим; лишь жестокая зима и ранняя оттепель спасли Новгород. После взятия Киева в 1240 г. сопротивление русских князей прекратилось.

Монголы двинулись дальше на Галицкую и Волынскую земли, на Польшу и добрались до Силезии, но не стали продолжать поход на Германию. Вместо этого они ударили по Венгрии, обвинив ее в том, что она приютила тюрк-половцев, бежавших от них из южнорусских степей. Известие о смерти великого хана Угэдэя (в 1241 г.) удержало Батю от дальнейшего наступления, так как он претендовал на великоханскую власть. Не получив избрания, Батый удалился в свой улус (в Сарай-Бату, около современной Астрахани), где и умер в 1255 г. Его брат и преемник, Берке, создал новую столицу на Волге — Сарай-Берке. Здесь он принял мусульманство. Новое царство — Золотая Орда простиралась от Иртыша до Крыма, низовьев Днепра и даже Дуная, но русские княжества не входили в состав собственно Орды, и князья, как уже упоминалось, были лишь обязаны платить ханам дань и получать от них ярлык на княжение. Время от времени готовность князей платить дань подстегивалась отдельными татарскими набегами (последний — хана Тохтамыша на Москву в 1382 г., хотя до этого великому князю Московскому Дмитрию Донскому удалось в 1380 г. разгромить татарское войско Мамай на Куликовом поле). Платить дань татарам прекратил только Иван III в 1476 г.

Золотая Орда жила в значительной мере не только за счет дани, но и за счет караванной торговли между Крымом и Русью, с одной стороны, и Средней Азией — с другой. В течение XV века Золотая Орда распалась на отдельные мусульманские царства, из которых Астраханское, Казан-

ское и Сибирское были завоеваны русскими при Иване Грозном (1533—1584), а Крымское продержалось почти до конца XVIII в.

Другое направление монгольского нашествия после Чингиза было на Средний и Ближний Восток. Для этого был выделен особый, пятый улус — для Хулагу, брата Мункэ. Хулагу выступил в поход в 1255 г., в следующем году он уничтожил в северном Иране влиятельную секту ассасинов⁴⁶, а затем напал на Ирак. Шииты ортодоксального толка и даже христиане (жена Хулагу была христианкой несторианского вероисповедания) поддерживали Хулагу против аббасидского суннитского халифа аль-Мустасима. Багдад был взят монголами в 1258 г. и подвергнут полному разорению, халиф был убит. Хулагу, в войска которого к тому времени вошло много тюрок-огузов, вторгся также в Сирию, едва оправившуюся от крестоносцев, взял Халеб и Дамаск и дал бой египетским войскам мамлюкской династии, но потерпел от них поражение. Центром своего государства Хулагу сделал Иранский Азербайджан, где основал династию Иль-ханов. До конца жизни Хулагу оставался формально подчиненным великому хану. Он умер в 1265 г., и при его погребении было совершено требовавшееся монгольским обычаем ритуальное убийство девушек. Вторым преемником Хулагу, Газан-хан (1271—1304), хотя и был воспитан в буддизме, принял мусульманство. С помощью своего талантливого советника Рашид ад-Дина он ввел в государстве более четкий порядок, вполне феодальный даже с европейской точки зрения: роздал землю монгольским воинам в качестве икта⁴⁷ и подтвердил введенное уже до него прикрепление крестьян к земле.

Очередной великий хан, Кублай (Хубилай, 1260—1294), поселился между тем не в Каракоруме, а в Ханбалыке (Пекине) с 1264 г. Ему еще подчинялись и Золотая Орда, и империя Иль-ханов, но уже лишь формально.

Конечно, монгольское завоевание Китая сопровождалось кровопролитием и разрушениями (и неудачными попытками дальнейших завоеваний — Японии, Бирмы). Однако здесь монгольская элита подчинилась китайской цивилизации. И сам Кублай, и его преемники, соблюдая принесенные монголами традиции (монгольские имена наряду с китайскими, обряд выборов хана), ощущали себя все же китайскими императорами.

В период продолжавшегося монгольского правления (династия Юань) возобновился экономический и культурный подъем, начавшийся в Китае при предыдущей династии — Сун. Парадокс, заключающийся в том, что судьба Китая при династии Юань была столь отлична от судьбы других завоеванных монголами стран, разрешается тем, что в Китае монгольские завоеватели включились в шестую, постсредневековую фазу, между тем как монгольские завоевания других стран тогдашней Азии даже не подводили *к этой фазе ни по характеру оружия, ни из-за возникновения каких-либо новых классов, ни по типу идеологии (которая оставалась практически безальтернативной — отдельные второстепенные нововведения внутри ислама не в счет).

Если даже на Руси, которой монголы нанесли сравнительно мало ущерба, их завоевание заметно задержало ход исторического процесса, то в Средней и Центральной Азии, в

Иране и на Ближнем Востоке оно было настоящей катастрофой. Весь Средний и Ближний Восток, а позже и Индия оказались экономически отброшенными далеко назад и на многие столетия (собственно, до XIX в.) заиклились, как в луже, в пятой, средневековой фазе.

То, что здесь последовало дальше, характерно для средневековья: бесконечные войны, существование династических государств с неустойчивыми, подвижными границами, не связанных с определенным этносом и не зависевших ни от самосознания их населения, ни от физико-географических условий. Почти повсеместно продолжают быть активными тюркские племена, нередко лишь полуоседлые, но создающие собственные династии (Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу, кызылбаши). Значительную роль играет и религиозное разделение — есть династии суннитские, шиитские, исмаилитские.

Остановимся на двух-трех исторических линиях, имевших важные последствия для будущего. Это линии появляющихся время от времени более удачливых — нередко и более жестоких — завоевателей.

Тимур Ленг (Хромой Тимур, Тамерлан, 1336—1405) происходил из считавшегося монгольским, но тюркизированного племени и занимал с 1361 г. военно-административную должность в Моголистане — одном из государств, на которые раскололся улус Чагатай. (Впоследствии Моголистан более или менее совладал с Восточным Туркестаном, но в тот момент включал и Западный — Мавераннахр.) Тимур выступал сначала в союзе, а потом в борьбе с другими военачальниками, имевшими силы того же порядка, что и он; подавлял антимонгольское движение шиитов-сербедавов, опиравшихся на сохранившееся городское население Средней Азии и Хорасана (сербедавы — уничижительное прозвище низового движения шиитов; левое крыло сербедавов, возглавлявшееся духовным орденом мистиков-дервишей, требовало социального равенства). Затем Тимур захватил Самарканд, сделал его своей столицей и объявил себя в 1370 г. эмиром, правящим от имени Чингизидов; вслед за тем он начал серию походов, сопровождавшихся неслыханными даже по тем временам жестокостями. Так, при взятии оплота сербедавов — г. Серахса Тимур приказал замуровать в стену крепости две тысяч человек.

Победы Тимура объяснялись не только его полководческим искусством, но также и ужасом, который он внушал своим противникам. Овладев Хорезмом, разрушив его столицу Ургенч, он затем в течение 1380—1390 гг. подчинял, грабил, вырезал население Ирана и Закавказья. В 1389—1395 гг. он разгромил Золотую Орду, разграбив Сарай-Берке и другие города. В 1398 г. он вторгся в Индию и захватил Дели, где уже раньше сидела мусульманская династия. Затем начал войну с турецким султаном Баязидом I и в битве при Анкаре в 1402 г. взял его в плен. Пройдя сквозь Малую Азию, он вышел к Эгейскому морю и в 1403 г. изгнал из Смирны (Измира) удерживавших этот город крестоносных рыцарей-иоаннитов (госпитальеров)⁴. Затем Тимур задумал поход на Китай (идея состояла в том, чтобы восстановить империю Чингизидов), но умер в начале похода.

Не все территории, где проходили его войска, Тимур присоединял к своему царству. Он ушел из Малой Азии, из Золотой Орды и из Дели, удержав в Индии только Пенджаб. Однако государство Тимура все равно было грандиозным: оно включало Закавказье, Иран с Афганистаном, Мавераннахр с Хорезмом и Пенджаб. Но Тимур, как и другие средневековые завоеватели такого размаха, должен был разделить царство между сыновьями и внуками, что привело, естественно, к междоусобным войнам. Тем не менее при Шахрухе (1409—1447), Улугбеке (1447—1449) и Султан-Хусейне (1449—1606) ядро государства Тимура сохранялось.

Несмотря на военные разрушения, государство, оставленное Тимуром

своим потомкам, было весьма богатым. В Самарканде, Бухаре и Герате могли действовать великие ученые, архитекторы и поэты; сам Улугбек был выдающимся математиком и астрономом, построил прославленную в средние века обсерваторию — за что и был убит мусульманскими фанатиками. Примат архитектуры среди искусств в подобных государствах характерен: великолепное оформление резиденций было необходимо столь могучим государям. Архитектурная слава Самарканда и Бухары восходит ко времени Тимуридов.

К началу XVI в. государство Тимуридов распалось на несколько враждующих владений. Правитель Ферганы Бабур был в 1504 г. изгнан из Средней Азии кочевыми узбеками во главе с Мухаммедом Шейбаниханом (основателем новой узбекской среднеазиатской династии)⁴² и обосновался в Кабуле, откуда тщетно пытался вернуть себе Бухару и Самарканд, а затем начал походы в Индию и в 1525 г. захватил Делийский султанат, основав династию Великих Моголов. Он оставил интересные воспоминания, однако встречающиеся характеристики Бабура как «гуманиста»:», мягко говоря, преувеличенны и незаслуженны.

Бабур был далеко не первым мусульманским завоевателем Индии. Первым был уже упоминавшийся Махмуд Газневи (971—1030), который доходил до Ганга, но прочно удержал только Пенджаб. Потомки Махмуда вынуждены были оставить Хорезм и обосновались в Пенджабе. В результате длительных вооруженных столкновений полководец Кутбаддин Айбек основал в 1206 г. султанат в Дели. Между 1206 и 1526 гг. (когда Дели был завоеван Бабуром) в нем правили пять мусульманских династий, и некоторые из них претендовали на власть над всей Индией; но по могуществу ни одна из них не могла сравниться с Великими Моголами (1526—1857).

Наиболее выдающимся из Великих Моголов был Акбар (1556—1605). Он в три раза сократил налоги с крестьянства, отменил джизью с индусов, стал брать индусов в армию, ограничил влияние *улама*, носился с идеей создания универсальной религии, приемлемой для всех его подданных. Эти тенденции, однако, не имели продолжения; его преемники, особенно Аурангзеб (1678—1707) отличались мусульманским фанатизмом.

После смерти Аурангзеба морально разложившаяся мусульманская аристократия не смогла больше претендовать на господство в Индии⁴³. Наряду с мусульманскими княжествами в стране все время сохранялись государства индуистских раджей, тоже вечно воевавших друг с другом и с мусульманами.

Империя Великих Моголов была типичным средневековым государственным образованием, границы которого не только не соответствовали какому-либо этническому или физико-географическому региону, но и, как во всех подобных случаях, зависели от хода междоусобиц и удачи или неудачи отдельных военных походов. За счет грабежа подчиненных областей империя богатела и могла себе позволить содержать поэтов, художников-миниатюристов и гениальных архитекторов (о чем свидетельствуют шедевры Дели и Агры). Но при Великих Моголах не наблюдается ни малейшего признака перехода в новую фазу исторического процесса. Несмотря на то что Тимуриды обладали примитивным огнестрельным оружием — пищалю, одного этого для смены фаз было совершенно недостаточно. Никаких признаков сложения новых классов в обществе не было, как не создалось и какой-либо социально-психологически вдохновляющей альтернативной идеологии.

Замечательно, что, если в эпоху арабской экспансии ислам легко и быстро распространялся на завоеванные страны, то при тимуридском завоевании Индии ничего подобного не наблюдалось. В мусульманство перешло население только Синда (долина р. Инд) и Пенджаба, а также (в результате мусульманского завоевания около 1200 г.) Бенгалии (Бангладеш). Но и в Пенджабе часть-населения перешла с тех пор к дру-

той религии — учению сикхов, монотеистической религии, созданной в конце XV в.

По-видимому, индуистская кастовая система в достаточной степени удовлетворяла социально-психологическому побуждению «быть под защитой, быть со своими», и никакое новое учение не соответствовало тогда социальным побуждениям населения.

История послемонгольского Ирана представляет собой ту же знаковую тошнотворную парадигму вечно воюющих и сменяющих друг друга неустойчивых государств с неопределенными границами, по большей части с тюркскими династиями. В XV в. ведущая роль переходит к сторонникам духовного дервишского ордена Сефевийе, военной опорой которого было объединение шиитско-тюркских племен — кызылбаши.

Восстав против Ак-Коюнлу, кызылбаши во главе с Исмаилом I Сефевидом (1500—1524) завоевали весь Иран примерно в его современных пределах, «о включая также юго-западную часть нынешнего Афганистана и нынешнюю Армению, а в XVII—начале XVIII в. — нынешнюю Республику Азербайджан и временами Грузию. Шиизм был объявлен государственной религией. Государство Сефевидов оказалось настолько прочным, что продержалось от 1600 до 1722 г., когда оно было опрокинуто восстанием афганских племен и когда начался новый период усобиц, длившийся почти весь XVIII век.

Как и другие послемонгольские государства Ближнего, Среднего Востока и Индии, Иранское (Персидское) государство можно считать феодальным в западноевропейском смысле слова. Господствовала система *тиуля* — пожалования служилым людям права на взимание податных сумм с определенных территорий в свою пользу — в виде феодальной ренты; позже *тиуль* превратился в пожалования земли. *Тиулю* до XV в. предшествовал (не только в Иране, но и в Ираке, Средней Азии и Золотой Орде, а при Великих Моголах и в Индии) несколько другой тип пожалования — *союргал*. Он был обусловлен несением воинской службы, и владелец его имел право взимать налоги, сам пользуясь налоговым и административно-судебным иммунитетом (конечно, в пределах царской милости).

Несмотря на весь кошмар средневековья, культурная жизнь не замирала. Всемирной славой пользуется мусульманская архитектура по уже отмечавшимся причинам. Особую роль в жизни средневекового мусульманского общества играло религиозно-философское течение суфизма. Суфизм имел метафизическую основу и практиковал систему послушания, при которой ученик (*мурид*) под наставничеством «старца» (*мушида*, *пир*) готовился идти аскетическим путем *тарикат* к постепенному мистическому познанию Бога и конечному слиянию с ним. Суфии стремились к приобретению мистического «озарения» путем экстатических танцев, повторения молитвенных формул, умерщвления плоти. Существовали суфийские духовные ордены и даже род монастырей (*ханаки*). Суфии ставили тарикат выше шариата и долгое время преследовались ортодоксальными исламскими ⁴улама.

Хотя суфизм уводил от нестерпимой действительности лишь в глубь мистического познания мира, он был, несомненно, оппозиционным учением. Поэтому именно суфизм вдох-

новлял — или давал путь к самовыражению — замечательных поэтов: Саади (1210?—1292), лирика и автора человеколюбивых, нравственных поэм и прозы; Джелаладдина Руми, автора поэтических притч (ум. в 1273 г. в Малой Азии); Хафиза (1325—1390?), величайшего лирика с заслуженной мировой славой⁴⁵. Были в персоязычной поэзии XII—XIV вв. и эпики (Низами, 1141?—1209?)⁴⁶, и сатирики (Закани, ум. 1370). Однако поэт мог существовать только на подачки властителей, поэтому почти все поэты писали панегирики. В прозе важнейшее место занимали (по той же причине) историки.

Отдадим должное силе духа средневековых мыслителей, ученых, поэтов, художников — вряд ли было время в истории человечества, менее благоприятное для творчества! А ведь многое из созданного ими волнует и радует душу и сейчас.

Но после XV в. вся персоязычная поэзия — уже подражательная; нового сказать нечего — наступает и нарастает застой общества.

В любой области земного шара всякое средневековое общество являет нам однообразную картину неустойчивых государственных образований, контуры которых зависят только от грубой и кровавой военной силы. Как уже было сказано, средневековые — историческая ловушка. Мало где мы можем проследить признаки готовившегося перехода к новой фазе исторического процесса. В недрах средневекового общества люди жили своей повседневной жизнью, рождались, любили и умирали (или своей смертью, или в результате государственного разбоя), но лишь китайская, арабская и персидская лирика (особенно суфийская), да еще династийные, пристрастные историки донесли до нас следы этой жизни.

Оставим в стороне Индокитайский полуостров, Бирму и Индонезию» где происходило приблизительно то же самое (но события мало исследованы). Прежде чем мы перейдем к обществам, где в большей или меньшей степени начали проявляться признаки новой фазы, остановимся еще на одном своеобразном средневековом обществе — Османской империи.

Начиная с XI в. в Малую Азию проникают тюркские племена, говорившие на диалектах огузской группы.

Как и в других подобных случаях, не надо думать, что пришлое тюркское население сменило предшествующее. Оно сменило лишь господствующий слой общества. В своей массе жители Малой Азии с XI в. н. э. и позже были лишь постепенно тюркизирующейся земледельческой греческой (отчасти армяноязычной) популяцией, которая, в свою очередь, восходила к древним хеттам и другим народам Малой Азии, принявшим греческий язык в условиях Восточной Римской империи. Первоначально (с XI в.) лишь господствующая элита Малой Азии складывалась как тюркская. Однако, смешавшись с местным населением, она влияла и на его ментальность в направлении сближения с ментальностью степняков. В русской научной традиции тюрки именуются турками после ассимиляции ими

местного малоазийского населения; в западной науке этого различия не делается. Заметим, что тюрки (турки) мало оседали в городах, и некоторые города вплоть до XX в. оставались греческими. На землях полуострова, отнятых у Византии в XI—XIII вв., образуется несколько мусульманских тюркских княжеств. Это значит, что были тюркская династия и тюркская воинская дружина, а также греческое земледельческое население, которое постепенно исламизировалось и тюр-кизировалось. Из учения ислама тюркские воины извлекли главным образом положение о джихаде (иначе — *газават*; ведущие «священную войну» назывались *гази*). Вооруженные группы, постепенно теснившие византийцев, обосновались вдоль их границ, а также границ Малой Армении повсеместно, ведя непрерывную террористическую «войну». Большинство тюркских княжеств (эмиратов) Малой Азии были тем временем более или менее мирно заняты своими внутренними делами, и лишь Осман I, эмир маленького княжества Сёгут на северо-западе полуострова, воспользовался движением гази для расширения своей территории. Для этого османское (или оттоманское) государство приняло на себя роль распространителя исламского правоверия.

Расширение территории было связано с необходимостью брать города, что требовало длительной осады (осадных орудий у османов не было). При жизни Османа I удалось взять у византийцев только Брусу (1326 г.), но его преемник Орхан овладел еще Никеей и Никомедией (Изником и Измидом), а также захватил соседний тюркский (турецкий) эмират Карасы.

В 1354 г. османы сделали важнейшее приобретение — захватили город Галлиполи на европейском берегу Дарданелльского пролива. Это дало ключ к Балканам, где положение политически было крайне тяжелым: здесь существовали разбросанные по побережью владения Венеции, обломки Латинской империи крестоносцев, области, отложившиеся от Византии, три болгарских и несколько сербских княжеств, а также то, что осталось от Византийской империи, главным образом у Мраморного моря и Босфора (с центром в Константинополе) и по южному берегу Черного моря. Впрочем, как все средневековые государства, и остаточная Византийская империя «пульсировала», то сокращаясь, то расширяясь.

Турки уже раньше переправлялись через Дарданеллы, участвуя в качестве союзников той или иной стороны в кипевших тут войнах; но постоянный опорный пункт в Галлиполи (Гелиболу) позволил им перейти к регулярным завоеваниям на Балканах. Были захвачены Адрианополь (Эдирне) и южная Сербия. Граница, на которой действовали гази, упорно продвигалась на север. В 1386 г. была взята София, в 1389 г. Сербии было нанесено сокрушительное поражение на Косовом поле, и сербы признали верховенство османов (но при этом погиб турецкий султан Мурад I); сын Мурада, Баязид I, в 1393 г. полностью покорил Болгарию, а в 1396 г. отбил франко-венгерское контрнаступление.

Таким образом, был создан некий скелет империи, но османы держали только основные коммуникации, речные долины и т. д. Население империи было по-прежнему в основном христианским, некоторые ее части находились под властью христианских вассалов. Баязид поставил себе целью обеспечить правоверие по всей империи, снабдив ее мусульманскими администраторами, судьями и т. п. Для этого жителей коренного османского эмирата было недостаточно, и он решил завоевать остальные тюркские эмираты Малой Азии с помощью христианских контингентов и *янычаров*. (Гази отказались вести войну против единоверцев.)

Кто такие янычары? Кроме прочей османы ввели дань мальчиками со своих христианских подданных (*девишirme*). Дети обращались в мусульманство, получали военную и духовную подготовку и зачислялись в пехотный корпус янычаров (от *ени чери* — «новое войско»). Янычарам были очень долго запрещены любовные связи с женщинами. Изолирован-

ные в казармах и от христианского, и от мусульманского населения, освобожденные от нормальной семейной жизни и человеческих связей, а тем самым и от совести, янычары превратились в послушное и хладнокровное орудие османских султанов. Гази при янычарах уже становились ненужными.

Часть изгнанных эмиров Малой Азии обратилась за помощью к Тимуру, который вторгся (как мы уже знаем) на полуостров и в 1402 г. полонил Баязида в битве при Анкаре. Совершив рейд в Малую Азию, Тимур ушел, и на полуострове началась, как и можно было ожидать, междоусобная борьба между тремя сыновьями Баязида, которая закончилась победой Мехмеда I. Тот вернулся к политике присоединения эмиратов, но не военной силой, а дипломатией, брачными узами и т. д. Эмираты были постепенно присоединены в течение XV в.

Султан Мурад II возобновил газават на Балканах (в том числе в Морее, т. е. на п-ове Пелопоннес). Независимые христианские правители Сербии, Валахии и Польши во главе с венгерским королем Яношем Хуньяди начали зимой 1443/44 г. «крестовый поход» против османов, но Мурад, справившись с сопротивлением последних малоазийских эмиратов, с помощью генуэзского флота предотвратил вторжение «крестоносцев» через проливы, и они были разбиты в 1444 г. под Варной, а окончательно — в 1448 г. — опять на Косовом поле.

Следующий султан, Мехмед II, захватил в 1453 г. Константинополь. При осаде уже не впервые в истории были применены пушки (неподвижные осадные бомбарды были известны с конца XIII в., но использовались редко). Мехмед перестроил город по-своему, сделав из него новую великую мусульманскую столицу — Истанбул (Стамбул). В 1456 г. он осадил Белград, но неудачно. Зато в 1458—1460 гг. Мехмед II захватил Афины, греческое княжество Морей и остаток Сербии, а в 1463—1484 гг. была подчинена и Босния; многие знатные босняки приняли ислам и стали одними из наиболее ценимых гази. В 1461 г. Мехмед II завоевал Трапезунд, независимый остаток Византийской империи, просуществовавший с XIII в.

Султан Баязид II (1481—1512), справившись с соперничеством брата, продолжил завоевания, заняв Герцеговину, устья Дуная и Днепра (создав возможность контактов с Крымским ханством), и отнял у Венеции пять важнейших портов на Адриатике. Он заложил основу мощного турецкого флота.

Теперь началось соперничество между османами и государством мамлюков.

Мамлюки, как указывалось выше, были по происхождению рабами, которых продавали во время различных междоусобных войн в мусульманские страны из Руси, с Кавказа и из Средней Азии. Аббасидские халифы создавали из них отборные отряды, и они постепенно превратились в особую военную касту. Фатимидские султаны Египта (969—1171) организовали у себя войско мамлюков, видимо, и с целью избавиться от необходимости вербовать воинов из соседних с Египтом враждебных стран; пользовался ими и Саладин. Затем мамлюки захватили власть в Египте; мамлюкские султаны правили не только им, но также частью Ливии, Сирией и Хиджазом (в Аравии, со священными городами Мединой и Меккой) с 1250 по 1517 г. В 1485—1491 гг. произошла война османов с мамлюками за Сирию. Она кончилась ничем, но тут возникла для османов новая опасность в лице Сефевидов, которые вели интенсивную шиитскую пропаганду в Малой Азии и в районах, являвшихся предметом спора между суннитами-османами и мамлюками. В Малой Азии вспыхнуло шиитское восстание.

Между тем в Османской империи еще при жизни Баязида II началась междоусобная война между его сыновьями. Существовал порядок, согласно которому взрослых сыновей султана посылали в различные провинции для изучения государственных дел, и в то же время был обычай, чтобы

каждый новый султан казнил всех своих братьев и их сыновей. Поэтому-то междоусобица начиналась всегда еще при жизни старого султана. В данном случае один из сыновей, Селим, опирался на крымского хана, а другой, Ахмед, — на войско, занятое усмирением шиитского восстания. Хотя Ахмед имел явное превосходство, дело решили янычары — они потребовали Селима, в пользу которого Баязид и отрекся от престола. Ахмед был побежден и убит Селимом I в 1613 г., а затем Селим нанес поражение Исмаилу I Сефевиду.

Селим I Грозный проявил себя недюжинным полководцем, разбив мамлюков и захватив в 1516—1517 гг. не только Сирию, но и Египет. Тем самым он стал властителем Хиджаза с его священными городами Меккой и Мединой, что в дальнейшем дало повод османским султанам объявить себя халифами. Завоевания продолжались и при сыне Селима I, Сулеймане I Великолепном. В 1521 г. он взял Белград, в 1526 г. разбил венгров и объявил Яноша Заполью, нового короля Венгрии, своим вассалом. Но на венгерский трон претендовал и Фердинанд Габсбург, эрцгерцог австрийский, брат Карла V, императора Священной Римской империи. Это привело к войне 1529—1532 гг., во время которой османы осаждали Вену. В результате Сулейман создал себе предполье на северо-западе в виде вассальных государств — Крыма, Молдавии, Валахии, Семиградья и Венгрии. После этого Сулейман еще трижды воевал с сефевидской Персией, закрепив за Турцией Армянское нагорье (которое турки теперь именуют Восточной Анатolieй).

Немалые победы одержал Сулейман и на море. В 1522 г. был осажден и захвачен остров Родос, откуда до тех пор пиратствовали рыцари-иоанниты (после этого они были вынуждены перебазироваться на о-в Мальту). На службу к Сулейману перешел овладевший Алжиром знаменитый арабский корсар Хайреддин Барбаросса (он стал областным начальником в Гелиболу и членом султанского совета). Вскоре второе корсарское государство было создано в Триполи (в Ливии). В борьбу за Западное Средиземноморье были втянуты Венгрия и Габсбурги (император Карл V был одновременно королем Испании, позже им был его сын Филипп II). В ту же войну была втянута и Франция — но на стороне Турции, против Габсбургов.

Морская война была выиграна у Селима II христианами в 1571 г. в битве при Лепанто у берегов Греции (в самом большом морском бою в эпоху гребных судов), однако разногласия между союзниками вынудили Венецию уступить туркам о-в Кипр. Следующая большая война произошла с 1582 г. между Турцией и Персией за Азербайджан, Ширван и Дагестан. Под угрозой наступления узбеков на Хорасан шах Аббас I уступил османам Грузию, Ширван, Азербайджан и Лурестан (1590 г.) (напомним, что Азербайджаном тогда назывался только нынешний Иранский Азербайджан).

При Мехмеде III и его сыне Ахмеле II опять была война со Священной Римской империей; в 1606 г. был заключен мир с Австрией, а в 1611 г. — с Персией. Ахмед I, отличавшийся религиозностью, отменил обычай убийства братьев нового султана при его вступлении на престол, и в будущем их было решено содержать поодиночке в особых павильонах («клетках»), куда женщины не допускались. Один из них все же становился султаном. Результатом было то, что в дальнейшем султану обычно наследовал не сын, а совершенно неопытный в государственных делах брат. Низложение султанов визириями и янычарами стало обычным явлением.

Мы подошли к эпохе, когда Европа уже перешла в шестую, абсолютистскую постсредневековую фазу. Однако в Турции, помимо того что она обладала, во-первых, огромной территорией и соответственно большим внутренним рынком и, во-вторых, огнестрельным оружием — пушками и пищалями, главнейших признаков возникновения шестой фазы не наблю-

далось. Городские ремесла (в том числе и оружейное), а также торговля в Османской империи находились в руках греков, венецианцев и, армян, а все турецкое общество было ориентировано только на войну как на главный источник дохода.

Государство представляло собой стройную военно-бюрократическую машину. Отходя от общего правила, опишем его более подробно, чтобы показать, сколь различные общества у нас объединяются под понятием феодальных.

Окружение султана составлялось из янычаров, прошедших специальную школу под руководством белых евнухов; дамы гарема находились под наблюдением черных евнухов. Надсмотрщик (*ага*) гарема был одновременно управляющим вакфных земель (см. выше); только через него можно было получить доступ к султану. Из чинов «внутренней службы» выделялись члены совета (*дивана*): великий визирь, который, подчиняясь только султану, управлял всей империей и ее вооруженными силами (более поздние султаны уже не руководили войском); но визирю не были подчинены султанский двор и улама. Из той же «внутренней службы» выходили главные сановники государства — командующий флотом, военные судьи, начальник канцелярии, казначей, а также областные начальники (*бейлербеи*) и др. С XVII в. управление государством было передано из дивана султана в диван визиря — Высокую Порту. Ниже чинов «внутренней службы» стояли чины «внешней службы», отчасти из янычаров. Они включали командующих янычарами, артиллерией и конницей, главного интенданта, главного садовника и др. Еще ниже стояли начальники городских служб Стамбула, монетного двора и службы снабжения, различные охранники и гонимые. Важную роль в турецком обществе играли евнухи, которые обеспечивали обслуживание гаремов, а также занимали различные административные посты, где были безопасны для султана, так как не могли создавать конкурирующих династий. Кастрация, особенно пленных (и обязательно в детстве, до начала половой зрелости, иначе не всегда полностью обеспечивалась импотенция), приняла весьма широкий характер.

За пределами султанского двора бейлербеи и подчиненные им правители округов имели свои советы (диваны) и были фактически феодальными государями; они возглавляли каждый свой отряд феодальной конницы — *сипахи* (сипаев). Наиболее доходные наделы (дававшие свыше тысячи дукатов в год) именовались *касс*; они принадлежали родичам султана и высшим чиновникам; доход от 200 дукатов и выше давали наделы *эамет*, а менее 200 дукатов — *тимар*. Наделы, как правило, были наследственными, их владельцы составляли сословие тимариотов. Каждый тимариот должен был снарядить одного воина на каждые 30 дукатов дохода. Таким образом, это была не административная, а военно-феодальная система, и округа были не административные, а военные. Эта система не распространялась на некоторые курдские, арабские и христианские земли и на вассальные государства (Крым, Молдавию, Валахию, Трансильванию). Купцы Дубровника (Рагузы) на Адриатике платили дань, но имели полное самоуправление. На местах администрацией занимались *кади* (судьи по шариату) и казначеи. Доходы с мест поступали в основном начальникам округов на содержание их служб и сипахи, а государственная казна пополнялась за счет других налогов, пошлин, дани и военной добычи. Большую часть всего этого поглощали войско и флот. Флот состоял главным образом из галер, построенных по итальянскому образцу; гребцами были каторжники и пленные, воинами — янычары и сипахи. За войсками следовали нерегулярные и неоплачиваемые отряды *башибузуков*, жившие исключительно за счет грабежа.

Хотя дальнейшее расширение Османской империи с XVIII в. прекратилось, созданная султанами система просуществовала до середины XIX в. Турция еще во времена Крымской войны 1863—1856 гг. мало чем отлича-

лась от того, что обрисовано здесь (только галеры были заменены на фрегаты и линейные корабли).

Я остановился на Турции несколько подробнее, чем на других государствах этой фазы, потому, что она являет собой очень яркий образец средневекового общества в его наиболее последовательном развитии. Мне кажется, в частности, что история турецкого общества ясно отвечает на вопрос, являлся ли переход от древности к средневековью прогрессом в смысле большего блага для большего числа людей.

Если не считать архитектуры (Синан) и некоторых ремесел (например, ковроткацкого искусства, распространенного, впрочем, и далее на Восток, вплоть до Индии), Турция мало дала мировой культуре. Заслуживают внимания объемистые записки путешественника Эвлия Челеби (1611—1683). Турецкая поэзия была подражательной и зависела преимущественно от персидской. Оригинальным поэтом-мистиком, сохранившим формально тюркские традиции, был Юнус Эмре (ум. 1320). Большинство поэтов писало не только по-тюркски, но и по-персидски и по-арабски. Замечательна фигура поэта-философа пантеиста Несими (1369?—1417). Он был обвинен в ереси, и с него с живого содрали кожу. Наиболее видный поэт XVI в., Физули, тоже многоязычный, продолжал классические жанры, разработанные персидскими поэтами.

В разных частях Западной Европы тем временем растут все более независимые города, где концентрируются международная торговля и переходящие в мануфактурную форму ремесла. В городах начинают складываться новые классы — буржуазии и рабочих. Буржуазия постепенно становится конкурентом феодалам, а рабочих она стремится увести из-под их власти, так как их трудно было вербовать из прикрепленного к поместью крестьянства. Все это приводит к кризису средневекового общества, который в Европе наступает в XIV—XV вв. В Италии начиная с 1280-х годов возникают независимые, частично имеющие республиканское или, во всяком случае, выборное управление города-«коммуны».

Непрерывные войны в средневековых странах привели к ситуации, когда производство оружия (особенно оборонительного), постройка различных военных сооружений (тех же замков), импозантных культовых зданий, изготовление довольно сложной одежды и обуви (со шпорами или без них) — все это не могло непосредственно обеспечиваться рыцарским сельскохозяйственным имением. Настоятельно требовалась внешняя торговля, которая в Западной Европе облегчалась относительной близостью заморских цивилизаций; для итальянских «коммун» это были преимущественно исламские страны: Малая Азия, Сирия, Палестина, Египет и «Варвария», как тогда называлась Северная Африка, для североευропейских городов — Британские острова, Скандинавия и Русь. Расстояния были достижимы даже для сравнительно примитивных судов.

Поэтому еще в пятой фазе и еще до крестовых походов, а тем более после них в Западной Европе образуются ремесленные центры и порты для внешней торговли.

Каждое ремесло держалось в тайне от непосвященных — это было необходимой мерой предосторожности для благополучия ремесленников. Каждая специальность объединялась в особую замкнутую организацию — цех со своими полноправными мастерами и с подмастерьями. Последних после первичной подготовки часто отпускали в странствие, с тем чтобы они приобретали и передавали новые ремесленные навыки. Странствия совершались нередко через большие пространства, но европейские подмастерья, связанные религиозной присягой, обычно не уходили за пределы христианско-католического мира.

Подмастерья не противостояли мастерам как класс классу: всякий подмастерье имел, при удаче, полную возможность стать мастером. Конечно, между этими группами, занимавшими разное место в производстве, была значительная имущественная разница, но создание двух противостоящих городских классов — буржуазии и наемных рабочих — относится уже к шестой фазе и тесно связано с превращением некоторых преуспевающих ремесленных мастерских в буржуазные мануфактуры, о которых подробнее ниже.

Хотя появление мануфактур как типичного общественного явления и оформление новых классов относятся к следующей, шестой фазе исторического процесса, уже и в пятой фазе торгово-промышленные центры-города начали играть важную историческую роль, в первую очередь в Северной Италии.

Вплоть до VIII в. значительная часть Италии оставалась под владычеством Византии: почти вся восточная полоса, включая Венецию, Равенну, Бари, п-ов Апулию, а также ряд важных пунктов на юго-западе — Амальфи, Салерно; кроме того, Византия довольно долго удерживала Сицилию, Сардинию и Корсику. Северная Италия, завоеванная ранее лангобардами (ломбардцами), отошла к Священной Римской империи, а при ее разделе между наследниками Шарлеманя здесь образовалось несколько отдельных государств. Важнейшие города имели некоторое самоуправление. Они являлись также центрами торговли и церковной администрации. Правители городов, постепенно обретая независимость, получали титулы герцогов или (в Венеции) дожей⁴⁷. В Центральной Италии со временем образовалась полоса, в которой папа был не только религиозным, но и светским государем.

Необходимость короноваться в Риме создавала для императоров определенные сложности. Заметим, что помимо императорского титула, требовавшего папской инвеституры, существовал также титул короля Германии⁴⁸, а кто из германских враждующих феодалов получил императорскую корону, обычно решалось войнами. Они особенно обострились во

время соперничества между Оттоном IV, герцогом Баварии из рода Вельфов (император в 1209—1218 гг.), и герцогом Швабским Фридрихом II из рода Гогенштауфенов (император в 1218—1250 гг.), потомственным гнездом которого был замок Вайблинген. Соперничество между Оттоном и Фридрихом совпало по времени с активными действиями папы Иннокентия III по сколачиванию в Центральной Италии светского папского государства. Иннокентий сначала склонялся в пользу Оттона, но вынужден был в конце концов признать императором Фридриха. Еще до этого, прежде всего во Флоренции, образовалась пропапская партия гвельфов и проимперская — гибеллинов (от «Вельф» и «Вайблинген»). Позднее «гвельфами» и «гибеллинами» называли себя сторонники той или иной из ожесточенно враждовавших партий в различных итальянских городах, но первоначальная связь с пропапской и проимперской ориентацией стерлась.

Между тем норманнские пираты, благословленные папой Николаем II и возглавляемые Робертом Гвискардом, а затем его братом Роджером, овладели в конце XI в. Апулией, Калабрией и Сицилией, в то время имевшей большое арабское население. Роджер покровительствовал как византийской, так и римской церкви и не возражал против мечетей. Власть норманнской династии, распространявшаяся временами не только на острова Средиземного моря, но и на североафриканское побережье, продлилась до времени Фридриха II Гогенштауфена, который фактически присоединил Сицилию к Священной Римской империи. Но в 1265 г. папа дал французскому принцу Карлу Анжуйскому корону Неаполя и Сицилии. Норманны между тем в основном слились с местным населением или отправились наемниками в Византию, а арабы по большей части эмигрировали в Африку. Южная Италия, таким образом, пошла по совсем иным историческим путям, чем Северная. Главные ее конфликты были теперь с испанцами — короли Арагонские захватили Корсику и Сардинию, а затем обосновались в Сицилии и Неаполе.

В 1474 г. брак Фердинанда, короля Арагона, что на востоке Пиренейского полуострова, с Изабеллой, королевой Кастилии, привел к созданию единого Испанского королевства. В период правления этой четы, как будет рассказано ниже, произошло открытие Америки.

Унаследовав после Фердинанда и Изабеллы в 1516 г. испанский трон, их внук, король Карл Габсбургский, затем (с 1519 г.) стал Карлом V, императором Священной Римской империи; испанские и итальянские владения Арагонской династии также перешли к Габсбургам.

Обратимся теперь к истории Северной Италии. Богатые и защищенные крепкими стенами городов торговцы и ремес-

ленники дорожили своей самостоятельностью, но не обладали собственной конницей (столь необходимой в рыцарских войнах) и поэтому брали на службу кондотьеров — предводителей наемных рыцарских дружин, оторвавшихся от той или иной династийной партии. В то же время внутри городских стен образовались органы самоуправления — *коммуны*. Из взаимодействия кондотьеров и коммун и возникли могущественные североитальянские города-государства, с которыми как с равными считались короли Франции, короли Неаполя, императоры Византии и Священной Римской империи. Государственный строй североитальянских городов был различен: они могли управляться или непосредственно коммуной, или *синьорией* — коллегией наиболее знатных и богатых жителей города, или же герцогом (в Венеции — выборным дожем), или наследственной знатной династией (например, семьей Медичи во Флоренции), главы которой носили титул «отца отечества» или «великолепного синьора», но в европейских дворянских генеалогиях приравнивались к монархам.

Число североитальянских коммун было очень велико, и нередко одна коммуна подчинялась другой. Здесь мы остановимся на трех, пожалуй, самых главных — портовых городах Венеции и Генуе и не имевшей морского порта Флоренции.

Венеция возникла во времена Великого переселения народов, когда многие жители Северной Италии, спасаясь от лангобардского нашествия 568 г., обосновались на берегу обширной лагуны недалеко от устья р. По на Адриатическом море. Образовавшаяся коммуна долго входила в состав византийского «экзархата» Равенны, но на нее претендовали и германско-римские императоры. Венецианское государство считалось республикой, но фактически было пожизненной абсолютной монархией. Во главе Венеции стоял дож, избираемый сословиями, включая (первоначально) и простой народ. Впрочем, обряд избрания нередко менялся. Дожи не образовывали династий.

Стесненная с суши (источником провизии помимо моря был небольшой сухопутный округ Тревизо), Венеция обратилась к морской торговле, подкрепляемой и морской войной. Первые ее попытки выйти на простор Адриатики и за ее пределы были остановлены пандемией чумы 1349 г.⁴⁹. Позже, по Туринскому миру, были разграничены на море области интересов Венеции и Генуи. С Турцией Венеция старалась не сталкиваться, зато начались ее войны в самой Италии и на п-ове Истрия, принесшие ей новые территориальные приобретения. По мере того как турки разрушали Византию (в Италии та потеряла свои владения раньше — в XI—XIII вв.), Венеция увеличивала свои владения, создавая колонии на островах и побережьях восточной Адриатики и в Эгейском

море, а также на о-ве Кипр. Продукты восточного ремесла и сельского хозяйства потекли в Венецию, принося ей прославившее ее богатство.

Генуя, на западной стороне Апеннинского полуострова, стала независимой коммуной еще после распада империи Карла Великого. Добровольцы из всех слоев населения (*компанья*) обеспечивали государство оружием, капиталами и рабочими руками. Само государство управлялось сменными консулами из числа мелких дворян и более состоятельных горожан. Захватив в свои руки морскую торговлю в западной части Средиземного моря, Генуя, подобно Венеции, сильно разбогатела; в нее стекались жаждущие заработка и наживы. К началу XIII в. в ней насчитывалось уже около 10 тыс. жителей. Если Венеция обслуживала своей восточной и византийской торговлей Италию и Священную Римскую империю, то Генуя обслуживала ту же Италию, Францию и даже Испанию. В Генуе образовалась большая еврейская колония — из тех, кто был вынужден покинуть Испанию в результате зверств Реконкисты. Генуэзцы захватили Сардинию и Корсику и создали сеть полусамостоятельных колоний на Средиземноморском побережье Европы. И в восточной части Средиземноморья Генуя стала успешно соперничать с Венецией. Генуэзцы участвовали в крестовых походах, причем понесенные при этом потери им удалось компенсировать реализацией добычи. В 1261 г. генуэзцы заключили с возродившейся Византией мир, открывший им путь в Мраморное и Черное моря. Пера, пригород Константинополя, стала генуэзской колонией; часть Крымского побережья с центром в Кафе (Феодосии) стала генуэзским владением. Помимо торговли и ремесел генуэзцы успешно занимались и кредитным делом. Однако в XV в. кризис Европы (о нем шла речь выше), а также начавшаяся эпоха колониальных завоеваний привели к перемене торговых путей и экономических центров. В Генуе начинается упадок, и в 1421 г. она была присоединена к владениям герцога Миланского; ее крымские владения в 1443 г. отошли к ханам.

Флоренция, происхождение которой восходит к римским и даже этруским временам, играла значительную роль при Карле Великом и Каролингах и была центром военного округа Тосканы (бывшей Этрурии). Во время конфликта между папой и императором Генрихом IV в начале XII в. Флоренция выступила на стороне папы, расширяя при этом собственные владения, и вскоре начала создавать свою местную администрацию в окрестных городках. Вначале община Флоренции состояла из автономных приходских групп ремесленников и торговцев, но затем они объединились, став собственно Флорентийской коммуной, которую возглавляли шесть

или восемь консулов и совет 100 «добрых» (знатных, богатых) людей. Постепенно захватывались соседние селения и замки, заключались союзы (например, с Пизой). Император Фридрих I Барбаросса тщетно пытался овладеть Тосканой, и власть Флоренции над нею была им признана в 1187 г.

Схватки между ведущими знатными родами повели к созданию во Флоренции нейтральной верховной должности *подеста* — вначале из местных жителей, а с XIII в. — либо приглашаемого со стороны, либо навязываемого императором. Вовлеченная в общеитальянскую и даже общеевропейскую политику, Флоренция приняла участие в ожесточенной борьбе между гвельфами, поддерживавшими императора Оттона IV (и папство), и гибеллинами, сторонниками императора Фридриха II. Ход военных событий привел к бегству гвельфов из Флоренции и затем к их полному изгнанию в 1248 г. с разрушением их домов и конфискацией имущества. В 1250 г. знатные купцы Флоренции создали, параллельно подеста и его совету, особый орган власти — «капитанов народа»; усилились гвельфы. С 1252 г. начала выпускаться местная золотая монета (флорин), ставшая общепринятым средством обращения в Италии. Вскоре гибеллины вновь смогли установить свою власть, которая, однако, продлилась лишь до завоевания города Карлом Анжуйским, королем Неаполя, в 1266 г. «Капитаны народа» были заменены «капитанами партии гвельфов». Теперь бежать пришлось гибеллинам.

Во избежание дальнейших усобиц в дело вмешался папа Николай III. Была вновь установлена власть подеста; наряду с ним был поставлен «капитано» со званием «умиротворителя народа», а также два совета и еще общий совет (*синьория*) из 100 человек, руководимых восемью «добрыми» людьми, из коих четверо должны были быть гвельфами и четверо — гибеллинами. Однако и эта реформа не была последней: главные городские цехи потребовали своего участия в управлении. Шесть их представителей были введены в помощь «капитано», который получил теперь звание «защитника ремесел и искусств». Затем, в 1293 г., был издан антидворянский акт «учреждение справедливости», согласно которому были введены в синьорию и представители младших цехов, а знать исключена из синьории. Новый порядок должен был проводить «гонфалоньер справедливости». Конец XIII и весь XIV век были заполнены борьбой социальных групп рядовых граждан и знати Флоренции. В качестве гибеллина был изгнан из Флоренции на всю жизнь и великий поэт Данте (в 1301 г.).

Несмотря на эти внутренние политические неурядицы, ремесла и торговля Флоренции неизменно процветали, ряд городов Италии (в основном Тосканы) был подчинен или покорен. Основой богатства Флоренции было изготовление на вывоз шерсти и шерстяных изделий, производившихся первыми в мире мануфактурами. Мануфактура представляла собой обширную ремесленную мастерскую (или сеть таких мастерских), принадлежавшую мастеру (или знатному лицу), являвшемуся капиталистом и вкладывавшему в мануфактуру свои средства, в то время как работали в ней не цеховые подмастерья, а бесправные наемные рабочие. Здесь было возможно более сложное производство, чем в простой мастерской, и развивалась специализация труда работников, что увеличивало их производительность. Одновременно усилива-

лась и эксплуатация, так как рабочий был прикован па всю жизнь к одной трудовой операции. Таким образом, здесь мы впервые видим сложение двух новых классов — капиталистов (буржуазии) и наемных рабочих, что имело огромные исторические последствия.

Расцвет Флоренции был прерван пандемией чумы («Черной смерти»). Впрочем, город-государство быстро оправился и даже вел постоянные военные кампании, длившиеся до 1378 г. В том году во Флоренции вспыхнуло восстание «чомпи» — преимущественно рабочих, недовольных смещением либерального гонфалоньера. Это восстание можно считать первым выступлением рабочего класса. Правительство, утвержденное «чомпи», продержалось до 1382 г.

Флорентийская буржуазная республика, хотя и вовлекалась в различные распри, все же благополучно продолжала существовать.

В 1417 г. гонфалоньером сделался Джованни Медичи; в 1429 г. его сменил сын, несметно богатый Козимо; так власть во Флоренции перешла к династии Медичи, продержавшейся около 300 лет. Несмотря на небольшую территорию и на то, что ее правители не принимали герцогских и королевских титулов⁵⁰, Флоренция XV в. была одной из великих держав Европы, и породниться с домом Медичи считалось честью для европейских королей.

Мы остановились так подробно на истории Венеции, Генуи и особенно Флоренции потому, что здесь впервые начался фазовый переход к диагностическим признакам шестой фазы исторического процесса. Первым из них было возникновение наряду с главными классами средневекового общества — землевладельцами и зависимыми земледельцами — двух новых классов: капиталистических предпринимателей и наемных рабочих. И если в Венеции и Генуе буржуазия все же была в основном торговой, а промышленность — ремесленной, то во Флоренции мы впервые встречаем буржуазию промышленную и наемных рабочих.

Другой признак шестой фазы — стабильное «национальное» абсолютистское государство в то время в Италии не сложилось, хотя медичейскую Тоскану можно считать зачатком такого государства. Недаром именно тосканский диалект лег в основу общенационального итальянского языка.

Третьим диагностическим признаком шестой фазы можно считать наличие альтернативных социально-психологических установок. Этого в полной мере в Италии XII—XV вв. еще не замечается. Правда, католическая догма трактуется теперь несколько свободнее, что особенно ясно видно на примере изобразительного искусства, хотя оно по-прежнему обслуживает по преимуществу религиозные нужды и лишь постепенно

отходит от обязательного византийского канона иконы. Фрески и витражи флорентийца Чимабуэ (1240?—1302?), широко и оригинально задуманные, все же ясно выявляют зависимость от византийских прототипов. Джотто (1266—1337), тоже флорентиец, считающийся основателем «нового (итальянского) стиля» в живописи, вводит пространство вместо иконописной плоскости, но все же тоже во многом является продолжателем иконописи. Однако живописные школы Флоренции эволюционируют все больше, и этот город долго остается тем местом, где учатся лучшие мастера живописи (например, члены венецианской семьи портретистов Беллини).

Совершенно новое слово в искусстве, в котором доминирует образ героического — иногда и смиренного, — но всегда живого человека, сказали скульптор Донателло (1386?—1460), один из величайших представителей итальянского искусства эпохи Возрождения; живописец, скульптор, музыкант, поэт, архитектор и ученый Леонардо да Винчи (1452—1519); универсальный мастер Микеланджело (1475—1564), автор знаменитой гигантской статуи обнаженного Давида на площади Синьории во Флоренции и многих других необычайных произведений искусства; и гениальный по гармонической красоте образов живописец Рафаэль (1483—1520), а также целый ряд других замечательных художников. Их творчество показывает, что наступала пора, когда «можно думать иначе», хотя за пределами изобразительного искусства и архитектуры эта тенденция (в значительной мере обусловленная роскошью и далеко не святой жизнью пап и других католических иерархов) проявляется не так явственно. Даже прославленный ученый Пико делла Мирандола (1463—1494), который, по молве, «знал все на свете и еще кое-что», знакомый с греческими, арабскими, еврейскими и латинскими мыслителями, все же не выходил за пределы теологии, соединенной с поздним (арабским по преимуществу) платонизмом и аристотелизмом.

То же и в художественной литературе. До конца XIII в. писались только унылые хроники, не имевшие большого литературного значения, стихи трубадуров и труверов и, конечно, во множестве богословские сочинения. Интересна судьба выдающегося для своего времени философа, логика и богослова Пьера Абеляра (1070—1142). За незаконную связь со знатной талантливой девушкой Элоизой он был подвергнут ее отцом такому — чисто христианскому? — наказанию, как кастрация. Оба любовника ушли в монастырь.

Началу XIV в. принадлежит так называемый «сладостный стиль» в итальянской лирике и, что важнее, великий эпос — «Божественная комедия» Данте (1265—1321), где с

огромной силой воображения и поэтическим мастерством описываются обитатели католического ада, чистилища и рая. Но великий Данте все же целиком принадлежит средневековой. Характерно, что при виде садистских и притом вечных мучений грешников в аду Данте от жалости к ним плачет; но Богу Данте чужда даже самая малейшая жалость — очень он далек от евангельского Иисуса.

Средневековой принадлежит и великий лирик (и не столь великий эпик и историк-философ) Петрарка (1304—1374). Лишь Боккаччо (1313—1375), автор живого, веселого и ироничного «Декамерона» — сборника новелл, в которых запечатлена не столько общественная, сколько личная (и любовная) жизнь века, уже по сути своей вряд ли может считаться средневековым писателем.

Италия XII—XIV вв. не вошла еще в новую историческую фазу, потому что не создала идеологии, альтернативной той, на которой базировалось средневековье. Но она готовила эту идеологию. Некоторой заменой альтернативной идеологии послужило резкое падение авторитета пап, а тем самым и ортодоксального католицизма вообще. Двор большинства пап — «наместников Христа» отличался непомерной роскошью, развратом и открытой коррупцией. В принципе избираемый курией высших христианских прелатов (кардиналов), папа стал фактически выбираться только теми из них, которые могли присутствовать в Риме; нередко воля какого-нибудь светского государя играла в выборе папы решающую роль. А право рукополагать в кардиналы, в свою очередь, принадлежало папе.

Папа Климент V (1305—1314), сам провансалец, назначал много провансальских и французских кардиналов и находился под постоянным давлением французского короля Филиппа IV Красивого. Он расстался с Римом и установил папский престол в провансальском городе Авиньоне (на юге нынешней Франции). Авиньонские папы находились под полным французским влиянием. Они просидели тут до 1377 г. Но затем произошел «великий раскол»: создались две папские курии, и один папа проклинал другого как антипапу. Появился даже «контр-антипапа». Раскол продолжался до 1417 г. Надо прибавить к этому существовавшую практику продажи индульгенций — отпущений грехов, за которые грешники подлежали загробной каре в чистилище (не в аду); деньги шли в папскую казну, а частью и в княжескую казну. Из всего этого становится ясным, что в католическом мире XIII—XIV вв. не было ни альтернативной идеологии, ни сколько-нибудь уважаемой официальной идеологии. И дело не спасли отдельные человеколюбивые и самоотверженные Аюнахи, вроде святого Франциска Ассизского (1182—1226),

дейтельно проповедовавшего любовь не только ко всем людям, но и ко всем живым существам.

Огромную тормозящую роль играли пользовавшиеся традиционным уважением монашеские ордены (бенедиктинцы, картезианцы и др.), нищенствующие «братские» ордены (доминиканцы, францисканцы, кармелиты и др.) и особенно введенная доминиканцами инквизиция. Строгие уставы орденов, служили укреплению авторитета католической церкви и препятствовали созданию альтернативной идеологии.

Движение ранних (XIII—XIV вв.) «гуманистов» не следует смешивать с мощным идеологическим движением Высокого Ренессанса, относящимся уже к шестой фазе. Суть раннего «гуманизма» заключалась в следующем: поскольку в средние века государственные границы непрерывно передвигались, была необходимость создания общих языков взаимопонимания через границы. Это были живые языки, находившиеся в постоянном пользовании, во всяком случае в интеллектуальном обиходе, но, конечно, отличные от народных разговорных: латынь для Западной Европы, церковнославянский для Балкан и Руси, арабский — для всех стран ислама, тюркский, а также персидский — для восточных стран ислама, древнееврейский — для иудеев, разбросанных по самым разным странам, санскрит — для Индии, литературный китайский — вэньянь, потом байхуа — для ханьцев (китайцев) и отчасти для Японии. Конечно, поскольку эти языки были живыми (во всяком случае, в определенной среде), они подвергались изменениям, и латинский язык трактата Данте «О народном красноречии», вероятно, привел бы в ужас Цицерона³. В Италии XIII—XIV вв. возникает учение за восстановление Цицероновой латыни и, кроме того, за изучение и чтение греческих классических авторов, в оригинале. Это стало возможным благодаря массовому бегству ученых-греков из Византии в связи с турецким завоеванием. Ранние «гуманисты» были чаще всего университетские профессора и клирики (некоторые из них сделали даже кардиналами). Никакого влияния на общественное развитие Европы ранние «гуманисты» не оказали, но они подготовили почву для гуманистов XV—XVII вв., о которых речь пойдет в следующем разделе.

И в некоторых других частях Европы возникают первые признаки складывания новой исторической фазы. Появляются все больше независимых городов, в которых концентрируются международная торговля и переходящее в мануфактурную форму ремесло. Складываются новые классы: рабочие и буржуазия, которая начинает конкурировать с феодалами. Все это приводит к кризису не только в Италии в XIII—XV вв. На территориях, тяготевших к Северному и Балтийскому морям, в XIII—XV вв. возникает Ганзейский, союз самоуправляющихся торговых городов во главе с Любеком, включавший, между прочим, города Антверпен, Гамбург, Штральзунд, Висбю (на шведском острове Готланд), Ригу, Ревель (Таллинн) и десятки других. Наиболее отдаленными ганзейскими городами были: на западе — Утрехт, на востоке — Дерпт (Тарту), на юге — Эрфурт. Конторы ганзейцев были учреждены в Бергене (Норвегия), в Байё (Нормандия), в

Лондоне, в Пскове и Новгороде, а торговля велась на еще более обширной территории. В пределах Священной Римской империи привилегии городских самоуправлений были законодательно или договорно закреплены. Но, как уже упоминалось, и помимо Ганзейского союза ремесленники (а также купцы, цирюльники, врачи и т. п.) объединялись в цехи, которые регулировали производство с точки зрения технологии и условий труда, отношений мастеров и подмастерьев.

Важным очагом складывания капиталистической фазы были города Фландрии (ныне частью в составе Бельгии, частью — Франции и Нидерландов) — Гент, Ипр, Брюгге, Антверпен, Амстердам, являвшиеся крупнейшими центрами внешней торговли еще начиная с XII в. и особенно в XIV—XV вв.; здесь (и в Англии, о чем см. в следующем разделе) впервые на севере Европы не только в торговле, но и в производственной сфере (сукноделие) стали развиваться буржуазные отношения.

Исторически, быть может, наиболее важным достижением позднесредневекового города в Западной Европе было создание огнестрельного оружия, с введением которого возникают условия для образования общества шестой, постсредневековой фазы. Теперь требовалось, чтобы здесь назрело возникновение альтернативных социально-психологических побуждений — и поле для их развития в виде стабильных «национальных» государств.

Однако перейдем к Восточной Европе.

Польша после долгих средневековых усобиц была в XIV в. вновь объединена Владиславом I Локотком и его сыном Казимиром III Великим.

В числе прочего Казимир III вскоре после общеевропейской эпидемии «Черной смерти», чумы (1348—1349) [^] призвал в Польшу евреев, которые с тех пор и вплоть до нацистского геноцида 1939—1945 гг. и деятельности Владислава Гомулки (1967 г.) составляли важную часть населения страны.

Польское сельское население не стремилось в города. Казимир был озабочен все усиливавшимся проникновением в города немцев, не без основания опасаясь, что вместе с ширившимся влиянием жителей германских городов Ганзы возникнут притязания Священной Римской империи, и потому решил, что в качестве городского населения гораздо предпочтительнее евреи, за которыми не стояло никакой внешней политической силы.

После разрушения Иерусалима римским императором Веспасианом и его сыном Титом в 70 г. и особенно после неудачного восстания Бар Кохбы (135 г.) иудеи были выселены из Палестины и рассеялись по всей Римской империи. Им

нигде не выделяли земли (а впоследствии европейские государства в законодательном порядке запрещали евреям землевладение), поэтому они занимались только городскими профессиями: ремеслами, торговлей, богатые евреи — ростовщицеством. В обстановке фанатизма, вызванного Первым крестовым походом (1096 г.), в Германии началась массовая резня евреев, которая затем регулярно возобновлялась в течение последующих веков. Поэтому евреи охотно приняли приглашение Казимира, который даже даровал им род собственного парламента (*кагал*), обладавшего правом суда и сбора налогов с единоверцев. Однако в XVII в., особенно в ходе польско-украинской войны, евреи и в Польше, и на Украине подверглись кровавой резне, погибли сотни тысяч человек. Тем не менее еврейское самоуправление в Польше просуществовало, хотя и в сильно урезанном виде, до 1764 г. Евреи принесли в Польшу свой диалект (идиш), принадлежащий к германской группе языков⁵².

Польское общество XII—XIV вв. состояло из крестьянства (в основном арендаторов), из слоя высшей знати (магнатов) и из массы родов шляхтичей; группа таких родов имела свой герб. Постепенно шляхта — первоначально свободные воины, типичные для ранней древности, — превратилась в дворянство, разделявшее некоторые привилегии магнатов. В борьбе с магнатами шляхта добилась, чтобы ее съезды" (сеймы) ограничивали королевскую власть (с 1505 г.), а затем получили право выбора королей.

Польское королевство, значительно укрепленное при Казимире III, расширенное, особенно за счет земель Тевтонского ордена, не было, однако, еще национальным государством. Сын Казимира был избран королем Богемии (Чехии), а позже Венгрии; другой его сын стал великим князем Литовским. Такими династическими фортелями полна история средневековой Европы: например, популярный король чехов Карл IV (Венцеслав) был сыном германского герцога Люксембургского (позже короля Богемии) и польской принцессы, был женат первым браком на французской принцессе, жил одно время в Италии, участвовал на стороне французов в битве с англичанами при Креси (1346 г.) и был коронован в императоры в Риме.

При Казимире III начинается общий рост городов, независимо от их населения (польского, немецкого или еврейского). В сельском хозяйстве получила господство арендная система.

Наиболее важным событием в истории Польши было заключение унии с Литвой — государством, охватывавшим не только собственно литовские земли, но и ту часть древней Руси, которая впоследствии получила название Белоруссии.

В этом государстве династия Гедиминовичей была литовской, боярство и крестьянство — лишь отчасти литовскими, а в основном белорусскими.

После Казимира III в Польше кратковременно правил Людовик, сын венгерского короля Карла Роберта, происходившего из неаполитанской линии анжуйского дома, а затем его дочь Ядвига (с 1384 г.); в 1386 г. она была выдана польскими магнатами за великого князя литовского Ягайлу, который крестился по католическому обряду и принял имя Владислава II. Объединение с Литвой превратило Польшу в великую державу. Начался процесс перехода в католицизм и полонизация белорусской и литовской знати; крестьянство сохраняло «русский» (белорусский или украинский) язык и православие (а отчасти литовский язык и католицизм). В качестве компромисса польские власти попытались ввести в 1506 г. особую «униатскую» церковь, которая сохраняла православный церковнославянский ритуал, но должна была признать верховенство римского папы. Тем не менее православная церковь сохранила важные позиции.

На Руси московским великим князьям удалось в XIV—XVI вв. сколотить довольно прочное абсолютистское государство с достаточно постоянной и сплоченной территорией и с признаками национального самосознания. Иван III (1462—1505) объявил Москву «третьим Римом» и называл себя «царем» (т.е. цезарем). Русское общество этого времени нельзя отнести к пятой фазе — в общеисторическом масштабе ее время миновало, — но не могла как следует еще сложиться шестая; общество временно как бы застревает между пятой и шестой фазами.

Землевладельческий класс в послемонгольской Руси не представлял собой монолитного дворянского сословия и в то же время не образовывал феодальной цепочки взаимной зависимости (где барон мог служить графу, граф — герцогу и т.д.). Звания могли наследоваться. Среди Рюриковичей и Гедиминовичей долго сохранялись удельные князья, владения которых восходили к киевской удельной системе и которые в пределах своего удела имели власть государственную, хотя и ограниченную верховным суверенитетом великого князя (царя). Звания (как правило, не княжеские) могли даваться царями, с одной стороны, произвольно, а с другой — фактически с учетом генеалогии (например, Рюриковичи шли впереди Гедиминовичей, Гедиминовичи — впереди князей из татарских или горских выходцев и т.д.), а также военных и государственных заслуг предков. Высшую знать составляли бояре, созывавшиеся царем на совещательную боярскую думу. Однако в думе могли заседать как князья (потомки владельцев князей), так и нетитулованные бояре. И наоборот, вне думы вполне могли оставаться князья менее высокородные. Значительную часть времени боярская дума проводила в спорах о том, чьи предки имели больше заслуг, которые

давали право «пересесть» представителей менее заслуженных родов («местничество»).

Помимо бояр различались еще дети боярские, окольные, разного ранга дворяне и т. п.

Время от времени цари по своему усмотрению собирали Земские соборы — род парламента, где кроме боярства заседали духовенство и представители горожан и произвольно назначенных «вольных» крестьян (крепостное право до XVII в. не существовало, но крестьяне находились в зависимости от землевладельцев из-за долгов, воинских обязанностей и т. п.).

Новым задерживающим фактором оказалось правление Ивана IV (1533—1584). Разговоры о его якобы прогрессивности, конечно, совершенно несерьезны. Со времен Карамзина Иван Грозный рисуется прежде всего как садист и кровавый истребитель старых княжеских и боярских родов. Таким он и был; свирепейшим террором закончилось противостояние князей и боярства московскому абсолютизму. Но для страны было гораздо хуже то, что Иван сделал с крестьянством. Разделив свое царство на «земщину», куда он согнал всю старую землевладельческую знать, и «опричнину», в которой земли раздавались его личным сторонникам, фаворитам и палачам, он организовал массовое переселение крестьян из «земщины» в «опричнину» и наоборот, что привело к огромным человеческим потерям и к утрате крестьянством веры в стабильность своего положения (элемент этого неверия в стабильность вошел в русский национальный характер). Затем Иван IV завершил «дело», начатое Иваном III: эти два царя не просто завоевали, но до корня извели вольные города Псков, Новгород Великий и Хлынов (Вятку). Тем самым была отрезана возможность развития в сторону шестой фазы. Новгородские граждане были перевешаны вдоль большой дороги из Новгорода в Москву. После этого грозный царь, потеряв «окно в Европу», которое давали Пскову и Новгороду их ганзейские связи, для того чтобы вновь «открыть» его, ввязался в затяжную Ливонскую кампанию, вылившуюся в большую войну с Польшей, Швецией и Данией, не «открывшую окна» и вновь принесшую только тяжелые людские потери и моральные жертвы. Прибавим к этому, что в период с 1597 по 1649 г. для крестьян Московского государства, кроме севера, Сибири, а также Украины (перешедшей под власть Руси в 1654 г. в результате восстания гетмана Богдана Хмельницкого против Польши)⁵³ и полусамостоятельных казачьих республик на юге, наступала эпоха крепостного права, а затем последовала гражданская война и польская оккупация.

Можно легко понять, что к началу воцарения династии

Романовых (1613 г.) Россия находилась далеко позади Западной Европы (и Китая) и только начала переходить, к постсредневековой фазе. «Уложение» Алексея Михайловича типологически сходно с сасанидским и танским кодексами. Оно лучше обосновано юридически, чем танский кодекс, но хуже, чем сасанидский. Правда, складывался всероссийский рынок, ускорился рост городов с торгово-ремесленным населением и появились первые мануфактуры, однако они в значительной мере эксплуатировались крепостным способом, так что об оформившихся классах буржуазии и наемных рабочих говорить еще нельзя. Не было и какой-либо возникавшей альтернативной идеологии — старообрядческое движение было ориентировано на прошлое, а не на будущее⁵⁴. Из огнестрельного оружия были только пушки и пищали. Мушкеты еще царю Алексею Михайловичу (1645—1676) приходилось закупать за границей. Образование находилось в плачевном состоянии.

Я все время говорил с читателем о Евразийском континенте (об Африке и Австралии речь еще пойдет в дальнейшем). Я надолго отвлекся от великого континента, который разделяет Тихий и Атлантический океаны.

Об Америке шла речь в самом начале в связи с оценкой фаз исторического процесса, которых успели достичь ее коренные жители до соприкосновения с европейцами. Я продолжаю считать, что некоторые американские индейцы достигли только первой фазы — первобытности в полярных и части таежных зон Северной Америки и в глубине джунглей Латинской Америки; часть их достигла второй фазы — чифдомов (наиболее значительные племена нынешних Канады, США, многие племена Центральной Америки) или грани между второй и третьей (астекская цивилизация в Мексике и, может быть, майянская в Южной Мексике, Гватемале и Сальвадоре) и только в одном случае — третьей (андская цивилизация инков — кечуа и аймара).

Из кратких курсов всеобщей истории события, происходившие в Америке в период, который лежит между открытиями и завоеваниями Колумба, Кортеса и Писарро и возникновением Соединенных Штатов, обычно выпадают почти полностью. Между тем с теоретической точки зрения далеко не безразлично, как шло развитие Америки, особенно менее у нас известной Латинской Америки (Южной и Центральной), между концом XV — началом XVI в. и концом XVIII — началом XIX в. Процесс шел здесь очень необычно, и может показаться, что тут был какой-то скачок от ранней или поздней первобытности прямо к капитализму. Это могло случиться, если бы культуры первой-третьей фаз были полностью уничтожены и европейцы, находившиеся в шестой и

седьмой фазе, начали бы свою историю в Новом Свете с той точки, от которой они стартовали на родине. Но если такая картина в некоторой (неполной) мере может быть применима к США и части Канады, то она заведомо неверна для Латинской Америки, где истребления аборигенного населения (кроме Карибских островов) не было, хотя завоевание и нанесло им большие людские, материальные и культурные потери.

В какой мере история Америки подтверждает нашу теорию восьми фаз, различаемых по уровню развития технологии вообще и технологии оружия в особенности, по соответствующему ей строю производственных отношений и по социально-психологическим установкам (т. е. характеру идеологий — мифологической, этико-догматической или плюралистической)? Ответить на этот вопрос — значит ответить, применима или неприменима в принципе предлагаемая гипотеза к развитию всякого общества живых существ, производящих орудия и питающихся биологическими продуктами, — даже если они живут на какой-либо планете в другой галактике или в нашей, но далее 100 световых лет от нас⁵⁵. Очевидно, что фазы исторического процесса в Евразии и в Латинской Америке в любом случае не синхронны, но можно ли проследить смену все тех же фаз и там? Есть ли общее правило для развития фаз исторического процесса, где бы он ни происходил?

Американский континент, заселенный в ледниковый период с запада — через Берингов пролив, посещался европейцами и до Колумба. Так, норманские колонии в Северной Америке (Винланд) и в Гренландии платили десятину римскому папе до начала XV в.; возможно, берега Америки случайно видели и другие ранние мореплаватели. Но слава открытия Америки принадлежит Колумбу.

Кристоваль Колон (или по-итальянски Коломбо, по-латыни Колумбус) и его семья считались происходившими из Генуи, но родным языком его был испанский, на котором он переписывался даже с братом и сыновьями. Имя его — Кристоваль, или Христофор, — явно говорит о том, что он был католиком, но остается не вполне понятным, почему целая семья испанцев осела в XV в. в вовсе не дружественной к Испании Генуе. Поэтому весьма вероятно, что справедливо предположение, высказанное впервые С. де Мадариагой: Колумб происходил из семьи марранов, т. е. испанских католиков еврейского происхождения, втайне продолжавших исповедовать веру своих отцов, и его предки были вынуждены бежать в Геную, спасаясь от преследований инквизиции⁵⁶. Далеко не все марраны вернулись к иудаизму.

В популярных работах говорится, что, обдумывая свою

идею (пользуясь шарообразностью земли, завладеть сокровищами Восточной Азии⁵⁷ не с запада, через мусульманские страны, а напрямик, через Атлантический океан, подобно легендарному святому Брандану), Колумб пользовался трудами португальского принца Генриха Мореплавателя и других ученых. На самом деле он, как кажется, был параноик и, как многие параноики, очень деятельный, способный (до поры до времени) добиваться интересных результатов, хотя не тех, которые им ожидались.

В своих исканиях Колумб основывался прежде всего на словах библейского пророка Исаи, упоминавшего «острова в море» (XI, 10—12), и на апокрифической Первой книге Ездры. Как (справедливо заметил один историк, Колумб пришел к твердому убеждению, что Азия лежит не слишком далеко на запад от Европы, «путем чтения, медитаций, интуиции и ошибочных расчетов». Дойдя до этой мысли, он развил бешеную деятельность с целью найти сторонников, и, главное, таких, кто готов был его идеи финансировать. Нетрудно догадаться, что среди мужей холодного рассудка он таких не находил, хотя на поиски их успел потратить немало своих и чужих денег. Наконец ему повезло: в 1486 г. он получил аудиенцию у испанской королевы Изабеллы, женщины экзальтированной и фанатичной, едва ли не параноички тоже. Деньги на путешествие Колумба Изабелла добыла не вполне благородными методами. Но и это могло бы не дать возможности Колумбу достичь желаемого результата, если бы не помощь опытного морехода М. Алонсо Пинсона, согласившегося быть заместителем начальника экспедиции и его братьев (1491 г.).

На 71-й день после отплытия из Палоса корабли «Санта Мария», «Пинта» и «Нинья» подошли к о-ву Сан-Сальвадор, одному из Багамских островов. Впрочем, кораблями, по нашим понятиям, назвать их трудно: вся экспедиция включала менее 100 человек, а на «Нинье» было всего семь человек. Высадка на неведомый островок была совершена со всей пышностью — с хоругвями, с крестами, в парадных латах (у кого были). Некоторым разочарованием было то, что вместо богатых и цивилизованных жителей золотоносного Ципанго (см. примеч. 57) конкистадоров встретила группа «дикарей», одетых (но не все) в набедренные повязки. Встречали они их тоже торжественно — как богов, вышедших из Восточного Океана. По несчастью, у некоторых индейцев были золотые серьги и другие безделушки, и в конце Колумбова крестного хода его люди уже начали выдирать серьги из ушей и тащить обнаженных девушек под ближайшие кусты.

Не пробыв долго на этом диком островке, поплыли дальше на запад, где были открыты большие острова Куба и Ис-

паньола (ныне — Гаити). Там уровень жизни местных жителей был несколько выше: на Испаньоле добывалось золото, и Колумбова команда всерьез предалась грабежу (в ней было немало бывших пиратов и каторжников). Кубу Колумб опять принял за Ципанго, но обосновался не там, а на Испаньоле, где основал маленький поселок Сан-Доминго.

В марте 1493 г. Колумб вернулся в Испанию. Сообщения его вызвали сенсацию. Колумб был немедленно отправлен обратно с 17 кораблями, и на них 1500 поселенцев и миссионеров.

Некоторое дипломатическое осложнение вызвало то, что с «Индий» после плавания Васко да Гамы в 1498 г. вокруг Африки были объявлены владения Португалии. Мореплаватели вовсе не считались с тем, что в открытых ими странах были своя администрация, свои традиции и религии. Для объявления какой-либо страны португальской достаточно было благословения папы на власть над этими землями. Правда, папа предоставлял его только при условии, что местные жители примут христианство, но с такими тонкостями новые завоеватели мало считались; они нередко начинали контакт с местными жителями прямо с обряда их крещения.

С Португалией все было ясно, но теперь и Испания, оказываясь, претендовала на власть в «Индиях», и, кроме того, мысль о шарообразности Земли, видимо, носилась в воздухе. Уже в 1494 г. под покровительством папы был заключен Тордесильяский договор между Испанией и Португалией. Граница между их владениями должна была проходить по океану от полюса до полюса через точку, лежащую в 370 лигах (около 2500 км) на запад от крайнего из Островов Зеленого Мыса. Делили Западное полушарие, в сущности, вслепую, и лишь позже выяснилось, что Тордесильяская граница пересекает континент «Индий» (в Южной Америке) по территории нынешней Бразилии.

Между тем Колумб, с точки зрения Испании, не имел успеха: золота поступало мало, аборигены бежали в горы или гибли. Король Фернандо Арагонский постепенно уменьшал привилегии Колумба и в конце концов послал ему на смену Бобадилью, который отправил его к королю в цепях. Но и Бобадилья не имел большого успеха, и с 1502 по 1507 г. Испаньолой правил Овандо. Он основал новые поселки, запретил обращение аборигенов в рабов, но разрешил сменную подневольную работу. На Испаньоле осталось к тому времени в живых мало аборигенов, и испанцы занялись открытием новых островов и побережий и соответственно грабежами и убийствами в новых районах. Между прочим, практиковалось массовое сожжение аборигенов, уклонявшихся от завоевания. Более легкая смертная казнь применялась в случае принятия

жертвами перед смертью святого крещения. Надо сказать, что смертность среди новых поселенцев (от болезней, к которым у европейцев не было иммунитета, реже — от мести аборигенов) превышала 50%.

Колумб, вновь бороздивший эти моря в 1502—1504 гг., был теперь уже лишь одним из многих мореходов Карибского архипелага. В ходе исследований Карибского моря с 1500 по 1542 г. были нанесены на карту и отчасти ограблены (с убийствами местных жителей) все острова и побережья от Флориды до района современного города Веракрус в Мексике (между прочим, в 1539 г. было открыто устье р. Миссисипи). Около того же времени Охеда и Никуэса (а после их гибели Писарро и Бальбоа) обошли с моря богатую тогда жемчугом Коста-Рику, Панаму и часть Колумбии. В экспедиции Охеды участвовал итальянский ученый Америго Веспуччи, позже издавший книгу о новооткрытых землях, которые в его честь затем и получили название Америки. В 1513 г. на перешейке Панама первый европеец увидел Тихий океан. По преданию, это был Бальбоа; его открытие не помешало другому конкистадору в 1519 г. казнить его «за измену». К началу 1540-х годов не только все Карибское море было исследовано, но отважные искатели «золотых городов» прошли и по всем главнейшим тропам юго-западной части будущих Соединенных Штатов, а также по западным берегам Северной Мексики и Южной и Северной Калифорнии; кое-где здесь они закрепились.

Обходя стороной ту часть южноамериканской суши, которая по Тордесильяскому договору досталась Португалии, испанские мореходы все же обратили внимание и на степные районы вокруг долины р. Рио де ла Плата (Парана) — ныне это Аргентина, — к западу от оговоренной границы. Устье реки было открыто в 1516 г., в 1520 г. вновь обследовано Магелланом. В 1526 г. вверх по реке поднялся итальянский мореплаватель на английской службе Кабот. Он установил, что там нет выхода к Тихому океану, но зато привез образцы серебра^{Б8}. Бассейн Параны был впоследствии сравнительно мирно освоен Иралой. В его владениях (в нынешней Боливии) были найдены богатейшие серебряные рудники Потоси, видимо частично известные уже инкам. В новой области были основаны города Буэнос-Айрес (будущая столица Аргентины) и Асунсьон (будущая столица Парагвая).

Отношение испанского правительства, и лично королевы Изабеллы, к вопросу о будущем рабстве ее новых подданных было колеблющимся. К середине XVI в. было выработано положение, запрещающее обращение индейцев в рабство и предписывавшее отпуск их на волю, кроме (?) как в случаях каннибализма, мятежа и сопротивления испанской колониза-

ции и христианизации. От этих «послаблений» коренные жители островов Карибского моря ничего не выиграли по той причине, что к 1540—1550 гг. их уже просто не было в живых. Стали ввозить рабов, захваченных в Африке. На континенте Америки вместо рабства испанские «Новые законы» 1542 г. вводили так называемую *энкомиенду*, при которой каждый индеец «коммендировался» к определенному испанскому владельцу, и тот имел право вызывать его на нужную работу; лишь в остальное время индеец мог отдавать свои силы собственному дому и хозяйству. Испано-американские «энкомиенды» подходят под наше определение «илотии» (в широком смысле). Правило о не обращении индейцев в рабство, однако, и позже соблюдалось не всегда.

Между тем начался период испанского наступления на континентальные индейские предгосударства и государства внутри материка: государство астеков Мехико (в Мексике), государства майя в Центральной Америке, предгосударства чибчей в Колумбии, андское государство инков.

Первая задача выпала на долю Эрнана Кортеса. Слухи о богатстве атекской империи дошли до завоевателя Кубы, Веласкеса, и для ее разведки, а затем и покорения он направил Кортеса, снабдив значительными средствами. Кортес отправился в путь в 1518 г., но поссорился с Веласкесом. На побережье Мексики он основал поселок Веракрус, и «сенат» этого новоиспеченного «города» поручил Кортесу завоевать Мехико во имя короля Карла I (императора Карла V). Через разведчиков и через свою любовницу индианку Малинче, служившую ему переводчицей и осведомительницей, Кортес знал, что астеки поклоняются световому, а потому белолицему богу Куэтцалькохуатлю и что белый цвет его, Кортеса, лица внушает астекам суеверный страх. Он двинулся на столицу Мехико, озерный город Теночтитлан у подножия огнедышащей горы Попокатепетль. Посредине города высилась ступенчатая пирамида — храм бога. Сотни испанских бронированных пехотинцев, десятки конников и многотысячные отряды подчиненных Теночтитлану племен, жаждавших от него отложиться, почти год осаждали атекскую столицу. В 1521 г. полуразрушенный город сдался испанцам. Царь Монтесума умер в плену, а позже и последний пленный царь астеков, Куаутемок, взятый ранее в плен, был обвинен в заговоре и повешен.

Вскоре после победы над астеками Кортес одолел соперничавшего с ним соседнего испанского полководца и приступил к покорению Гватемалы. Тем временем Мехико перешел в руки врагов Кортеса; он уехал жаловаться в Испанию. Несмотря на все свои деяния, Кортес слыл наиболее благородным и справедливым из конкистадоров. После его отъезда

Мексика (включая и территории, впоследствии отошедшие к США) стала ареной долгих усобиц. В 1524 г. помощник и друг Кортеса, Альварадо, начал покорение царства майя на п-ове Юкатан.

В 1524 г. началось испанское проникновение в андские области. Захватчиков манило легендарное богатство Перу. Установив, что перед ним достаточно мощное государство, Писарро вернулся в Испанию за подкреплениями. Новый поход начался в 1532 г., а в следующем году к Писарро подошел с дополнительным подкреплением Альмагро. Для покорения царства инков потребовалось более двух лет; за это время Писарро построил на побережье город Гваякиль в качестве своей военной базы. Вскоре между Писарро и Альмагро началась война, связанная с неудачной самовольной попыткой последнего овладеть Чили. В ходе войны погибли оба военачальника. После периода гражданской войны руководить войсками было поручено Вальдивии. Поход этот оказался особенно трудным, но Вальдивия сумел захватить северное Чили (в южном ему не удалось подавить сопротивление отважного племени арауканов).

В результате завоеваний в Южной и Северной Америке испанские территории оказались в соприкосновении с непокорными племенами снаружи (к северу от Мексики и во Флориде, в Чили) и внутри (к юго-востоку от бывшего царства инков, Перу, в современном Парагвае и вокруг него). Для сношения с этими племенами и возможной их христианизации на границы с ними были выдвинуты монашеские миссии — францисканцев и особенно иезуитов. Последние развили большую хозяйственную, просветительскую и организационную деятельность и обратили большие группы лесных индейцев тупи-гуарани в христианскую веру. Правда, как только они теряли связь со своими просветителями, индейцы (как, впрочем, и в других частях Латинской Америки) нередко возвращались к традиционным верованиям.

В середине XVII в. иезуитам удалось создать в Парагвае теократическую республику, которая по своей организованности и уровню жизни заметно превосходила соседей. Но в 1773 г. общество иезуитов было временно распущено, и Парагвайская республика сделалась объектом нападения соседей.

Середина XVII в. ознаменовалась тем, что вся Южная, Центральная Америка, Мексика (включая позже потерянные области), острова Карибского моря и (во всяком случае, формально) Флорида перешли под власть Испании, образовав некую империю. Управлять ею из Мадрида или даже из Мехико при тогдашних средствах сообщения было практически невозможно. Поэтому была создана специальная им-

перская структура: вся американская территория, находившаяся под властью испанского короля, образовала вице-королевства Новой Испании и Перу; позже эта территория была разделена на четыре вице-королевства: Новую Испанию (включавшую Мексику с Карибскими островами и Центральную Америку), Новую Гранаду (включавшую нынешние Венесуэлу, Панаму, Колумбию и Эквадор), Перу (включавшее также части нынешних Боливии и Чили) и Ла-Плату (включавшую все остальные южноамериканские области, т. е. современные Аргентину, Уругвай, Парагвай и части нынешних Боливии и Чили).

Вице-королевства делились на «королевства»* (таково было их официальное название), но они были больше похожи на римские прокураторства; при «короле» состояли исполнительные органы и *аудиенсия*, орган судебно-административный (идеи Монтескье о разделении властей появились лишь в 1748 г.). В аудиенсию входили *оидоры*, буквально «слушачи», соединявшие в себе следователей и судей.

Главная задача этих органов заключалась в пресечении попыток «королей» к самостоятельности по типу феодальной. «Король» председательствовал в аудиенсии, заслушивал ее советы, обладал правом патронажа над церковью, ведал всеми делами, связанными с индейцами, а также возглавлял военные силы «королевства».

Вице-короли хотя и стояли над «королями», но жестче, чем они, контролировались Мадридом и собственной аудиенсией.

Более отдаленные регионы подчинялись «генеральным капитанам». Капитаны назначались непосредственно королем Испании, но получали распоряжения из Мадрида через вице-королей.

Кроме капитанств были еще более мелкие «президентства», не имевшие военной власти.

Все аудиенсии обладали широкой судебной властью и, кроме того, правом контроля, в том числе над деятельностью собственных капитанов и вице-королей.

Низшим административным органом была община (*кабильдо*) — либо «открытая», в которой участвовали все землевладельцы общины, либо более узкая. Практически общины обладали весьма значительными административными и военными возможностями, иной раз выходя из подчинения начальству.

Кроме перечисленных административных органов, существовали институты: *виста*, включавшие контролеров, которые теоретически могли внезапно обследовать деятельность любого лица, и *ресиденсия* — постоянный контрольный орган, проводивший публичные заседания.

Существовали земли разных категорий.

Во-первых, была земля энкомиенды, заселенная индейцами, «коммендированными» к определенным конкистадорам и их потомству, а те были обязаны обращать их в христианство и приобщать к испанской цивилизации. Нередко конкистадоры принимали на себя власть прежних индейских вождей; «коммендированные» должны были работать на них. Система энкомиенды стала отмирать около 1600 г. Обязанности конкистадоров перешли к «коррехидорам индейцев». Они составляли испанскую колониальную знать.

Во-вторых, осталась собственная земля аборигенных обитателей, имевших своих вождей — *каси́ков*.

В-третьих, существовала земля испанских поселков и новых поселков, созданных по испанскому образцу, но заселенная индейцами; последние также возглавлялись «коррехидорами индейцев».

Испанцами в значительной мере были заселены города.

Социальные различия между местными жителями и испанцами постепенно сглаживались, особенно в области андской и астекской цивилизаций и после христианизации местной знати — пусть нередко более или менее формальной. Эта знать пользовалась известным уважением, и брак испанского дворянина со знатной астечкой или кечуанкой не только не понижал социальный статус мужа, но, пожалуй, и повышал. Многие индейские крестьяне стали выращивать испанские (и колониальные) культуры, и между ними и осевшими в Америке испанскими крестьянами грани стирались.

Здесь уместно задать вопрос: как оценивать с точки зрения теории фаз исторического процесса события, совершавшиеся в том огромном регионе Земли, который мы называем Латинской Америкой?

В Америке XVI—XVIII вв. своеобразие событий выразилось в том, что новая популяция, относившаяся к пятой фазе и жившая на грани пятой и шестой, заняла территорию, ранее обжитую популяциями, находившимися в третьей, второй и первой фазах. Что должно было произойти в результате? Могли ли пятая и шестая фазы как бы подтянуть к себе вторую и третью, имея при этом в виду, что сама местная популяция, несмотря на понесенные тяжелые потери, все же в основном сохранилась, хотя и была христианизирована (довольно поверхностно) и постепенно переходила на разговорный испанский? Предположить такое «подтягивание» значило бы, пожалуй, переоценить роль внешних завоеваний для хода исторического процесса в целом. Мы уже встречались с обратным явлением, когда монголы или турки, стоявшие на уровне второй или в лучшем случае третьей фазы, вторгались на территории популяций пятой фазы. Правда, они задержи-

вали ход процесса, но не выводили завоеванное население из той фазы, в которой оно уже ранее находилось. Это касается и чисто военных вторжений, не поддержанных ни новым альтернативным социально-психологическим побуждением, ни преимуществом в оружии. Это же относится и к таким вторжениям, которые были поддержаны альтернативной идеологией, но не преимуществом в оружии (ислам). В Америке же, казалось бы, произошло нечто обратное: вторжение сил, обладавших и большим преимуществом в оружии (кони, стальные мечи, латы и какое ни есть огнестрельное оружие), и альтернативной идеологией — христианством. Однако это вовсе не означает, что результатом вторжения должен был явиться переход от грани второй и третьей фаз непосредственно к началу шестой (хотя переход от третьей к пятой фазе мы наблюдали в Скандинавии, на Руси и т. п.).

На самом деле тут имелось критически важное отличие. В только что упомянутых случаях альтернативная социально-психологическая установка снимала застарелый дискомфорт. В Латинской же Америке не наблюдалось дискомфорта, нуждавшегося в социально-психологической революции и тем более в прозелитической и этико-догматической религии, которая (во всяком случае, в течение первых поколений) сама ощущалась как бремя, как дискомфорт. Введение новой обязательной религии сопровождалось превращением «верующих» из числа местного населения, т. е. свободных членов племени (или граждан государств ранней древности), в рабов или, в лучшем случае, в илотов. Местные племена, конечно, испытывали всяческий дискомфорт, но не имели ни собственной цельной социально-психологической альтернативы, ни оружия, чтобы отстоять себя.

То, что рабовладельческие производственные отношения в Латинской Америке поначалу явно преобладали над илотовскими (эикомиендой), находит простое объяснение в том, что, опережая аборигенов на две-три фазы, конкистадоры имели настолько более мощное вооружение, что могли себе позволить более жестокую эксплуатацию. Тем не менее отсутствие снижающей дискомфорт альтернативной социальной психологии и общая для всех фаз истории низкая производительность рабского труда привели и в Латинской Америке к переводу индейцев из рабства в энкомиенду, или, иначе говоря, в илотство или колонат. Поэтому «государства» отдельных конкистадоров, слагавшиеся в первой половине XVI в. в Латинской Америке, — Кортеса, Писарро, Вальдивии и всех других — следует уверенно отнести не к пятой, средневековой фазе, а к особому типу третьей, общинно-рабовладельческой (ср. институт кабилъдо). Напомним, что большинство населения завоеванного континента прежде жило в первой и

второй фазе, а третья только начиналась у инков, у майя, может быть, у астеков. Поэтому период иноземного владычества в XVI в. можно и нужно расценивать как продолжение и расцвет третьей фазы⁶⁹.

Зато общественное и государственное устройство Новой Испании XVII—XVIII вв. очень близко совпадает с формами четвертой фазы (имперской древности) в Европе: та же всеобъемлющая гигантская империя, как бы уравнивающая всех, переданная во власть проконсулов, пропреторов, прокураторов — сиречь вице-королей, «королей», капитанов. При них существовали не вполне правомочные советы знати (аудиенсии) и урезанные в правах городские и поселковые советы (кабильдо). Наблюдается то же юридическое неравенство пришельцев (соответствующих римским гражданам) и аборигенов, управляемых пришельцами (коррехидорами и капитанами индейцев). И мы видим здесь те же маломощные племенные группы, пытающиеся сохранить самоуправление внутри империи.

Вся империя имела общий официальный язык и язык взаимопонимания — испанский.

Если так, то из этого вытекает, что «освободительная война» Латинской Америки начала XIX в., хотя и проходила под лозунгами, формально заимствованными у Французской революции и Наполеона, на самом деле утверждала всего лишь пятую фазу исторического процесса. Высокие французские освободительные идеи, безусловно, искренне вдохновляли Боливара и его соратников (а также и соперников), но это не значит, что результат в Латинской Америке был тот же, что и в Европе: на новом континенте сложившиеся после Боливара порядки так соотносились с его идеями, как политика римских пап эпохи средневековья с высокими идеями Иисуса и Павла. В результате теоретически должны были возникнуть вечно воюющие между собой средневековые королевства с неустойчивыми и переменчивыми границами.

Дискомфорт, приведший к революции Боливара и других, ощущался прежде всего креольским населением, т. е. испанским по языку и по происхождению, но укоренившимся на латиноамериканской земле и ощущавшим ее как родину. И эта родина управлялась либо прямо из Испании, либо чиновниками, приезжавшими из Испании, иногда опальными — на время, чтобы создать себе трамплин для служебного повышения в метрополии. Революция Симона Боливара (с 1810 г.), прославившегося как освободитель Латинской Америки, была, во-первых, чисто креольской⁶⁰, поскольку аборигенное население относилось к ней совершенно равнодушно, а во-вторых, по своему духу скорее бонапартистской: такие же блестящие победы на одном фронте, поражения на другом, но-

вые блестящие победы, снова поражения и конечное мнимое торжество боливарской идеи после его смерти.

Боливар имел не только сторонников и подражателей, но и соперников, однако цель у всех была одна — освободить латиноамериканские земли от «чужеродных», т. е. испанских, администраторов и привести к власти креолов.

Практически Боливар, несмотря на свою революционность, мог лишь продолжить четвертую фазу исторического процесса. Альтернативная идеология господства креолов не была достаточно эффективной, чтобы сдвинуть население континента в направлении седьмой фазы, как это по существу пытался сделать Наполеон. Еще до смерти Боливара (1830 г.) креольская империя распалась. Формально принимаемая республиканскую и чуть ли не демократическую форму, новые креольские государства, такие, как Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия, Чили, Парагвай, Аргентина, Уругвай, имели фактически вполне средневековый характер (пятой фазы), с их постоянными *пронунсиаменто*⁶¹, с формально избранными, но редко сменяемыми «президентами» или «фюрерами» (*каудильо*), с неустойчивыми и вовсе не национальными границами государств, с военно-административной элитой и крестьянами-пеонами⁶². Особый характер латиноамериканскому обществу придавала и огромная масса закупленных у африканских вождей и работорговцев негритянских рабов с их традициями первой и второй фаз и полной культурной и языковой оторванностью как от местного туземного населения, так и от местного креольского.

Наступила не шестая постсредневековая фаза стабильного абсолютизма, а пятая фаза феодальной раздробленности, неустойчивых границ и непрерывных кровавых войн. Самая страшная в мире война произошла вовсе не в Европе XX в., а в Парагвае в 1864—1870 гг.⁶³.

Несколько иначе, чем в испанской Америке, развивались условия в Бразилии. Открытая в 1500 г. португальским мореплавателем Кабралом, она отошла к португальским владениям согласно формальному толкованию Тордесильяского договора, составители которого не подозревали о существовании здесь земли. Побережье было обследовано, а вновь открытым мысам и рекам дал названия в 1501 г. Америго Веспуччи. Однако заселение Бразилии началось лишь в 1533 г. Берег Бразилии был разделен по карте на 15 «капитанств» (или феодалов), причем каждый участок был отдан в распоряжение знатным португальцам, получившим звание «дарителей». Им разрешено было основывать города, раздавать земли, назначать чиновников и собирать налоги с местного населения. Португальский король оставил за собой право сбора таможенных пошлин и монополию торговли бразиль-

•ским красным деревом⁶⁴. Из «дарителей» только двое имели успех: на юге — Соуса, наладивший вывоз ценного леса, обследовавший большую территорию, и в районе Пернамбуко на севере — Перейра, превративший свой надел в огромную плантацию сахарного тростника. В 1549 г. бразильские владения были непосредственно подчинены португальской короне. Большую роль сыграли миссии иезуитов, действия которых здесь были более плодотворны, чем в Парагвае. Им удалось в 1574 г. провести закон, запрещающий принудительный труд индейцев, с которыми вместо этого заключались «добровольные» соглашения. Индейцы, по-видимому, начинали разбегаться, и все это привело, конечно, к массовому завозу негритянских рабов из Африки.

В 1555 г. французы попытались создать в Бразилии свою колонию как убежище для преследуемых во Франции гугенотов. Но эта колония оказалась неприбыльной, и к тому же здесь вновь разгорелась отчаянная борьба между гугенотами и прибывавшими туда же католиками. Французы были изгнаны португальским генерал-губернатором Мем де Са, который на месте бывшего их поселка основал город Рио-де-Жанейро. В XVII в. происходили нападения нидерландского флота на бразильское побережье (Португалия, а тем самым и Бразилия в то время были подчинены Испании, ведущей войну в Нидерландах).

Огромное значение для Бразилии имело открытие здесь в 1693 г. больших залежей золота, что вызвало новый приток иммигрантов. Одновременно Бразилия, нарушив Тордесильясское соглашение, стала распространять свои владения на Амазонскую низменность и области, примыкающие к Андам. Мало того, португальцы постоянно совершали набеги (*бандейры*) на испанские области на западе континента.

Местное индейское население равнин и джунглей, с самого начала очень малочисленное (оно жило в первой фазе исторического процесса), постепенно оттеснялось в мало удобные для колонизации места. Тем не менее кое-где заключались и смешанные браки, и один из индейских диалектов, тупи-гуарани, в ряде районов был принят в качестве языка общего взаимопонимания наряду с португальским — общим языком всех колонистов, включая рабочих на плантациях, скотоводов, горняков, а также индейцев и негритянских рабов, занятых на тех же плантациях и в рудниках.

Португальцы, однако, никогда не выступали как организованный господствующий класс: та смешанная нация, которая теперь называется бразильцами (включившая в XIX—XX вв. множество немцев, итальянцев, арабов и др.), менее большинства других народов мира испытывает национальные предрассудки; браки между белыми, черными и индейцами

обычны, так что среди нынешних бразильцев трудно найти, людей, которые могли бы считать себя чистыми португальцами, и этот процесс смешения начался уже в XVII в.

Хотя в Бразилии менее четко, чем в Новой Испании, прослеживается смена фаз, все же можно отнести бразильское общество XVI—XVIII вв. к третьей фазе, образовавшейся по-верх первой, и к зачаткам четвертой.

Весьма своеобразно сложилась дальнейшая судьба Бразилии. Изгнанная в ходе наполеоновских войн из Лиссабона, португальская королевская династия перенесла столицу в Рио-де-Жанейро; позже Бразилия формально отложила от Португалии, сохранив государственную форму империи (1822 г.). Королевское, а затем имперское правительство приняло ряд мер для модернизации и даже либерализации политической жизни страны (покровительство внешней торговле, парламентское правление и др.), однако при этом в ведущей отрасли хозяйства — аграрной — сохранялось чисто рабовладельческое устройство. Рабовладение было окончательно отменено лишь в 1888 г., а в 1889 г. был свергнут император Педро II и Бразилия была объявлена республикой. Этот политический переворот фактически оформил переход бразильского общества от четвертой фазы (имперской древности) к эмбриональной седьмой (капиталистической).

А что же стало с аборигенным населением Латинской Америки? Популяции, жившие в первой фазе, по большей части исчезли с лица земли. Совсем недавно вымерли последние огнеземельцы, гибнут последние жители бассейна Амазонки, особенно в связи с массовой вырубкой тропических лесов. Популяции, жившие во второй фазе, по большей части метисизировались и редко где сохранили первоначальные языки. Исключение составляет тупи-гуарани, являющийся наряду с испанским языком литературным языком в Парагвае; на его диалектах говорят кое-где и в соседних странах.

Лучше всего, как можно было ожидать, сохранились языки народов, достигших перед испанским завоеванием третьей фазы исторического процесса. На языке аймара говорит свыше 1 млн. человек в пограничных районах Перу и Боливии, из них очень многие — только на аймара; есть и своя литература. На языке кечуа («инкском») говорит около 10 млн. человек (частично, конечно, эти люди двуязычны) главным образом в Перу и Эквадоре, но также в Боливии и (в небольшом количестве) в Чили и Аргентине. Есть литература, издаются газеты.

Некоторые группы крестьянского населения в Мексике и Центральной Америке сохраняют говоры, относящиеся к аборигенным лингвистическим семьям.

Разговорными аравакскими диалектами джунглей Бразилии, Колумбии и Венесуэлы и карибскими в Гайане и в соседних областях пользуются малочисленные и быстро исчезающие племенные группы. Об индейском населении Северной Америки — в другом месте.

Излагая историю Латинской Америки, мы вышли за пределы пятой фазы исторического процесса. Еще раз подчеркнем, что наиболее характерная черта пятой фазы — отсутствие ощутимого движения вперед, разве что (в очень небольшой мере) технологического (прежде всего в оружейном деле), но совсем никакого — в жизненном уровне. Заметим также, что и в первой фазе (первобытности), и в третьей фазе (ранней древности), и в пятой фазе (раннего средневековья) наблюдается длительное топтание на месте (отчасти, но не только по экологическим причинам). Иногда наблюдается затухание целых цивилизаций, а также случаи развития в сторону от магистрального пути и даже запутывание линии развития в клубки, с трудом распутываемые.

Изучение пятой, да и других нечетных фаз исторического развития особенно ясно демонстрирует неоднозначность и противоречивость перемен, движения разнонаправленного, допускающего тысячелетние спады без явственного продвижения.

Пятой фазе были присущи общеобязательные догматические учения, всякое отступление от которых тяжело каралось, едва ли не чаще всего смертью. Дискомфорт принимал хронический и непреодолимый характер: его испытывали крестьяне, находившиеся в жесткой, практически ничем не ограничиваемой власти хозяина и к тому же каждый день ожидавшие разорения своего домашнего очага от войны, хозяйского произвола, грабежа, пожара, выселения или убийства, не говоря уже о турецком девширме. Меньше всего могли рассчитывать на комфортабельную жизнь основные массы земледельческого населения. Конец пятой и начало шестой фазы ознаменованы крестьянскими восстаниями огромных масштабов.

Но дискомфорт испытывали и землевладельцы — прежде всего от полного отсутствия стабильности, когда сегодня надо платить дань или выходить на службу для одного завоевателя, а завтра — идти на войну за другого и когда каждая дестабилизация грозит потерей имения, семьи и собственной головы.

В то же время в течение всего средневековья не утихало мощное побуждение к агрессивности, наиболее откровенное в классе землевладельцев и воспринимаемое им как положительное явление — «желание славы».

Шестая фаза

(стабильно-абсолютистское
постсредневековье)

Переходя к шестой фазе исторического процесса, мы сталкиваемся с трудностью терминологического порядка. Нет сомнений в том, что так называемое «новое время» (в Европе длившееся с XVI по XIX в.) представляет собой особую фазу исторического процесса. Однако термин «новое время» по многим причинам нежелателен. Когда сейчас человечество в значительной своей части живет уже в восьмой фазе, с какой точки зрения можно считать шестую фазу «новым временем»? Ясно, что нужно выработать другой термин. Выше мы разделяли общества, традиционно классифицируемые как «первобытные», на фазы первобытную и первобытнообщинную, а общества, традиционно обозначаемые как «древние», — на фазы ранней и имперской древности. В обоих случаях мы вводили для четных фаз дополнительное определение, относящееся к системе организации социума, а не к самому производству, т. е., по марксистской терминологии, не к фактору производственного «базиса», а к фактору социальной «надстройки». Тем не менее исторически наша классификация была оправдана, так как система организации социума оказывалась важнейшим диагностическим признаком эпохи.

Думаю, что подобный прием позволителен и при установлении терминов для пятой и шестой фаз. Пятую фазу в целом мы назвали не «ранним средневековьем» (параллельно «ранней древности»), а просто «средневековьем». Это соответствует общей историографической традиции, в которой как раннее средневековье обозначается (для Европы) лишь период от создания германских королевств до конца крестовых походов. Но чтобы быть последовательными, мы должны были сохранить определяемое существительное «средневековье» и для шестой фазы (как мы сохранили «первобытность» не только для первой, но и для второй фазы, и «древ-

ность» не только для третьей, но и для четвертой) и прибавить к слову «средневековье» какой-либо эпитет. Этот эпитет должен был бы дополнительно характеризовать диагностический для пятой фазы тип организуемого социума (ср. «община», «империя»).

Таким типом организации социума шестой фазы явилась • стабильная абсолютистская монархия, приобретающая характер национального государства. Итак, «абсолютистское средневековье»? Трудность в том, что многие собственно средневековые государства тоже вполне могут быть обозначены как абсолютистские, и разница тут не во введении абсолютизма как бы впервые, а в стабильности абсолютистских государств и (часто, но не всегда) в приобретении ими национального характера. К тому же трудно обозначить послепетровскую Россию или Пруссию времен Фридриха II как средневековье даже с эпитетом «абсолютистское». Поэтому я решил остановиться на термине «стабильно-абсолютистское постсредневековье». Это исключит абсолютистские государства собственно средневековья (пятой, средневековой, в сущности раннесредневековой фазы) и тоталитарные государства седьмой фазы. Конечно, термин «постсредневековье» (post-medieval) носит нежелательный характер отрицательной дефиции, но это все же лучше, чем рассудку вопреки называть давно ушедшую шестую фазу «новым временем» или вопреки всем укоренившимся традициям называть эту фазу средневековой, хотя бы и с ограничивающим эпитетом. Альтернативно я предложил бы называть эту фазу «абсолютистским предкапитализмом».

Как для пятой, так и для шестой фазы характерными являются эксплуатация прежде всего земледельцев и государственное господство землевладельцев (хотя формы государственной организации меняются), но в то же время существенно появление новых классов — буржуазии и наемных рабочих.

Чем больше побуждение господствующего класса к стабильности удовлетворяется, тем сильнее дискомфорт в остальных группах населения.

В постоянном дискомфорте жили женщины всех сословий, и даже уход под сень монастырей не был гарантией безопасности, не говоря уже о регламентации и неестественности монашеской жизни.

Возникший к концу пятой фазы класс буржуазии также испытывал сильнейший дискомфорт, потому что не был уравнен в правах с господствующим классом землевладельцев и • был крайне ограничен в возможностях предпринимательства и изобретательства.

Дискомфорт, конечно, испытывал класс наемных рабочих,

складывавшийся из разорившихся ремесленников, беглых (либо переданных в мануфактуры помещиками или государством) крестьян и даже беглых монахов. Но это была слишком разнородная масса, чтобы выработать общее для нее единство социальных побуждений; в какой-то части ее могли даже устраивать потери связи с организациями традиционными, прежними податными классами.

Мы уже знаем, что социально-психологический дискомфорт может быть снят появлением нового социально-психологического побуждения, новой идеологии, но лишь в том случае, если это побуждение имеет возможность активно проявляться. Сначала должно появиться чувство, что «можно думать иначе». Это содействует выработке плодотворных новых идей (в том числе научных) и новых технологий.

Для смены фаз необходима также выработка новой технологии изготовления оружия, что может содействовать смене дискомфорта производственных отношений. Однако необходимо учитывать, что новое оружие остается в распоряжении господствующего класса и не может непосредственно изменить положение класса низшего. Применение этого оружия скорее содействует стабилизации централизованного государства и разрушению изжившей себя феодо-вассальной системы. Но в то же время производство нового оружия — дело горожан, что способствует их известному социальному продвижению.

Важнейшими условиями перехода от средневековой фазы к постсредневековой можно считать создание альтернативных идей, принципиально нового оружия и появление стабильных государств, способных установить известное равновесие между классами — не только землевладельцев и земледельцев, но и успевших возникнуть буржуазии и наемных рабочих. Их возникновение связано с развитием товарно-денежных отношений, а их внедрение в сельское хозяйство может ослабить формальную и фактическую взаимозависимость землевладельцев и земледельцев, постепенно заменяя чисто насильственную эксплуатацию эксплуатацией экономической. Наиболее тяжкие формы зависимости земледельцев (например, крепостное право) могут быть ослаблены или даже отменены.

Все эти нововведения «срабатывают» не одновременно, поэтому в шестой фазе мы встретим общества и «полного развития», и «неполного»: есть новое оружие, нет альтернативной идеологии, есть и то и другое, но нет стабильности государства, и т. п.

Как видно из изложенного в предыдущем разделе, основные признаки следующей, постсредневековой фазы складываются отчасти уже внутри пятой фазы, а внутри самой ше-

•стой — лишь постепенно и неравномерно в различных странах Евразии. За тысячу лет существования средневековья дискомфорт все более накапливался во всех слоях общества. Меньше всего могли рассчитывать на комфортабельную жизнь основные массы земледельческого населения. Как мы увидим, конец пятой и начало шестой фазы ознаменованы крестьянскими восстаниями огромных масштабов. Даже для господствующего землевладельческого класса бесконечные войны с переменами границ и необходимостью непредсказуемых смен сюзеренов, что означало ненадежность сохранения жизни (своей и близких), были сильным дискомфортом. Нужна была государственная и официально-идеологическая стабильность, причем такая, которая поддерживалась бы определенным и достаточно мощным социальным побуждением к этой стабильности. На смену неустойчивым, не связанным общностью языка и традиционной культуры феодальным государственным образованиям приходят абсолютистские •стабильные государства — настолько стабильные, что способствуют созданию внутри себя национального самосознания — исторического фактора, чрезвычайно важного для дальнейшего хода исторического процесса. Задачей нового, стабильного государства стало обеспечение равновесия между теперь уже четырьмя классами постсредневекового общества.

До полного набора необходимых для шестой фазы диагностических признаков успели прийти далеко не все общества мира. Еще раз отметим, что таким полным набором диагностических признаков абсолютистской постсредневековой фазы являются следующие: введение эффективного огнестрельного оружия, включая артиллерию, что знаменует конец существования войска вооруженных землевладельцев — рыцарства и аналогичных структур; возникновение (наряду с численно доминирующими прежними классами — привилегированных землевладельцев и в разной степени бесправных земледельцев) новых классов — буржуазии и наемных рабочих, — что связано с дальнейшим совершенствованием средств производства, и технологии оружейного дела в первую очередь. Социальные и идеологические порядки предыдущей фазы вызывают растущий дискомфорт, что выражается, с одной стороны, в крестьянских войнах, а с другой — в выработке множественных оппозиционных или альтернативных социально-психологических течений и идеологий, вырастающих в борьбе с прежними идеологиями, все еще господствующими. Официальной религии противостоят реформированные религии, хотя она и сама влияет на них. Но возникает ситуация «можно думать и иначе». Тем самым высвобождается и научная мысль, развиваются естественные

науки, которые, однако, еще не становятся производительной силой. Для Европы (и отчасти для Китая) сюда прибавились открытие новых земель и колониальная экспансия, что прежде всего очень обогатило европейскую торговую, а затем и промышленную буржуазию и в конечном счете вывело континент на такой уровень жизни, какого не знал остальной мир.

Типичным для этой фазы является государственный абсолютизм особого рода. Абсолютистские государства, конечно, существовали и в более ранних фазах. Но для шестой фазы впервые характерны стабильные абсолютистские государства, имеющие определенные природные, религиозные и национальные границы. В пределах такого абсолютистского государства нового типа выделяются одна религия и одна сознающая себя национальность как господствующие. В этой фазе абсолютистские монархии представляли старый господствующий земледельческий класс. Но важно, что складывается ситуация, когда происходит растущее идеологическое брожение, с одной стороны, и непрекращающиеся попытки ранее суверенной феодальной знати сохранить власть в своих прежних или хотя бы каких-нибудь иных уделах — с другой. В этих условиях только абсолютизм был способен обеспечить государству и господствующей в нем религии стабильность в определенных территориальных границах, а возникающей буржуазии — стабильный внутренний рынок. В определенных территориальных границах абсолютизм мог поддерживать и обеспечивать равновесие между четырьмя классами постсредневекового общества. Он был способен сдерживать развитие альтернативных идейно-психологических тенденций, потенциально разрушительных для общественного строя шестой фазы. Стабильное абсолютистское государство отвечало на дискомфорт созданием определенных границ, определенного внутреннего рынка, стабилизацией определенных религиозных и национальных приоритетов. С приходом стабильного абсолютизма значительно уменьшилась неуверенность в устойчивости жизни, какова бы она ни была.

Создание стабильных абсолютистских государств является ответом на типичный для пятой фазы дискомфорт, вызывавшийся бесконечной войной всех против всех, от чего страдали прежде всего крестьяне, но также и горожане и сами феодалы. Однако возникающие большие абсолютистские государства не имели собственной, новой психологической базы. Не сразу определилось, почему надо было подчиняться государю в границах именно этой, а не другой территориальной конфигурации, почему должны были в ряде случаев порушиться ставшие привычными экономические и религиозные связи.

Достигнуть новой абсолютистской стабильности можно было, только обладая оружием, способным подавить рыцарскую вольницу, непреодолимое соперничество мелких государей. Они вели бесконечную кровавую борьбу за власть где угодно, даже независимо от территории, на которой возникла эта борьба, а поэтому делали невозможным и нормальный обмен товарами и развитие промышленности. Стабильность была безусловно в интересах класса землевладельцев, но также и в интересах класса буржуазии. Вот почему эффективное огнестрельное оружие, изготавливаемое по заказам королей мануфактурами и ремесленниками, могло стать условием и предпосылкой новой фазы.

Стабильность государственных границ содействовала развитию определенного самосознания жителей внутри этих границ, где чаще всего какая-то этническая общность оказывалась численно преобладающей и могла считать создавшееся стабильное государство своим, а себя — господствующей нацией. Наряду с религиозным самосознанием складывалось и национальное самосознание.

Образование стабильного абсолютистского государства отчасти снимало противоречия, возникшие в пятой фазе, в которой друг другу противостояли два класса — землевладельцы и крестьяне. Становление этого нового типа государства способствовало и дальнейшему развитию классов буржуазии и наемных рабочих и высвобождению альтернативных идеологий. Эти явления, однако, не синхронны самому становлению абсолютизма, и потому наряду с обществами, обладающими всеми перечисленными диагностическими признаками шестой фазы, были и общества с неполным развитием фазового перехода из-за слабого развития промышленных мануфактур и промышленной буржуазии или слабого развития альтернативных идеологий.

Во всяком случае, три принципиально важных обстоятельства можно считать определяющими для шестой фазы: появление в том или ином порядке (1) эффективного огнестрельного оружия, (2) национального сознания как социально-психологического фактора и (3) конкурирующих альтернативных социально-психологических течений. На этих трех моментах стоит остановиться подробнее.

Метательные орудия (в частности, баллисты), нередко весьма хитроумные, но в основном действовавшие по принципу гигантского лука (аркбаллисты), были известны уже в имперской древности и довольно широко использовались вплоть до XIII в. В эти же периоды были известны и различные гремучие и зажигательные смеси. Дымный порох, состоявший из смеси селитры, серы и древесного угля, был изобретен в Китае в X—XI вв. и был известен (или же вновь

изобретен) в Европе в XIII в. На XIV век падает первое широкое применение огнестрельного (пиробаллистического) оружия. Оно начинает экспортироваться; например, на Русь в XIV — начале XV в. стали импортировать пушки и порох. Часто порох смешивали из его составных частей в ближнем тылу линейных войск или прямо на поле боя.

Первые пушки представляли собой шаровидные или урно-видные сосуды; заряжались они с дула. Подожженный порох мог выбрасывать из них тяжелые стреловидные предметы, камни или каменные ядра и даже бочонки с горючей смесью. Вскоре появились цилиндрические орудия (бомбарды разных наименований) из литой бронзы. Все они не имели стандартного калибра, но преобладали калибры крупные. Вплоть до XV в. это были преимущественно орудия на неподвижном деревянном станке. Сами орудия были не особенно прочны и нередко представляли большую опасность для артиллериста, чем для противника, и всегда были чрезвычайно мало дальноточны и нескорострельны. При этом пороховая мякоть легко спрессовывалась и нередко либо не взрывалась вообще, либо взрывалась несвоевременно. Эти пушки не представляли большой опасности для конного войска, облаченного в кольчуги или латы. Была даже выработана тактика их обезвреживания: перед бомбардой выстраивался сплошной конный строй, имевший справа и слева группы всадников, вооруженных пиками; после первого выстрела из пушки, обычно мало прицельного, рыцари с пиками быстро окружали артиллерийский расчет, отрезая ему путь отступления, а центральный конный отряд бросался лавой вперед и уничтожал расчет, прежде чем он успевал перезарядить пушку.

В середине XV в. начал изготавливаться гранулированный порох, что значительно облегчило зарядание и стрельбу из орудий.

Наряду с первичными пушками появляется и ручное огнестрельное оружие — ручная пищаль¹. Туфангом — на Востоке, пищалью — на Западе, а также бомбардой, кулевриной и т. п. первоначально обозначались как предки пушки, так и предки ручного оружия, но постепенно название «пищаль» закрепилось за последним. Прежде в одну категорию входили и семиметровое орудие со стокилограммовым зарядом, и метровое с пулей весом в десять граммов — все это было «артиллерией». Ручная пищаль представляла юбой трубку длиной 20—30 см, с дырочкой, просверленной в некотором отдалении от казенной части. Порох плотно забивался в трубку, затем в дуло клали свинцовый шарик — пулю, забивали пыж, и заряд поджигался фитилем через боковое отверстие. Не сразу был придуман приклад для стрельбы с плеча. Хотя пищаль стала известна на Востоке не позже эпо-

хи Тимуридов, она не вывела азиатские страны на уровень новой военной техники шестой фазы.

Другим обстоятельством, мешавшим развитию артиллерийского боя, было уже упомянутое отсутствие стандартизации орудий. Каждый оружейник придавал пищали такой калибр, какой ему мог вздуматься. Орудие стреляло только до тех пор, пока имелись ядра или пули подходящего калибра, а это значит — недолго.

Специальный замок для фитиля был изобретен в середине XV в. (для аркебуза). В середине XVI в. был введен мушкет — более тяжелое устройство, чем аркебуз; мушкетер-стрелял с деревянной распорки тяжелыми пулями, закладывая их с дула по восемь-десять штук. Мушкет давал тяжелую отдачу, от которой надо было защищать плечо (например специальной подушкой). В XVI в. вводится и кремневый запал вместо фитиля. Нарезные стволы с прямой нарезкой появляются с конца XV в., со спиральной — много позже, но нарезка была ненадежна и дорога, и постоянное употребление нарезных малых карабинов начинается лишь с середины XVIII в. (в сочетании со штыком); в конце XVIII — начале XIX в. появляются нарезные ружья, заряжавшиеся с казенной части (винтовки).

Большую эволюцию прошло и собственно артиллерийское орудие. Первые бомбарды и мортиры были неподвижны и годились только для осадного боя (такой бой засвидетельствован при осаде и взятии Константинополя турками в 1453 г.). Позже пушки перевозятся на телегах, а с конца XV в. ставятся на колеса. Сложно развивалось и перетаскивание пушек — сначала на волах, потом на лошадях, запряженных цугом, дулом вперед, и лишь с середины XVI в. — специальными парными упряжками, дулом назад.

Навесной артиллерийский огонь появился лишь в середине XVII в. (мортиры).

С конца XV — начала XVI в. пушки устанавливаются на морских судах. Делаются попытки стандартизировать калибры, но решительный успех в этом был достигнут лишь в XVIII в.

Мнение, что рыцарство было уничтожено пушкой, требует уточнения: победа огнестрельного оружия над арбалетом произошла в XVI—XVII вв.

Изобретения в области огнестрельного оружия очень быстро перенимались одной армией от другой, и нередко трудно установить приоритет того или иного изобретения. Весь период с XIV по XVII в. с военно-технологической точки зрения можно считать подготовительным для утверждения шестой фазы исторического процесса.

Итак, общество шестой фазы было вооружено огнестрель-

ным оружием. Прежде чем перейти к вопросу о его вооружении в идейном смысле, остановимся еще на одном уже упоминавшемся факторе, который приобрел значение впервые в шестой фазе, но затем играл огромную роль и в седьмой фазе и продолжает ее играть поныне. Речь пойдет о национальном самосознании. Оно основывается на социальном побуждении «быть как все», но также и «быть среди своих» и поэтому как бы под защитой.

С тех пор как первобытный человек понял, что существует «я» и существует «не я», т. е. внешний мир, и что этот мир если не прямо враждебен, то, во всяком случае, плох и опасен, человек ищет опору в «ближних», в «своих». (Это в первую очередь, конечно, нуклеарная и большая семья, род, lineage, поселок, город.) Но войны пятой и наступающей шестой фазы, само государственное устройство того времени, вечные смены воинственного начальства ослабили или уничтожили большую семью, lineage, а для существования города (в тогдашних условиях нередко самодостаточной общественной единицы) требовалось поддерживать его соприкосновение и обмен с другими городами и противопоставлять их друг другу.

Какая-то солидарность людям всегда нужна, и не только с женой и детьми у семейного очага. Она создавалась, во-первых, общностью религии, во-вторых, общностью города, но особенно общностью стабильного государства. Приняв более или менее постоянные очертания, такие государства получили и более или менее постоянное население с общим языком, религиозными традициями, с выработавшимся типом характера. А те периферийные группы, которые не подходили под это единство, довольно быстро сливались с основным населением в одно целое, потому что это же государство обеспечивало и таким группам более надежное существование, чем они имели в пятой фазе.

Историк может наблюдать в ряде социумов возникновение осознания общности культуры (в меньшей степени — языка)² уже в третьей фазе (египетской, эллинской, римской, русской общности и т. п.), а затем осознания общности религии и в меньшей степени языка (в пятой фазе). Но, по изложенным причинам, только образование стабильных государств в шестой фазе способствует осознанию общности и языка, и религии, и культурного наследия, и собственной государственности, что мы и можем обозначить как национальное самосознание в полном смысле слова.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что национальное самосознание связано исключительно с обладанием своей государственностью. Напротив, раз возникнув у одних народов (обладавших государственностью), национальное, само-

сознание начинает восприниматься как важнейший фактор для занятия всякой популяцией стабильной ниши в обществе и потому как особо важная ценность, обладание которой ощущается как необходимость. У не имеющих собственной государственности народов самосознание может стать даже более активным, чем у имеющих ее, так как наличие национального самосознания при отсутствии государственности воспринимается с течением времени как очень резкий дискомфорт и требует удовлетворения.

Но этот процесс в основном протекает уже в седьмой фазе и будет нами рассмотрен позднее.

В своем первичном виде национальное самосознание можно считать образующимся из трех факторов: религиозного самосознания, территориально-государственной общности и языкового взаимопонимания.

Особый случай представляли евреи. По бытовым языкам они распадались на восточноевропейских (ашкеназских, первоначально — главным образом — польских) евреев, у которых разговорным был язык германской группы — идиш; на испано-голландско-греко-балканских (сефардских) евреев, для которых разговорным языком был ладино, или худесмо, — диалект испанского; на ближневосточных евреев, говоривших по-арабски, по-персидски или на других восточных языках. Однако все они имели единый общий литературный язык — иврит (древнееврейский — единый, хотя и с местными вариантами). Религиозная догма иудаизма требовала, чтобы всякий еврей постоянно, по возможности ежедневно, читал Библию, как известно, написанную на древнееврейском. Поэтому все евреи-мужчины (и часть женщин) всегда умели читать и писать на иврите, а многие говорили на нем. Это было наследие третьей и четвертой фаз с их более высокой грамотностью.

В эпоху всеобщего господства прозелитических религий, заинтересованных в расширении сферы своего распространения, евреи были приверженцами религии, по определению чуждой соседям, — религии, для которой прозелитизм был почти невозможен и рано запрещен. Поэтому евреи были связаны осознанием общности не только религии, но и особой исторической судьбы, сделавшей их практически только и исключительно горожанами. Занятие сельским хозяйством им было почти повсеместно запрещено государством, охранявшим существующие социальные отношения между крестьянами и землевладельцами. В силу требуемой их религией общей грамотности евреи были повсеместно связаны общностью священного, но в то же время достаточно широко распространенного и в быту языка — иврита. Для всех евреев он был языком не только богослужения, но и литературы

и культурного общения среди мужчин. При сильном развитии народно-религиозного сознания евреи были лишены возможности и даже «адежды создать национальное государство. Лишь в Польше они имели в течение некоторого времени самоуправление. Только в седьмой фазе евреи приобретают в ряде стран равноправие с местным населением, что приводит отчасти к полному растворению заметной доли еврейской интеллигентной элиты в местной интеллигенции, отчасти к движению за создание локального еврейского национального государства.

В отношении поголовной грамотности евреи отличались от прочего средневекового и постсредневекового населения, которое было почти поголовно неграмотно. Латынью, церковнославянским, литературным арабским и китайским, а также санскритским — тоже языком культурного общения — активно владели только немногие, главным образом священнослужители, позже и некоторые представители светской элиты. Эти языки были связаны с религиозными регионами, а не с национальностями.

Национальное самосознание как исторический фактор нельзя понять в отрыве от национального характера. Национальный характер складывается из усвоенных традиционных ценностей (главным образом религиозных) и соответствующих антиценностей, а также из ценностей и антиценностей, созданных конкретной судьбой этноса, легшего в основу нации. Интересно, что религия может перемениться, даже замениться атеизмом, но созданные ею ценности и антиценности могут сохраняться (или, во всяком случае, просуществовать) еще столетиями, пока те и другие не будут вытеснены совершенно иными могущественными силами исторических судеб. Сам национальный характер, каков бы он ни был, непременно полностью входит в национальное сознание как ценность, как нечто явственно ценное, но в то же время те же черты характера могут негативно оцениваться соседними нациями, у которых иная религиозная и историческая судьба. Для них эти черты будут антиценностью. Вся шестая и особенно седьмая фаза исторического процесса заполнены ожесточенными и нередко кровавыми межнациональными распрями. Существенно, однако, иметь в виду следующие три обстоятельства.

Во-первых, национальный характер — явление не извечное, а переменное: нынешний мирный норвежец имеет другие ценности, чем его предок — пират-викинг; грек времени Перикла не похож на типичного христианина-догматика, византийского грека, а тот — на современного. Во-вторых, черты национального характера могут быть установлены только в среднем, т. е. они вовсе не обязательно проявляются в от-

дельных индивидах. В-третьих, если национальные черты и проявляются в отдельном индивиде, то только до тех пор, пока этот индивид находится в данной национальной среде. Стоит человеку окунуться в другую национальную среду, как во втором, самое позднее в третьем поколении его потомками будут усвоены черты типического характера «усыновившей» нации. Поэтому Кантемир — не румын, а русский; Пушкин — не эфиоп (точнее, не эритреец), а русский; Лермонтов — не шотландец, а русский; Мандельштам — не еврей, а русский; Виктор Цой — не корейский, а русский певец. Точно так же Руссо — не швейцарский, а французский мыслитель; Анахарсис Клоотс — не немецкий, а французский революционер; Модильяни — не еврейский, а французский художник; Гендель — не немецкий, а английский композитор; Бернард Шоу — не ирландский, а английский писатель; лорд Биконсфильд — не еврейский, а английский государственный деятель; ван Бетховен — не фламандский, а австрийский композитор; Шамиссо — не французский, а немецкий романтик. И такие списки можно продолжать до бесконечности.

Как легко ассимилируются в новой нации отдельные лица и семьи, точно так же ассимилируются и этносы. Мы уже упоминали о том, что нельзя ставить знак равенства между людьми русской нации и славянами, говорившими на праславянском или антском языке где-то на территории Белоруссии в самом начале нашей эры. В состав русской нации вошли и сарматы, и венеды, и воль, и ижора, и пермь, и мещера, и часть половцев, мордовцев, татар, поляков, евреев, немцев, голландцев, датчан, шведов, жмуди (и других балтоязычных племен) и т. д. Но из этого разнородного тигля к началу шестой и в течение седьмой фазы исторического развития вышла русская нация с ее специфическим национальным характером, всемирно признанными достоинствами и хорошо известными нам самим недостатками. То же, или приблизительно то же, можно сказать и о любой другой нации, имеющей свое самосознание.

Из-за составного характера своего происхождения и неоднородности происхождения своих традиций, которые могут оцениваться в определенных условиях как ценности, а в определенных — как антиценности, ни одна нация не вправе кичиться перед другими: англичане — не непременно нация господ, русские — не народ-богоносец, которому суждено осчастливить весь мир, и турки — вовсе не те манкурты, которых мы наблюдали в войске янычар (они, кстати, этническими турками и не были). И вообще надо помнить, что национальный характер не закладывается в генную информацию, а зависит в основном от долгого воспитания средой.

На уровне генов наций нет, хотя на нем могут быть заложены различные способности, таланты, да и отрицательные черты индивидуального характера⁴.

Но со всеми этими уточнениями мы должны признать, что начиная с шестой фазы национальное самосознание становится действенным фактором исторического процесса, и мы будем далее это учитывать.

В шестой фазе исторического процесса складывались альтернативные социально-психологические движения и стало возможно «думать иначе».

Не все общества Евразии выработали к XVII—XVIII вв. полноценную шестую фазу: страны Западной Европы, включая Францию, Германию, Великобританию (и отчасти Священную Римскую империю и Италию), принадлежали к абсолютистской постсредневековой фазе в полной и развернутой форме; на Дальнем Востоке в эту же фазу начал входить Китай и — с некоторым запозданием — Япония; слабее признаки шестой фазы были в Польше, на Балканах, в России; она едва намечалась в Турции; Иран же, Средняя Азия и Индия, а также все арабские страны задержались в пятой фазе; в XIX в., когда и у них на месте религиозного самосознания возобладало национальное, им пришлось догонять другие народы, уже находившиеся в седьмой, капиталистической фазе.

Совсем своеобразной была история Америки; на ней придется остановиться особо.

Европа в шестой фазе далеко опередила всех своих евразийских соседей; именно здесь можно наблюдать ход шестой фазы в наиболее полном виде, и поэтому с нее мы и начнем. Отметим то важное обстоятельство, что в XV в. национальные границы едва только складывались, интеллектуальная элита Европы, ответственная за сохранение старых и создание новых умственных движений, альтернативных прежним, имела один и тот же язык взаимопонимания и общения — латинский, поэтому нам поначалу трудно будет придерживаться изложения событий по отдельным странам и нациям. Аналогичной была картина и в других обширных регионах мира.

Для постсредневековой эпохи в Западной Европе (XVI—XVIII вв.) можно говорить о сложившемся капиталистическом экономическом укладе, однако класс капиталистов, хотя и играл все возрастающую роль, нигде в течение этой фазы не приходил к власти.

Очень важно, что в постсредневековую эпоху начинается торговля промышленными товарами между отдаленными друг от друга центрами скопления капитала. Вырастала специализированная промышленность, рассчитанная на даль-

ную торговлю. Ведущую роль в Западной Европе играло сукновальное производство.

Если до сих пор люди носили домотканую одежду, изготовленную в домашних или в лучшем случае в мануфактурных условиях путем ручного прядения и ткачества, то сукно изготовлялось на примитивных сукновальных фабриках. Производство сукна было очень выгодным.

В XVI—XVIII вв. в Англии идет огораживание и превращение в частную собственность земель, ранее рассматривавшихся крестьянами как общинная собственность (а также бывших монастырских имений). На огороженной земле можно было разводить овец для сукновального производства и велось также интенсивное, в основном уже товарное, производство хлеба, овощей и т. п. В то же время множится число людей безземельных, оторванных от производства и готовых за гроши работать при неограниченном рабочем дне на фабриках. Особенно тяжелые последствия этот процесс имел для горной Шотландии, где до тех пор сохранялись клановые отношения по типу даже не пятой, а скорее третьей фазы.

Торговля и производство сукна и других товаров велись капиталистическими методами и нуждались в идеологии, альтернативной господствовавшей в средние века.

Аналогичные явления наблюдались еще раньше: в XIII—XIV вв. во Фландрии и в XIV—XV вв. во Флоренции, однако это были лишь очаги капиталистического производства посреди всеобщего господства средневековых, феодальных отношений. Во Фландрии происходила борьба между плебейскими ремесленниками и патрициями-мануфактурщиками; победили были первые, но вскоре произошла феодальная контрреволюция, затруднившая мануфактурное производство. Во Флоренции произошло плебейское восстание «чомпи», но сценарий тут оказался тот же, что и во Фландрии. Как Фландрия, так и Флоренция не смогли выжить как центры капитализма, потому что они не сумели найти формулу равновесия между противоречивыми интересами немногочисленных имущих капиталистов и массы неимущих рабочих.

Это противоречие продолжало быть актуальным и после повсеместного прихода капиталистов к власти, который сделался возможным благодаря более мощной аккумуляции капитала и сопровождался утверждением новых социально-психологических идеологий и новых технологий, в том числе в области вооружений.

К XVII—XVIII вв. капиталистические отношения находят распространение в Западной Европе почти повсеместно, Секрет тут заключался в том, что получаемую ими в ходе производства прибавочную стоимость капиталисты обращали «не в пирамиды и соборы», как заметил один историк, и не в ро-

скошные уборы и содержание обширного двора, а вкладывали ее в расширение капиталистического производства. Для развития этой тенденции, однако, требовалось создание новой этики, мешала господствовавшая средневековая идеология: еще составитель латинской версии Библии Блаженный Иероним (IV в.) говорил, что «богатый человек либо вор, либо сын вора». Реформация относилась к богатствам папы, епископов и монастырей; но она же дала людям религиозную санкцию на пользование каждым плодами собственных трудов и воздержания и тем самым фактически на производственные накопления и кредитные операции (последние в средневековых государствах нередко были религиозно или даже юридически запрещены христианам и становились уделом нехристиан). Поэтому неудивительно, что капиталистическая экономика ранее всего начала развиваться в странах, принявших Реформацию: в Англии (где сельский характер сукновального производства охранял капиталистов от судьбы, которая постигла ранние ростки капитализма во Флоренции), в Голландии, в Швейцарии (Женева), в некоторых частях Германии.

Во Франции городские буржуа (а также мелкое рыцарство) по большей части примыкали к реформатам-гугенотам. Им не удалось прийти к власти, хотя гражданская война, вызванная главным образом гугенотским движением и отчасти соперничеством знатных родов, претендовавших на власть в стране, шла с 1562 по 1593 г. Но лучшая часть гугенотов была уничтожена во время «Варфоломеевской ночи» 29 августа 1572 г., а в 1593 г. их вождь Генрих IV Бурбон (вначале король Наваррский) принял католицизм («Париж стоит мессы!»); по Нантскому эдикту 1598 г. гугеноты получили лишь ограниченную свободу вероисповедания (потом ограниченную еще сильнее). А в 1685 г. Людовик XIV вовсе отменил Нантский эдикт, чем вызвал большую «утечку мозгов» из среды гугенотов в Англию, Голландию, Швецию, отчасти и в Новый Свет. Для оставшейся во Франции буржуазии усилился дискомфорт, что привело впоследствии к крайностям и жестокостям Французской буржуазной революции.

Важнейшим фактором, способствовавшим развитию капиталистических отношений (особенно в странах, оставшихся католическими), был приток драгоценных металлов из Нового Света. При этом рост земельной ренты не поспевал за ростом цен (рента была обычно давно фиксированной). В ряде случаев землевладельцы с целью повышения своих доходов переходили на капиталистическую форму эксплуатации (в том числе и путем огораживания общинных земель). Еще более отставала от роста цен заработная плата наемных рабочих. На всем этом выигрывали предприниматели, ростов-

щики и торговцы, но к власти их не пускали, тем самым усиливая и их дискомфорт.

Для развития капитализма необходимы были отмена локальных таможенных барьеров, создание стабильной денежной системы, законодательство, охраняющее капиталистические производственные отношения, прекращение внутренних усобиц и защита границ национального рынка, развитие морского и* сухопутного транспорта. Все это невозможно было сделать с помощью частных средств буржуазии; то, что ей требовалось тогда, это сильное и стабильное в своих национальных границах государство, даже если бы власть в нем и не принадлежала непосредственно буржуазии.

Отдельные представители буржуазии достигали и до Французской революции высоких государственных постов, но в целом богатевшая часть буржуа тогда еще стремилась слиться с дворянством путем брачных союзов или подражания дворянскому обиходу, принятия приставки «де» к фамилии; все это — осмеянные Мольером в его комедии симптомы «мещанина во дворянстве».

Если крестьяне восставали⁵ (безуспешно), то конкуренция на торговых рынках вызывала войны. Они теперь носили иной характер, чем в средние века, когда целью войн были только захват дани, подчинение большего числа вассалов и вытекающие из этого слава и престиж. Если исключить владения Священной Римской империи, в которую входили малые государства, фактически или номинально вассальные по отношению к императору, то теперь в Западной Европе государства стабилизировались в более или менее определенных границах. Войны между ними имели отношение к расширению рынка или к захвату производящих территорий; немаловажную роль играл уже не только фактор личной воинской славы, но и фактор национального престижа.

Пандемия чумы 1345—1349 гг. настолько разорила и опустошила Европу, что можно было ожидать задержки исторического процесса. Этого, однако, не произошло. Как раз в XIV в. начинается развитие буржуазных отношений в Италии (Флоренция), во Фландрии и отчасти в Англии. Но фактором, явно определившим рубеж между пятой и шестой фазами и совершенно изменившим судьбы Европы, было открытие Америки в 1492 г. Здесь для нас важно то, что с конца XV — начала XVI в. Европа приобрела в американских колониях, казалось бы, неиссякаемый источник обогащения. За полстолетия количество золота и серебра, бывшего в обращении в европейских странах, увеличилось, по подсчетам историков, в семь раз. Увеличение денежной массы привело к росту цен в два-три раза (к инфляции) и к дефляции доходов в сельском хозяйстве и в заработной плате рабочих. Рост де-

нежного обращения содействовал развитию капиталистических отношений в народном хозяйстве.

Стабильные национальные государства вели политику меркантилизма: государство должно было накапливать серебро и золото путем создания благоприятного соотношения между ввозом и вывозом. Для достижения этого баланса меркантилисты требовали низкой заработной платы и продолжительного рабочего дня. Политика меркантилизм'a в условиях увеличения массы драгоценных металлов, ввозимых из колоний, приводила к кумулятивному развитию экономики. Именно этот кумулятивный эффект был важен для утверждения в Западной Европе капиталистических отношений. Его часто не хватало в развивающихся странах XX в., доживших не до шестой, а лишь до пятой фазы; да и при достижении шестой фазы может не наступить необходимого толчка от быстрой аккумуляции денежных средств.

Главным образом по этой причине наибольшее развитие шестая фаза исторического процесса получила именно на том большом полуострове Евразийского континента, который носит название Западной Европы, и на примыкающем к нему острове Великобритании^в.

Такой резкий поворот в исторических судьбах Европы не уменьшил, а скорее даже увеличил создававшийся здесь дискомфорт. Его испытывали все те, мимо кого проходил золотой поток: крестьяне и наемные рабочие, положение которых заметно ухудшилось, и дворяне, бедневшие относительно, а иной раз и абсолютно (поскольку рост земельной ренты не поспевал за ростом стоимости жизни). При этом все общество в целом страдало от военной нестабильности на континенте.

Что касается буржуазии, то она богатела, но была стеснена барьерами границ, проходившими в произвольных местах с тенденцией к постоянным переменам. Кроме того, ее деятельность ограничивалась отсутствием таких жизненно необходимых для нее факторов, как единообразие денежной системы, правовое регулирование капиталистических отношений, достаточное количество квалифицированной и дисциплинированной рабочей силы, организованная оборона на стабильной территории, которая образовывала бы национальный рынок, и достаточная численность грамотных кадров для ведения торговой и кредитной документации. Участие в управлении государством — такая задача перед буржуазией в ту эпоху еще не могла стоять, но в любом случае буржуазия нуждалась в сильной власти. Так или иначе, и буржуазия испытывала заметный дискомфорт, как и другие части населения.

Дискомфорт крестьянства вылился достаточно определен-

но в ряд восстаний (в том числе в Великую крестьянскую войну в Германии 1524—1526 гг.), а дискомфорт других групп населения — в войны, явившиеся косвенным последствием реформации, о которой ниже.

Разные классы и слои общества, испытывая дискомфорт, были настроены против католического духовенства. И было чем возмущаться: иной архиепископ по богатству владений, домашнего обихода, одеяний, по объему светской власти не уступал князю или герцогу, а монастырь по могуществу мог, бывало, тоже сравниться с иным княжеством. Реального смирения и самоограничения, проповедовавшихся когда-то Христом («отдай все, что имеешь, и ищи спасения»), у клириков, не было заметно. Да и богослужение велось на уже непонятном народу языке, по рукописям и редким книгам, которые были недоступны массе мирян. Ритуальные требования к верующим все более усложнялись, а нарушения карались тяжелыми послушаниями. В 1477 г. папа Сикст IV разрешил, как уже упоминалось, продавать за деньги индульгенции, т. е. документы о послаблении мучений для грешников на том свете (в чистилище). Все это было очень далеко от первоначального христианства.

Перемены в общественном строе, прежде всего в организации стабильных государств, стали возможны, как было сказано выше, в связи с совершенствованием огнестрельного оружия. Оно впервые и еще не очень эффективно применялось в конце Столетней войны и в династической войне Алой и Белой Розы в Англии (1455—1487), приведшей к власти Генриха VII из новой династии Тюдоров. Он создал в Англии (после долгого промежутка времени) стабильное королевство. Но артиллерия решающую роль сыграла лишь позже: в морской победе Англии над испанской «Великой Армადой» в 1588 г., окончательно стабилизировавшей государственный строй Англии при королеве Елизавете I (1558—1603); во франко-испанских войнах за контроль над Италией (битва при Павии, 1525 г.); в гугенотских войнах во Франции, закончившихся созданием стабильного королевства при короле Генрихе IV (1589—1610), и т. д. Рыцарство как военная сила было постепенно уничтожено в результате применения достаточно эффективного огнестрельного оружия.

Нарастающий дискомфорт был характерен для Западной Европы XVI в., несмотря на продолжавшийся процесс стабилизации государств. Но параллельно с нарастанием дискомфорта и первоначально как бы независимо развивались альтернативные социально-психологические тенденции⁷. Технически их всеобщее развитие стало возможным в связи с изобретением книгопечатания (Гутенберг, ок. 1448 г.) и тиражирования книг: знаменитый итальянский книгоиздатель

Альд Мануций и его ближайшие потомки и преемники отпечатали за 100 лет — с 1495 по 1595 г. — свыше тысячи изданий, а в целом за 100 лет после открытия Гутенберга были напечатаны многие десятки тысяч книг⁸.

В начале движения в сторону того, что «можно думать и иначе», стоят три фигуры поздних гуманистов, людей скромных, душевно привлекательных и в то же время отважных: это Иоганн Рёйхлин (1455—1522), Эразм из Роттердама (1468—1536) и Томас Мор (1478—1535). Именно их деятельность дала возможность ученым нового поколения знакомиться как с лучшими произведениями античных мыслителей, так и с ранними, уже мало переписывавшимися трудами отцов первоначального христианства и создала импульс для появления новых самостоятельных мыслителей.

Рёйхлин, с юных лет блестящий латинист и эллинист, выучил древнееврейский язык и начал читать библейский Ветхий Завет в подлиннике; ему принадлежит первый словарь и первая европейская грамматика древнееврейского языка, основанные на трудах еврейского грамматиста Давида Кимхи и его школы. Когда император Максимилиан издал указ об уничтожении всех еврейских рукописных книг, и прежде всего Талмуда⁹, чтобы насильственно обратить евреев в христианство (что уже делалось в Испании), Рёйхлин заступился за евреев и был предан суду инквизиции как еретик, а потом его дело было передано на суд папы Льва X. Ученому грозила верная смерть, но его спасло соперничество между папской и императорской властью: за Рёйхлина выступили император, ряд курфюрстов¹⁰ и полсотни южногерманских городов (напротив, все опрошенные университеты высказались против Рёйхлина). Книги Рёйхлина, в том числе его «Письма темных людей», которые произвели огромное впечатление на уже довольно влиятельную к тому времени образованную прослойку населения, были запрещены папой, однако сам Рёйхлин получил профессию по греческому и древнееврейскому языкам в Австрии, где он и умер.

Эразм был незаконным сыном священника, и ему открывалась в жизни только одна дорога — в монахи. Однако, учитывая его большую классическую ученость, монастырские власти разрешили ему жить в миру, и большую часть жизни он провел частным учителем разных дворянских недорослей (позднее он отказался от монашества, но, как и Рёйхлин, до конца оставался верующим католиком). Эразм много ездил (от Англии до Италии), везде вступал в контакты с учеными, исследуя все новые рукописи и редкие книги. Эти поездки в то время не были особенно затруднительными: границы, как правило, почти не охранялись, а образованные люди Англии, Голландии или Швейцарии говорили на одном общем языке.

ке — латыни". Можно сказать, что Эразм основал науку критики рукописных текстов. Кроме того, он провел с подлинным греческим текстом такую же работу для Нового Завета, как Рёйхлин — для Ветхого Завета. Латинский стандартный перевод Библии — Вульгата — перестал быть таким авторитетным, каким он был в течение средних веков; стало возможным критическое изучение библейского и евангельского текстов. Кроме научных работ Эразму принадлежали прославленная сатира «Похвала глупости» и другие важные в те времена сочинения. Английский поэт XVIII в. Александр Поуп сказал об Эразме, что он «возвел заслон потоку варварского века, взамен святых вандалов вывел Человека».

Англичанин Томас Мор был государственным деятелем, но также очень интересовался новыми веяниями в том, что тогда обозначалось общим термином «философия». Большую роль в его жизни сыграла дружба с Эразмом. Вдохновленный появившимися в его время многочисленными описаниями путешествий и открытий фантастических островов, Мор в свободное время написал повествование о мнимом открытии еще одной неизвестной страны, отличавшейся нетрадиционностью и некой жестокой справедливостью порядков; но в ней все же сохранялось рабство. Вопрос о том, возможно ли на самом деле создание в будущем где-нибудь в нашем мире такой страны и такого порядка, Мор не ставил — сочинение свое он рассматривал как философско-литературное. Недаром его остров назывался «Утопия», что означает в переводе с греческого «Безместие» — не имеющее места в реальном мире. Впоследствии, однако, «Утопия» Томаса Мора вдохновляла многих мечтателей о светлом будущем на Земле — и не только ранних социалистов-утопистов вроде Фурье, Сен-Симона или Роберта Оуэна, но и так называемых научных социалистов. Утопия Мора слилась, таким образом, с вековой мечтой о лучшем всеобщем и вечном будущем. Но на своих непосредственных современников Мор не оказал особо сильного влияния¹².

Подобно Рёйхлину и Эразму, Мор был глубоко верующим католиком (он даже носил власяницу); погиб он потому, что, занимая должность государственного канцлера, не одобрил замысла короля Генриха VIII жениться при живой жене на некой Анне Болейн; это стоило Мору головы.

Хотя Рёйхлин и Эразм, изучая подлинные библейские тексты и обнаруживая в них расхождения с католической традицией, сами оставались полностью на почве католицизма и не выдвигали никаких альтернативных учений, именно они (и их ученики) дали толчок деятельности Мартина Лютера (1483—1546). Лютер начинал как монах и католический проповедник. В 1517 г. он прибил на дверях церкви в г. Виттен-

берге свои «95 тезисов» против торговли индульгенциями и других злоупотреблений духовенства. Он отказался явиться в Рим на церковный суд, а в 1520 г. публично сжег папскую буллу об отлучении его от церкви. По законам того времени он должен был быть сожжен, однако его взял под свое покровительство курфюрст Фридрих III Саксонский, во владения которого входил Виттенберг. Папа был заинтересован в том, чтобы выборы императора не расходились с его интересами, и, видимо, недооценив опасность Лютера, уступил влиятельному курфюрсту.

В виттенбергском заключении Лютер перевел на немецкий язык Ветхий и Новый Завет. Попытки переводить Библию на новые европейские языки делались и раньше, были даже печатные версии, но они по большей части были дословными переводами латинской Вульгаты и не имели ни большого распространения, ни большого влияния. Перевод Лютера был сделан с еврейского и греческого оригиналов¹³.

Немецкая Библия Лютера, как и другие его рукописи, была быстро размножена и получила самое широкое распространение. Вообще Лютер с самого начала обрел много приверженцев. Когда в 1518 г. церковная власть выпустила «антитезисы» на его 95 тезисов, они были сожжены виттенбергскими студентами.

Далее движение за христианские реформы (или, как считали сами протестанты, возвращение к чистому евангельскому учению) стало распространяться по Европе, как огонь. Наиболее видными реформаторами были Цвингли в Южной Германии и Швейцарии (1481—1531), Кальвин (1509—1564), бежавший из Франции и обосновавшийся в Женеве, и... король Генрих VIII в Англии (правил в 1509—1547 гг.)¹⁴.

Если Лютер отвергал поклонение богородице и святым, монашество и вообще все те элементы католической религии, на которые нет никаких указаний ни в Ветхом Завете, ни в Евангелии, то Кальвин выдвигал на первое место учение о предопределении: грешность и праведность каждого предопределена Богом от сотворения мира, и спасутся только те, кого он предопределил к спасению, а погибнут те, кого он предопределил на гибель. Но в надежде на то, что человек предопределен к спасению, он должен стремиться доказать это праведной жизнью. Кроме того, Кальвин отвергал всякую церковную иерархию. Учение Кальвина (с некоторыми уточнениями) приняли швейцарские и немецкие реформаты, французские гугеноты, английские и шотландские пресвитериане и пуритане.

Многие горожане Европы примкнули к протестантам и реформатам, но нельзя все же сказать, что реформация христианской церкви в Западной Европе была специфически

(буржуазным движением. Движущей силой была мыслящая часть клириков и грамотная часть городского населения и низового рыцарства. В условиях германских земель протестанство могло просто использоваться во внутренней политической борьбе. Напомним, что немецкие земли, а также часть Италии и территории нынешних Австрии, Венгрии, Чехии и Словакии были заняты сотнями мелких владений, светских и духовных, но все они признавали верховенство папы и императора Священной Римской империи¹⁵ (теоретически выбираемого курфюрстами, но начиная с XV в. всегда принадлежавшего к дому Габсбургов). Императоры должны были короноваться папой. Вместе с тем между папской властью (утверждавшей право на светское землевладение духовных лиц) и императорской властью почти всегда наблюдалось противостояние и соперничество. Владетельные феодалы, стоявшие ниже короля, примыкали то к той, то к другой партии и, стремясь к наибольшей самостоятельности, нередко переходили в протестанство¹⁶.

Совершенно особый характер приняла реформация в Англии. Могущество епископата и богатство монастырей и тут вызывали дискомфорт у населения. Но инициатором реформации выступил король Генрих VIII. Он был озабочен тем, что его жена, Екатерина Арагонская, не рождает ему сыновей. Развод ему мог законно дать только папа, а папа развода не давал, хотя у Генриха уже имелась новая избранница — Анна Болейн, на которой он (при живой супруге) женился в 1533 г. Генрих решил объявить, что король Англии является — должен являться — и главой церкви в стране. Для проведения реформы он выбрал некоего Томаса Кромвеля¹⁷, юриста, человека из буржуазно-ремесленной среды. Первоначально не предполагалось никаких церковных нововведений, кроме признания верховенства короля вместо папы (1534 г.). Затем были отменены духовные суды, распущены сначала мелкие, а затем и все остальные монастыри (1535—1540); в 1538 г. был издан приказ о переводе во всех церквях богослужения с латинского на английский язык. В 1540 г., однако, Генрих разгневался на Томаса Кромвеля и отрубил ему голову, но сразу же раскаялся и вернул его сыну все конфискованное у него имущество. Anne Болейн он отрубил голову еще в 1536 г. (а в 1542 г. отрубил голову еще одной королеве). В такой неблагоприятной форме пришла в Англию реформация. Учреждение англиканской церкви не оградило страну от появления новых христианских учений, в частности пуританства, возобладавшего в 1590 г. в соседней Шотландии, а затем сыгравшего огромную роль в Англии.

Реформация в ее различных формах не была просто идео-

логией, альтернативной католицизму,— она предлагала целый ряд вариантных альтернатив: для пути «можно думать и иначе» открывались широкие просторы. Правда, почти все новые христианские учения тоже были нетерпимы к инакомыслию, но по большей части не до такой степени, как католицизм. Однако заметим, что реформация снимала дискомфорт не полностью. Несмотря на то что в ходе ее смогли выдвинуться многие выдающиеся деятели из городских сословий, она еще не сулила перехода власти в руки буржуазии, хотя и расширяла ее возможности.

Особенно стоит отметить характерное для большинства протестантских вероучений новое отношение к накоплению земных благ. Если для православия нищий (например, Василий Блаженный) был святым, а богатый — негодяем уже потому, что он богатый, если католичество, позволяя своим священнослужителям наживаться, все же признавало за бытовым аскетизмом ореол святости (огромную роль играли в нем нищенствующие ордены францисканцев и доминиканцев), то для большинства протестантских учений мирские блага — это был божий дар, который нужно хранить и приумножать. Такой социально-психологический поворот в дальнейшем очень способствовал созданию и укреплению европейского и североамериканского капитализма.

Заметим, что если протестантство явилось альтернативной идеологией для городской буржуазии, то для крестьян оно не являлось и не могло являться реакцией на дискомфорт. В Германии крестьянская война 1524—1526 гг. развертывалась не в рамках протестантского движения, а параллельно ему. Хотя в ней принял участие радикальный последователь Лютера Томас Мюнцер, его трудно назвать лидером восстания. Крестьяне были разбиты, их вожди казнены, и их материальное и социальное положение не улучшилось. Напротив, почти всюду было введено полное крепостное право.

Становление протестантства и сама многоликость протестантизма очень содействовали развитию не только религиозной, но и философской, а затем и естественнонаучной мысли. Здесь надо назвать в особенности философа Фрэнсиса Бэкона (Англия, 1561—1626), считавшего, что познание должно основываться на наблюдении и эксперименте, и великого писателя и мыслителя Монтеня (Франция, 1533—1592).

XVII век был началом развития, с одной стороны, философии (Декарт, 1596—1650; Спиноза, 1632—1677; Локк, 1622—1707), а с другой — уже и естественных наук, что имело в дальнейшем самое большое значение для истории человечества (Галилей, 1564—1642; Кеплер, 1576—1630; Гюйгенс, 1629—1695 и наиболее великий из всех них — Ньютон, 1642—1727)¹⁸.

Но тот же плюрализм мнений давал возможность развернуться католической контрреформации". Ее эпоха в мировой истории помнится главным образом как время разнуданных репрессий и судов инквизиции, в особенности (но не только) в Испании. Однако и контрреформация была не сплошь отрицательным явлением. Иезуиты вошли в историческую память как орден бесстыдных лицемеров, каждое высказывание которых могло быть ложным в силу применявшегося ими правила о «мысленной оговорке» (*reservatio mentalis*). Но «общество Иисуса» (т. е. иезуиты) вело большую просветительную работу — конечно, в строго католическом духе — как в Европе, так и во вновь открытых странах — от Китая до Парагвая. Контрреформация была временем расцвета стиля барокко в искусстве и архитектуре, которого придерживались такие большие художники, как Караваджо, Гвидо Рени, Бернини, семья Брейгелей и Рубенс. К контрреформации¹ относится и доминиканский монах, католический утопист и философ, друг Галилея, Кампанелла (1568—1639), которому, правда, пришлось испытать немалые преследования. Зато реформатором был гениальнейший и, может быть, самый человечный из художников — Рембрандт (1606—1669).

В конце XVI в. два великих писателя отметили угасание эпохи рыцарства: Мигель Сервантес Сааведра (1547—1616)—в трагикомической фигуре Дон-Кихота и Вильям Шекспир (1564—1616)—в комической фигуре Фальстафа и в трагических словах виттенбергского студента Гамлета: «Век вывихнут» (*The lime is out of joint*).

Этот век в Европе, как Западной (Англия, Франция, Португалия, с некоторой оговоркой Испания), так и Восточной (Польша, Россия) и Северной (Дания—Норвегия²⁰, Швеция), характеризуется сложением абсолютистских национальных государств.

Французское, наиболее типичное абсолютистское государство консолидировалось при преемниках Генриха IV, причем страной по большей части правили не столько короли (Людовик XIII, 1610—1643; Людовик XIV, 1643—1715; Людовик XV, 1715—практически 1723—1774), сколько их полномочные министры: Сюлли при Генрихе IV, кардинал Ришелье при Людовике XIII, кардинал Мазарини и Кольбер при Людовике XIV. Это были способные и энергичные государственные деятели, которые привели в некоторый порядок экономику страны. В частности, Кольбер, сам принадлежавший к буржуазии, провел разумную налоговую реформу, стремился развивать промышленность на принципах меркантилизма. Однако доходы государства в основном уходили на пышный королевский двор, королевских любовниц, на дворцовое строительство и т. п. Как буржуазия, так и крестьянство и тем более наемные рабочие чувствовали все усиливавшийся дискомфорт.

Центр Европы — от Северной Германии до Южной Италии — был раскрошен на мелкие, нередко воевавшие между собой (государственные

образования, подчинявшиеся Священной Римской империи отчасти на самом деле, отчасти теоретически. Власть в этих абсолютистских государствах принадлежала неограниченным или почти неограниченным монархам, представлявшим интересы землевладельческой знати. Лишь в Нидерландах²¹, в горной Швейцарии и (в форме правления выборных дождей) в Венеции имелись республиканские и полуреспубликанские власти.

Наиболее важными событиями в Западной Европе XVII в. были Тридцатилетняя война и английская революция.

«Тридцатилетней войной» называются военные действия, которые велись главным образом на территории современных Германии и Чехии между 1618 и 1648 гг. Однако в сущности правильнее говорить о более чем дюжине отдельных войн, протекавших между 1610 и 1660 гг. •

Войны эти были, безусловно, связаны с враждой между приверженцами лютеранства, кальвинизма и католицизма, но такое религиозное обоснование военных действий носило скорее пропагандистский характер, потому что в действительности отдельные протестантские государи могли блокироваться с католическими, лютеране почти всегда враждовали с кальвинистами, и поэтому то те, то другие блокировались с католиками, и т. п. Только властители Священной Римской империи непоколебимо придерживались католицизма.

Основной причиной войн было соперничество между императорами, стремившимися к полному подчинению местных государей и превращению империи в более унифицированное абсолютистское государство; курфюрстами, желавшими большей независимости и, напротив, зависимости императоров от них; мелкими государами, стремившимися к независимости и от курфюрстов, и от императоров; и торгово-ремесленными городами, отстаивавшими свои интересы, нередко далекие от интересов всех других участников войны.

Тридцатилетняя война охватила прежде всего земли, входившие на самом деле или лишь теоретически в Священную Римскую империю германской нации. Поскольку императоры принадлежали к роду Габсбургов, постольку события в Германии касались и испанских габсбургских владений. Но и посреди земель французского короля были отдельные владения либо испанских, либо австрийских Габсбургов. Война коснулась и Нидерландов, где уже с 1568 г. шла антигабсбургская освободительная борьба, и Дании, король которой, будучи одновременно и герцогом Голштинским, был тем самым вассалом германского императора. Бранденбургские курфюрсты из рода Гогенцоллернов были вассалами Габсбургов по своим владениям в Силезии и польских королей—по Пруссии (в нее тогда входила только Восточная Пруссия). Наконец, Швеция, чувствуя себя при Густаве II Адольфе достаточно сильной, намеревалась установить свое господство над всеми побережьями Балтийского моря, в том числе и над германским. В результате французский министр кардинал Ришелье, строго преследуя кальвинистов во Франции, блокировался с протестантскими государами в Германии, а когда он в 1636 г. объявил войну габсбургской Испании, его поддержали как католические Каталония и Португалия, так и реформатская Англия. Габсбурги стремились сохранить единый торговый путь от Испании до Нидерландов только по своим территориям, поскольку

на морских путях после неудачной испанской попытки завоевать Англию в 1588 г. и гибели «Великой Армады» господствовали англичане и мятежные Нидерланды.

Вся история Тридцатилетней войны состоит из отдельных частных войн менявшихся военных группировок. Участвовавшие в них армии были по большей части небольшими, и прямой вред, наносимый ими, не всегда был тяжелым (исключение составляет сожжение г. Магдебурга); например, важнейший город Лейпциг подвергался бомбардировке и штурму пять раз, что не мешало проведению ежегодной [1] лейпцигской ярмарки. Куда больше жертв вызвали сопровождавшие войну грабежи, насилия, голод и эпидемии. В отдельных областях численность населения сократилась на порядок. Некоторые полководцы, как, например, Валленштейн, опираясь на преданные им войска, сами превращались в независимых государей. В ходе войны исчезла Ганзейская лига, которая сохранялась в рамках Голландии и пришла в упадок еще в конце XVI в., после разорения Новгорода Иваном IV и Антверпена испанцами, а также из-за антиганзейской политики английской королевы Елизаветы I. Многие богатые банкирские дома, например Вельзеры, обанкротились.

Когда в ожесточенной войне участвует сразу более десятка разных государств с противоположными и часто меняющимися интересами, заключение мира представляет собой исключительную дипломатическую трудность. Тем не менее по Вестфальскому миру 1648 г. удалось добиться условий, так или иначе удовлетворивших почти всех.

При заключении Вестфальского мира был принят принцип: каждое государство придерживается религии своего государя по состоянию на 1624 г. (о подавлении лютеран и реформатов речи уже не было). Религиозным диссидентам разрешалось частное богослужение (кроме прямых габсбургских владений, где католицизм должен был господствовать безраздельно); провозглашалось равенство лютеран, кальвинистов и католиков перед законом. Северные Нидерланды (Соединенные провинции) были признаны суверенной федерацией, независимой от империи и возглавлявшейся stadthолдерами (штатгальтерами) из дома герцогов Оранских; Нидерланды заключили мир с Испанией. Франция добилась некоторых территориальных уступок и особых прав в Лотарингии и Эльзасе. Бранденбургу достались значительная часть Померании (балтийского Поморья) и ряд бывших католических епископств. Независимой от империи была объявлена и Швейцарская конфедерация. Другую часть Померании и еще ряд земель на балтийском побережье и в устьях рек Эльбы, Одера и Везера получила Швеция; кроме того, ей была уплачена большая денежная контрибуция. Был признан полный суверенитет всех германских государств, с единственной оговоркой, что он не должен быть использован **«против императора и империи»**.

В результате образовалось несколько компактных абсолютистских государств с тенденцией развития в националь-

ные государства (этой тенденции могло противостоять конфессиональное деление страны, не совпадавшее полностью с границами крупных абсолютистских государств). Однако Бранденбург (Пруссия) был четко лютеранским, Бавария — католической и т. п. Был учрежден общеимперский суд, в состав которого вошли 26 католиков и 24 протестанта.

В целом можно считать, что для большей части Германии и вообще Центральной Европы Тридцатилетняя война содействовала развитию в пользу абсолютизма. Крупные землевладельцы нажились на военных поставках, буржуазия некоторых городов (Гамбург, Нюрнберг) тоже усилилась, широко занимаясь кредитными операциями, а крестьянство разорялось, и в Пруссии (включая Бранденбург и Померанию), а также в Мекленбурге было установлено крепостничество в очень тяжелой форме.

Между тем война продолжалась и после 1648 г., а именно между Францией и Испанией в 1648—1689 гг.; в результате была выправлена франко-испанская государственная граница — более или менее в соответствии с границами национальными¹. Кроме того, в 1655—1661 гг. шла первая Северная война между Польшей, Австрией, Пруссией, Данией и Нидерландами против Швеции (отдельные государства вступали в войну и выходили из нее не одновременно). Соперничество этих государств осложнилось войной России сначала с Польшей, а потом со Швецией.

Перейдем теперь к Английской революции.

Ход ее будет недостаточно ясен, если мы не затронем подробнее уже упоминавшуюся проблему огораживания. В раннем средневековье каждая сельская община (деревня) имела общий выгон, которым пользовались как крестьяне, так и землевладельцы; запашка занимала лишь часть общинной земли и переносилась с места на место. Начиная с XIII в. возникло стремление землевладельцев и более состоятельных крестьян определить свою долю общинной земли и изъять ее из круговорота смены запашек. Права помещика (lord of the manor) были больше прав крестьян, и огороженный им участок значительно ограничивал общинный выпас. В конце концов запашки были оттеснены к краю, севооборот на них стал затруднен, урожайность крестьянских участков падала, в то время как на земле помещиков хозяйство спорилось. Часто огораживание использовалось для выпаса рунных овец, и важнейшим предметом международной торговли стала шерсть (а позже — сукно). Однако в других районах огораживание использовалось для улучшения севооборота на господских землях.

Огораживание части общинной земли в принципе требовало земельной или товарной компенсации крестьянам, однако помещики часто злоупотребляли своими возможностями, и дело шло к обнищанию крестьянства и бегству их с зем-

ли. В то же время помещичьи хозяйства могли рассчитывать на рынок. Этим объясняется тот факт, что в ходе Английской революции значительная часть помещиков (джентри), переходившая на товарное хозяйство, выступала солидарно с городскими владельцами мануфактур и богатыми ремесленниками против крупных помещиков и особенно против королевских и монастырских имений. Процессу огораживания государство пыталось препятствовать с помощью ограничительных законов еще с XIII в.; протесты против огораживания общинной земли для разведения овец звучали в XV в. и особенно в XVI в., в условиях возросшей дороговизны хлеба. Пытаясь остановить рост цен на хлеб, власти издавали соответствующие законы. Однако к концу XVII в. и крестьяне стали огораживать свои земли, огораживание стало нормой и лишь в некоторых частях страны воспринималось как бедствие.

Новый раунд огораживания происходил со второй половины XVIII в., но уже лишь с формального согласия большинства жителей и по парламентскому акту.

Необходимо также остановиться на деятельности английского парламента. Норманнские короли постепенно ввели обычай созыва совета знати (причем участники совета сначала назначались произвольно, и он лишь впоследствии образовал Палату лордов, в которой по праву заседали все представители титулованной знати и верхушка знати нетитулованной). Вплоть до XVI в. лорды были главными противниками королевского абсолютизма. Кроме этой Палаты и отчасти в противовес ей короли созывали представителей общин, особенно городских. Палата общин окончательно оформилась при Елизавете I и все более заявляла о себе при решении дел государства, хотя Елизавета настаивала на том, что, например, вопросы религии (со времени ее отца Генриха VIII — англиканской) и вопросы войны являются прерогативой монарха. Требование Палаты общин участвовать в управлении государством настойчиво звучало со времен Якова I (1603—1625), когда депутаты настаивали на своем праве вводить налоги и т. п. Происшедшая в конце XVI в. секуляризация церковных и монастырских земель усилила позиции нетитулованных землевладельцев (джентри).

Среди депутатов парламента увеличивалась численность пуритан — так сначала назывались те сторонники англиканской церкви, которые стояли за более полное ее очищение от пережитков католицизма и часто выступали против церковной иерархии. Среди пуритан группа пресвитериан вообще считала, что церковная власть должна принадлежать светским старейшинам (пресвитерам). К пуританам относили также кальвинистов, баптистов, квакеров и другие крайние

христианские секты, которые отчасти самоопределились лишь позже.

Король Карл I (с 1625 г.), сочувствуя католицизму, приглашался на англиканство с церковной иерархией и старался не поддаваться на требования о предоставлении парламенту налоговых полномочий.

С 1629 по 1640 г. он правил единолично (без парламента), что заставило его изыскивать денежные средства внепарламентским путем — через секвестрацию земель, принудительные займы. Было придумано звание баронета, который, подобно рыцарю, мог титуловаться «сэр» (а жена его была «леди»); баронетства должны были покупаться у короля. В Шотландии (находившейся в унии с Англией со времен короля Якова I — сына Марии Стюарт, казненной Елизаветой) король Карл I Стюарт пытался ввести англиканский молитвенник, между тем как там в то время уже определенно господствовало пресвитерианство. В 1638 г. было заключено общешотландское религиозное соглашение («ковенант»), а в 1639 г. шотландская церковь отменила епископат. Наконец, весной 1640 г. Карл решил созвать парламент (Короткий) для вотирования налогов, но сразу распустил его; однако в тот же год осенью пришлось снова созвать парламент (Долгий). Парламент поддержал шотландцев. Оказавшись в трудном положении, Карл пожертвовал парламенту своих министров, свое право собирать не утверждаемый парламентом налог — «корабельные деньги» и свою верховную судебную прерогативу. Однако парламент потребовал также изменений в структуре церкви, права назначать министров и чиновников и контролировать вооружение. В 1641 г. вспыхнуло восстание в Ирландии, но парламент не финансировал военной экспедиции, предпринятой Карлом.

В 1642 г. Карл после неудачной попытки арестовать парламентских лидеров собрал войска в центре Англии и начал вооруженные действия против парламента. Страна разделилась на «круглоголовых» (сторонников парламента) и «кавалеров» (сторонников Карла). Джентри разделились, флот выступил за парламент, и парламент же контролировал изготовление артиллерии. Карл имел лучшую кавалерию, которая вначале нередко решала битвы в его пользу. Хуже у него было с денежными средствами — приходилось делать займы у своих сторонников и за рубежом.

Во главе парламентской армии стояли генералы из знати — граф Эссекс, лорд Фэрфакс и др. С 1643 г. выдвигается Оливер Кромвель. Парламент заключил с шотландскими пуританами (кальвинистами) «Торжественный союз и ковенант», и в 1644 г. 20-тысячная шотландская армия вторглась в Англию. Карл заключил перемирие в Ирландии (где почти перманентно шла война) и перебросил оттуда войска против шотландцев, но новая конница Кромвеля («железнобокие»), парламентские войска и шотландцы разбили войска Карла на Марстон-Муре; королевские силы понесли огромные потери убитыми и особенно пленными.

В начале 1645 г. парламентская армия реорганизуется

(«новая образцовая армия»): издается «ордонанс самоограничения», устранявший большинство знатных командиров; Кромвель приобретает все большее влияние.

В Шотландии между тем произошло роялистское восстание; Карл упрямо продолжал отвергать требования парламентариев, но в битве при Нейзби понес поражение и отступил в Уэльс.

Затем Карл бежал к роялистам в Шотландию, но роялисты здесь не удержались, и шотландцы выдали Карла английскому парламенту. Тем временем настроение в парламентской армии сдвигается влево — появляются течения индепендентов, затем левеллеров, отрицавших саму англиканскую церковь даже в преобразенном виде, требовавших нового, однопалатного парламента.

Карлу I удалось бежать, но корабль его занесло на о-в Уайт, бывший в руках пуритан, и король снова стал пленником. Правда, и из плена он пытался диктовать свои условия (намереваясь сговориться с шотландцами на базе признания пуританства).

Утихшая было гражданская война вспыхнула вновь: часть бывших протестантов, недовольная парламентом, примкнула к роялистам. Фэрфакс и Кромвель нанесли противникам решительное поражение. Армия потребовала суда над Карлом, и в то же время она же очистила парламент не только от англикан, но и от пресвитериан. В январе 1649 г. король Карл I был приговорен к смерти и публично казнен. Несмотря на это, гражданская война продолжалась до 1651 г.

Хотя стороны редко прибегали к насилию над мирными жителями (кроме Ирландии), однако от гражданской войны страдали все слои населения. Пиратство мешало заморской торговле, налоги были тяжки, все стороны старались сводить старые счета. Именно тогда возникла типичная для англичан ненависть к постоянной армии и гарнизонам. Население требовало полной свободы вероисповедания, и это тоже вошло в английскую ментальность.

Уже в эти годы было заложено деление англиканской церкви на «высокую», представлявшую собой практически католицизм без почитания святых и латинского богослужения, и «низкую», сохраняющую больше черт протестантизма; однако организационно обе церкви представляют собой одно целое с общей иерархией и администрацией.

То, что происходило в Англии в 1642—1651 гг., привело к созданию не только «низкой» церкви, но и некоторых неконформистских вероисповеданий — квакеров, баптистов и др.

После того как Фэрфакс отказался вторгнуться в Шотландию и вмешаться в бушевавшую там гражданскую войну, фактическая власть в Англии перешла к Кромвелю.

Он обитал с конца 1651 г. в королевской резиденции, присваивая в свою пользу бывшее королевское имущество. Парламент был урезан до индепендентского «обрубка» (Rump parliament), но члены его были замечены в коррупции, и в апреле 1653 г. он был разогнан Кромвелем, создавшим вместо этого «назначенный парламент». В декабре 1653 г.

Кромвель был этим парламентом (перед тем как он самораспустился) назначен лордом-протектором. Ссылаясь на возможность роялистского мятежа, Кромвель вводит новую административную систему — 11 военных округов во главе с генерал-майорами. Шла речь о короновании Кромвеля и создании новой Палаты лордов из его сторонников, но армия возражала.

В мае 1657 г. Кромвель отказался от короны и принял предложенную ему парламентом новую конституцию, названную «Скромной петицией и советом». Затем, в 1658 г., парламент был распущен.

Кромвель заключил выгодные торговые соглашения с Нидерландами (после периода войны), Швецией, Данией и Португалией. В это время шла война Франции с Испанией, и Кромвель выступил на стороне Франции, поскольку там, в отличие от Испании, протестанты были все же защищены Нантским эдиктом. Английский флот захватил испанскую Ямайку в Карибском море, а Франция уступила Англии два порта на Ла-Манше.

Между прочим, Кромвель впервые ввел английский язык в судах «общего права» (со времен норманнского завоевания судопроизводство велось там на французском языке). Он установил «свободу» вероисповедания, но католическое и англиканское богослужение допускалось только в частных домах.

В 1658 г. Оливер Кромвель умер. Его сын Ричард Кромвель не сумел удержаться у власти. Прибывшие из Шотландии части генерала Монка заняли Лондон. Пресвитериане решили, что полной анархии можно избежать только путем восстановления королевской власти, и из изгнания был призван Карл II Стюарт, коронованный в 1661 г. Новый король даровал всеобщую амнистию и вел в целом успешную и рациональную политику. Его жена, португальская принцесса, принесла ему в приданое португальскую колонию в Индии — о-в Бомбей. Так был положен первый камень в основу британской империи в Индии.

С Карла II в Англии начался период, сопоставимый по своему характеру с периодом абсолютизма во Франции. В парламенте была представлена верхушка джентри, и он проявлял покладистость, нарушенную только тогда, когда встал вопрос о наследнике. У Карла было 14 детей, но ни одного законного, и наследником должен был стать его брат Яков, убежденный, тайный, а позже и явный католик. Это вызвало попытку католиков поднять голову, следствием чего явились жестокие репрессии; Яков должен был временно уехать за границу. Став королем, Яков II Стюарт (1685—1689) официально опирался на англикан «высокой» церкви, но пытался уравнивать в правах и католиков. Группа знатных англикан призвала на помощь stadtholdera пяти нидерландских провинций, герцога Вильгельма III Оранского, женатого на дочери Якова, Мэри. Яков бежал, и к власти были призваны Вильгельм и Мэри. Правили они с помощью парламента, но буржуазные отношения в Англии были еще слабо развиты, и парламент был в основном дворянским.

Подводя итоги Английской революции, ход которой изложен нами подробнее, чем многие события на других отрезках

истории, хотелось бы обратить внимание на то, что эта революция развивалась по модели, видимо, вообще типичной для социальных революций большого масштаба. Ее начинают менее радикальные группировки, которые постепенно уступают место все более радикальным (англиканцы, пресвитериане, индепенденты, левеллеры), и она заканчивается единоличной диктатурой.

Если в Англии в результате революционных лет 1642—1649 буржуазия не пришла к власти, хотя и не полностью была от нее отстранена, то тем более (несмотря на таких своих представителей, как Кольбер) не пришла она к власти во Франции, да и в других странах Западной Европы, кроме, пожалуй, независимых Нидерландов.

Насколько средневековые порядки были еще укоренены в Европе, показывает начавшаяся в 1701 г. война за испанское наследство, вызванная причинами чисто династического, средневекового порядка.

Испанский король Филипп III (1598—1621) выдал одну свою дочь за французского короля Людовика XIII, другую — за габсбургского императора Фердинанда III. Сыновья от этих браков, Людовик XIV и Леопольд I, тоже женились на испанских принцессах, дочерях Филиппа IV. Жена Людовика XIV заявила, что ее потомство не будет претендовать на испанский трон, но жена Леопольда I такого заявления не сделала. Дочь последнего вышла замуж за Максимилиана, курфюрста Баварского. Между тем испанский король Карлос II, брат первой жены Леопольда I (жена Людовика XIV была от другой матери), умер бездетным. Леопольд I убедил свою дочь — ту, что за курфюрстом, — передать право на испанское наследство ему и его детям от третьего брака, хотя та имела родного сына, у которого было больше прав претендовать на испанскую корону. В то же время Людовик XIV, несмотря на отказ его жены от испанского престола, претендовал на него для своего внука.

Читателю все ясно? Эти семейные разногласия привели к серьезнейшей европейской войне, длившейся с 1701 по 1713 г.

Я думаю, что мы можем опустить перипетии этой войны, в которую были втянуты еще и Нидерланды, Англия и некоторые итальянские государства, опустить подвиги полководцев — герцога Мальборо («Мальбрука») и принца Евгения Савойского, перейти к рассмотрению ее результатов для Европы в целом и показать, как они отразились в Утрехтском мире 1713 г. и в других сопутствующих соглашениях 1714 и 1715 гг.²³.

Франция отказалась от поддержки сторонников католической династии Стюартов в Англии, уступила ей значительную часть своих владений в Америке (в нынешней Канаде) и заключила с Англией торговый договор; сделала ряд уступок Соединенным Провинциям Нидерландов, с которыми тоже был заключен торговый договор; были также заключены мирные договоры с Пруссией, Савойей (на границе Франции и Италии) и Португалией. Испания признала исключительное право Англии на ввоз черных рабов в Америку и уступила ей права на Гибралтар, о-ва Менорку и Сан-Доминго;

еще один торговый договор был заключен между Испанией и Англией. Савойская династия получила о-в Сицилию. Был заключен мир также между Испанией и Нидерландами, Испанией и Португалией. Долше всех продолжал войну германский император, однако вскоре и он заключил мир со всеми воевавшими против него странами. Франция получила Эльзас, зато император — испанские владения в Италии, католическую часть Нидерландов и Сардинию. Испанским королем был официально признан Филипп V Бурбон, внук Людовика XIV, отрекшийся от личных и наследственных прав на французский престол.

Длительные военные действия, сотрясавшие Европу, сменились торговыми договорами к несомненной выгоде все более поднимавшей голову европейской буржуазии.

Ученые XVIII века — так называемого Века Просвещения — заложили основу тому развитию наук, которое являлось не только характерным, но во многом и определяющим для следующей, седьмой (буржуазной) фазы развития человечества. Наиболее важные сочинения этой поры, были написаны по-французски. Французский язык стал в то время общим языком образованной Европы.

Среди важнейших имен Века Просвещения надо назвать Монтескье (1689—1755), автора «Духа законов» (1748 г.), где впервые обоснована необходимость разделения властей (на законодательную, исполнительную и судебную). Это положение в дальнейшем определило всю государственную структуру цивилизованных обществ седьмой и восьмой фаз. Далее назовем Беккариа (1738—1794), автора книги «О преступлениях и наказаниях» (вышла на итальянском в 1764 г., переведена на 22 языка), где было доказано, что пытки и тайное следствие не приводят к выяснению истины, что наказания должны быть соизмеримы с преступлениями и что социальное предупреждение преступлений важнее наказаний; смертную казнь он полагал неподходящим средством для борьбы с преступлениями. Философ-материалист Дидро (1713—1784) и математик, механик, философ д'Аламбер (1717—1783) создали великую французскую «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», в которой участвовали многие блестящие умы Франции. Самым важным для общества энциклопедисты считали положительные знания и терпимость. Умственную деятельность они разделяли на память, разум и воображение, не оставляя места вере. Упомянем также Гольбаха (1723—1789), одного из главных авторов «Энциклопедии», убежденного материалиста и атеиста: для него причинные связи были механичны, человек — механизм, души не существует, бога нет, человек должен признавать необходимость и следовать природе. Далее упо-

•мием Вольтера (1694—1778), писателя, историка, остроумца и мыслителя, отважного борца против клерикальной реакции, инквизиции, крепостного права и таможенных барьеров, сторонника деизма, т. е. английского философского направления конца XVII — начала XVIII в., признававшего бытие Бога, но считавшего необходимым почитать его не ритуалом, а добродетелью. Вольтер состоял в переписке с Екатериной II и побывал при дворах Людовика XV и Фридриха II Прусского. И наконец, назовем Руссо²⁴ (1712—1778), писателя и мыслителя совсем иного рода, не столь скептического и более эмоционального, автора книги «Об общественном договоре», оказавшей огромное влияние на умы человечества; в ней он утверждал, что человек по природе добр, что не •существует первородного греха и что дурные поступки имеют причиной неразумную структуру общества.

Это были люди, происходившие из самых разных социальных слоев: Беккариа был маркизом, Монтескье и Гольбах •были баронами, Вольтер и д'Аламбер были незаконными детьми, признанными в дворянстве не сразу, Дидро и Руссо были мещанами. Они создали целые системы социально-психологических установок, альтернативных официальной (и общепринятой в народе), преимущественно католической идеологии.

Общество, читавшее «Энциклопедию», Вольтера и Руссо, было подготовлено не просто к смене социально-исторических фаз, но и к революционному перевороту. Его внезапный и насильственный характер во многом объясняется отсутствием во Франции XVII—XVIII вв. той психологической отдушины, которую в других европейских странах давали разные течения протестантизма. Во Франции гугеноты были подавлены при отмене Нантского эдикта в 1685 г. и в большинстве бежали из страны, оставшиеся были малочисленны, преследуемы и находились на периферии общества. Да и кальвинистская вера не открывала тех возможностей перед стремившейся к власти буржуазией, какую давали престижные во всей Европе учения энциклопедистов, Вольтера и Руссо.

В 1789 г. началась Великая Французская революция. Вместе с Американской революцией 1775 г. она открыла собой фазовый переход, приведший к смене шестой (постсредневековой) фазы исторического процесса. Эта эра в Западной Европе продолжалась с 1789 по 1848 г. Она не может рассматриваться как самостоятельная фаза в историческом процессе, а является лишь переходной от шестой фазы к седьмой.

Прежде чем рассматривать события переходной эры, вкратце остановимся на Северной Америке, постепенно приобретавшей все более значительную роль в мировой истории.

Колонизация Атлантического побережья Северной Америки началась с XVII в. В 1606 г. некие Лондонская и Плимутская компании получили: от английского короля Якова I хартию на заселение двух отрезков этого побережья. Первой колонией (1607 г.) была Виргиния, названная в честь покойной «девственной» (virgin) королевы Елизаветы I. В 1620 г. группа сектантов (отцы-пилигримы) основала колонию в Массачусетсе. Далее началось усиленное заселение Атлантического побережья, особенно теми, кто был недоволен религиозной политикой Карла I. За 20 лет в Америку переселилось 20 тыс. человек. Колонисты «Новой Англии» практически имели самоуправление, иногда совпадавшее с приходским церковным самоуправлением. Часть колоний образовала военный союз против индейцев, французов и голландцев: французы обосновались в будущей Канаде, а также в устье р. Миссисипи, голландцы — в «Новом Амстердаме» (с 1621 г.; в 1664 г. захвачен англичанами и переименован в «Новый Йорк» — Нью-Йорк — в честь наследника престола, герцога Йоркского, позже Якова II). Более всего процветала Пенсильвания, основанная квакерами. Колония Мэриленд была основана католиками, бежавшими из Англии от протестантских преследований.

К концу XVII в. каждая из североамериканских колоний Англии имела своих губернатора, совет и собрание. В северных колониях развивалось не только сельское хозяйство, но и торговля, и мануфактуры. В южных создавались товарные сельскохозяйственные имения (в основном хлопководческие) с применением рабского труда. Туда массами перевозились, в нечеловеческих условиях, негры, захваченные пиратами в Африке или проданные своими же местными вождями. Рабовладельческое производство в южных колониях не мешало их союзу с северными колониями, где развивались буржуазные отношения. Мы уже не раз говорили о том, что рабство возможно в любой фазе исторического процесса.

Англия строго регламентировала ввоз и вывоз из колоний. Она пыталась также ограничить там промышленное развитие. В колониях по большей части господствовала веротерпимость, несмотря на то что некоторые из них формально признавали у себя одно какое-либо вероисповедание как ведущее. Сюда хлынул поток всяческих религиозных диссидентов, включая гугенотов, пресвитериан, квакеров и даже евреев. Благоприятные идеологические условия способствовали просвещению — с 1636 по 1769 г. было основано семь колледжей и университетов. С французами приходилось воевать, так же как и с индейцами, оттеснявшимися все далее на запад в течение XVIII и первой половины XIX в.

Начиная с 1764 г. английское правительство начало утверждать в колониях свою власть, политическую и военную. Колонисты отвечали бойкотом английских товаров.

В марте 1770 г. произошел инцидент в Бостоне, когда погибло пятеро американцев — так называемая «Бостонская кровавая баня» (Boston massacre). В 1773 г. произошел «чайный бунт» в Бостоне (были выкинuty в море ящики с чаем, обложенным новым английским налогом).

В 1774 г. в Филадельфии собрался Континентальный •конгресс, который выразил английскому парламенту протест •против нарушения «прав человека». В апреле 1775 г. английские войска начали войну против колоний, но лишь в 1776 г. лидер колонистов Вашингтон поставил вопрос о полном отделении их от Англии. Второй Континентальный конгресс принял Декларацию независимости. Вот что говорилось в ее преамбуле:

«Мы считаем, что люди созданы равными, что творец наделил их известными неотчуждаемыми правами, в числе которых жизнь, свобода и стремление к счастью; что для обеспечения этих прав между людьми создаются правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых; что всякий раз, когда форма правления становится разрушительной для этих целей, правом народа является изменить или отменить ее и основать новое правительство... Однако благоразумие диктует, чтобы давно установленные правительства не менялись по причинам неважным и преходящим... Но если целый ряд злоупотреблений и узурпации, неизменно направленных на одну цель, выявляет намерение подчинить людей абсолютному деспотизму, то их право, их обязанность сбросить такое правительство и создать новые средства защиты для будущей безопасности».

Как известно, американские колонии добились независимости, и в 1789 г. была принята конституция Соединенных Штатов, обеспечивавшая разделение властей (по Монтескье), гарантию индивидуальных свобод и право конгресса отменять указы президента, противоречащие конституции. В 1791 г. к ней были приняты первые десять поправок (Amendments), сформулированных Джеймсом Мэдисоном и составляющих Билль о правах. В них провозглашаются: 1) свобода вероисповеданий, слова, печати, митингов и петиций; 2) право всех граждан носить оружие²⁵; 3) запрет военного постоя в мирное время без согласия владельца дома; 4) запрет обысков и арестов иначе как по ордеру, выданному на достаточных основаниях, подтвержденных присягой или торжественным заявлением; 5) введение «большого суда присяжных» (Grand Jury) для предварительного рассмотрения важных уголовных дел (кроме тех, которые возбуждены против лиц, находящихся на действительной военной службе); никто не должен быть дважды наказан за одно и то же преступление; никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя в уголовном деле; никто не должен быть наказан без законного судебного разбирательства; никакая частная собственность не должна отбираться для общественного пользования без справедливого вознаграждения; 6) право каждого обвиненного в уголовном пре-

ступлении на быстрый и открытый суд присяжных того штата и округа, где было совершено преступление; обвиняемый должен быть извещен о характере и мотивах обвинения и иметь возможность получить очную ставку с показывающими против него свидетелями; обвиняемый может требовать принудительного вызова своих свидетелей и пользоваться помощью адвоката для защиты; 7) право на суд присяжных при рассмотрении гражданских дел; 8) запрещение назначать слишком большие суммы при освобождении под залог, взыскивать чрезмерные штрафы, а также назначать мучительные наказания; 9) перечисление данных прав не означает, что не может быть и других прав; 10) полномочия, не предоставленные конституцией Соединенным Штатам и пользование которыми не возбранено отдельным штатам, остаются за штатами или за народом. Последующие дополнения к конституции устанавливали порядок выборов президента, отмену рабства, определение гражданства и представительства граждан в конгрессе и т. п.

Билль о правах после Второй мировой войны был положен в основу Устава Организации Объединенных Наций. Далеко не все граждане современных государств обладают всеми правами, предусмотренными Биллем, но он, несомненно, составляет идеологическую и социально-психологическую основу не столько обществ седьмой фазы, где такой уровень прав по большей части не был достигнут, сколько восьмой, постиндустриальной фазы во всем мире.

Что касается Соединенных Штатов Америки, то они после 1789—1791 гг. вступили на путь буржуазного развития, причем общество седьмой фазы здесь приняло окончательные формы после ликвидации рабства в южных штатах вслед за гражданской войной 1861—1865 гг.

Заметим, что все блага конституции и Билля о правах не распространялись на коренное индейское население, которое колонисты застали в первой и отчасти второй фазах развития. Соединенные Штаты находились почти в непрерывной войне с теми или иными индейскими племенами и воевали не только с мужчинами, но и с женщинами и детьми, пока остатки индейского населения не были расселены по резервациям, особенно (с 1830 г.) на бесплодных землях Индейской территории в Оклахоме. Здесь индейцы имели некое самоуправление, но со второй половины XIX в. Индейская территория была открыта для белых поселенцев, и ныне Оклахома имеет лишь около 5% индейского населения.

Вернемся теперь из США в их бывшую метрополию.

Основы капиталистического строя, возобладавшего в седьмой фазе, были заложены еще в пределах постсредневековой шестой фазы в ходе так называемого промышленного

переворота. Важно отметить, что не только произошёл переворот в общей технологии (лишь позднее — и технологии производства оружия), но с течением времени стал наблюдаться и социально-психологический переворот — смена прежней ментальности на новую.

В течение XVIII в. в основном в Англии, но отчасти и во Франции происходит целый ряд технических открытий и нововведений в производстве. Важнейшие из них — это механизация ткацкого станка («летающий челнок», 1739 г.), прядильного станка (1764—1769), изобретение пудлингования чугуна для совершенствования железоделательного производства (1764—1784), использование энергии воды (1769 г.) и изобретение паровой машины Джеймсом Уаттом (1769 г.). В течение XVIII и самого начала XIX в. технические знания превратились в важнейшую производительную силу, и это было главным содержанием и важнейшим результатом промышленного переворота. А он, в свою очередь, стал возможен потому, что возросли знания о природе — наука начала фактически воздействовать на природу и стала ведущей отраслью производства. Чрезвычайно важно отметить, что изобретатели, например Уатт, находили капиталистов, считавших возможным финансировать их эксперименты, когда они ещё не давали никаких прибылей. Это было результатом аккумуляции капиталов за последние два-три столетия.

Адам Смит в своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) дал научно-идеологическое обоснование капитализму. Он советовал уничтожить всякое бюрократическое управление народным хозяйством, предоставив место свободной игре сил саморегулирующегося рынка. Он не обманывался относительно моральных качеств капиталистов, но полагал, что в условиях конкуренции они не принесут обществу существенного вреда; именно в условиях конкуренции частная прибыль будет согласовываться с благом народа. В этом он несколько заблуждался.

Во Франции происходили процессы, аналогичные совершавшимся в Англии, но здесь промышленное развитие было затруднено абсолютистским государством. Хотя реформы Кольбера до известной степени помогали переходу страны в капиталистическую фазу, многое этому и мешало. Достаточно сказать, что до самой Французской революции существовали провинциальные таможенные барьеры.

При ганноверской династии в Англии (с 1714 г.)²⁶ королевская власть была ограничена парламентом, в котором, однако, были представлены не столько буржуазия, сколько дворяне, частью, правда, связанные с капиталистическими доходами.

Текстильная промышленность носила сельский и домашний характер, пока механизация не привела к ее переводу в города. Заметим, что речь идет не о городах, существовавших исстари, а о возникновении новых индустриальных центров. Новые города в ряде случаев не имели представительства в парламенте вовсе или же были в нем представлены слабо.

Важным фактором, толкавшим к переходу европейского общества на новые пути, являлся огромный по тем временам рост народонаселения, которое трудно было прокормить средневековыми методами.

Как мы видели выше, английская революция XVII в. еще не привела к власти буржуазию как класс, хотя, безусловно, очень усилила ее позиции в обществе. Первой подлинно буржуазной революцией явилась французская.

В 1787 г. король Франции Людовик XVI созвал в Версале сословное собрание — Генеральные штаты, которые не собирались с 1614 г. Целью короля было мобилизовать финансовые ресурсы для погашения очень возросшего государственного долга. Между тем образованное французское общество было взбудоражено радикальными успехами американской революции, и его представители, собравшиеся в Генеральных штатах, почувствовали себя силой, которая в состоянии добиться серьезных реформ. Сначала сословия собирались раздельно (300 депутатов от дворянства, 300 — от духовенства и 600 представителей третьего сословия, т. е. в основном городской буржуазии). Представители третьего сословия, собравшись отдельно, провозгласили Генеральные штаты Национальным собранием. К нему примкнули и некоторые передовые деятели других сословий (маркиз де Лафайет, аббат Сиейес и др.). Национальное собрание задумало образовать парламент-английского типа и не расходиться, пока не создаст конституцию. Этот акт был равносителен приходу французской буржуазии к власти и концу так называемого старого режима. Но одновременно началось народное восстание в Париже. 14 июля 1789 г. его символическим актом было взятие и разрушение парижской государственной тюрьмы Бастилии. В провинциях восставали крестьяне; Национальное собрание отменило крестьянские феодальные повинности и побор — десятину. Затем была принята Декларация прав человека и гражданина, провозглашавшая свободу, равенство, ненарушимость собственности и право защищаться от угнетения. В основу Декларации легли учения Руссо и английского философа Локка. О специальных правах рабочего класса речи не было, и рабы в колониях не были освобождены, но Декларация была сформулирована так, что ее можно было отнести не к одной лишь Франции, а ко всему

человечеству вообще. Людовик XVI отказался санкционировать решения Национального собрания, но народ двинулся на его резиденцию в Версале и привел короля в Париж, где он согласился одобрить эти решения.

Собрание превратилось в Учредительное (Конституанту) для выработки конституции. Вначале было объявлено равноправие при избрании на государственные должности и отменено церковное и монастырское землевладение (священники были переведены на жалованье), что привело к перераспределению земель вообще. Буржуазия и более зажиточное крестьянство скупали эти земли и перепродавали их. По мере ухудшения экономического положения спекуляция землей и хлебом содействовала обогащению этих слоев населения. Была полностью изменена исторически сложившаяся система административного деления, страна была разделена на департаменты, отменены таможенные барьеры, введена выборность судей. Была провозглашена монархия, ограниченная властью законодательного собрания, избираемого всеми гражданами, платящими налоги на имущество не ниже определенного уровня. Однако Людовик XVI не пошел на такое изменение государственного строя и пытался бежать, но был задержан и возвращен в Париж.

Французская революция пробудила большие симпатии и надежды в соседних странах, где наблюдались сходные настроения и события²⁷. Теперь там всюду создавались революционные клубы, а абсолютные монархи, испуганные ходом событий, стали вводить антиреволюционные законы. Множество французских дворян эмигрировало за границу. Австрия, Пруссия и Англия заняли явно враждебную позицию по отношению к революционной Франции, и в апреле 1792 г. Франция объявила Австрии и Пруссии войну. Она продолжалась, так или иначе, на всем протяжении революционных лет и позже, при Наполеоне. Вначале успех был на стороне союзников. Опасаясь измены, революционеры в августе 1792 г. арестовали короля.

В сентябре 1792 г., после победы французов при Вальми, начались заседания нового законодательного собрания — Конвента. Вначале в Конвенте господствовали жирондисты, стремившиеся не только создать во Франции буржуазную республику, но по возможности распространить ее идеи и за рубежом. Им противостояли якобинцы (или Гора) во главе с Робеспьером, который выступал за распространение революции не столько вширь, сколько вглубь, с передачей всех прав также малоимущим гражданам (санкюлотам). Якобинцы добились судебного процесса над королем и казни его в январе 1793 г. Жирондисты были изгнаны из Конвента и тоже подверглись казням.

Тем временем продовольственное положение в городах все ухудшалось. Якобинцы пытались ограничить цены, увеличили налоги на богатых, провозгласили социальную защиту бедных и немощных, объявили образование бесплатным и всеобщим, конфисковали имущество эмигрантов и казенных (предполагалась, но не была проведена раздача конфискованного имущества бедным). Эти меры вызвали сопротивление и восстания как в городах (Лион, Бордо), так и в деревне (Вандея, Нормандия, Прованс). Якобинцы ответили грандиозной волной террора. Разнузданную систему доносов, которые тотчас сопровождались казнями, ввел газетчик Марат (павший от руки террористки Шарлотты Корде). 17 тысяч человек были публично обезглавлены, что вызвало ужас и гнев сотен тысяч населения; еще больше народу было убито другими способами (например, утоплено на баржах) или умерло в тюрьмах. (Впоследствии большевики учтут ошибки якобинцев и станут расстреливать втайне.)

Одновременно шла ожесточенная борьба за власть внутри Конвента: более радикальные депутаты добивались ареста и казни своих недавних союзников и даже вождей санкюлотов. Между тем на фронте положение французских армий улучшилось.

Социальные и экономические ограничения и террор, введенные Робеспьером, а также нехватка продовольствия заставили неистребленную часть Конвента арестовать Робеспьера и казнить его (по революционному календарю — 9 термидора II года Республики = 27 июля 1794 г.). Крайние экономические меры Робеспьера были отменены. Усилились попытки реванша со стороны роялистов, но они были подавлены молодым генералом, корсиканцем Наполеоном Бонапартом. Конвент проголосовал за выработку новой конституции и самораспустился. К власти пришла Директория из пяти человек, был введен двухпалатный парламент — в обоих органах предполагалась ежегодная ротация членов. В действительности правление Директории прерывалось насильственными ее перестройками.

Наступление французских революционных войск продолжалось. В 1795 г. Голландия, Тоскана, Пруссия и Испания запросили мира. В результате итальянского похода Бонапарта в 1796 г. пошли на мир королевство Сардиния (уступившее Франции Пьемонт и Савойю на северо-западе Италии) и Австрия. На завоеванных территориях были созданы республики по типу французской: Батавская — в Голландии, Цизальпинская и Лигурийская — в Северной Италии. Директория продолжала внешнеполитическую линию жирондистов на распространение революции в Европу и потому отвечала на призывы местных «якобинцев». В 1798—1799 гг.

были завоеваны: Швейцария (ставшая Гельветической республикой), Рим и Неаполь (Римская и Парthenопейская республики). Англии Директория намеревалась грозить через ее владения в Индии, а чтобы до них добраться, снарядила французскую военную (и научную!) экспедицию во главе с Бонапартом на Мальту, в Египет и Палестину, но французский флот был разбит английским адмиралом Нельсоном у египетских берегов; Бонапарт, захвативший к тому времени Египет, с трудом вернулся во Францию.

Французская угроза привела к созданию новой коалиции держав в 1798—1799 гг. (Австрия, Россия, Турция, Англия); коалиция начала наступление широким фронтом на завоеванные Францией территории. В неудачах французы винили Директорию; Бонапарт, напротив, вызывал восторг своими победами. 18 брюмера VIII года = 9 ноября 1799 г. была установлена единоличная власть первого консула — генерала Наполеона Бонапарта (в 1804 г. он принял титул «императора французов»).

Заметим, что на должность первого консула, а затем пожизненного консула Бонапарт пришел в результате голосования — огромным большинством голосов: народ устал от санюлотов в любом их виде и желал сильной власти.

Наполеон был «человеком революции» — только революция могла вознести 30-летнего корсиканца на вершину власти в могущественном государстве. Но в суверенные права и волю народа, в парламентские дебаты он не верил. К религии отношение у него было как у Вольтера — он допускал существование Верховного Существа, но для народа считал полезной определенную религию. Он пошел на соглашение с папой и принял из его рук императорскую корону.

Немного ранее был создан давно готовившийся кодекс законов, ставший известным впоследствии как «Кодекс Наполеона». Он закрепил такие важнейшие завоевания революции, как свобода личности, свобода совести, свобода труда, светский характер государства, равенство всех перед законом, защита земельной собственности (вспомним, что значительная часть земель успела перейти в руки буржуазии и части крестьянства), большая свобода для нанимателей, но не создавал никаких особых гарантий для рабочего класса. Это был кодекс приходившей наконец к власти буржуазии — и именно его нес Наполеон в завоеванные им страны. Неудивительно, что завоевание им ряда европейских государств первое время воспринималось как освобождение и что в течение XIX в. основные положения Кодекса Наполеона были восприняты во многих странах Европы. При этом, однако, императорский титул предполагал создание императорского двора и имперской знати, а продолжение войн требовало

поддержания в стране жесткого порядка, что обеспечивали наполеоновские министры, в первую очередь начальник ведомства полиции Фуше и глава дипломатической службы Талейран.

Наполеон продолжал войны Французской революции. Правда, в момент принятия им императорского титула он находился в состоянии фактического мира с континентальными державами; были и другие успехи: прекращена денежная инфляция, подавлена роялистская оппозиция в стране, но непримиримым врагом оставалась Англия, и Наполеон готовил военную высадку на Британские острова. В свою очередь, Англия могла бороться против Франции только в союзе со странами континента. Франция не имела превосходства на море и потому заключила военный союз с Испанией, однако испано-французский флот в 1805 г. был уничтожен Нельсоном в битве при Трафальгаре недалеко от средиземноморских берегов Испании (сам Нельсон был убит). Французское вторжение в Англию было тем самым сорвано.

Англии удалось сколотить антинаполеоновскую коалицию в составе Австрии, России, Швеции и Неаполя (воскресшего как королевство во главе с династией Бурбонов). Наполеон быстро перебросил свои войска в центр Европы, нанеся сокрушительное поражение австрийской, а затем, при Аустерлице, и русской армии (в декабре 1805 г.), взял Вену. Австрия уступила Франции Венецию и восточное побережье Адриатического моря; ряд территорий был передан германским государствам, выступавшим в союзе с Наполеоном. Трон королевства Неаполь был передан брату Наполеона Жозефу. В 1806 г. в Германии была создана Рейнская конфедерация под протекторатом Наполеона. В результате сговора с российским императором Александром I в Тильзите (в Восточной Пруссии) был заключен договор о разделе сфер влияния. Из прусской части Польши было образовано герцогство Варшавское, вассальное по отношению к Наполеону; он получил и другие территориальные и политические уступки.

В 1807—1808 гг. было отменено крепостное право в Пруссии и Баварии.

Для борьбы с Англией Наполеон ввел континентальную блокаду: все европейские порты (включая русские) были закрыты для английской торговли. Наполеон рассчитывал создать в Англии кризис перепроизводства. Полному господству Франции в Европе мешала только продолжавшаяся война в Испании и Португалии. Португалия вступила в союз с Англией, а в Испании династия Бурбонов²⁸ была низложена Наполеоном, но он наткнулся здесь на мощное народное сопротивление, поддержанное английскими войсками.

Снова выступившая против Наполеона Австрия была сокрушена в битве при Ваграме, и в Вене был снова заключен мир. Наполеон женился на дочери австрийского императора, и в 1811 г. она родила ему наследника. К 1810 г. наполеоновская империя кроме Франции включала Бельгию, Голландию и часть Италии, а в ряде государств Германии, в Испании, Италии (в Неаполе, в Лукке) номинально правили братья и зятья Наполеона. Под его протекторатом были также Швейцария, Рейнский союз и великое герцогство Варшавское; Австрия²⁹ была связана с Наполеоном брачным союзом.

Интересно и характерно, что наполеоновские войска несли по Европе революционный гимн — «Марсельезу».

Между тем в среде мыслящей части населения Европы, воспринявшей идеи французской революции и ее социальные достижения, воплощенные в Кодексе Наполеона, начали развиваться идеи национального возрождения; были заложены психологические основы для создания капиталистических национальных государств по всей Европе, хотя подобные идеи нашли полное осуществление по большей части лишь значительно позже. Но испанские повстанцы уже в 1812 г. провозгласили конституцию, соединявшую идеи Французской революции с принципами британского государственного устройства.

Наполеон был недоволен тем, что Россия недостаточно строго соблюдала условия континентальной блокады (действительно очень для нее невыгодные), и летом 1812 г. его более чем полумиллионная армия перешла пограничную реку Неман. Дальнейшее хорошо известно нам из русской истории: отступление сначала Барклая де Толли, а затем Кутузова в глубь России по старой Смоленской дороге, Бородинская битва, отход Кутузова в сторону, занятие Москвы, ее пожар, спешное отступление французов при наступающей зиме, преследование их Кутузовым, рейды партизан, катастрофическая переправа через Березину, уход французов из России со всего лишь 10-тысячным боеспособным войском и продолжение войны на территории Западной Европы вплоть до вступления русских, австрийских и других союзных войск в Париж в 1814 г.

В России Наполеон сделал роковую политическую ошибку. Рассматривая Россию как азиатскую державу, неспособную на европейское развитие, он не предпринял никаких шагов, чтобы привлечь население на свою сторону, дав ему те свободы, которые он принес в Германию и Италию, — по меньшей мере отменив крепостное право.

В 1813 г. против Наполеона (сумевшего восстановить свои силы) воевали уже не только армии наемников и на-

сильственно рекрутируемых крестьян, но и национальные силы, сражавшиеся за свободу уже своих государств. В «битве народов» под Лейпцигом в июне 1813 г. наполеоновская «Великая армия» была разгромлена. Начался коллапс наполеоновских вооруженных сил повсюду, и к началу 1814 г. союзники уже вышли на французские границы. Они объявили, что воюют не против французского народа,, а только против Наполеона. Армия французов состояла из молодых призывников. Союзники проявили завидное единодушие и имели повсеместные успехи. В апреле 1814 г. Наполеон отрекся от престола. Ему был предоставлен в качестве «государства» островок Эльба между Францией и Италией,, а во Францию вернулся король Людовик XVIII из династии Бурбонов.

Как известно, после этого еще были «сто дней» в 1815 г., когда Наполеону удалось вновь захватить Францию, и битва при Ватерлоо в Бельгии, которую он проиграл английскому генералу Веллингтону и прусскому генералу Блюхеру, и потом ссылка на далекий остров Святой Елены в южной части Атлантического океана, где Наполеон и умер в 1821 г.

Общее число военных потерь одной только Франции составило около 1750 тыс. человек (в 1804—1814 гг.).

Власть в Европе теперь перешла к «Священному Союзу» в составе России, Австрии и Пруссии, а также к Англии (а позже и к Франции), решавшим судьбу континента на своих конгрессах 1818, 1820, 1821 и 1822 гг. Всякое стремление народов к независимости (даже от Турции) подавлялось «Священным Союзом», делалось все возможное, чтобы вернуть Европу в предыдущую фазу развития³⁰.

Снова приходиться к власти буржуазия начала — и теперь уже окончательно утверждая седьмую, капиталистическую фазу исторического процесса — лишь после парламентской реформы в Англии 1832 г., после революций 1830 и 1848 гг. во Франции, германских государствах, Австрии, Венгрии, отмены крепостного права в России в 1861 г., рабства в США в 1864 г.

Середина XIX в. была, таким образом, подлинным началом следующей, седьмой фазы.

До сих пор мы рассматривали шестую фазу (с ее переходом в седьмую) для Западной Европы и Америки. Обратимся теперь к Восточной Европе той же фазы.

Экономического и политического прогресса в Польше XVI—XVII вв., несмотря на ее великодержавную политику не произошло. Польша была втянута в типично средневековые войны — в борьбу с запорожскими казаками⁸¹, в соперничество Москвы с крымскими ханами и Габсбургов (в Священной Римской империи) с Бурбонами (во Франции), име-

ла королей — французов, венгров и шведов, что вовлекало страну в ненужные войны; все это мешало переходу к новой исторической фазе.

Хотя Андрусовский мир с Россией (1667 г.) оставил Польшу территориально все еще весьма большой державой, однако политически это государство было подточено постоянными конфликтами между королями и шляхетскими сеймами. В 1652 г. начало действовать право *liberum veto* (свободного вето), по которому один-единственный голос «против» проваливал любой законопроект. Шла ожесточенная борьба между знатнейшими родами, вместе владевшими чуть ли не половиной Польши, — Чарторыйскими и Потоцкими. Естественным результатом всего этого стало вмешательство держав в польские дела, а затем раздел Польши в 1772—1795 гг. между Россией, Австрией и Пруссией.

Постсредневековое общество в России все еще находилось в состоянии фазового перехода и при Петре I (1682—1725; правил самостоятельно с 1689 г.). При Петре у русских уже не существовало возникавших когда-то вольных городов, фактически отсутствовала и буржуазия, а мануфактуры были при нем подчинены государству. После первых поражений Петр разбил войска вторгшегося через Польшу шведского короля Карла XII под Полтавой, менее удачно воевал с турками, объединил существовавшие разнородные ранги землевладельцев (и рабовладельцев) — бояр, детей боярских, окольных, дворян и прочих — в единое сословие дворянства, обязав его нести военную и гражданскую службу (в это сословие было включено и «остзейское», т. е. немецкое, дворянство завоеванных областей Прибалтики — Лифляндии и Курляндии). Он навел порядок в бюрократической системе государственного управления (заменив ее другой, тоже бюрократической, но несколько более эффективной). Сохранил и упрочил крепостное право, превратив его по существу в рабство. Правда, собственность на крестьян до «жалованной грамоты» Екатерины II «О вольности дворянства» (1785 г.) еще была обусловлена государственной службой владельца крепостных (хотя от обязательной военной службы дворянство было освобождено при Петре III в 1762 г.). Екатерина распространила крепостное право на украинцев. При ней было завоевано Крымское ханство.

В свое время Петр I, хотя и действовал насильственно, иногда бесчеловечными методами, сумел все же сделать много для внедрения в России культурных и технических достижений Западной Европы и в этом отношении сдвинул Россию с мертвой точки. Послепетровская Россия не только не уступала в вооружении европейским государствам, но в нее открылся доступ для европейского альтернативного мышле-

ния. Екатерина II (1762—1796)³² преследовала вольномыслие среди своих подданных, а в 1773—1774 гг. подавила твердой рукой мощное крестьянское восстание Емельяна Пугачева³³, но в то же время она заигрывала с передовыми мыслителями Франции — Вольтером и энциклопедистами, и передовое дворянское общество все более выходило на уровень французского просвещения.

Весьма существенно, что в конце XVIII — начале XIX в. французский становится бытовым разговорным языком дворянства всей Европы, в том числе и русского, а французская литература и культура становятся также и русским достоянием. По-французски не только говорили, но и думали. Именно усвоение общеевропейской культуры (которому очень способствовала освободительная война против Наполеона, приведшая русскую армию во Францию) сделало возможным освободительное движение в России. Декабристы были дворянами по социальному происхождению, но европейцами по своей ментальности, вследствие чего могли выступать за реформы, которые объективно привели бы к установлению в России седьмой фазы исторического процесса, капиталистической. Декабристы — великолепный показатель того, что общественные движения не сводятся к отражению интересов той социальной группировки, к которой их деятели принадлежат по случайности своего рождения.

Общеевропейским явлением XIX в. был подъем культуры, что отразилось и в расцвете русского языка, русской литературы, а затем и науки. В то же время, конечно, этот расцвет можно и нужно рассматривать и как ответ на мучительные противоречия остальных социальных условий России — вернее, как их отрицание, как симптом создания альтернативной социальной психологии. Литература XIX в. вообще играла освободительную роль для людского сознания, но особенно это верно в отношении русской литературы.

К XIX в. мы уже находим в России большинство диагностических признаков шестой фазы: современное огнестрельное оружие, включая артиллерию, национальное абсолютистское государство, альтернативные идейно-психологические течения. Но буржуазия была до крайности слабо развита и стеснена сословным законодательством, а закрепощенное крестьянство находилось как бы еще в пятой фазе. Его освобождение было задачей, которую ставили сами условия фазового перехода: капитализму в России еще предстояло развиться.

Все огромное пространство к югу и востоку от России — Турция, Иран, Средняя Азия, Тибет, Монголия, Индия, Юго-Восточная Азия — к XV—XVIII вв. так и не вышло из пятой, средневековой фазы, и в этом разделе мы их историю

опустим. Зато шестой фазы достиг (и даже ранее Европы) Китай, хотя ряд обстоятельств помешал ему войти в следующую, седьмую фазу. И наконец, успешно достигла шестой, абсолютистской постсредневековой фазы почти не замеченная европейскими и американскими наблюдателями: Япония.

Мы перейдем теперь к развитию Китая от порога шестой фазы; его история в этот период представляет собой немало поучительного.

Танская империя начала распадаться на отдельные государства с конца IX в. Северный Китай был захвачен кочевниками-кидзянями монгольско-сяньбийского происхождения, а потом другими кочевниками — чжурчжэнями, видимо тунгусскими по языку. Однако в Южном и Центральном Китае культура не только сохранилась на высоком уровне, но и развивалась. Так, грамотность получила более широкое распространение благодаря тиражированию **книг в виде** ксилографов (печатание с досок), а затем и с помощью подвижного шрифта (XI в.). Большим тиражом распространялись все важнейшие буддистские, даосские и конфуцианские сочинения.

В 960 г. военачальник Чжао Куанинь основал в долине Янцзы новую династию, Сун. Империя Сун была со всех сторон окружена враждебными государствами: на севере правили чжурчжэни, на западе находились тангутские государства, на юге — Нань Чжао и Аннам. Однако Сунская империя в достаточной мере консолидировалась. Это было время мощного роста городов, расположенных вокруг водных торговых путей (так, в городе Ханчжоу было миллионное население). Хождение монет было широким, с XII в. начался выпуск бумажных денег (что, впрочем, кончилось инфляцией). В городах процветали купцы, ростовщики и ремесленники (между прочим, был изобретен фарфор). Купечество уже не отстранялось от государственной службы; власть государственного чиновничества распространялась вместе с ростом школ и общей грамотности, а верноподданнические качества чиновничества по идее должны были обеспечиваться строгой экзаменационной системой (на чин проходил один из ста претендентов), причем принимались серьезные меры против повсеместно распространенного «блата».

Возникало региональное разделение ремесленного труда, появились мануфактуры, где могло быть занято до сотни рабочих (в Европе такое явление наблюдается лишь с XVI—XVII вв.). За счет ирригации были освоены новые сельскохозяйственные земли, введены новые сорта риса. Отрезанная на суше от внешнего мира враждебными государствами, Сунская империя успешно развивала мореплавание.

Система образования не полностью лишала возможности выдвигаться и талантливым людям из народа. Появляются ученые, энциклопедически образованные, поэты, историки, прозаики и художники — и не только мужчины, «о в отдельных случаях и женщины (Ли Цинчжао, поэтесса и археолог). Возникали и частные академии.

Большую роль в идеологической жизни Китая играло учение Чжу Си, главного представителя неоконфуцианства (ИЗО—1200). Он выдвигал учение о двух мировых принципах: начале порядка (ли) и начале материальной силы (ци). Оба начала соединяются в «великом первоначале». Хотя Чжу Си ставил вопрос о необходимости расширения знаний и свободе исследования, однако эти его мысли не получили развития. Позднейший Китай знакомится с конфуцианством именно в форме неоконфуцианства, и конфуцианское «Четверокнижие», явившееся, между прочим, главным предметом экзаменов на чин, было известно в том виде, как его отредактировал и прокомментировал Чжу Си.

Китайское национальное самосознание формировалось несколько иными путями, чем в Европе. Оно в какой-то мере вытекало из раннего конфуцианства и определялось, с одной стороны, общностью бытовой и этической культуры, опиравшейся для всех китайцев (даже тех, кто формально были даосами и буддистами) на конфуцианские начала, а с другой — представлением об обязательном совпадении границ китайской культуры с границами Китайской империи, которая претендовала на единственность — все остальные государства и народы считались подданными Китая и варварами, либо платящими дань, либо своевольно не платящими. Так или иначе, в Сунский период китайское (ханьское) национальное сознание, безусловно, уже укоренилось.

Монгольское владычество в Китае (1280—1368) приняло совершенно особую форму. После первоначального разорительного завоевания монгольская династия Юань включилась в жизнь страны. Период Юань явился поэтому как бы задержавшимся продолжением династии Сун. Расширяется сеть каналов и дорог, на дорогах устраиваются почтовые станции, государство покровительствует торговле, в том числе морской зарубежной, создается морской флот, с помощью которого совершаются нападения на соседние страны — от Кореи до Бирмы и Явы.

Начинается расцвет китайского театра, продолжается развитие прозы, а также точных наук, в частности математики и астрономии. Однако период временного расцвета общества сменяется периодом денежной инфляции и мятежей.

В 1368 г. к власти приходит Чжу Юаньчжан, освободитель Китая от монголов и основатель новой династии, Мин

(1368—1644). Правитель он был жестокий, но ему удалось вернуть страну к процветанию. Он содействовал новому росту национального самосознания. Китайское мореплавание времени Минской династии по своему размаху напоминает эпоху Васко да Гамы и Колумба в Европе — китайские корабли посещают Южные моря, Цейлон, быть может Индийский океан. Торговля с другими странами, открытость внешнему миру способствуют развитию промышленности; опять появляются мануфактуры. Главным образом вследствие энергичной деятельности иезуита Маттео Риччи (в Китае с 1583 г.) христианство начало в некоторой степени проникать к китайцам; оно составляло здесь как бы недоношенный зародыш альтернативной идеологии³⁴. Европейские католические миссионеры в это время познакомили Китай с новыми сельскохозяйственными культурами американского происхождения — кукурузой, бататом, арахисом, табаком.

Еще при династии Сун китайцы умели смешивать селитру, серу и уголь для создания взрывчатой смеси, при династии Юань появились гранаты и были сделаны первые попытки создать огнестрельное оружие. В XV в. минские корабли были уже вооружены пушками, хотя армию еще не окончательно перевели на ружейно-артиллерийское вооружение.

В целом можно сказать, что при Сунской и особенно Минской династии Китай вышел на постсредневековый уровень технологии и культуры. Однако, чтобы постсредневековые развивалось, необходимы были перемены в социальной психологии и идеологии, а также образование независимого класса буржуазии. В Китае не сложились условия для создания идеологии, альтернативной этике неоконфуцианства (хотя параллельно конфуцианским верованиям существовали буддизм и даоизм и даже христианство). Но главной в средневековой китайской идеологии традиционно была этика, а она и в постсредневековой фазе оставалась конфуцианской. Это содействовало подавляющему господству неоконфуцианской государственно-бюрократической системы, которая давала Китаю значительное число людей грамотных, но не самостоятельно мыслящих.

Все внешние достижения династии Мин нейтрализовались тем, что положение основной массы населения — крестьян не только не улучшалось, но и ухудшалось. Усилилась практика сгона крестьян с земли для введения новых культур или других выгод землевладельцев. Крестьяне ответили в XVII в. мощным восстанием, которое возглавил Ли Цзычэн. Повстанцам, поддержанным горожанами, удалось захватить Пекин. Последний минский император покончил с собой. В этих условиях китайские знатные землевладельцы призвали на помощь маньчжур.

Любой бунт имеет тенденцию приводить к власти не самые просвещенные силы.

Маньчжурское завоевание (1644—1674) явилось несомненным фактором задержки развития в Китае. Предки маньчжуров, чжурчжэни, долго находились на уровне первобытных охотников; к середине II тысячелетия н. э. они, видимо, в своей глубинной массе не ушли далее образования чифдомов. Они даже сохраняли шаманистские экстатические обряды, столь далекие от необходимой этому времени альтернативной идеологии. В любом случае по экономическому развитию они стояли намного ниже китайцев.

Второй- император маньчжурской династии Цин — Канси (1661—1722) сравнивался с наиболее выдающимися государями фазы постсредневекового абсолютизма — Акбаром в Могольской Индии, Петром I в России и Людовиком XIV во Франции. Но бросаются в глаза и различия. Прежде всего, в отличие от монгольской династии Юань маньчжуры не сливались с китайцами, но всячески унижали их и подчеркивали их подчиненное положение: в знак этого всем китайцам приказано было выбривать часть головы и носить косу. Кроме того, играя на старой идее исключительности Китая, по отношению к которому все остальные государства — лишь его данники, маньчжуры герметически закрыли страну: не разрешались ни заморские плавания, ни проезд иностранцев (исключение делалось для иезуитской миссии; не случайно именно иезуиты очень содействовали идеализации «китайщины» — *chinoiserie* — в Европе).

Но не одно лишь маньчжурское завоевание привело к торможению развития Китая и к задержке его в шестой фазе. Причины застоя коренились в особенностях уже минского общества и даже в ходе исторического процесса в Китае вообще. Если в Западной Европе оказавшаяся в шестой фазе интеллигенция смыкалась с буржуазными предпринимателями и результаты ее мыслительной деятельности шли на пользу капиталистическому производству, то в Китае интеллигенция проявляла себя в области подготовки к прохождению государственных экзаменов и затем вливалась в состав бюрократии (или уходила в буддистские монастыри — заповедники культуры). Побудительной силой любого бюрократического общества является импульс «ничего не надо делать». Предпринимательство в Китае было лишено всякой идеологической или социально-психологической основы; нагнетались внешние, декоративные функции власти. Приход же к этой власти маньчжуров лишил китайское предпринимательство не только всякого импульса, но и практических возможностей развития общества далее шестой фазы, хотя бы путем расширения внешнеторговых связей.

В начальный период маньчжурской династии продолжает развиваться литература. Хотя её создатели оглядывались на старину, нельзя не отметить нескольких блестящих мыслителей. В нашей стране хорошо известны под названием «Лисьи чары» замечательные ироничные и фантастические новеллы Пу Сунлина (1640—1716). Замечательны сатирический роман «Неофициальная история конфуцианского чиновничества» У Цзинцзы (1701—1754) и роман Цао Сюэцина (1715—1763) «Сон в Красном тереме». Развивается и драма. Но в 1772—1781 гг. император Цянь Лун, вознамерившись затмить всех своих предшественников составлением свода письменных памятников, приказал собрать из частных библиотек тысячи томов литературных произведений. Была проведена «унификация» письменной литературы: многие ее памятники были уничтожены или подверглись редакции; некоторые ученые были казнены.

С таким багажом, в состоянии не полностью развитого постсредневекового абсолютизма Китай встретил XIX век.

Перейдем теперь к самой восточной цивилизации Евразии — Японии.

В Японии начиная с XIV в. быстро умножается число торгово-ремесленных корпораций (*дза*) — процесс, соответствовавший происходившим в Италии или Центральной Европе в это же или немногим более позднее время. Множатся города — к XVI в. число их перевалило за полторы сотни. Между тем в сельских местностях происходит вытеснение мелких и средних владетелей (*сёэн*), и возникают княжества, возглавляемые наследственными *даймё*, контролировавшими не только земли, но и города. Самураи из самостоятельных хозяев превращаются в служилых людей у *даймё*. Никому из японцев от этих изменений не делалось лучше, социально-психологический дискомфорт резко возростал.

В течение почти всего периода XV—XVI вв. в стране происходили крестьянские восстания.

В связи с развивающейся морской торговлей с Кореей и Китаем возникает спрос на металлы — золото, серебро и медь, горнорудная промышленность развивается во владениях *даймё*, что приводит не только к их обогащению и стремлению (довольно успешному) освободиться от верховенства сегунов, но и к скоплению на территориях *даймё* трудящегося — и недовольного — населения.

В 1542 г. в Японии появляются португальские, а в 1584 г. — испанские мореплаватели, которые организуют посредническую торговлю не только с Китаем, но и с отдельными областями Юго-Восточной Азии. Начинается деятельность католических миссионеров, на первых порах имевших немалый успех.

На недовольство народных масс господствующий класс отвечает мерами по созданию единого, сильного японского государства. При полководцах-правителях, особенно при Хидэёси Тоётоми (1536—1598) не только жестоко подавля-

лись крестьянские волнения, но и урезывались вольности городов. В 1588 г. издается указ о разоружении крестьянских отрядов, а в 1595 г. — о прикреплении крестьян к земле (почти одновременно с тем, что происходило в России).

После смерти Хидэеси власть переходит в руки полководца Иэясу Токугавы. В 1603 г. он был объявлен сегуном и стал основателем новой династии, Токугава. Столица из Киото была перенесена в Эдо (ныне — Токио). Иэясу удалось уничтожить княжества даймё и создать централизованное абсолютистское государство³⁵. Даймё из князей превратились в областных администраторов под контролем сёгунского правительства. Все население было разделено на четыре сословия: крестьян, ремесленников, торговцев и самураев, причем последние селились в городах и получали от даймё довольствие рисом. Тем самым с независимым рыцарством было покончено. К этому времени Япония уже обладала артиллерией, хотя и очень несовершенной.

Принимались серьезные идеологические меры для замены феодального сознания (чувства принадлежности каждого к своему княжеству и земельному наделу) сознанием национальным. Зрела дискредитация сёгуната и идеализация ритуальной, общенародной фигуры императора — тэнно.

Таким образом, к концу XVII в. в Японии наблюдались уже некоторые признаки шестой фазы: огнестрельное оружие, «национальное» абсолютистское государство, рождение буржуазии и наемных рабочих наряду со старыми сословиями. Произошел, таким образом, неполный переход в абсолютистскую постсредневековую фазу. Для полного перехода не хватало четкой альтернативной идеологии, но монополия официальной идеологии уже была частично подорвана христианским движением и проводившимися реформами учений конфуцианско-синтоистской этики: можно было уже постепенно «думать и иначе», хотя правительство пока ожесточенно сопротивлялось этому. Лишь переход в XIX в. в седьмую фазу окончательно снял противоречия ущербной шестой фазы.

Седьмая фаза

(капиталистическая)

Диагностические признаки седьмой фазы следующие: превращение естественных наук в производительную силу (изобретение паровой машины, железной дороги, парохода, затем двигателя внутреннего сгорания, электрического освещения, телеграфа, телефона и т. п.; внедрение науки в индустриальное производство и в сельское хозяйство); бурный рост вооружения в течение всего периода (усовершенствованное нарезное огнестрельное оружие, бездымный порох, дальнобойная артиллерия, бронированные корабли, сначала паровые, затем дизельные; изобретение самолета и танка, химического оружия); противостояние буржуазии и наемных рабочих как основных классов; возникновение интеллигенции¹; тенденция (правда, еще слабая) к распаду крестьянства на те же классы предпринимателей и наемных рабочих; сохранение остатков прежних классов шестой и пятой фаз лишь на периферии общества; возросшее значение нерелигиозных идеологий, как оправдывающих и приемлющих существующий ход исторического прогресса (например, позитивизм), так уже и альтернативных (например, марксизм) — за счет ослабления традиционных религий, которые, однако, сохраняют свое официальное положение в государстве и в некоторой мере по-прежнему определяют черты национальных характеров; в государственном отношении — образование республик или очень ограниченных (конституционных) монархий; полный колониальный раздел регионов, не успевших достичь седьмой фазы, вооруженное соперничество обществ, ее достигших; создание колониальных империй и борьба за них; войны грандиозного масштаба с огромными разрушениями и людскими потерями.

Фаза капитализма впервые наступает в странах Западной Европы и в Северной Америке. Все остальные страны мира, кроме Японии, не успели дойти до седьмой фазы и в начале — середине XIX в. все еще находились в шестой, а то

и в пятой фазе. Это означало не абсолютную отсталость этих обществ, а лишь небольшое в общеисторическом масштабе запаздывание, обусловленное более или менее случайными или второстепенными причинами: например, отсутствием благоприятных природных условий, как в Африке, или торможением вследствие завоеваний кочевниками, либо более поздним созданием альтернативных идеологий (на Ближнем и Среднем Востоке, в Китае, отчасти и в дореформенной России).

Еще до промышленного переворота — перехода от ручного к промышленному труду (что знаменует начало превращения науки в производительную силу и является непременным условием победы капиталистического строя) — в наиболее развитых странах происходят революции, которые создают условия для скорого наступления новой фазы исторического процесса. Первой была революция в Англии (1642—1649), историю которой мы уже излагали и которая привела не к установлению власти капиталистов, а к господству англиканской церкви (т. е. слегка реформированного католичества, независимого от римского папы) и — ненадолго — к более крайним формам протестантизма, которые, впрочем, впоследствии вновь уступили ведущее место англиканству. (Лишь в Шотландии уже тогда утвердилась одна из реформированных христианских религий — кальвинизм.)

Выше я отмечал, что уже Английская революция, так же как Французская после нее и особенно Октябрьская в XX в., демонстрирует характерную для всех социальных революций модель развития: резкая смена общеобязательной идеологии ведет к развязыванию побуждения к агрессии, проявляющейся в междоусобном истреблении, с переходом власти ко все более радикальным группам и группкам, что кончается личной диктатурой.

Значение английской революции состоит прежде всего в том, что она сделала возможным появление альтернативных идеологий и тем самым косвенно способствовала развитию естественных наук и философии.

Такая важная опора существовавшего строя, как монополия католической церковной организации с ее богатыми монастырями, обширными церковными и монастырскими землями и абсолютной властью церковной иерархии, была сломлена еще до английской революции установившим свою абсолютную власть королем Генрихом VIII в первой половине XVI в. Окончательно английская буржуазия пришла к власти лишь в результате парламентской реформы 1832 г.

Своего рода революцией была и война за освобождение североамериканских колоний Англии и создание Соединенных Штатов (1775–1791). В США ведущую роль наряду с

буржуазией северных штатов сыграли и плантаторы южных штатов, которые вели рабовладельческое хозяйство. «Декларация независимости» (1776 г.) и «Билль о правах» (1791 г.) легли в основу конституции США; в этих документах было провозглашено — право всех людей на «жизнь, свободу и стремление к счастью», что и легло в основу лозунгов следующей, Французской революции (1789—1799).

Этапы Французской революции и наполеоновского периода излагались выше.

Из всех буржуазных переворотов именно Французская революция может считаться революцией в собственном смысле слова — единовременным социальным взрывом, сразу уничтожившим традиционные ценности и провозгласившим новые. Столь резко революционный характер переворота 1789 г. я склонен объяснять тем, что в других странах римско-католическое единомыслие было уже ранее подорвано укрепившимися альтернативными учениями реформации, а здесь революцию делали те, кто еще в юности должен был заниматься схоластическими (однако иногда со смертельным исходом) спорами о свободе воли и благодати. Вследствие наполеоновских завоеваний (хотя и оказавшихся эфемерными) идеи Французской революции распространились по всей Европе, в том числе и там, где шестая фаза не получила полного развития и буржуазия была слаба. Это, между прочим, указывает на то, что революционные идеи были не специфически буржуазными, а выражали общий социально-психологический дискомфорт.

Это не означало еще окончательного наступления капиталистической фазы исторического процесса. Европе предстояло еще пережить период докапиталистической абсолютистской реакции — господства в Европе «Священного Союза» монархов России, Австрии² и Пруссии, к которой примыкали Франция (Бурбоны) и Великобритания, — и подавления всех попыток новых революций³. Лишь после парламентской реформы 1832 г. в Англии и половинчатой революции 1848 г. в Германии и Франции, после освободительной войны за объединение Италии на либеральных началах (окончилась победой в 1870 г.) и после реформ Александра II в России (1861—1864) капиталисты получают некоторую свободу рук и примерно к концу 1860-х годов приходят к власти в большей части Европы (но еще не в России, где власть стала переходить к буржуазии лишь после революции 1905 г., а затем Февральской революции 1917 г.). В США переломным моментом явилась война между северными штатами (уже капиталистическими) и южными, плантаторскими (1861—1865).

Совершенно независимо от Европы и Америки Япония

переходит к капиталистической фазе в результате «революции Мэйдзи» в 1868 г. Была свергнута власть сёгунов и возвращена власть тэнно (императору). Начавшаяся как традиционная борьба между знатными родами, революция быстро превратилась в движение за национальное единство и овладение западной технологией (в первую очередь оружием). В этом движении участвовали нарождавшаяся буржуазия, рядовые самураи и даже крестьяне, и постепенно оно приняло все признаки буржуазного переворота. Были ликвидированы феодальные княжества, введена частная собственность на землю и организовано высшее образование по европейскому образцу. Шли споры о возможности перехода к парламентской системе; первый парламент с довольно ограниченными правами собрался лишь в 1890 г.

Несмотря на сохранение традиционной идеологии, буддизм потерял официальный статус. Государственной религией был признан синтоизм. Первоначально это было не что иное, как обычные традиционные культы, характерные еще для третьей фазы. Но, существуя в дальнейшем параллельно конфуцианству и буддизму (а позднее и христианству), синтоизм выработал собственные религиозно-философские основы: наряду с культом старинного верховного божества — богини Солнца был введен и культ тэнно как воплощения высших небесных сил. То обстоятельство, что это божество поселилось именно в Японии, должно было обозначать превосходство японцев и японских ценностей над всем человечеством вообще.

Технология, заимствованная из Европы, хорошо прививалась и развивалась в Японии, которая к началу XX в. стала могущественной капиталистической державой с сильной армией и едва ли не лучшим в мире флотом. Перестройка японского общества осталась мало замеченной в Европе и особенно в России, где о нем судили по путевым запискам И. А. Гончарова «Фрегат Паллада», относившимся к концу 1850-х годов.

Таким образом, седьмая, капиталистическая фаза исторического процесса установилась в широкой полосе от Атлантического до Тихого океана в середине XIX в. Эта фаза, отличавшаяся огромным ускорением технологического прогресса и оптимистической верой в его неограниченные возможности, оказалась и самой кратковременной. Она была ознаменована тяжелейшими войнами со все большими людскими потерями и все более разрушительными последствиями.

Возникавший в эту эпоху дискомфорт уже не облекался в религиозно-этические одеяния. Капиталисты испытывали дискомфорт потому, что нуждались во все новых источниках сырья и рынках сбыта, а также из-за возмущавшей конку-

ренции с капитализмом других стран. Рабочий класс и при-
мыкавшая к нему часть крестьянства ощущали дискомфорт
от с трудом ограничиваемой капиталистической эксплуата-
ции, а все население — от возраставших потерь в капитали-
стических войнах. Как и в эпоху средневековья, периодов ми-
ра не было; разница состояла лишь в том, что тогда крово-
пролитие происходило у всех на глазах, а теперь было отне-
сено в отдаленные края света. В метрополиях создавался
слой населения, который войны никогда не видел и считал
ее злом; армия больше, чем раньше, отстояла от населения в
целом.

В то же время рост капиталистического производства в
немалой мере стимулировался вывозом товаров в колонии.
Мы уже видели, что голландские, испанские и португальские
колонии сложились как общества не позже шестой фазы, но
полный захват колоний — стран шестой, пятой и более ран-
них фаз — это характерная черта фазы седьмой, а отноше-
ния, складывавшиеся в это время между державами, сильно
зависели от стремления к переделу колоний каждой держа-
вой в свою пользу. Вот тут-то и было поле для проявления
социально-психологического импульса агрессии.

Как уже отмечалось, естественные науки в капиталисти-
ческой фазе стали производительной силой. Но и некоторые
гуманитарные науки пытались теперь влиять на историче-
ский процесс. Толчок общественно-экономическим измене-
ниям пытался дать марксизм, первоначально бывший одной
из теорий капиталистических производственных отношений.
«Капитал» Маркса был серьезной научной работой, но что
это «не догма, а руководство к действию» — заблуждение:
при всей глубине анализа и при всем том влиянии, которое
было им оказано не только на общественные процессы эпохи
капитализма, но и прямым образом на науку, это все-таки
было «сочинение на заданную тему». Дело в том, что Маркс
лишь с 1867 по 1880 г. писал «Капитал», который должен
был привести к выводу об обреченности капиталистиче-
ского строя и неизбежности перехода общества к коммуниз-
му. Но сам вывод о том, что по капиталистической Европе
«бродит призрак коммунизма» уже был заранее сделан
Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической пар-
тии» в 1849 г., т. е. задолго до начала научного труда Марк-
са (который и должен был доказать неизбежность победы
этого призрака). «Манифест» был выпущен даже до оконча-
тельного укоренения капиталистической фазы в Европе.

После этого общего введения к истории капиталистиче-
ской фазы перейдем к более подробному рассмотрению со-
бытий этой эпохи.

В Англии промышленный переворот в основном завер-

шился в 1800-е годы. Буржуазия еще не вполне овладела государственной властью до парламентской реформы, тем не менее жизнь в стране уже с начала века определялась капиталистическим производством с такими его характерными чертами, как безудержная и бесчеловечная эксплуатация наемного труда, периодические кризисы перепроизводства и т. п.

Происходят первые выступления рабочего класса: бунты так называемых луддитов в 1811—1813 гг., сопровождавшиеся разрушением машин (парламент ответил введением смертной казни за их разрушение); в 1819 г. волнения в Манчестере, подавленные войсками (так называемое Питерлоо). Буржуазия, однако, чувствовала себя политически ущемленной: хотя страна имела парламент с двумя партиями — вигами и тори, но обе партии в основном отражали интересы землевладельцев (виги — отчасти и интересы финансовой буржуазии)⁴.

Структура парламента (Палаты общин), исторически сложившаяся в XVI—XVII вв., совершенно не соответствовала реальным требованиям экономической и социальной жизни. Часть депутатов избиралась сельскими округами — графствами, но фактически землевладельцами из сельских местностей, причем малолюдное и отсталое графство Корнуолл имело вчетверо больше представителей, чем некоторые наиболее населенные и экономически развитые центральные графства. Часть депутатов выбиралась от городских округов (местечек — boroughs). При этом было шесть различных типов boroughs, которые различались между собой по условиям их представительства. Иные полностью потеряли свое население, но от них продолжали выставляться депутаты в парламент, другие местечки были столь ничтожны, что избиратели полностью зависели от местного помещика; в то же время выросшие в XVII—XVIII вв. крупные индустриальные города, такие, как Бирмингем или Манчестер, вообще не имели представителей в парламенте. Вопрос о его реформе остро стоял с 1780-х годов.

Наконец, виги внесли в парламент и в 1832 г. провели билль о реформе, который фактически означал переход власти в стране к буржуазии. Реформа, однако, удовлетворила население не полностью. Вскоре возникло движение рабочего класса — чартизм, которое выдвинуло в 1838 г. требование введения хартии избирательных прав, включавшей шесть пунктов: равные избирательные округа, всеобщее избирательное право, оплата депутатов парламента, отсутствие имущественных ограничений для избирателей и избираемых, тайное голосование и ежегодные заседания парламента. Чартизм с его всенародными петициями, манифестациями и уг*

розой забастовок не пережил 1848 г., однако в ходе истории все чартистские требования были в конце концов приняты.

Становление режима капиталистической экономики повсюду, и прежде всего именно в Англии, приводило к колониальной экспансии. Капиталу требовались новые рынки для производимых товаров, желательно с монополией на их продажу, расширение источников сырья и возможностей для капиталовложений. Технологическое превосходство Европы облегчило завоевание колоний в частях света, не достигших седьмой фазы.

Вся капиталистическая фаза являет картину прогрессирующего превращения отсталых частей Земного шара в колонии с более или менее бесправным населением, управляемым колонизаторами,— вплоть до полного раздела всех доступных территорий в начале XX в. Ясно, что в покоряемых странах назревал новый общественный дискомфорт, хотя он стал сказываться не в первых поколениях.

В некоторых случаях захваченные страны заселялись выходцами из метрополии. Американские колонии Англии, принадлежавшие к этому типу, отложились, создав Соединенные Штаты Америки; так же отложились от Испании и Португалии их колонии в Латинской Америке (но не в Африке). В дальнейшем Англия стала предвосхищать события, предоставляя колониям, заселенным англичанами, все возрастающую долю самостоятельности. В конце концов Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южная Африка стали независимыми государствами, входящими в Британское Содружество наций.

Особо важную роль для Англии играла Индия.

Ост-Индская компания была создана еще королевой Елизаветой I и имела целью доставлять в Англию перец и другие пряности (они имели в прежнее время исключительное значение из-за отсутствия холодильников для мяса). Первая фактория в Сурате была основана в 1613 г., за ней последовали и другие. Остров Бомбей, перешедший к Англии как часть приданого португальской принцессы, жены Карла I, был также передан Ост-Индской компании. Ее стараниями на нем вырос город. Возникали все новые английские фактории как на западном, так и на восточном побережье Индии; в 1690 г. англичанами была построена Калькутта.

В 1702 г. была создана новая Объединенная Ост-Индская компания; до 1858 г. она осуществляла суверенитет над все большей частью индийских территорий, включая Бенгалию, Бихар, Ориссу и другие области. Первоначально владения англичан находились формально в вассальной зависимости от династии Великих Моголов, но затем зависимость прекратилась.

Владения Ост-Индской компании продолжали расти и в XIX в. В 1828 г. на принадлежавшей ей территории было запрещено *саги* (самосожжение вдов по индуистскому обычаю), в 1843 г.— рабство, но в целом англичане считали нужным только поддерживать законный (по местным понятиям) порядок и взимать налоги, не вмешиваясь в социальные отношения.

Экспансия Англии в зоне Индийского океана привела к столкновению с Китаем. С 1799 г. китайское правительство запретило разведение опиумного мака и импорт опиума. Англичане сочли это нарушением права свободной торговли, и в 1839—1842 гг. между Англией и Китаем разгорелась «первая опиумная война». Китай и позже настаивал на запрещении опиума, но в результате «второй опиумной войны» 1858 г. был вынужден это запрещение отменить.

В 1857—1858 гг. происходило восстание индийских солдат Ост-Индской компании (сипаев). Оно было направлено прежде всего против тех (немногих, в общем) нововведений, которые индийцы рассматривали как европеизацию и нарушение индуистских ценностей. Непосредственной же причиной послужило использование нового ружья с патронами в «картузах», которые должны были надкусывать солдаты, когда заряжали ружье. Между тем патроны смазывались говяжьим или свиным жиром и тем самым были табу как для индусов, которые считают корову священным животным, так и для мусульман, которым запрещено употреблять свинину в пищу.

Началась долготрапная кровопролитная война, сопровождавшаяся зверствами с обеих сторон. В результате правление Ост-Индской компании было прекращено, последний Великий Могол смещен и сослан, и на месте империи Великих Моголов возникла британская Индийская империя с королевой Англии Викторией в качестве императрицы. Часть территории Индии была подчинена британской короне, но во многих крупных анклавах сохранилась власть местных раджей, руководимых британскими «советниками».

Англичане придерживались правила ничего не менять в местных обычаях, если эти обычаи не подрывают *радж* (господство) Англии. Так, в Дели, пока он был столицей Могольской империи, не возводились индуистские храмы. Это обыкновение сохранилось и тогда, когда Дели стал столицей британской Индийской империи. Каждый раджа сохранял свои доходы и почести, и англичане не вмешивались в сложную систему каст.

Хотя англичане всегда держались в колониях обособленно и высокомерно, нельзя сказать, что их власть как в Индии, так и в других колониях (например, в Африке — в Нигерии, Кении, Гане и др.) сводилась исключительно к угнетению местного населения и получению с него доходов. Уходя в середине XX в. из своих колоний, англичане оставляли сеть железных дорог, телеграф, почту, промышленные предприятия и инфраструктуру, которые государства средневековой и постсредневековой фазы самостоятельно создать ни в коем случае не могли. Большинство бывших колоний добровольно осталось в составе Британского Содружества наций.

Во Франции поворот к капитализму начался в результате июльской революции 1830 г. Был снова введен трехцветный флаг революции (вместо белого с бургонскими лилиями). Хотя движущей силой переворота были рабочие и мелкая буржуазия, однако ситуацией овладела финансовая буржуазия. Палата депутатов была несколько демократизирована, однако республика объявлена не была, а престол был пред-

ложен герцогу Орлеанскому Луи Филиппу, представителю младшей ветви Бурбонского дома. «Священный Союз» не прореагировал — из-за разногласий между державами, — и с этого времени можно сказать, что он прекратил существование.

Революция 1830 г. вызвала некоторые волнения и в других странах Европы. В 1830—1831 гг. восстала русская часть Польши, но восстание было подавлено; Польша лишилась своей конституции, дарованной ей Александром I в 1815 г., и началась политика усиленной русификации польских земель.

В России революция 1830 г. произвела большое впечатление на Николая I: его политика сильно сместилась вправо; работа по подготовке законов об ослаблении или отмене крепостного права была свернута.

Между тем во Франции снова назревали серьезные события. Большая часть буржуазии была недовольна результатами революции 1830 г.; в 40-е годы в стране были неурожаи, а в 1847 г. произошел кризис перепроизводства; пролетариат не получил в результате предыдущей революции ничего. В 1848 г. вспыхнула новая революция. Было создано на основе широкой коалиции временное республиканское правительство, введено всеобщее избирательное право для мужчин, рабочий день был сокращен до 10—11 часов, были увеличены налоги на земельных собственников (включая крестьян). Но образованное в результате выборов Учредительное собрание двинулось сильно вправо. Начались народные демонстрации, что вызвало репрессивные меры правительства, приведшие к восстанию пролетариата, которое было подавлено. Принятая Учредительным собранием конституция передала почти абсолютную власть президенту, которым при поддержке буржуазии и особенно крестьянства стал племянник Наполеона I Луи-Наполеон, объявивший себя в 1851 г. императором Наполеоном III.

Параллельно с этими событиями шла французская колониальная экспансия. Так, между 1830 и 1847 гг. был завоеван Алжир.

Революция 1848 г. вызвала во всей Европе гораздо более значительные отклики, чем революция 1830 г.

В Австрии революционные выступления вынудили уйти в отставку Меттерниха, бывшего с 1815 г. душой «Священного Союза». Правительство Австрии сначала провозгласило конституцию и куций избирательный закон, но затем было вынуждено созвать Учредительное собрание и издать новый закон, вводивший всеобщее избирательное право — для мужчин. Рабочее движение всячески сдерживалось, зато крестьяне получили отмену крепостного права.

Одновременно происходила демократическая революция

и в Венгрии, в которой важную роль играли крестьянство и национальные движения, особенно славянских народов. В начале 1849 г. австрийские власти ввели в Венгрию войска, с которыми сначала довольно хорошо справлялись образовавшиеся революционные части. Но венгерское дворянство под*держало Габсбургов, которые обратились к Николаю I с просьбой послать для подавления революции русские войска, и с их помощью революция была подавлена. Тем не менее позиции буржуазии, несомненно, укрепились и в этой стране.

Революция началась в 1848 г. и в Германии, но здесь революционные силы удалось повсеместно подавить за счет некоторых уступок либеральной буржуазии со стороны местных правителей. То же самое произошло и в Италии. Перед итальянцами стояла задача создания общенационального государства: страна была разделена на ряд отдельных владений, значительная ее часть принадлежала либо Австрии, либо Бурбонам. Вожди революции Гарибальди и Мадзини надеялись создать общеитальянскую демократическую республику. Но революционное движение было подавлено Австрией, Францией, Испанией и бурбонской династией Королевства обеих Сицилии (включавшего Неаполь). Однако в Пьемонте, на северо-западе страны, была создана конституционная монархия. На севере Италии начался промышленный переворот.

В Германии задержавшийся было промышленный переворот также поставил в порядок дня давно назревшее национальное объединение страны. Роль объединителя взяла на себя Пруссия, руководимая королем Вильгельмом I, но главным образом талантливейшим государственным деятелем Бисмарком. В результате войны с Данией 1864 г. и особенно молниеносной войны 1866 г. с Австрией Пруссия стала никем не оспариваемым лидером движения за германское объединение. Часть мелких германских государств была непосредственно присоединена к Пруссии. По конституции образованного в 1867 г. Северо-Германского союза к союзной компетенции относились военное дело, внешние сношения, монетная система, почта, железные дороги. Было создано союзное правительство во главе с канцлером Бисмарком, ответственным только перед президентом союза, которым являлся король Пруссии, он же главнокомандующий в военное время. Учреждался и союзный парламент — *рейхстаг*, имевший право вотировать бюджет; он избирался всеобщим голосованием мужчин, за исключением солдат и домашней прислуги.

Мелкие германские монархи сохранили почести и цивильные листы, но имели мало влияния на общегерманскую по-

литу, так что можно считать, что с этого времени начинается история капиталистической фазы в Германии.

Важное место в европейской политике с середины XIX в. занимал так называемый Восточный вопрос, т. е. вопрос о судьбах Османской (Турецкой) империи, которую раздирали внутренние противоречия и сепаратистские движения, в особенности в христианских балканских областях. Для Франции и Англии это был главным образом вопрос о военном и торговом господстве на Средиземном море, а для Австрии и России — о возможной территориальной экспансии. Австрия непосредственно прилегалa к Балканам, а Россия — этот «Третий Рим» — надеялась на возрождение православной и славянской Византийской империи на Балканах. Православными здесь были румыны, болгары, сербы, черногорцы, македонцы и греки; кроме того, важную часть населения Малой Азии составляли христиане-монофизиты — армяне⁵.

Но прежде всего Россия, давно теснившая турок, мечтала о захвате Черноморских проливов и о получении свободного выхода в Средиземное море.

В 1774 г. Россия обеспечила себе ряд крепостей на Черном море и подтвердила независимость Крымского ханства от Турции, а также получила право покровительства христианским подданным Турции; в 1783 г. она аннексировала Крым, в 1801—1810 гг. присоединила православную Грузию, в 1812 г. аннексировала Бессарабию и получила право гарантировать автономию Сербии (почти одновременно Персия уступила России права на земли к северу от р. Араке и Талышское ханство). В этих условиях Австрия опасалась создания мощного славянского (фактически русского) фактора на Балканах и в течение XIX в. стремилась поддерживать Турцию.

На Балканах же существовали не только антитурецкие, но и антигреческие настроения: в Валахии, Молдавии, Хорватии определенная группа греков, фанариоты (их так называли по греческому кварталу Фанар в Стамбуле), составляла часть турецкой администрации. Вот почему попытка грека-фанариота, князя Александра Ипсиланти, опираясь на Россию, организовать антитурецкое восстание на Балканах в 1821 г., не имела успеха. В том же году в Стамбуле был повешен православный патриарх. Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией.

В 1822 г. восстала Греция. Греки объявили о своей независимости, но державы пока предпочитали, чтобы Греция оставалась в вассальной зависимости от Турции.

В 1826 г. Николай I предъявил Турции ультиматум, потребовав признания автономии придунайских княжеств (Молдавии и Валахии) и Сербии. В 1827 г. турецко-египетский флот был разбит англо-французско-русским флотом при Наварине, а в следующем году русские, разбив персов в Закавказье, заняли Ереван и Нахичевань, завершив завоевание Закавказья. В 1828—1832 гг. была окончательно признана независимость Греции (достигнутая с помощью французских войск); русско-турецкая война 1828—1829 гг., успешная для русских, закончилась компромиссным Адрианопольским миром, так как Николай I полагал, что лучше слабая Османская империя, чем усиление Англии и Франции и даже Египта на Балканах.

В 1831 г. египетский паша Мухаммед Али, не получив ничего за свои протурецкие усилия в Греции, объявил султана еретиком и начал завоевание Палестины и Сирии. В данном случае Турция получила поддержку России; русские войска покинули дунайские княжества.

Яблоком раздора между державами был вопрос о Босфорском и Дарданелльском проливах: Николай I считал, что они должны либо быть открыты для России, либо закрыты для всех держав; Франция и Англия требовали их открытия для себя. Были и другие разногласия между державами, но существенным, видимо, было то, что Франция при Наполеоне III нуждалась в эффектных победах, а Англия боялась, что своими требованиями защиты православных интересов в Турции Россия ведет дело к установлению протектората над Османской империей. Все это привело в 1854—1856 гг. к войне Франции, Англии, Турции и итальянского государства Пьемонт—Сардиния^{5а} против России. Союзники решили, что необходимо лишить Россию господства на море, и потому осадили ее черноморскую военно-морскую базу Севастополь. После героической одиннадцатимесячной обороны он был взят.

По Парижскому миру 1856 г. Россия уступила Турции придунайскую часть Бессарабии, лишилась права охраны православных интересов в Турции (все христианские интересы были переданы под международную защиту), дунайским княжествам гарантировалась автономия; русский черноморский флот должен был быть уменьшен до минимума.

Но главный для России вывод из Крымской войны заключался в том, что обнаружилась негодность ее армейской структуры, основанной на насильственном наборе рекрутов сроком на 25 лет, и, что еще важнее, негодность ее социально-политического строя. Николай I умер еще в ходе Крымской кампании, а новый император — Александр II перешел к политике реформ, из которых важнейшими были отмена крепостного права, правда небезвозмездная, и введение суда присяжных⁶. Были созданы условия для буржуазного развития (хотя власть к буржуазии не перешла): отмена крепостного права содействовала появлению доступной рабочей силы; быстро строилась сеть железных дорог, развивалась промышленность. И, конечно, возникали неизбежные для этой фазы колониальные войны.

Для дальнейшей истории России очень существенное значение имело то обстоятельство, что ее колонии (и только ее) непосредственно примыкали к ее собственной территории — будь то Закавказье, присоединенное между 1801 и 1827 гг. (но вполне закрепленное за Россией лишь после поражения горцев в их освободительной войне с 1820 по 1859 г.)⁷, будь то Казахстан и Средняя Азия. Казахстан»

тогда называвшийся Киргизской степью, был покорен еще в правление Екатерины II, Александра I и Николая I, а так называемый Западный Туркестан, т. е. территория нынешних Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, был завоеван в 1865—1885 гг. Продвижение русских войск остановилось на Амударье, за которой на свое влияние уже претендовала Англия. В пределах Персии «зоны влияния» обеих держав были разграничены.

На территорию колоний шла иммиграция русского населения.

Сравнительный либерализм правления Александра II в России уже при нем сменился усилением реакции, во всяком случае в западных губерниях, т. е. на территории проживания поляков (не только в так называемом Королевстве — в русских источниках Царстве — Польском, но и в ряде частей Литвы, Украины и Белоруссии). Возникло новое польское освободительное движение.

Оно установило контакты с русскими демократами — Герценом и Огаревым, издававшими в Лондоне журнал «Колокол», и центральным комитетом подпольной организации «Земля и воля» в России. Польское восстание было направлено не против русских, а против царизма. В январе 1863 г. повстанцы атаковали царские гарнизоны в ряде мест Польши. Восставшие почти сразу создали временное правительство, издали манифест и обещали крестьянам землю, а помещикам — компенсацию за счет государства.

Вскоре, однако, к руководству восстанием пришли так называемые «белые». «Белые» отказались от проведения аграрных преобразований, не создали единого военного командования, не развивали связей с русскими революционерами, тщетно рассчитывая на зарубежную помощь. Польское повстанческое движение имело весьма ограниченный успех в части Белоруссии и на правобережной Украине, так как здесь поляки воспринимались крестьянским населением как помещики.

С мая 1863 г. генерал-губернатор Литвы и Белоруссии Муравьев («Вешатель») и наместник Королевства Польского Берг начали массовый террор против поляков, одновременно проводя земельную реформу в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине и не отменяя реформ польского временного правительства в Королевстве. К маю 1864 г. восстание было подавлено. Множество повстанцев было повешено или отправлено в Сибирь на каторгу, еще больше поляков выселили в отдаленные губернии России.

В дальнейшем поляки были «уравнены в правах» с русскими, но лишь на условиях принятия ими русского языка. Польский язык был исключен из школ и судов, закрыты были польские газеты, не разрешалось называть Царство Польское Королевством, начался процесс его административной русификации. В то же время снятие таможенных барьеров

между Польшей и Россией способствовало развитию промышленности в Польше.

Лучше было положение поляков в Австро-Венгрии. С 1815 г. Краков был республикой под опекой России, Австрии и Пруссии, а когда в 1846 г. он был включен в австро-венгерскую Галицию, поляки в парламенте блокировались с австрийцами, выступая против словацких и украинских депутатов, ориентировавшихся на Россию.

В США за время, истекшее со времени войны за независимость, капиталистический способ производства прочно укрепился в северных штатах. Так называемая «граница» — фронт американских поселенцев на западе территории США — непрерывно двигалась все далее на запад; индейцы оттеснялись и уничтожались. В 40-е годы произошло присоединение принадлежавшего Мексике Техаса, а затем, в результате войны с Мексикой, территорий, на которых были созданы штаты Нью-Мексико, Аризона, Колорадо, Юта, Невада и Калифорния. Открытие золота в Калифорнии вызвало в 1849 г. поток переселенцев туда. Еще раньше Англия уступила США свои права на Орегон — другую область на Тихоокеанском побережье.

В США не менее, если не более энергично, чем в Европе, шел промышленный и аграрный переворот: изобретение швейной машинки, электрического телеграфа, цельнометаллического плуга, механической жатки, постройка железных дорог, введение торговли в рассрочку и рекламы — все это вело к расцвету как капиталистической промышленности, так и капиталистического сельского хозяйства. США стали вывозить из новых штатов пшеницу.

Но этот технологический прогресс не затрагивал южные штаты с их патриархально-плантаторским хлопководческим хозяйством, основанным на рабском труде негров. Жизнь и нравы южных плантаторов напоминали нравы римских свободных граждан или нравы средневековых феодалов с их дуэлями и понятием личной чести. Южные штаты болезненно воспринимали появление новых штатов на Западе, опасаясь образования мощной антирабовладельческой коалиции в конгрессе и правительстве; большой убыток им приносило принимавшее массовый характер бегство негров в северные штаты, где они получали свободу. Противоречия между южными и северными штатами обусловили объявление в 1861 г. южными штатами своей независимости (в виде «Конфедерации штатов»), а это привело к гражданской войне, в которой победили северяне, и к полной отмене рабства в 1865 г. Незадолго до этого лидер северян, президент Линкольн, был убит террористом.

Победа северян явилась не безусловным благом. Хозяй-

ство южных штатов было разрушено, бывшие рабы оказались не приспособлены к свободному рынку труда, юг был наводнен северными оккупантами. Заметим, что лагеря военнопленных, учрежденные северянами, мало отличались от будущих гитлеровских. Понадобился значительный срок для реконструкции хозяйства Соединенных Штатов.

Развитие капиталистического производства в Европе и Америке сопровождалось обнищанием значительной части населения и безудержной эксплуатацией рабочего класса. 14-часовой рабочий день был обычным явлением, никаких механизмов социальной защиты не существовало, попытки рабочих образовать профессиональные союзы повсеместно пресекались. В этих условиях, конечно, неизбежен был рост революционного движения.

Социально-психологическую альтернативу капиталистической реальности создавали не только революционные движения, но и художественная литература, романтическая, а затем реалистическая. Именно европейская литература сказала важнейшие слова о человеке, о его достоинстве перед лицом исторических испытаний, показала добро и зло не в догматических полурелигиозных формах, а так, как они проявляются в повседневной жизни человека.

Изложение и анализ произведений писателей XIX в. не входит в наши задачи. Мы лишь перечислим тех, кто заслуживает быть упомянутыми, потому что имели значение для самого исторического процесса. Именно их творчество, а не религиозно-философские движения представлялись альтернативой идеологии капитализма: Гёте (1749—1832), Шиллер (1754—1805), Гофман (1776—1822), Гейне (1797—1856) в Германии; Стендаль (1783—1842), Бальзак (1799—1850), Гюго (1802—1885), Мериме (1803—1870), Флобер (1821—1870), Мопассан (1850—1893), Золя (1840—1902) во Франции; В. Скотт (1771—1832), Вордсворт (1770—1850), Кольридж (1772—1834), Шелли (1792—1822), Байрон (1788—1824), Диккенс (1812—1870), Теккерея (1811—1863) в Великобритании; Мицкевич (1798—1855) в Польше; Пушкин (1799—1837), Лермонтов (1814—1841), Гоголь (1809—1852), Тургенев (1818—1883), Достоевский (1821—1881), Л. Толстой (1828—1910), Чехов (1860—1904) в России; Г. Мелвилл (1819—1891), Марк Твен (1835—1910) в США.

Для формирования русского освободительного движения имели огромное значение работы публицистов — Герцена (1812—1870), Белинского (1811—1848) и Чернышевского (1828—1889).

Великие писатели XIX в. помогали понять своего современника: и то, что его мучило, и то, что составляло его дискомфорт, и то, что было его силой и величием.

Хотя пришедший к власти капиталистический класс стремился и впредь опираться на традиционные церковные организации, однако для оправдания капиталистических порядков в повседневной жизни и в умах требовалась уже не только нерассуждающая вера, но и жизненные факты и знание того, что на том уровне развития мысли принималось за бесспорно установленные, математически и физически подтвержденные научные истины. В возникших за эту эпоху научно-философских течениях доминировали позитивисты, которые уверовали в капиталистический прогресс, словно в Библию. Его они отождествляли с прогрессом вообще, т. е., как мыслилось ими, со стремлением к бесконечному всеобщему благу. Их философия служила оправданием того технологического и общественного движения, которое представлялось им прогрессивным.

Не следует, однако, принимать позитивистов за апологетов капитализма: часть из них верила, что капитализм — зло, но что он сам постепенно перерастет в лучшее общество.

Однако была и четкая альтернатива капиталистической идеологии — это было революционное движение.

Крайние, революционные по своему характеру группы начали складываться во Франции уже во времена революции 1789—1799 гг., в Англии — в начале XIX в., в Германии — в ходе революции 1848 г. Здесь можно проследить несколько тенденций: во-первых, утопическую (граф Сен-Симон⁸, 1760—1825; Фурье, 1772—1837; Оуэн, 1771—1858); во-вторых, заговорщическую с развитием в сторону терроризма (О. Бланки во Франции, 1805—1881, народовольцы в России, начиная с 1870-х годов); в-третьих, анархическую (Бакуни, 1814—1876) и, в-четвертых, искавшую научное понимание капитализма и методы избавления от него (Ф. Лассаль, 1825—1864; К. Маркс, 1818—1883; Ф. Энгельс, 1820—1895).

Все более интернационализирующаяся практика капиталистического производства побуждала к интернационализации сопротивления ему.

В 1864 г. в Лондоне организуется «Интернациональная рабочая ассоциация» (I Интернационал). Организован Интернационал был не Марксом, но Маркс возглавил его. Состав I Интернационала был очень пестрым: марксисты не были в нем в большинстве, он включал бланкистов¹, прудонистов⁹, лассальянцев, бакунинцев и просуществовал только до 1875 г. Зато организованный в 1889 г. II Интернационал, первоначально опиравшийся частью на лассальянцев, частью на анархистов, но более всего на марксистов, с середины 1890-х годов полностью перешел на марксистские позиции. В то же время в пределах II Интернационала наметилось как революционное крыло (отец и сын Либкнехты, Р. Люк-

сембург, Г. В. Плеханов), так и реформистское (Э. Бернштейн). Центристскую позицию занимал ученик Энгельса К. Каутский. История XX в. доказала в конце концов правоту реформистов.

Вне пределов Интернационала были английские движения — тред-юнионистов, которые вели поначалу не столько политическую, сколько экономическую борьбу за улучшение условий труда пролетариата, и интеллигентское движение Фабианского общества (С. и Б. Вебб, Бернард Шоу и др.). В 1900 г. тред-юнионисты и фабианцы создали лейбористскую партию, ставшую вскоре одним из определяющих политических факторов в жизни Великобритании.

Практически вне связи с Интернационалом (и вне связи с подавленным в 1825 г. движением декабристов, идеи которого развивались Герценом в английской эмиграции) первоначально находилось революционное движение в России. Оно начиналось с заговорщической деятельности, а затем с «хождения в народ» (переодетые крестьянами революционеры-народники пытались пропагандировать крестьянскую массу); когда же эта затея не оправдала себя, народники разделились на террористическую «Народную волю» и реформистский «Черный передел», в дальнейшем слившийся с марксистским движением.

Ряд террористических актов, совершенных народовольцами, завершился убийством Александра II в 1881 г., в тот самый день, когда на его стол был положен первый робкий проект российской конституции, подготовленный министром Лорие-Меликовым. Этот проект по совету влиятельного реакционера Победоносцева не был принят вступившим на престол Александром III, и тем самым введение подобия конституции в России отсрочилось до 1905 г., а введение подлинной конституции было сорвано уже в 1917 г. большевистским переворотом. Характерно, что бомбой, смертельно ранившей Александра II, был убит проходивший мимо мальчик. Такие мальчики регулярно погибали в ходе террористических и других насильственных революционных актов.

Казнь аристократки Софьи Перовской, интеллигента из крестьян Андрея Желябова и других организаторов этого убийства не удержала русских революционеров от дальнейшего постоянного применения террора; в XX в. он стал основным тактическим приемом партии, нацеленной на крестьянскую революцию в России, — социалистов-революционеров (эсеров). Напротив, марксисты — социал-демократы (пс крайней мере, их большевистское крыло) выступали против террора индивидуального, но за террор массовый с опорой на рабочий класс. Марксисты в России были нацелены на пролетарскую революцию и смену власти меньшинства

властью большинства. В этой позиции было внутреннее противоречие: большинство в России составляли крестьяне, которых социал-демократы рассматривали только как необходимых попутчиков, да и в среде крестьянства они стремились опираться на бедноту, т. е. на тех, кто вел наименее производительное хозяйство. Что же касается городского пролетариата, то он составлял лишь незначительную часть населения и сливался с анархическими деклассированными элементами.

Дальнейшую историю капитализма легче всего кратко изложить, если рассматривать главнейшие войны этой эпохи как ее вехи. Мы привыкли считать, что эти войны были обусловлены борьбой за рынки сбыта и источники сырья и соперничеством в этой борьбе. Конечно, борьба интересов национальных групп буржуазии играла важнейшую роль. Но поражает, какие тривиальные обстоятельства бывали непосредственными причинами войн XIX — начала XX в.

Главным зачинщиком войн в 1860—1870-х годах был французский император Наполеон III. Ему не давали покоя лавры его дяди, великого Наполеона, и он ошибочно считал, что главным достижением эпохи наполеоновских войн было приумножение славы французского оружия. Успех в Крымской войне 1854—1856 гг. вдохновил его, и он начал новую войну в Италии.

Здесь капиталистическое производство возобладаало только на северо-западе, в Пьемонте, входившем в состав Сардинского королевства вместе с Сардинией, Савойей и Лигурией. Номинально Сардинским королевством правил бездарный король Виктор-Эммануил II (женатый на австрийской принцессе), а фактически—энергичный и талантливый министр Кавур. Мысль Кавура заключалась в том, чтобы создать объединенную Италию, но не на республиканский лад, по Мадзини (пользовавшемуся заговорщической тактикой), а на лад консервативный, с умеренной парламентской монархией. Было ясно, что ядром такого государства может быть только Пьемонт. Здесь вместе с капитализмом рождалось и буржуазное национальное сознание. В быт стал входить литературный итальянский (тосканским) язык, вытеснивший из обихода местные диалекты и французский.

После того как Сардиния—Пьемонт участвовала в качестве союзника Франции в Крымской войне, Кавур предложил Наполеону III организовать войну против Австрии; он был намерен включить по меньшей мере Ломбардию, Тоскану и Венецию в итальянское государство. Наполеон III охотно откликнулся на предложение Кавура, так как желал пресечь австрийское влияние в мелких государствах Италии и тем самым ослабить Австрийскую империю. Союзники начали провоцировать Австрию и в конце концов побудили ее объявить Сардинскому королевству и Франции войну в 1859 г. Однако Наполеон III не хотел слишком большого усиления Пьемонта, готового завоевать Тоскану, Умбрию и папские земли, и заключил с австрийцами перемирие. Тем временем в Италии нарастало освободительное движение, организованное главным образом давним борцом за свободу Италии Гарибальди. Кавур добился от Наполеона III согласия на освобождение дальнейших территорий в Италии в обмен на пьемонтские территории Савойю и Ниццу, которые он уступил Франции. В 1860 г. было создано государство, включавшее Пьемонт, Ломбардию, Лигурию, Тоскану и Романью, а также Сардинию.

В том же году Гарибальди, другой заговорщик — Криспи и временно

присоединившийся к ним Мадзини со своими сторонниками совершили вторжение в Сицилию, а затем в Неаполитанское королевство. Бурбонский король Неаполя Франциск II бежал. В 1861 г. Кавур оккупировал папские земли, и его армия вступила на неаполитанскую территорию, включая Сицилию. Результат проведенного здесь плебисцита был неблагоприятен для Гарибальди, который, как и Мадзини, не поддержал процесса образования итальянского буржуазного государства. Между тем в 1866 г. Италия выступила в союзе с Пруссией в войне против Австрии и таким образом приобрела Венецию. Рим некоторое время сохранял независимость как папская территория, причем войска Наполеона III защитили его от попытки Гарибальди захватить город в 1867 г.

Но в 1870 г., в связи с начавшейся франко-прусской войной, Наполеон III убрал свой гарнизон из Рима. Папе была оставлена как его государство только территория Ватиканского и Латеранского дворцов, и в город Рим были переведены правительство и парламент объединенной Италии.

Итальянские события не принесли большой славы Наполеону III, и он предпринял новую большую авантюру. В 1863 г. он уговорил группу мексиканцев, изгнанных президентом Хуаресом, обратиться к брату австрийского императора Франца-Иосифа эрцгерцогу Максимилиану с просьбой принять звание императора Мексики. Максимилиану изобразили дело так, будто за него проголосовал мексиканский народ. Максимилиан, поддержанный французскими войсками, прибыл в Мехико, был там коронован и начал либеральные, но не поддерживаемые мексиканскими землевладельцами реформы. США сочли, что присутствие французских войск в Мексике нарушает доктрину Монро¹⁰. Наполеону пришлось отвести войска, Максимилиан был схвачен Хуаресом и расстрелян.

Следующую войну Франция вела с Пруссией. Да, конечно, Пруссия была заинтересована в индустрии пограничного (и говорившего на немецком диалекте) Эльзаса, а германская буржуазия все более конкурировала с французской на разных рынках. Но непосредственной причиной столкновения было не это. На самом деле это была очередная война за испанское наследство! В Испании королева Изабелла II была низложена в 1868 г., и испанское правительство стало искать среди царствующих домов Европы подходящего кандидата на престол. Вильгельм I, король Пруссии, предложил кандидатуру своего дальнего родственника, принца Леопольда Гогенцоллерн-Зигмарингена. Это вызвало гнев Наполеона III, тем более что после войны с Австрией Пруссия очень усилилась и нарушила тем самым «баланс сил». Вильгельм был готов уступить, но его министр Бисмарк так препарировал для печати полученную им от короля телеграмму, что Наполеон III воспринял ее текст как личное оскорбление и 14 июля 1870 г. объявил Пруссии войну, что и нужно было Бисмарку.

Пруссия и весь Северо-Германский союз (к которому присоединились Баден, Вюртемберг и Бавария) были хорошо подготовлены к войне, быстро отмобилизовали свои силы и к тому же обладали преимуществом в артиллерии. Французская армия в некоторых отношениях имела перевес, но в ее

тылах царя дезорганизация, и ее командование совершало тактические ошибки. 31 августа, через шесть недель после начала войны, французская армия была разбита, основная «группировка вместе с маршалом Мак-Магоном и самим Наполеоном III была окружена под Седаном и взята в плен. Французы под руководством Леона Гамбетты продолжали сопротивление главным образом силами призывников. Хотя немцы осадили Париж, но война затягивалась, дороги были забиты тысячами пленных, и немецкие войска нуждались в отдыхе и переформировании. 1 марта 1871 г. созданное в Бордо республиканское Национальное собрание подписало мир. Но 18 марта в Париже вспыхнуло восстание.

Восстание подняли революционные рабочие, измученные осадой, опасавшиеся реакционных мер со стороны Национального собрания в Бордо (и от нового правительства, обосновавшегося в Версале), а вместе с рабочими — национальные гвардейцы (ополченцы), которым правительство перестало платить. В среде восставших немало было иностранцев. Восставшие избрали Центральный комитет.

Были проведены выборы в Парижскую коммуну, в которых не участвовали умеренные. По всей стране началось учреждение коммун по парижскому образцу, но они были быстро подавлены. В составе Парижской коммуны оказалось 17 членов I Интернационала, 8 бланкистов, 8 членов Центрального комитета, организовавшего военное сопротивление, и 30 сторонников традиций революции 1789 г., по большей части студентов, служащих, журналистов и деклассированных.

Каких-либо решительных реформ Коммуна не успела провести, в ней боролись противоречивые течения, но ей удалось поставить под ружье 30 тыс. ополченцев. Глава французского правительства Тьер бросил на Париж армию в 130 тыс. человек, которую возглавил отпущенный немцами маршал Мак-Магон. Семь дней шли ожесточенные бои за Париж, и 21 мая 1871 г. последние вооруженные защитники Коммуны были расстреляны на кладбище Пер-Лашез, где теперь им воздвигнут памятник.

За время боев коммунары казнили около 60 заложников, в том числе архиепископа. В боях погибло более 20 тыс. человек; после подавления восстания было арестовано 38 тыс., из них многие были расстреляны, примерно⁴ половина осуждена на каторгу и в тюрьму. В Париже опустели некоторые рабочие кварталы — более 50 процентов маляров, сапожников, строительных рабочих, столяров исчезли из города.

Карл Маркс рассматривал Парижскую коммуну как первый образец грядущей во всем мире диктатуры пролетариата.

По мирному договору Франция уступила Германии Эльзас и большую часть Лотарингии. Находясь на оккупированной французской территории, немецкие военные не скрывали презрения к побежденным и заслужили во Франции стойкую ненависть, ощущавшуюся еще и через полстолетия.

Все германские государства после войны вошли в состав Германского союза, который был преобразован в империю, и Вильгельм I Прусский в январе 1871 г. был коронован как император в Версале — во дворце французских королей; Бисмарк стал его канцлером. С Россией новая империя поддерживала хорошие отношения, потому что Бисмарк ничего так не опасался, как войны на два фронта. Победа дала мощный толчок дальнейшему развитию капитализма в Германии.

Следующей крупной войной в Европе была русско-турецкая война 1877—1878 гг. Причиной ее был, как обычно, балканский вопрос. Османская империя стояла накануне распада; балканские народы добивались независимости и огидавались на Россию. В составе русской армии сражалось небольшое количество румын и болгар. На кавказском фронте русские войска заняли Каре и Ардаган с округами, где проживало в то время преимущественно армянское население. На балканском фронте вначале бои были малоуспешными отчасти из-за разногласий среди командования (обеими армиями командовали великие князья, а не опытные генералы), но в конце концов русские войска разгромили и взяли в плен значительную часть турецкой армии под Плевной и почти подошли к Стамбулу. Англия ввела свой флот в Дарданеллы, и Россия пошла на мир. Она удержала за собой приобретения в Закавказье. На Балканах вместо княжеств Молдавии и Валахии создалось большое королевство Румыния (без Бессарабии, оставшейся за Россией, и без Семиградья, или Трансильвании, имевшей румынское, венгерское и немецкое население и оставшейся за Венгрией). Но первая попытка создать на Балканах сильное болгарское государство не удалась: предварительный Сан-Стефанский мир с Турцией был опрокинут Берлинским конгрессом европейских держав, по решению которого от Болгарского княжества была отторгнута южная его часть, превращенная в автономную область Турции под названием Восточная Румелия, которой должен был управлять христианский губернатор. В Болгарии правителем стал немецкий князь Александр Баттенбергский, родственник Александра II, а в Румынии вместо румынского правителя Александра Кузы был посажен Карл, принц Гогенцоллерн-Зигмаринген (брат уже известного нам Леопольда).

Конец века был полон колониальных захватов и колони-

альных войн. Остановимся на англо-египетской, испано-американской, англо-бурской войнах и на событиях в Китае.

Египет в течение всего XIX века считался формально-принадлежащим Турции, но фактически его наместник правил страной как независимый государь. Значение Египта для Европы очень возросло после постройки французским инженером Лессепсом и его сотрудниками Суэцкого канала между Средиземным и Красным морями (1859—1869), чрезвычайно сократившего коммуникации между Европой и Южной и Восточной Азией. Как во всех странах, застрявших в пятой-шестой фазе исторического процесса, в Египте XIX в., с одной стороны, делались некоторые попытки усвоить европейские достижения в области техники (в том числе военной) и просвещения, с другой — развертывалось освободительное движение против европейских колонизаторов. Египетские правители не могла обходиться без европейских технических, финансовых и политических советников, что постепенно привело сначала к фактическому, а затем и к формальному протекторату Англии над Египтом. В 1882 г. в Египте произошло восстание Араби-паши, шедшее под националистическими, исламскими и освободительными лозунгами. Восстание было подавлено англичанами, которые с этих пор стали фактическими хозяевами Египта. Между тем создание Суэцкого канала привлекло к Египту заинтересованное внимание всех европейских держав и, конечно, Турции, продолжавшей считать себя сюзереном Египта.

Египетские правители начиная с Мухаммеда Али (1805—1849) распространили свою военную власть на территории вверх по Нилу (Судан) до границ Эфиопии и сахарских княжеств Дарфур и Кордофан. В 1884 г. в Судане вспыхнуло восстание во главе с неким самозванцем, выдававшим себя за Махди — мусульманского мессию, который по народным (не каноническим) мусульманским верованиям должен прийти в конце времен. Махди собрал большие силы и захватил столицу Судана — Хартум, оборонявшийся войсками во главе с английским генералом. Весь гарнизон и часть населения Хартума были вырезаны, но уже в следующем году Махди умер от тифа, и махдисты не смогли оказать достаточного сопротивления английским войскам.

В Судане был установлен англо-египетский кондоминиум, а фактически Судан, подобно самому Египту, стал зависимой от Англии территорией.

Испано-американская война началась с волнений местного населения на принадлежавшем Испании острове Куба в Карибском море. Американская общественность полагала, что жесточайшие репрессивные меры, принятые в 1898 г. испанскими военными властями, нарушают доктрину Монро и права человека; США послали к берегам Кубы броненосец «Мэйн», но он взорвался или был взорван в кубинском пор-

ту. Это и было, поводом к испано-американской войне. Американцы не только установили независимость Кубы от Испании (фактически под своим протекторатом), но, кроме того, захватили остров Пуэрто-Рико, находящийся вблизи южных берегов США", и высадили свои войска в порту г. Манилы на Филиппинских островах — азиатском владении Испании. Высадка американцев была согласована с лидером филиппинцев Агинальдо, который ранее вел борьбу против испанцев, а в тот момент находился в эмиграции, но обещал поддержку США в их войне с Испанией. После высадки американцев Агинальдо выступил за независимость островов, однако ни по своему вооружению, ни по своей организованности повстанцы не могли долго противостоять американцам. Дело осложнялось и тем, что Филиппины населены не одним народом, а многими, различающимися по языкам и уровню развития. Американцам понадобилось три года, чтобы подавить сопротивление филиппинцев и чтобы Агинальдо сдался. Одновременно с этим американцы низложили последнюю королеву Гавайских островов Лилиуокалани (1893 г.), и затем включили острова в состав США в качестве территории (1900 г.; с 1959 г. — штат)¹². В 1899 г. произошел раздел еще одной группы островов Тихого океана — Самоа — между Германией и США. Так Соединенные Штаты вошли в число колониальных держав.

В Южной Африке, недалеко от мыса Доброй Надежды, находится удобная гавань, закрытая бухта, с XVI в. служившая местом отдыха нидерландским и английским кораблям, плававшим из Европы в Индию.

Гавань эта была освоена голландской Ост-Индской компанией. В 1652 г. здесь была создана маленькая постоянная голландская колония. Территория Южной Африки к югу от р. Оранжевой была в то время населена редкими бродячими группами готтентотов и (глубже внутрь страны) бушменов, находившихся в первой фазе исторического развития. С ними колонисты вели меновую торговлю. Кроме того, в колонию было завезено некоторое количество черных рабов. В начале XVIII в. население Капштадтской (Кейптаунской) колонии составляло около 3 тыс. человек, из которых почти половину составляли рабы. Остальные, европейцы, именовались «бурами» (букв. «крестьянами:»). Позднее термин «буры» применялся сначала к голландскому населению вне укрепленного Капштадта, а лишь затем стал национальным обозначением. В конце века число буров (включая также небольшие группы французских гугенотов и т. п.) составляло уже 15 тыс.; они говорили на местной разновидности голландского языка — *африкаанс* (хотя голландский язык еще долго оставался официальным, и лишь в XX в. роль официального языка перешла к африкаанс). Число рабов к концу XVIII в. составило 17 тыс. Начала возникать особая категория населения — так называемые «цветные» и «гриква» — потомки от связей между колонистами и негритянскими рабынями, а также готтентотками. Местные жители постепенно вытеснялись и нередко истреблялись, многие вымирали от новых болезней, занесенных колонистами, другие были вынуждены работать на них.

С 1779 г. начинается серия войн с племенами банту, продвигавшимися с севера. Главную роль тогда и позже играли племенные группы нгунш (кбса, свази и зулу) и сото (собственно сото, или суто, и тсвана). Племена банту стояли на стадии ранних чифдомов.

В 1795 г. Капская колония в Южной Африке была захвачена британцами, номинально действовавшими от имени нидерландского принца (Оранского), бежавшего в Англию от республиканцев. После их ухода, в 1806 г., Капская колония была занята англичанами вторично, на этот раз уже прочно.

С конца XVIII — начала XIX в. часть буров, занимавшихся главным образом скотоводством, начинает переселяться (treken) в глубь страны; они получают название трекбуров.

Уже в начале XIX в. возникают конфликты со стрельбой между английскими властями и трекбурами, в том числе из-за обвинения буров в жестоком обращении со слугами-готтентотами и с «цветными». В 1835 г. 12 тыс. буров покинули колонию и вместе со скотом и цветными слугами-рабами потянулись в степи на север, за пределы власти англичан (так называемый «Великий трек»). По их словам, британцы поставили рабов «в равное положение с христианами, в противность законам божеским и естественному различию веры и расы, так что порядочному христианину стало невозможно склоняться под подобное иго; почему мы и удалились, чтобы таким образом сохранить в чистоте наши доктрины». Последующие десятилетия прошли в борьбе, то вооруженной, то политической, между англичанами, трекбурами, нгуни и сото. Последние две группы создали довольно мощественные военизированные царства. Трекбуры в 1852—1854 гг. основали две собственные республики — Оранжевую и Трансвааль. Более трех четвертей буров, однако, остались в британской Капской колонии, которая получила представительное управление, причем ограничение права голоса здесь было не расовое, а только экономическое, что, впрочем, особенно не меняло дела, так как цветные и черные, как правило, не попадали в число избирателей из-за экономического ценза. Делались попытки создать школы и для черных, но они долго не имели успеха. В бурских республиках право голоса имели только белые.

К концу XIX в. численность населения Капской колонии и соседней колонии Наталь достигла полумиллиона; в большинстве это были лица английского происхождения.

В течение почти всего XIX века британские власти Капской колонии и Наталь были вынуждены бороться с мощными военизированными чифдомами племени зулу (группы* нгуни) под главенством царей Шака, Дингаана и КечевайО на северо-востоке Наталь. Зулусы были окончательно покорены лишь в 1889 г.

Картина резко изменилась, когда в 1867 г. были обнаружены алмазы в долинах рек Оранжевой и Вааль и в 1870 г. большие залежи золота в Витватерсранде в Трансваале. Население в следующую четверть века увеличилось почти в четыре раза, строились железные дороги, города быстро росли. Добыча алмазов и золота скоро перешла в руки монопольных англо-бурских компаний.

На этом этапе большую роль в истории Южной Африки сыграл Сесиль Роде, видный английский миллионер и убежденный империалист. Политической идеей Родса было создание единой зоны британских владений от Средиземного моря до Капштадта, соединенных единой железной дорогой (мы еще не раз увидим, что строительству железных дорог в ту эпоху придавалось большое политическое значение). Осуществлению идеи Родса препятствовало наличие в Восточной Африке германских и португальских колоний (это нынешние Танзания и Мозамбик) и, конечно, бурских республик. Британия постаралась прочнее окружить последние. Для этого она поставила под свой протекторат, а затем и прямо под власть британской короны соседний Бечуаналенд (ныне — Ботсвана) и Родезию (ныне — Замбия и Зимбабве). Независимость бурских республик оказалась под угрозой в результате огромного наплыва «иностранцев» (*уйтландеров*, в основном англичан), которые были главным источником налоговых доходов республик. Президент Трансвааля Крюгер и парламент Трансвааля издали законы, практически лишавшие уйтландеров права голоса (были повышены возрастной ценз и ценз оседлости). Роде (в то время премьер-министр Капской колонии), тайно поддерживавшийся британским министром колоний Дж. Чемберленом (старшим), организовал в 1895 г. вооруженное нападение на Трансвааль. Английские власти, однако, отреклись от этого нападения. Конфликтная ситуация тем не менее нарастала. Англия потребовала контроля над внешней политикой Трансвааля, затем начала переброску войск в Южную Африку, и в 1899 г. буры и англичане почти одновременно предъявили друг другу ультиматумы. Разразилась англо-бурская война. Вначале буры имели успех, но англичане бросили в бой дополнительные войска (отчасти из Австралии, Новой Зеландии и Канады). К осени 1900 г. Трансвааль был завоеван, Крюгер бежал, но партизанская война велась до 1902 г.

Два фактора, впервые введенные англичанами (генералом Китченером) в англо-бурской войне, имели впоследствии большое значение в мировых войнах: это, во-первых, тактика выжженной земли, применявшаяся англичанами на этапе отступления, и, во-вторых, система концентрационных лагерей, где содержались женщины и дети партизан¹³.

Буры ожидали поддержки со стороны Германии — декларации императора Вильгельма II давали им такую надежду. Кроме того, нападение громадной Британской империи на маленькие бурские республики вызывало горячее сочувствие к ним во всем мире, в том числе и в России. То обстоятельство, что буры были фактически рабовладельцами, до общественного мнения не доходило.

Главным положением мирного договора было признание бурами суверенной власти Англии, в остальном условия были довольно благоприятными для них: не было ни суровых процессов, ни контрибуций; концлагеря были распущены. Англия даже ассигновала три миллиона фунтов стерлингов и предоставила благоприятные займы более чем на десять миллионов для восстановления страны. Трансвааль и Колония Оранжевой реки, так же как Капская колония и Наталь, получили самоуправление, во главе их встали бурские генералы. В 1910 г. все четыре колонии были объединены в Южно-Африканский Союз, причем как английский, так и голландский (с 1925 г. африкаанс) были признаны его государственными языками; по настоянию буров цветное и черное население не получило права голоса^м.

Перейдем теперь к событиям на Дальнем Востоке.

Китай при маньчжурской династии не только не развивался, но в чем-то и пошел назад по сравнению с минской эпохой. Плотное замыкание китайских границ было крайне вредно и потому, что отрезало китайское общество от всех технических и социальных достижений внешнего мира, и потому, что лишало китайских купцов возможности делать капиталовложения в другие страны, а это имело важнейшее значение для буржуазного развития в конце шестой и в течение седьмой фазы в Европе и Америке. Сам класс буржуазии не получил в Китае достаточно самостоятельного развития, а господствующее положение в обществе продолжала занимать чиновная бюрократия, выдвигавшаяся путем системы государственных экзаменов. Ее главной целью было добиваться, чтобы ничего не менялось. В технологическом отношении, в том числе и в области вооружений, Китай застрял на начальном этапе шестой фазы. Альтернативные идеологии не имели стимула к развитию.

В этих условиях Китай стал легкой добычей западных капиталистов. В 1839—1844 и 1856—1860 гг. западные державы военной СИЛОЙ навязывали китайцам выгодные для себя договоры, а китайцы упрямо не хотели признать европейцев равными себе. Отдельные куски китайской территории были заняты европейцами. В 1861—1864 гг. Китай был еще более ослаблен восстанием членов полудаосского-полухристианского тайного крестьянского общества — тайпинов. Они собрали огромное количество сторонников, самостоятельно сносились с западными державами, создали подобие собственного государства и объявили своего руководителя «младшим братом Иисуса Христа». При попытке захватить Пекин тайпшны были разбиты.

Весь этот период еще более ослабил страну. И как результат — представители то одного, то другого капиталистического государства стали получать концессии на постройку железных дорог, преимущественное право инспектирования китайских гаваней, заключали с Китаем неравноправные торговые договоры; продолжал ввозиться опиум.

Территория Китая была разделена на «сферы интересов» западных держав.

В 1894—1895 гг. произошла война между Китаем и Японией из-за притязания Китая на некоторое верховенство в Корее. Китайская якобы «модернизированная» армия была быстро разбита на самом деле модернизированной армией Японии, которая заняла Ляодунский полуостров и ряд портов, а также важные пункты по дороге на Пекин. По миру в Симоносеки Китай признал независимость Кореи и уступил Японии Ляодун, Пескадорские острова и Тайвань и должен был заплатить большую контрибуцию. Однако под давлением России, Франции и Германии Япония оставила Ляодун.

Китаю навязали так называемый «режим капитуляций», был выторгован ряд портов. Германии достались бухта Цзяочжоу с портом Циндао, Англия получила Вэйхайвэй, расширила свои захваты на полуострове Коулун и заняла остров Гонконг; Франция приобрела Гуанчжоу на Квантунском полуострове, Россия — Люйшунь (Порт-Артур) и Далинь (Дальний) на полуострове Ляодун. Все это формально — в аренду на 25—99 лет. Россия получила также право на постройку железной дороги через Маньчжурию, сокращавшую путь до Владивостока и Порт-Артура. В зоне железной дороги фактическая власть находилась в руках России.

В самом Китае — как и внутри почти любого государства пятой-шестой фазы, подвергавшегося воздействию иностранного капитала, — существовало два противоположных течения. Представители одного из них считали, что надо срочно перенять знания и технологию европейцев и соответственно провести необходимые социальные и политические реформы. Другие, напротив, видели в иностранцах только захватчиков, только варваров; для них выход заключался в изгнании иноземцев, прекращении всяких сношений с ними и в укреплении традиционных конфуцианских ценностей. Конечно, к первому течению относились группы буржуазные, а также интеллигентские, а вторая линия была свойственна, с одной стороны, верхушечным слоям маньчжурской и китайской бюрократии, а с другой — массе народа, видевшей в проникновении иностранного капитала только усиление угнетения, пролетаризацию и люмпенизацию. Во главе консервативной бюрократии стояла жестокая, беспринципная, властная вдовствующая императрица Цы Си, фактически правившая Китаем с 1861 по 1908 г. Часть своих противников-реформаторов она казнила, однако реформаторское движение продолжало развиваться.

В 1900 г. вспыхнуло народное восстание ихэтуаней (так называемых «боксеров»), частично крестьянское, но охватившее и деклассированные элементы, городские низы и т. п.

Ихэтуани категорически выступали за изгнание европейцев и вообще христиан из Китая. Свои намерения они подтверждали насильственными действиями и прямой резней. Англия, Франция и Россия ввели свои войска, которые временно занимали Пекин (и грабили его сокровища).

Большие всемирно-исторические последствия имела русско-японская война 1904—1905 гг.

Продвижение России на восток через Сибирь началось еще при Иване Грозном в XVI в., когда было покорено царство Сибирское, один из осколков Золотой Орды. В те времена значительная часть таежной зоны Сибири была занята племенами и народностями, находившимися в первой или второй фазе исторического развития¹⁵. Поэтому ход завоевания Восточной Сибири и Чукотского полуострова с общим направлением в сторону Тихого океана напоминал продвижение на Дальний Запад североамериканской «границы». В основном происходило проникновение групп казаков в глубь племенных территорий со взиманием «ясака» с местных жителей (главным образом высоко ценившихся мехов), затем следовало передвижение на восток русских переселенцев. В отличие от европейской части России, в ее сибирских владениях не существовало крепостного права, и даже ссыльные (как мой прапрадед) могли создавать в тайге заимку любого размера и достигать больших успехов в сельском хозяйстве.

В течение XIX в. происходило заселение русскими долины Амура, которая формально по российско-китайскому Нерчинскому договору 1689 г. считалась китайской, но Китай был неспособен оказать реальное противодействие русскому продвижению, возглавленному сибирским губе, штурмом Н. Н. Муравьевым (Амурским). По Айгунскому договору 1858 г. к России отошла большая часть Приамурья и край за р. Усури с великолепной естественной гаванью, где возник новый важный порт — Владивосток. Еще раньше, в 1853 г., русские заняли Северный Сахалин. Этот остров был заселен народностью первой фазы, айнами¹⁶, а на крайнем его юге были японские поселения. В 1861 г. Россия попыталась создать свою военную базу на острове Цусима между Кореей и Японией, но под давлением Англии вынуждена была оставить эту авантюру. В 1875 г. Россия заняла весь Сахалин, отступившись в пользу Японии от своих притязаний на Курильские острова. В 1896 г., как уже упоминалось, был заключен договор с Китаем о праве провести железную дорогу от Владивостока через Маньчжурию с веткой от Харбина до Мукдена и Дальнего на Ляодунском полуострове (см. выше). Полоса вдоль железной дороги должна была охраняться русскими войсками. 80 тыс. русских войск находились в Маньчжурии и Порт-Артуре, а в порту

последнего стояла и сильная эскадра (меньшая эскадра находилась во Владивостоке).

Поводом к русско-японской войне послужило приобретение близкими к российскому правительству дельцами лесных концессий на р. Ялу — на корейской территории, в которой была более чем заинтересована Япония. У Японии имелось более полумиллиона солдат (включая призывников), но Россия, конечно, могла постепенно перебросить на фронт вдвое больше. Поэтому для японцев было важно быстро выиграть войну на Дальнем Востоке. В ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. главный японский флот напал на Порт-Артур; японцы потопили несколько крупных кораблей и организовали плотную блокаду гавани. Одновременно было потоплено или захвачено несколько русских военных кораблей в портах Китая и Кореи. Затем началась сухопутная война на Маньчжурском фронте и на периферии осажденного Порт-Артура. Русское командование как на море, так и на суше оказалось малоэффективным (наиболее способный флотоводец, вице-адмирал Макаров, погиб, когда пытался прорвать блокаду: его флагманский корабль подорвался на mine у выхода из бухты Порт-Артура). На суше, несмотря на переброску ежемесячно по 30 тыс. солдат в Маньчжурию, русские войска потерпели поражения в боях под Ляояном и Мукденом.

Японские сухопутные силы были уже сильно измотаны, но остававшийся на Дальнем Востоке российский флот был неизмеримо слабее японского. По настоянию журналистов-патриотов российское правительство решило перебросить на Дальний Восток лучшие оставшиеся корабли Балтийского, а затем и Черноморского флота (октябрь 1904 г.). Движение этой «эскадры Рождественского» было очень медленным, так как периодически надо было по пути догружаться топливом и продовольствием, а английские колониальные порты были для русских военных закрыты, поскольку Англия объявила о своем нейтралитете, «дружественном» по отношению к Японии. Продвижение русского флота широко освещалось мировой печатью и не было тайной для японцев. По пути до эскадры дошло известие о неожиданной сдаче японцам Порт-Артура в январе 1905 г., поэтому ей пришлось двигаться уже на Владивосток — через Цусимский пролив, где господствовал японский флот адмирала Того. Он обладал превосходством и в скорости, и в дальноточности артиллерии, и в броневой силе снарядов. Почти весь русский флот погиб — выскочить из мясорубки удалось лишь нескольким быстроходным кораблям, ушедшим преимущественно в нейтральные порты. Ввиду нараставшего в стране недовольства царское правительство было вынуждено пойти на мир при посредничестве США. По Портсмутскому договору 1905 г. Россия уступила

Японии п-ов Ляодун, Южный Сахалин, отказалась от притязаний на Корею и вывела войска из Маньчжурии. Русские корабли, затопленные на рейде Порт-Артура и в корейских портах, в том числе знаменитый «Варяг», были подняты японцами и служили в японском флоте.

Позорное поражение в русско-японской войне и большие бесполезные потери дали в России толчок революционной ситуации. Было беспокойно уже в 1900—1904 гг. Дискомфорт испытывали крестьяне, которые несли наибольший урон в никак не объясненной для них войне, несли самое тяжелое податное бремя и испытывали недовольство помещиками (на тех приходилось при их малочисленности по крайней мере половина земли, они продолжали с 1864 г. собирать известные поборы с крестьян). Дискомфорт испытывала буржуазия, так и не получившая в стране полной власти, дискомфорт испытывала интеллигенция — прежде всего из-за цензуры на прессу и книги; дискомфорт испытывали рабочие из-за тяжелых условий труда и продолжительного (10—11 часов) рабочего дня; дискомфорт испытывали окраинные покоренные национальности — народы Прибалтики, поляки, а также украинцы и все народы Закавказья и Средней Азии. Всем слоям населения Российской империи война принесла горькое разочарование, потери и беду.

22 января¹⁷ 1905 г. к царскому дворцу в Петербурге подошла огромная (более чем сотысячная) демонстрация с плакатами, требовавшими различных свобод. Эта демонстрация была расстреляна солдатами¹⁸. В Петербурге начались стачки и кое-где возникли баррикады. По всей стране прокатилась волна забастовок, в которых участвовала чуть ли не половина пролетариата. Движение носило противосамодержавный и антивоенный, а на окраинах — и национальный характер.

Было ясно, что близится революция. В этой связи все оглядывались на Великую французскую революцию 1789 г. Однако интеллигенция и либеральная буржуазия боялись всякого подобия якобинской диктатуры и связанных с нею зверств, а марксистская социал-демократия, уже ставшая достаточно влиятельной в среде пролетариата, стояла именно за якобинскую по своему типу, но не «мелкобуржуазную», а пролетарскую диктатуру. В среде марксистов были расхождения относительно предполагаемой роли крестьянства, буржуазии, возможности или невозможности прямого перехода к диктатуре пролетариата.

Между тем стачечное движение расширялось и приобретало все более ярко выраженный политический характер. В мае—июле бастовали текстильщики Иваново-Вознесенска; они образовали Совет рабочих депутатов (потом эта форма

власти была воспринята для большевистской революции 1917 г.); произошли восстания в Польше, в Грузии, на флоте — в Черном море (броненосец «Потемкин») и в Балтийском море. Возвращавшиеся из Маньчжурии солдаты готовы были поддержать революционное движение. 6 августа 1905 г. царское правительство созвало «законосовещательную» Государственную думу, но революционное движение не ослабевало, стачки охватывали все новые фабрики и заводы, железные дороги. С октября началась всероссийская политическая забастовка.

Финляндия, присоединенная к России еще в ходе наполеоновских войн, но пользовавшаяся до конца XIX в. значительной автономией, потом отнятой у нее, требовала ее восстановления (и вскоре получила).

В конце октября царь Николай II издал манифест, учреждавший законодательную Государственную думу, которая несколько расширила состав избирателей. Последовала также амнистия политическим заключенным. Были прекращены взимаемые с крестьян по закону 1864 г. выкупные платежи, отменена цензура.

Оформились неревolutionные политические партии, из которых важнейшими, представленными в Думе, были конституционные демократы (кадеты) и октябристы. Революционные партии в Думу допущены не были, и они продолжали внепарламентские акции. Повсеместно создавались рабочие профессиональные союзы, явочным порядком был введен восьмичасовой рабочий день. Возбуждение возрастало. Социал-демократы (в том числе большевики) и социалисты-революционеры (эсеры) начали подготовку к восстанию. Для финансирования революционных партий происходили ограбления банков и отдельных лиц, так называемые экспроприации. Был сформирован Петербургский совет рабочих депутатов, руководимый социал-демократами и эсерами; он призвал народ не платить налоги, снимать вклады из сберегательных банков, требовать уплаты только золотом.

Правительство перешло в контрнаступление. Были направлены карательные отряды против восставших крестьян в России, Польше, Закавказье, начались аресты вожаков революции. В ответ на первые репрессии в декабре 1905 г. вспыхнуло восстание в Москве, а затем и в некоторых других городах. Эти восстания не имели успеха и вскоре были подавлены. К весне 1906 г. число казненных перевалило за 15 тыс.

Революция пошла на спад. Если в 1905 г. бастовало более 2 млн. рабочих (60% городского пролетариата, составлявшего немногим более 3% населения), то в 1906 г. — вдвое меньше, начались массовые увольнения, росла безработица.

В то же время революционное движение захватило военных моряков.

Собравшаяся в апреле 1906 г. I Государственная дума (с весьма урезанными правами) была распущена уже в июле. В стране были введены военно-полевые суды; премьер-министром был назначен Столыпин. В начале 1907 г. произошли выборы во II Думу, которая оказалась левее первой. Царское правительство распустило и ее.

В народе имя Столыпина связалось с разгоном II Думы и особенно с массовыми повешениями и непреклонной русификаторской политикой на окраинах. Общественное мнение, настроенное против Столыпина, не оценило всей важности его аграрной реформы. Она состояла в освобождении крестьян от выкупных платежей, от прикрепленности их к общине («миру», с коллективной ответственностью перед властями) и в поощрении фермерского хозяйства. Николай II не одобрял сельскохозяйственной политики Столыпина. В сентябре 1911 г. Столыпин был убит террористом при невыясненных обстоятельствах: то ли убийца был подослан эсеровской террористической организацией, то ли царской тайной полицией («охранкой»).

К 1910-м годам вся Евразия и вся Африка были практически поделены между великими державами. Это было достигнуто не только в результате войн, описанных нами; но в том масштабе, в котором мы рассматриваем всемирную историю, многие «малые» войны и другие массовые кровопролития и многочисленные страдания людей приходится опустить.

В Азии шесть докапиталистических государств сохраняли независимость: Китай¹⁹, Сиа́м (ныне — Таиланд), Непал, Афганистан, Персия и Неджд (в центре Аравии), в Африке — Эфиопия; Китай, из которого были вырваны куски Англией, Францией, Германией, Россией и Японией²⁰, находился в полуколониальном состоянии, будучи в значительной мере объектом иноземной капиталистической эксплуатации; Непал фактически был зависим от британской Индийской империи. Персия была разделена между Англией и Россией на негласные «зоны интересов».

Колониальными владениями Англии являлись острова Кипр и Мальта в Средиземном море, порт Аден у входа в Красное море (в зависимости от Англии были также некоторые арабские княжества, расположенные на побережьях и островах Индийского океана и Персидского залива), Индия, Цейлон (ныне — Шри-Ланка), Бирма, Малайя (с Сингапуром), Северное Борнео (ныне — Калимантан) и Бруней, множество островов в Тихом океане, в Африке — Британское Сомали, Кения, остров Занзибар, Уганда, Родезия, Бечуаналенд (ныне — Ботсвана), Нигерия, Золотой Берег (ныне — Гана), Сьерра-Леоне, Гамбия; Египет находился под английским протекторатом, а Судан — под совместным управлением (кондоминиум) Англии и Египта. Далее, Англия владела островом Св. Елены и в Америке — островами Тринидад, Тобаго, Ямайка, Багамскими и Бермудскими островами, Британской Гвианой (ныне — Гайана), Британским Гондурасом и др. Ряд бывших английских колоний, где число выходцев из Англии намного превышало численность сохранявшегося аборигенного населения, получил статус доминионов в составе Британского содружества наций с

правом самостоятельных международных отношений. Это были Канада, Ньюфаундленд, Южная Африка⁸⁾, Австралия и Новая Зеландия.

В колониальные владения Франции входили: в Азии — Французский Индокитай (ныне — Вьетнам, Лаос, Камбоджа), порт Пондишери в Индии, в Африке — Тунис, Алжир, Марокко (с сохранением формальной власти турецкого султана), Французская Западная Африка (ныне — Сенегал, Мали, Кот-д'Ивуар, Буркина-Фасо, Бенин, Нигер), на Красном море — Джибути, далее — Французская Экваториальная Африка (ныне — Чад, Центральноафриканская Республика, Конго, Габон), в Индийском океане — остров Мадагаскар и другие острова, в Тихом океане — острова Новая Каледония, Таити, Туамоту и ряд других, в Америке — Французская Гвиана.

Заметим, что Англия и Франция вели в своих колониях неодинаковую политику. Англия пыталась опираться на традиционные институты — чифдомы, княжества и др. Когда ее колониальная империя развалилась, многие из бывших колоний пожелали остаться в составе Британского содружества наций. Франция управляла колониями напрямую, с помощью собственной бюрократии — и в середине XX в. ее колонии отошли от нее безвозвратно.

Соединенные Штаты владели Филиппинами, о-вом Гуам и частью Самоа в Тихом океане, а также Пуэрто-Рико в Карибском море и зоной Панамского канала.

В Западной Африке неграми из США была основана Либерия.

Установить пределы собственно колониальных владений России трудно, так как они примыкали к исконно русской территории или к давно русифицированной, как Сибирь. Все же несомненно нерусскими владениями Российской империи были Польша (кроме частей, отошедших в свое время к Пруссии и Австрии), автономная Финляндия, все Закавказье и «Туркестан», т. е. вся Средняя Азия, а также нынешний Казахстан. К нерусским владениям империи относились и прибалтийские губернии, частью отошедшие к России от Польши, частью от Швеции. Но господствующим языком в большей части Прибалтики был не столько русский, сколько немецкий. Нерусской считали свою территорию украинцы, однако не в границах будущей советской Украины: преимущественно русскоязычной и отчасти еврейской, греческой и немецкой была Новороссия (Черноморское побережье), восточные регионы были в значительной мере заселены русскими (включая казаков). Польша и Украина имели значительное еврейское меньшинство.

Колониальными владениями Италии были Триполитания, Киренаика и Феццан (Ливия), Эритрея и Итальянское Сомали в Африке, остров Родос и Додеканесские острова в Эгейском море²².

Колониальными владениями Португалии были Азорские острова (полностью португализированные), Острова Зеленого Мыса, Португальская Гвинея, Ангола, Мозамбик, порт Гоа в Индии, Восточный Тимор в Индонезии.

От колониальных владений Испании остались незначительные территории в Западной Африке, Канарские острова, Испанская Гвинея.

Колониальными владениями Голландии (Нидерландов) была богатая Нидерландская Индия (ныне — Индонезия), половина острова Новая Гвинея и Нидерландская Гвинея.

Колониальными владениями Дании были Фарерские острова, Исландия (с самоуправлением) и несколько островов в Карибском море.

Особый случай представляло собой Бельгийское Конго (ныне — Заир). С 1876 по 1908 г. оно принадлежало не Бельгийскому королевству, а лично королю Бельгии Леопольду II, организовавшему «Международную комиссию для исследования и цивилизации Центральной Африки». В результате цивилизаторской миссии захваченная территория подверглась колониальному разорению, а население — поголовной рабовладельческой эксплуатации, в результате чего численность его за 30 лет сократилась наполовину.

Наконец, колониальные приобретения Германии сводились к Юго-Западной Африке (ныне — Намибия), к небольшой колонии Того, Камеруну, Германской Восточной Африке, в состав которой входили Руанда-Урундк (ныне — Руанда и Бурунди) и Танганьика (ныне — большая часть Танзании), к части острова Новая Гвинея и островам на Тихом океане, из которых большое стратегическое значение имели острова северо-восточной части океана и часть Самоа. С точки зрения германского капитализма, по уровню развития уступавшего лишь Англии и США, этого было совершенно недостаточно. Именно Германии в первую очередь нужен был передел колоний. Лозунгом германской политики стала Weltpolitik (политика в мировом масштабе), и с целью ее осуществления строился мощный «флот открытых морей». Англия рассматривала эту политику как прямую направленную против себя.

Не так легко установить ту часть владений Австро-Венгрии, которую можно считать колониальной. На австро-венгерской территории жили чехи, словаки, русины (западные украинцы), поляки, немцы, румыны, словенцы, хорваты, в небольшом числе сербы, в обеих половинах империи — евреи. В большинстве своем эти народности имели представителей в законодательном собрании, но, конечно, там они по большей части оставались в меньшинстве. В среде всех этих национальностей в течение второй половины XIX и в начале XX в. развивались национально-освободительные движения.

С 1878 г. Австро-Венгрия держала под своим протекторатом область Боснию и Герцеговину, считавшуюся турецкой и населенную сербами (православными), хорватами (католиками) и босняками (мусульманами). В 1908 г. австро-венгерские власти объявили об аннексии Боснии и Герцеговины, что вызвало огромное возмущение в Сербии и отчасти в России.

Несмотря на балканские поползновения Австро-Венгрии, Турция держалась союза с Германией, а тем самым и с Австро-Венгрией. Немецкие военные всерьез занялись модернизацией турецкой армии, немецкие инженеры прикидывали трассу Берлинско-Багдадской железной дороги. Турция, несмотря на свою отсталость, тоже сохраняла свою империю. В нее входили: Ирак, Сирия, Палестина, Трансиордания, в Аравии Хиджаз (со священными мусульманскими городами Мединой и Меккой) и Йемен. Египет вместе с Суданом Турецкая (Османская) империя фактически потеряла. Балканские страны и Северная Африка отошли от Турции в XIX — начале XX в.

Вплотную подойдя к роковым событиям Первой мировой войны (1914—1918), мы должны охарактеризовать главных актеров предстоящей драмы. Ими были Германия, Австро-Венгрия, Италия, Турция, Англия, Франция и Россия. (Чисто страдательную роль играли Сербия, Бельгия и др.) Что кому из них было нужно?

Германии с ее мощной и быстро развивавшейся промышленностью нужны были источники сырья и рынки сбыта. С приходом к власти императора Вильгельма II отношения Германии с Россией, несмотря на отдельные вспышки «дружбы», ухудшались. Вильгельм, видимо, считал, что она несовместима с германо-австро-венгерским союзом и с интересами Германии в Турции.

Австро-Венгрии не только необходимо было укрепить свои позиции среди пробуждавшихся и бушевавших внутри нее и вокруг нее славянских национальных движений, подстрекаемых Россией, но и было желательно расширить свою территорию.

Италия намеревалась округлить свои владения за счет италоязычных районов Австро-Венгрии и принять большее участие в захвате и переделе колоний. Она успела уже отнять у Турции остров Родос (населенный греками) и Ливию.

Турции нужно было сохранить империю, включавшую часть Балкан и большую часть арабских стран Азии. На ее целостность покушались и внутренние национальные движения, и европейские державы. Россия, например, мечтала, самое меньшее, о Константинополе (Стамбуле) и проливах. С ее помощью на Балканах уже образовались славянские государства — Болгария, Сербия, Черногория.

Англия претендовала на области, смежные с Суэцким каналом (который в то время фактически был в ее руках), на сохранение своей всемирной колониальной империи и поддержание связей с ней. Опасаясь промышленного и военноморского соперничества не только Франции, но и Германии, Англия желала создать продолжение Индийской империи вплоть до Палестины и Египта. Сесиль Роде завещал Великобритании идею о железной дороге Порт-Саид — Каир — Кейптаун (Капштадт), чему мешала Германская Восточная Африка. Само сохранение столь громадной империи, как Британская, представляло собой большую проблему, и Германия была тут серьезной угрозой.

Отношения Германии с остальными державами были непростыми: действительно, с одной стороны, она нуждалась в продолжении модернизации — но преимущественно модернизировала армию и флот; с другой стороны, идея Вильгельма II о создании железной дороги Берлин — Багдад могла обернуться германским протекторатом над Турцией, что было опасным с точки зрения Англии, Франции, да и других держав.

Мы уже отмечали, что в первой половине XX в. постройке железных дорог придавалось огромное экономическое и стратегическое значение. И неудивительно: не было еще ни автомобильного, ни воздушного транспорта, ни даже асфальтированных дорог. Кто владел железной дорогой — тот владел ввозом и вывозом.

В конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. определяющим для Европы был «союз трех императоров» (России, Австро-Венгрии и Германии) — пережиток еще «Священного Союза». Однако после вступления на германский престол Виль-

гельма II (1888 г.) и отставки Бисмарка (1890 г.), главной заботой которого было обеспечение невозможности возникновения войны Германии на два фронта, а также после сербско-болгарской войны 1886 г., показавшей расхождение интересов Австро-Венгрии и России, Германия решила ориентироваться только на Австро-Венгрию. Тройственный союз продолжал еще некоторое время существовать, но лишь формально. Теряя опору на Австро-Венгрию и Германию, Россия обратилась к Франции — с некоторым колебанием, поскольку во Франции было республиканское правительство. В 1891—1894 гг. Александр III и французский президент разработали и заключили договор о союзе и взаимопомощи. (Если Германия или Италия в союзе с Германией нападет на Францию, Россия выступит на ее стороне; если Германия или Австро-Венгрия в союзе с Германией нападет на Россию, Франция выступит на ее стороне.) В течение следующего десятилетия Франция предоставила значительные займы России, а поэтому была заинтересована в поддержании франко-русского союза.

В ходе событий определенную роль сыграла личность германского императора Вильгельма II. Ограниченный, жестокий и самоуверенный, он рассматривал мировую политику как дело нескольких родственных семей (сам он был внуком английской королевы Виктории, кузеном Николая II, многие русские великие князья были женаты на немецких принцессах, немецкие принцы сидели на престолах Румынии и Болгарии). В то же время он мыслил в каких-то странных этнических — скорее даже расовых — категориях: чуждые германцам по духу и крови славяне и галлы (читай: Россия и Франция) — извечные враги германского начала, к которому относятся и англосаксы, тоже ведь по происхождению германское племя; они должны вместе с Германией выступить против галлов и славян.

Все это было смутным восприятием некоторых идей позднегерманского романтизма и лженаучных теорий о превосходстве германской расы (включавшей якобы немцев, австрийцев, англичан и скандинавов) над другими расами (причем раса понималась не в научном смысле, как сочетание известных внешних биологических черт, но и как язык и даже как мнимые общие «ментальность» и «культура»). Эти идеи проповедовались в XIX в. графом де Гобино, композитором Р. Вагнером и особенно его зятем Х. С. Чемберленом, К. Лютером, а в более рационализированных формах Ф. Ницше, О. Шпенглером и др. Вильгельм и его окружение всю эту псевдофилософскую мешанину, соединенную с произвольными построениями о мнимых национальных чертах, якобы унаследованных от древности и средневековья, при

полном игнорировании смешения и изменения народов за века их существования, принимали вполне всерьез.

Добавим к этому, что в Германии начиная с середины XIX в. шла мощная и всесторонняя милитаризация массового сознания. Даже в сборнике народных песен в популярном издании «Реклам Универзум» наряду с небольшим числом настоящих шедевров преобладали стишки на тему: «Пойдем, пойдем, убьем, убьем француза».

К числу главных пунктов столкновения интересов Англии и Франции на Ближнем Востоке относился Египет, формально входивший в состав Османской империи, но пользовавшийся известной политической автономией и находившийся в фактической зависимости от Англии. Борьба между Англией и Францией за Египет сделала его одной из горячих точек в политике вплоть до первой мировой войны.

Франция, как и Германия, находила свою колониальную империю недостаточной²³. Кроме того, она хотела получить обратно от Германии Эльзас и Лотарингию, рассчитаться за поражение 1871 г., и так, чтобы оно никогда не могло повториться. Германия угрожала африканским владениям Франции²⁴.

И наконец, Россия была заинтересована прежде всего в развале Османской империи и в выходе на Средиземное море, а также не оставляла мечты о великой славянской империи, которая должна была включить чехов, словаков, словенцев, сербов, хорватов и болгар. Хотя об этом публично не говорилось, но пример Польши показывал, что Россия рассматривала всех славян лишь как материал для полной русификации.

Ясно было, что Россия представляла собой опасность для Австро-Венгрии.

Балканская война 1912—1913 гг. началась с союза Болгарии и Сербии против Турции в момент, когда та была занята войной с Италией из-за Ливии. Но в дальнейшем Болгария и Сербия перессорились из-за Македонии: сербы считали македонцев сербами, а болгары — болгарами. В действительности это — особая славяноязычная группа²⁵, говорящая на диалекте, близком болгарскому языку. На стороне Сербии выступили Греция и Румыния. Недовольная исходом войны, Болгария стала блокироваться с Австро-Венгрией (и даже Турцией). В результате войны образовалась независимая Албания. Значительные приращения, особенно за счет Эгейских островов, получила Греция. Сербия получила часть Македонии и общую границу с Черногорией. Ее отношения с Турцией и Австро-Венгрией ухудшались, и Сербия твердо связывала свое будущее с поддержкой России.

Как упоминалось выше, еще в 1878 г. Австро-Венгрия ок-

купировала бывшую турецкую область — Боснию и Герцеговину. Австро-Венгрии принадлежали также другие славянские области — польский Краков, Чехия, Словакия, Рутения²⁶, украиноязычная Галиция, Хорватия (с далматским побережьем Адриатики) и Словения. Австрийские горцы в значительной мере — онемеченные славяне.

Естественно, что при таких условиях славянские националисты в австро-венгерских владениях ориентировались на Сербию, а в дальнейшем — на Россию.

Италия формально входила в тройственный союз с Германией и Австро-Венгрией, но фактически общие с ними интересы были у Италии слабы, и с 1902 г. она была связана секретным соглашением с Францией о том, что в случае нового нападения Германии на Францию Италия сохранит дружественные отношения с последней.

Младотурецкое правительство Османской империи было озабочено модернизацией турецкого общества и вооруженных сил. Младотурки хотели прекратить расчленение Турецкой империи и опасались национальных движений внутри нее, которые уже привели к потере Балкан: в азиатской Турции жили кроме турок многочисленные арабы, армяне, курды и греки, а овладение турецкими проливами было постоянным вожделением европейских держав, и прежде всего России, которая к тому же претендовала на защиту интересов всех христианских подданных Турции (в том числе армян), а также мест, святых для христиан, в Палестине. Поэтому младотурки шли навстречу устремлениям Германии на Ближнем Востоке. Главным инспектором турецкой армии был назначен германский генерал Лиман фон Сандерс, и в стране было много экономических, инженерных и военных советников из Германии. Своим основным потенциальным врагом Турция считала Россию.

К концу 1913 г. все противоречия Европы сплелись в узел, еще невиданная по мощности война нависала над Землею. «Силы мира», о которых может говорить нынешнее поколение, фактически не существовали. К ним можно отнести некоторых социалистов. Так, во Франции Ж. Жорес предупреждал об опасности войны, но был убит правонационалистским террористом. В роковой момент социал-демократы — партии II Интернационала — проголосовали, каждая в парламенте своей страны, за военные кредиты, за «оборону своего отечества». Но весь ужас был в том, что начавшаяся война со всех сторон была задумана не как оборонительная, а как наступательная. Даже освободительные националистические движения — чехов, поляков, словенцев, хорватов, позже арабов — связывали свои надежды с наступательной войной.

Российское правительство считало себя готовым к войне: с 1905 по 1913 г. была проделана огромная работа по модернизации армии, в том числе артиллерии и стрелкового оружия; правда, еще не был достроен новый, современный флот на Балтийском и отчасти на Черном море. Конечно, русская сеть железных дорог была недостаточна для современных войсковых перевозок, и мобилизация в России должна была неизбежно стать замедленной.

Но если технологические уроки русско-японской войны принимались во внимание, то не учитывалось ни экономическое положение, ни морально-психологическое состояние населения. Как и в Германии, в России руководство страны тоже мыслило в чисто военных категориях, не сообразуясь ни с экономическими, ни с политическими последствиями, которые неизбежно были бы вызваны вступлением в гораздо более грандиозную войну всего через девять лет после другой войны, позорно проигранной некоему восточному «новообразованию». А ведь и та, «малая» война вызвала потрясение всей российской социальной и государственной структуры.

Когда в июле 1914 г. наследник австро-венгерского престола, эрцгерцог Франц-Фердинанд, генерал-инспектор австро-венгерской армии, прибыл в столицу Боснии Сараево для участия в военных учениях, на него были совершены покушения. Организованы они были сербским тайным агентом, но без ведома и разрешения сербских властей, которые даже пытались предотвратить инцидент. Первое покушение, 28 июня, — с помощью брошенной гранаты — не удалось, но через три четверти часа Франц-Фердинанд и его жена были застрелены из пистолета боснийским гимназистом сербом Гаврилом Принципом. Вспыхнувшее в Австро-Венгрии воинственное настроение было широко поддержано в Германии Вильгельмом II.

Во мнениях относительно того, какие меры должны были быть применены, в Вене разошлись. Но извне главный союзник, германский император Вильгельм II, настаивал, чтобы Сербию покарать. Лишь после почти месячного раздумья, 23 июля 1914 г., Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, но дала ей на обдумывание всего 48 часов. 24 июля о нем по дипломатическим каналам было сообщено всем державам. Составлен он был нарочно таким образом, что никакое независимое правительство не могло его принять: он подразумевал глубокое вмешательство Австро-Венгрии во все дела Сербии. Было ясно, что ультиматум направлен на уничтожение Сербии как суверенного государства. Германия брала на себя задачу «локализовать» Россию и не допустить ее вмешательства. Россия же заявила, что не может допустить австро-венгерское подавление Сербии.

Премьер-министр Сербии Пашич представил ответ на ультиматум в срок. Сербия приняла все условия Австро-Венгрии, кроме двух: она не согласилась на право Австро-Венгрии смещать сербских должностных лиц и на право австро-венгерских должностных лиц действовать на сербской территории для расследования возможной деятельности подрывных организаций и участвовать в судах над этими организациями.

Австро-Венгрия объявила мобилизацию. Англия предложила посредничество держав — Англии, Франции, Германии и Италии. Вильгельм счел принятие Сербией ультиматума победой и сначала предложил ограничиться временной оккупацией Белграда. Но затем австрийское правительство, побуждаемое германским министерством иностранных дел и германским генеральным штабом, 28 июля объявило войну Сербии; 29-го подвергся бомбардировке Белград, и тем самым началось массовое убийство людей, никак не замешанных лично в конфликт.

Хотя Россия и не имела прямого договора о взаимопомощи с Сербией, она была связана с нею интересами и устной договоренностью и потому 30 июля объявила мобилизацию против Австро-Венгрии. Австро-Венгрия приняла встречные меры. В Германии было объявлено «состояние военной тревоги», и 31 июля она предъявила два ультиматума с требованием: Франции — сохранять нейтралитет, России — отменить мобилизацию. При этом характерно, что все стороны мыслили в категориях скорее чисто военных, нежели политических.

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России. Во Франции началась мобилизация. 2 августа 1914 г. германские войска нарушили нейтралитет Бельгии, начав наступление на Париж. 3 августа Германия объявила войну Франции.

Одновременно кайзер применил свою национально-расовую риторику, пытаясь убедить английского короля (своего кузена) Георга V в необходимости того, чтобы англосаксы поддержали своих германских братьев по крови против расово чуждых галлов (т. е. французов) и славян.

Англия, связанная с Францией (и через нее — с Россией) не оборонительным союзом, а только «сердечным согласием» («антант кордиаль»), первые дни сомневалась, стоит ли ей ввязываться в общеевропейскую войну. Но когда немцы стали завоевывать соседнюю Бельгию²⁷, которой Англия дала гарантию безопасности, и возникла угроза выхода германских войск на побережье, отдаленное чуть ли не на один выстрел от английских гаваней, Великобритания 4 августа объявила войну Германии. Позже, 5 сентября, Англией, Францией и Россией было подписано соглашение о незаключении

чении с центральными державами сепаратного мира (что имело потом тяжелые последствия для судеб России).

Стратегический план покойного¹ Шлиффена, разработанный в недрах германского генерального штаба для обеспечения быстрой и бесповоротной победы над Францией, был одним из шагов к гибели Германской империи.

По обыкновению германские военные думали только в терминах военной обстановки и не учитывали ни политических аспектов задуманного ими действия, ни тех сложностей, которые для давно составленного ими плана создает новейший технический прогресс противника, в частности имевшиеся у французов рокадные (т. е. направленные вдоль линии фронта) железные дороги, позволявшие быстро перебрасывать военные части с одного в другой конец фронта.

Согласно плану Шлиффена, пять германских армий широко веером вторгаются по пяти направлениям в Бельгию, чтобы оттуда, развернувшись на запад и юг, пройти в обход Парижа и тем самым окружить главные силы, обороняющие французскую столицу. Эти силы оттесняются на юго-запад, в Лотарингию, где для их сдерживания были готовы еще две германские армии. Германские стратеги не учли возможность Франции быстро перебрасывать части по фронту и, особенно, всеобщее возмущение мирового общественного мнения, вызванное оккупацией нейтральной Бельгии, что, естественно, сопровождалось жестокостями против мирного населения, а главное — лишало все государства уверенности, что нейтральные границы неприкосновенны.

Обход Парижа германской армией не удался; французской армии (вместе с английским экспедиционным корпусом) удалось задержать противника в долинах рек Марны и Мозеля (с опорой на воздвигнутую на стыке фронтов мощную крепость Верден). С середины сентября обе армии закопались в землю, и началась (на разных участках фронта между сентябрем и октябрем) длительная и выматывающая окопная война — явление, не ожидавшееся тогдашними стратегами, но ставшее характерным для первой мировой войны вообще.

В октябре 1914 г. германская армия заняла главный бельгийский порт Антверпен.

На русско-германском фронте намерение русского командования сводилось к тому, чтобы отрезать Восточную Пруссию, нависавшую над границами русской Польши. У русских перевес был двойной, хотя немцы имели лучшую возможность подбрасывать подкрепления. Однако преимущества русских обесценивались бездарными действиями начальника Генерального штаба Жилинского и генералов Самсонова и Ренненкампа (враждовавших из-за пощечин, которые они надавали друг другу еще в 1905 г. на железнодорожном пер-

роне в Мукдене), неучетом ими особенностей болотной к озерной местности, перебоями в снабжении и недисциплинированностью связистов, передававших секретные телеграфные депеши в эфир открытым текстом. Твердые и остроумные меры немецких военачальников (Гофмана, а затем Людендорфа и Гинденбурга) привели к полному разгрому русских войск. Они потеряли четверть миллиона солдат и огромное количество военной техники.

На долю южных русских армий достался большой успех: в частности, был занят Львов в Галиции. Однако перебои со снабжением, уничтожение слабой польской железнодорожной сети отходящими австрийцами делали задачу наступления трудной. Окопная война началась также и здесь. Надо отметить, что как в Восточную Пруссию, так и в Польшу немцам приходилось перебрасывать некоторые части с Западного фронта, что облегчало положение французов.

На Балканском фронте сербы потеряли Белград, но южнее его они успешно противостояли австрийцам, несмотря на большие потери.

Еще новый фронт войны был открыт Турцией. Возобладавшая в стране умеренно-модернизаторская, но по существу шовинистическая партия младотурок во главе с Энвером, Талаатом и Джемалем стояла за максимальный контакт с Германией по той причине, что традиционной политикой России было постепенное расчленение Турции, что Англия не менее, чем Россия, зарилась на турецкие проливы, а также на турецкий Ближний Восток, составлявший угрозу Суэцкому каналу и британскому пути к Индии.

2 августа 1914 г. Турция и Германия заключили тайный союзный договор. Турки мечтали создать свой современный военный флот и с этой целью заказали два линкора в Англии, но вскоре получили известие о том, что корабли будут взяты в английский флот. Тогда Германия послала Турции свой линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». Они проскочили по Средиземному морю в самые первые дни августа под носом у патрулировавшей английской эскадры^{2*} и в Стамбуле (при прежней команде и командовании) были переданы под турецкий флаг. Русский Черноморский флот имел только старые броненосные корабли с недостаточной дальностью орудий и более тихоходные, чем «Гебен»²⁹, и тот мог обстреливать русские суда с безопасного расстояния.

29—30 октября 1914 г. «Гебен» и «Бреслау» без объявления Турцией войны обстреляли Одесский порт и другие пункты русского побережья. Одновременно началась война на турецко-закавказском фронте. 1 ноября 1914 г. Россия объявила войну Турции.

На океанах германский флот первое время предпринимал крейсерские набеги на торговые суда, следовавшие в Англию и во Францию. Особенно прославлены были рейды крейсера «Эмден» в Индийском океане, где ему удалось не только потопить 15 английских судов, но однажды и зайти прямо в индийский порт Мадрас (подставив к своим трем трубам четвертую, сделавшую его похожим по силуэту на английский корабль) и обстрелять там нефтехранилище. «Эмден» в конце концов был настигнут англичанами и потоплен.

Если «Эмден» действовал самостоятельно, то остальная океанская германская эскадра действовала как единое целое. Ей удалось у тихоокеанского берега Чили нанести большое поражение английской эскадре. После выхода в Атлантический океан мимо мыса Горн немецкий адмирал решил атаковать Фолклендские острова — британское владение вблизи берегов Аргентины³⁰, но тут он наткнулся на английский флот. На этот раз немецкая эскадра потерпела полный разгром, а английская почти не понесла потерь. Последовали еще немецкие поражения уже ближе к дому, в Северном море.

С этого момента Германия перешла к подводной войне. Ее подводный флот имел уже в самом начале войны большой успех: 22 сентября 1914 г. немецкая подводная лодка потопила в порту сразу три английских крейсера; подводные лодки свободно заходили в шотландские заливы и заставили англичан не только перенести свою главную морскую базу на Оркнейские острова, в отдаленную бухту Скапа-Флоу, но и прочно защитить ее от подводных лодок. Английский линейный флот почти не покидал Скапа-Флоу.

С самого начала Германия серьезно страдала от господства легкого английского флота на море, отрезавшего снабжение страны извне. В ответ Германия решила наносить удары по английской торговле с помощью подводных лодок. Вначале команды торговых судов еще ссаживались в шлюпки, потом немцы стали топить суда без предупреждения. С февраля 1915 г. все воды вокруг Британского архипелага были объявлены «военной зоной», в которой любые корабли подлежали истреблению.

Однако торговая блокада германских вод британским надводным флотом была с самого начала эффективнее блокады британских вод немецким подводным флотом: за первые три месяца в британские порты и из них прошло 12—13 тыс. торговых судов, а потоплено было только 51 судно. Кроме того, англичане пользовались противолодочными сетями и глубинными бомбами. Немецкие подводные лодки топили не только английские торговые суда с военными грузами, но и пассажирские и даже нейтральные; наиболее рази-

тельным случаем было потопление в Атлантическом океане американского пассажирского лайнера «Лузитания» 7 мая 1915 г., когда погибло 1200 пассажиров и членов команды.

Антигерманский всплеск в общественном мнении был очень велик (в особенности в нейтральных США), и с каждым новым потопленным торговым судном негодование лишь увеличивалось. В военном смысле немецкая подводная война несла победу, в политическом — поражение. До вступления США в войну было, однако, еще далеко, и пока американцы слали ноты протеста не только немцам за потопление американских судов или гибель американских пассажиров, но и англичанам за их блокаду германских портов.

Тем временем немцы постепенно теряли свои колонии, которые захватывали южноафриканские, английские или французские части. Лишь в Германской Восточной Африке полковник Леттов-Форбек организовал партизанскую войну и продержался до конца войны. В Китае германский анклав Цзяочжоу с портом Циндао был захвачен Японией, объявившей для этого войну Германии (в августе 1914 г.).

К началу 1915 г. обеим воюющим сторонам стало ясно, что окопная война с применением скорострельного огня полевой артиллерии, пулеметов и винтовок создала повсюду «патовую» ситуацию. Чтобы ее разрешить, нужно было попытаться ввести новые средства: с немецкой стороны были применены отравляющие газы (январь — май 1915 г.), с английской — танки (лето 1916 г.). Решительных побед не дало ни то, ни другое. Тогда англичане задумали обойти кругом весь театр войны и ударить по центральным державам «с подбрюшья». Для этого решено было попытаться прорваться через Дарданеллы и с помощью английского, австралийского, новозеландского и французского десанта выйти в Черное море. Это было важно еще и потому, что снабжение России через Балтийское море и через Балканы и Малую Азию было сведено на нет. Снабжение же через Арктику по тем временам было более чем трудным (однако на Кольском полуострове срочно строился порт Мурманск и прокладывалась железная дорога Петербург — Кола); снабжать армию через всю Сибирь из Владивостока по единственной длиннейшей железнодорожной нитке тоже было очень сложно.

Дарданелльская операция закончилась, неудачей. Но союзники заняли порт Салоники, принадлежавший тогда еще нейтральной Греции.

Потери войск Антанты составили почти 250 тыс. человек, но прорыва к «подбрюшью Европы» не произошло. На Западном фронте две попытки наступления против германцев, в апреле и сентябре 1915 г., также не привели к успехам.

В мае 1915 г. Германия и Австро-Венгрия начали реши-

тельное наступление против русской армии на Восточном фронте. По мнению германского командования, одна германская дивизия была сильнее одной русской, но одна русская дивизия была сильнее одной австро-венгерской. Поэтому германский командующий фронтом Маккензен перебрасывал часть немецких сил и на австрийские участки фронта. Опять, как и в Восточной Пруссии в 1914 г., некоторые силы были переброшены на Восточный фронт с Западного. Оказывая упорное сопротивление, русские войска вынуждены были отойти. Отныне линия фронта проходила от р. Лиелупе под Ригой, западнее Даугавпилса (Двинска) и почти по прямой линии до румынской границы в Буковине. Галиция, Польша и часть Латвии (Курляндия) были оставлены. Образовавшийся фронт русские удерживали, несмотря на миллионные потери убитыми, ранеными и пленными.

На западе фронт оставался почти неподвижным, несмотря на тяжелые потери в живой силе с обеих сторон.

На востоке с осени 1914 г. Турция перебрасывала войска (в основном пешком, так как железных дорог не хватало) с конечным расчетом занять Баку. Попутно турки вторглись и в Иранский Азербайджан (северо-западную Персию с ее тюркским населением). По-видимому, они рассчитывали на содействие тюрков Азербайджана, в том числе русского. Хотя в отличие от анатолийских турок-суннитов здешние турки были шиитами, общий язык и культура все же рисовались турецкому правительству как залог успеха. Предполагалось при этом, что значительную часть пути турецкие солдаты прокормятся грабежом, так как не было ни железных, ни грунтовых дорог для подвоза снабжения. В начале 1915 г. турки понесли серьезные потери под Ардаганом.

Христиане-армяне (отчасти также и христиане-ассирийцы) явно выражали готовность помогать русским, местами начиналось партизанское движение. 11 июня 1915 г. турецкое правительство издало приказ о полной депортации христианского (т. е. преимущественно армянского) населения в пустыни Северной Месопотамии. На самом деле эта депортация вылилась в геноцид, при котором погибло до 1 млн. армян обоих полов и всех возрастов³¹. Началось партизанское сопротивление армян, тоже не щадивших турецких селений.

В сентябре 1915 г. великий князь Николай Николаевич, командовавший русскими войсками, действовавшими против немцев и австрийцев, сдал командование самому Николаю II и возглавил наступление на Турцию в Восточной Анатолии. Русские войска заняли Эрзурум, а позже Эрзинджан и вышли к оз. Ван и Битлису; на южном побережье Черного моря русские в апреле 1916 г. заняли Трапезунд (Трабзон). Армянский фронт стабилизировался до весны 1917 г.

В Персии, хотя и объявившей в ноябре 1914 г. о своем нейтралитете» продолжало действовать англо-русское соглашение 1907 г. о взаимных интересах. Здесь происходили беспорядочные военные действия русских³², английских и турецких сил и сочувствовавших им групп.

На весах лежала судьба важнейших турецких позиций к западу от Персии — в Месопотамии (Ираке), когда временное правительство, возглавившее Россию в марте 1917 г., отозвало Николая Николаевича от иракских границ.

В зоне Индийского океана Великобритания преследовала два интереса: обеспечить себе иракскую нефть и попытаться поднять арабов против Турции. С помощью индийских вооруженных сил в 1914 г. были заняты месторождения Абадана, а затем небольшие британские силы вторглись в Южный Ирак; это вторжение до весны 1916 г. не имело успеха.

Между тем после неудачи у Дарданелл англичане отвели в Египет (который полностью порвал с турецким союзеренитетом) около 250 тыс. своих войск. Они испытывали давление с востока со стороны турок через Суэц и с запада от воинственного мусульманского ордена Сенуси, господствовавшего в Ливии.

В июле 1916 г. арабский королевский род Хашимитов поднял антитурецкое восстание в Хиджазе. Фактическими руководителями арабского освободительного движения стали блестящий английский разведчик Т. Э. Лоуренс «Аравийский» и новый командующий английскими войсками на Ближнем Востоке — Алленби. На севере в конце войны и сразу после нее англичанами были созданы хашимитские королевства: Сирия, отбитая англичанами с французской и отчасти арабской помощью у Турции, стремившейся прорваться к Суэцу; Ирак; Трансиордания; Хиджаз. Палестину англичане оставили под своим протекторатом. Вдоль южных и восточных берегов Аравийского полуострова были расположены султанаты Асир, Йемен, Оман и другие, прекратившие после войны платить более или менее символическую дань Турции. Центр полуострова занимал независимый эмират Неджд. Вся Аравия еще находилась на уровне пятой фазы исторического развития; кочевники-верблюдоводы придавали ей своеобразие.

Реконструкция Аравии на английский манер не совсем удалась. Уже после войны центральноаравийский эмират Неджд присоединил Хиджаз с Меккой и Мединой (образовав королевство Саудовская Аравия); в Сирии французские власти не поддержали Хашимитов.

Тем не менее со второй половины мировой войны англичане в Аравии строили Хиджазскую железную дорогу, укрепляли военно-морской порт Аден у выхода из Красного моря (на другом его конце они прочно удерживали Суэц), прокладывали нефтепроводы.

Между тем 23 мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии. Целью ее было присоединить пограничные ита-

лосязычные долины в округах Триест и Трентино, а также Истрию и Далмацию с преимущественно славянским населением, но когда-то подчинявшиеся дожам Венеции. При Изонцо с июня 1915 г. по осень 1916 г. происходили постоянные бои, причем 28 августа 1916 г. Италия объявила войну и Германии. В ходе боев итальянцы потеряли около полумиллиона человек, австрийцы — около 250 тыс., но положение оставалось неопределенным.

Летом 1915 г. обе воюющие коалиции оказывали давление на Болгарию. Дело в том, что три атаки австро-венгров на Сербию не решили вопроса о существовании этого государства и о владении ею Македонией. В сентябре 1915 г. Болгария заключила союз с Австро-Венгрией, в октябре русские вступили в Болгарию, но большого успеха не имели, несмотря на обещание греческой помощи. Сербь медлили, ожидая помощи из Салоник³³, которая, однако, не последовала. Под давлением болгарских войск сербская армия отошла в Албанию и оттуда была переброшена на остров Корфу и к Салоникам. Территория Сербии была разделена между Австро-Венгрией и Болгарией. В декабре 1915 г. союзники хотели оставить Салоники, но продолжали держаться там, пока было возможно, в надежде оказывать давление на Румынию. Потери британцев, французов, итальянцев, русских и сербов были очень велики.

В декабре 1915 г. во Франции состоялось общее совещание союзных командований. Было решено начать согласованное наступление на Германию и Австро-Венгрию летом 1916 г. Но лишь с января 1916 г. Великобритания ввела систему воинского призыва (до тех пор ее войска состояли из добровольцев).

В то же время германский главнокомандующий Фалькенхайн составил план операций на 1916 г. По его мнению, ключом к англо-французским позициям была крепость Верден, выдвигавшаяся вперед за линию фронта и сковывавшая германскую инициативу. 21 февраля 1916 г. была произведена массовая, еще невиданная бомбардировка Вердена с суши и с воздуха. 1 июля союзники начали мощное встречное наступление из долины р. Соммы. Впервые были применены танки, но войска не имели достаточного артиллерийского прикрытия и несли тяжелые потери. Всего в течение кампаний 1916 г. французы и англичане понесли потери в 650 тыс. убитыми, а немцы — 440 тыс. Но взять Верден немцам не удалось.

Поскольку война на Западном фронте безуспешно шла третий год и потери перевалили за миллион, союзное командование возложило главные надежды на Восточный фронт.

Здесь русские войска периодически отступали и находи-

лись в состоянии крайней усталости. Перебои в снабжении продовольствием и боеприпасами были постоянным явлением. Однако Фалькенхайн перенес главное внимание не на Восток, а на Верден, и была надежда, что русский нажим сможет помочь союзникам. Еще в марте 1916 г. русские с целью как-то отвлечь вражеские силы от Франции провели наступление на озере Нарочь к востоку от Вильны (Вильнюса).

План русского командования состоял в наступлении по трем направлениям: на север (генерал Куропаткин), в центре (генерал Эверт) и на юг и юго-запад (генерал Брусилов). Предполагалось, что направление Брусилова, застревавшего в болотистой местности, было наименее важным, но сам он считал, что такое расположение его войск будет способствовать внезапности наступления. Сил у Брусилова имелось не больше, чем у противника, но наступление было начато внезапно, без стадии подготовки, и явилось для немцев неожиданным. Хотя даже Эверт не выступил в назначенное время, бросок Брусилова совершенно опрокинул австро-германскую оборону, и его войска к концу лета заняли Львов и вступили в Буковину, захватив огромное количество пленных.

Победа Брусилова подняла дух командования, буржуазии и интеллигенции, но она несколько не вдохновила ни крестьянство, которое осталось без работников и для которого война оборачивалась только одним ликом — массовыми смертями близких и следовавшим за тем голодом, ни рабочих, вынужденных трудиться «под прессом» условий военного времени и также ощущавших потери во всех семьях. Все это сопровождалось ростом цен на продовольствие и на все необходимые товары.

Тяжелые потери ощущались, конечно, и среди офицерства, интеллигенции и даже буржуазии, но тут действовал импульс славы для одних и сверхприбылей для других.

Тяжелейший дискомфорт нарастал для всей страны — и для всего мира.

До лета 1916 г. нейтралитет сохраняла Румыния. Но исход войны был для нее далеко не безразличен: множество этнических румын проживало в австро-венгерской Трансильвании (Семиградье) и в южной Буковине, а территория самой Румынии была зажата между прогерманской Болгарией и прогерманской Австро-Венгрией. 27 августа 1916 г. Румыния объявила войну Австро-Венгрии и в течение пяти дней оказалась в состоянии войны со всеми центральными державами. То обстоятельство, что она так поздно вступила в войну, имело два последствия: с одной стороны, Румыния успела отмобилизовать очень большую армию, но с другой — военный опыт ее был равен нулю. Россия не могла оказать

большой помощи румынам, начавшим не особенно стремительное наступление на Трансильванию. После неудачного сражения под Тыргу-Жиу румыны были вынуждены 6 декабря сдать Бухарест, и центральные державы получили доступ к новым большим запасам нефти и хлеба. Была оккупирована Валахия, и еще держалась — с русской помощью — только Молдавия.

1916 год стал поворотным в отношении войны в воздухе. Легонькие фанерные бипланы и монопланы с самого начала применялись как средство разведки, но, встречаясь с авиаразведкой противника, летчики хватались за пистолеты. В 1915 г. появились аэропланы-истребители, вооруженные пулеметами. С возникновением окопной войны аэропланы получили новую задачу — сбрасывать гранаты и небольшие бомбы на позиции противника. Германская авиация рано начала применять бомбовые налеты по тылам и уже с 1914 г. приступила к бомбардировке английских портов и городов — сначала с самолетов-бомбардировщиков, а затем с эффективных плавающих воздушных кораблей — дирижаблей, или цеппелинов, наводивших панику на мирное население. Однако большая уязвимость цеппелинов вынудила отказаться от них. Что же касается разведывательной, истребительной и бомбардировочной авиации, то, хотя она и далеко не достигла развития, характерного для Второй мировой войны, она постепенно находила применение на всех фронтах начиная с 1915—1916 гг.

Весной 1916 г., после некоторого затишья, в Северном море произошло самое большое в истории морское сражение. Оно проходило между берегами Британии и датским полуостровом Ютландия.

Флоты Англии и Германии долго избегали конфронтации. По английской военной доктрине, море должно держаться открытым для торговли и снабжения метрополии. Между тем германский флот был заперт в своих гаванях к юго-западу от Ютландии; германскому командованию казалось, что действия германских подводных лодок не только наносят вред британскому военному флоту и морской торговле, но и служат препятствием для уничтожения германского «флота открытых морей» адмирала Шеера в местах его стоянок. Германское командование рассчитывало на постепенное выравнивание сил своего и английского флотов, а затем на решительное нанесение ему поражения в открытом бою. Но поскольку в борьбе с английским линейным флотом особых успехов подводных лодок не наблюдалось, было решено вовлекать в схватки отдельные английские отряды боевых кораблей, когда им по тем или иным причинам придется отрываться от «Великого флота». Так, 26 апреля 1916 г. немецкие легкие крейсерские силы произвели бомбардировку английских портов Лоустофт и Ярмут. Действительно, против них сразу же была двинута находившаяся южнее эскадра линейных крейсеров адмирала Битти. Но неожиданно для немцев на поддержку Битти главнокомандующий британским флотом адмирал Джеллико двинул из Скапа-Флоу свои линейные корабли с крейсерской поддержкой. Встреча с немецкой эскадрой произошла слу-

чай'Но: легкие крейсера с обеих сторон около 14 час. 30 мин. 31 мая заметили датский пароходик и стали подходить для его досмотра. В 16 час. 20 мин. произошло столкновение эскадр линейных крейсеров Битти и Хиппера, причем Битти потерял два линейных крейсера. Английский патрульный легкий крейсер заметил эскадру Джеллико и просигналил, чтобы она шла на сближение с Битти, соединившимся тем временем с еще одной эскадрой линейных крейсеров — адмирала Худа. Туман и дым некоторое время скрывали видимость, но с 18 час. 15 мин. прояснилось и обнаружилось, что немецкий флот движется в ловушку, под бортовой огонь эскадр Худа, Битти и (с краев) Джеллико. При материальном перевесе англичан немцам все же удалось потопить флагманский корабль Худа, и, несмотря на наносимые ему со всех сторон повреждения, германский флот сохранял боеспособность. В 18 час. 36 мин. Шеер скомандовал «поворот все вдруг» и начал выходить из образовавшейся ловушки. Дым и туман застилали море, и Джеллико не удалось определить, что его эскадра по-прежнему отрезает Шеера от прибрежных портов. Это понимал Шеер, и в начале восьмого часа вечера он дал команду своим линейным крейсерам и эскадренным миносцам идти в атаку на колонну Джеллико. Если бы тот бросил в бой свои линкоры, немцы понесли бы тяжелейшее поражение. Но Джеллико подозревал, что противник желает подставить британскую эскадру под торпедный удар (не существовавших) подводных лодок. Он не получил также перехваченной англичанами радиогаммы Шеера, указывавшей на действительное направление его движения. В 3 часа утра 1 июня флот Шеера укрылся за мощными минными заграждениями, охранявшими вход на германскую морскую базу.

С английской стороны в Ютландском бою участвовало 28 линейных кораблей, 9 линейных крейсеров (3 погибло), 8 устаревших броненосных крейсеров (3 погибло), 26 легких крейсеров и 79 эсминцев (погибло 8). С германской стороны участвовало 22 линейных корабля (1 погиб), 5 линейных крейсеров (1 погиб), 11 легких крейсеров (4 погибло) и 62 эсминца (5 погибло). Людские потери, не считая раненых и пленных, составили у англичан 6100 человек, у немцев — 2500 человек.

Никогда еще в истории морских войн не было зрелища столь ядского. Из облаков порохового дыма возникали стальные громады к< >аблей, одни — обьятые пламенем, другие — столбом уходящие вниз, в ' ронку моря. Сквозь рев артиллерии едва были слышны жалкие вопли тысяч умирающих и тонущих в холодной воде. Четыре громадных английски.; линейных крейсера идут кильватерной колонной, вдруг один из них взрывается от попадания тяжелого вражеского снаряда в самое нутро судна — и вот «мателот» линейного крейсера (корабль, идущий в корму предшественного в строе кильватера) через считанные минуты проходит чер з это место — и уже нет ни корабля, ни людей, лишь волны водоворот. А среди колонны охраняющих легких кораблей один подвергся такому обстрелу (причем, видимо, у него загорелись запасы топлива и снарядов), что, хотя он н дальше шел тем же ходом и тем же курсом, на своем месте в колонне, но докрасна раскаленный, уже с командой из одних мертвецов. Более страшное случалось видеть лишь во Вторую мировую войну.

Ужас, вызванный Ютландским боем, быть может, сыграл не меньшую роль в ходе дальнейших боевых действий на море, чем статистика вражеских и своих потерь. Еще один морской бой произошел 18—19 августа 1916 г. Но здесь главную роль сыграли подводные лодки; англичане потеряли крейсер, у немцев был сильно поврежден линейный корабль. Битва и на этот раз окончилась вничью.

Результатом Ютландского боя был вывод, что большие бои, вовлекающие многочисленные, более или менее равносильные эскадры, не приводят к решительным результатам

и что они не влияют на ход подводных операций, остававшихся до конца первой мировой войны важнейшим военным фактором на море.

От линейных крейсеров державы отказались сразу же: слишком легкая броня мешала им вести «бой с линкорами», а недостаточная быстроходность сдерживала маневренность в крейсерских операциях. Линейные корабли строили еще долго; их нецелесообразность выявилась под влиянием тяжелых бомбардировок с воздуха в годы второй мировой войны.

Авиация времен Первой мировой войны была очень слаба. Еще не созданы были авианосцы и аэродромные службы, эффективные тяжелые бомбардировщики были построены Игорем Сикорским в США и рядом европейских инженеров лишь десятилетиями позже. Во время Первой мировой войны глубокие бомбовые рейды против промышленных предприятий и главным образом городов противника совершались лишь немцами с помощью более тяжелых аэропланов и особенно дирижаблей, о которых уже упоминалось. Но они имели малую скорость, недостаточную высоту полета и представляли собой слишком крупную цель для обстрела. Новые важные компоненты военных действий — танки и химическое оружие — в течение Первой мировой войны едва еще выходили из опытной стадии.

В обстановке, когда за три истекших года в войну была вовлечена почти вся планета, — потому что и Америка страдала от нее, — а решительная победа не давалась ни той ни другой стороне, мысли все более направлялись к тому, чтобы окончить войну либо компромиссом, либо даже революционным способом.

В течение всей войны социал-демократы (главным образом нейтральных стран) делали миротворческие попытки. В начале 1915 г. была созвана мирная конференция только нейтральных социал-демократов в Копенгагене (поскольку социал-демократы воюющих стран, кроме крайних левых, всюду проголосовали за военные кредиты своим правительствам). В феврале 1915 г. состоялась конференция социал-демократов стран Антанты в Лондоне, а в апреле — конференция социал-демократов центральных держав в Вене. В обоих случаях выяснилось, что большинство социалистов (за исключением Ленина и Мартова из России) выступало за поддержку своих правительств и что между ними не было никакого согласия. В сентябре 1915 г. была созвана социалистическая конференция в Циммервальде в Швейцарии, в которой участвовали социалисты 11 стран — как воюющих, так и нейтральных. Здесь Ленин выдвинул лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую», но не убедил большинство участников конференции, которые подписали декларацию Троцкого «К пролетариату Европы» с призывом не поддерживать буржуазные правительства и требовать перемирия. Аналогичное положение сложилось и на социалистической конференции в Кинтале (Швейцария, апрель 1916 г.), выдвинувшей лозунг «мир без аннексий и контрибуций».

Мысли о мире занимали не только крайнюю левую оппозицию. В Германии канцлер Бетман-Гольвег в декабре 1916 г. изложил рейхстагу предположительные условия мира, основанные, увы, на сохранении Германией большей части того, что было ею захвачено. Одновременно президент США Вильсон потребовал официального изложения «целей войны» всеми воюющими сторонами. Вильгельм и его правительство фактически отклонили требование Вильсона. Союзники в январе 1917 г. провозгласили, что их целью является «освобождение итальянцев, румын, славян и чехословаков от чуждого владычества», — заявление, которое, конечно, никого не могло удовлетворить.

Между тем ресурсы обеих воюющих сторон шли к концу. С привлечением колониальных войск англичане и французы довели численность своих армий почти до 4 млн., но их главнокомандующий маршал Жоффр заявил, что французских сил достанет лишь еще на одну решающую битву, после чего у них не хватит призывников для восполнения потерь. У Германии насчитывалось 2,5 млн. солдат (не считая австрийцев, венгров, турок и болгар), но с дальнейшим восполнением численности армии дело у них обстояло еще хуже, чем у Антанты. Промышленность воюющих стран действовала, хотя и с нарастающим трудом. Тогдашняя авиация не могла нанести ей серьезных повреждений, а снабжение сырьем еще не было полностью разлажено. Но продовольственное снабжение с каждым месяцем ухудшалось, особенно в Германии; пришлось вводить карточки и талоны.

Хуже всего дело обстояло в России. Социал-демократы не были допущены в Думу, которая в целом занимал, «патриотическую» позицию. Однако правительство совершенно не пользовалось доверием. При дворе хозяйничал религиозный мошенник Распутин, обещавший исцелить страдавшего неизлечимой болезнью наследника; а пока он снимал и назначал министров и крупных чиновников, устраивал оргии с участием придворных дам и т. п. Общественное мнение обвиняло некоторых министров и даже императрицу, немку Александру Федоровну, в измене. Многие ведущие правые и центристские думские деятели и лидеры интеллигенции пытались плести «масонские» и другие заговоры против Распутина и царского правительства.

Военная промышленность была неспособна полноценно снабжать армию снарядами и патронами и поставлять новое оружие. Сельское хозяйство, обескровленное тяжелыми мобилизациями мужчин, не справлялось со снабжением армии и городов хлебом. В городах росли очереди. В то же время бурно развивалась на пустом месте гражданская организация «земств и городов» («Земгор») — то ли благотворитель-

ная, то ли спекулятивная, то ли гражданская, то ли представлявшая организованный тыл. На бирже было немалое оживление за счет массовой скупки акций военной промышленности.

Прибывавшие в армию юные призывники и перестарки рисовали печальную картину разорения и запустения деревни, положения женщин в пролетарских центрах. Отметим, что положение было, конечно, по тем временам неслыханно скверным, но значительно лучшим, чем то, которое предстояло пережить в течение многих и многих последующих лет.

В марте 1917 г. (в феврале по старому стилю) в рабочих районах Петрограда (как в 1914 г. был переименован Санкт-Петербург) начались волнения женщин в хлебных очередях (по-видимому, не из-за того, что хлеба вовсе не было, а из-за расхлябанности с его подвозом). От большого ума какое-то начальство выслало на усмирение воинскую часть, находившуюся в Петрограде для пополнения и переформирования. Солдаты поддержали бунтовавших женщин и с красными транспарантами двинулись к Думе. В Петрограде начались стачки, перераставшие в восстание. Царское правительство сложило с себя полномочия и 13 марта 1917 г. было арестовано. Дума создала новое, Временное правительство. Волнения прокатились по всей стране и по армии. Был издан закон о созыве Учредительного собрания на основе всеобщих, равных, тайных и прямых выборов.

Армия оставалась на своих позициях, но воевать она больше не хотела. Солдаты, терпевшие бесконечные потери и поражения, плохо одетые, плохо обученные, руководимые бездарными и склочничающими военачальниками, включая членов царской семьи (и самого Николая II), обученными более парадом, чем научной стратегии и тактике, — эти солдаты с восторгом откликались на призывы эсеровских и большевистских пропагандистов: «штыки — в землю», «мир — хижинам, война — дворцам» и т. п.

А между тем если союзникам и противникам России предстояло воевать еще полтора года, то русским — почти пять лет, причем в войне, где тыл не очень-то отличался от фронта. Но это таилось в недрах будущего, а пока достижение быстрого мира революционным путем казалось возможным и желательным.

Фактическое выбытие русской армии из войны было воспринято союзниками по Антанте как катастрофа, требующая полной перестройки военной политики, а Германией и Австро-Венгрией — как долгожданный прорыв к победе в мировой войне. Те и другие, как мы увидим, ошибались.

Вместо ожидавшейся парламентской власти в России содалась диктатура левых экстремистов — большевиков.

В плане мировой истории события русской, большевистской, а затем германской, нацистской революции имели большее значение, чем события все еще тянувшейся Первой мировой войны, однако мы должны вкратце остановиться и на них, прежде чем рассмотрим Октябрьскую революцию в России и ее последствия во всемирном плане.

В течение 1916 и 1917 гг. основным фронтом войны оставался Западный³⁴. Происходившие здесь тяжелые и изнурительные бои показали трудность координации действий командования союзных армий и возможность введения их в заблуждение (например, переход германских войск на лучше укрепленные позиции был принят за бегство). А осенью английский генерал Хейг в тщетной попытке освободить фламандские порты, полностью игнорируя данные разведки и метеорологии, бросил свои части в наступление через трясины; англо-французские войска потеряли 250 тыс. человек. Новее это не подвинуло исторический процесс, который мы прослеживаем, ни вперед, ни назад. К 1917 г. настроение солдат по обе стороны фронта выражалось так: «Будем оборонять окопы, наступать не будем».

На Западном фронте в течение 1916 г. линия окопов от Ла-Маншского пролива до границ Швейцарии и аналогичная линия на австро-итальянском фронте превратились в мощное тысячеверстное укрепление, нигде не поддававшееся прорыву³⁵. Можно было гибнуть от шальных пуль или пулеметного обстрела, от беспорядочных артиллерийских налетов,дохнуть от тифа или холеры, подвергаться налетам с воздуха. Редкие примитивные танки казались не очень грозными игрушками, а применение хлора или иприта на отдельные участках фронта требовало тщательного учета погодной обстановки (чтобы под газ не попали свои), заражало окрестную территорию и не сулило помощи в якобы предстоявшем будущем наступлении.

Приблизительно такое же положение сложилось и на Восточном (русском) фронте с теми только отличиями, что линии окопов были не всегда столь же укреплены и непроницаемы, что снабжение солдат было гораздо хуже, склоки а штабах грандиознее, а размах воровства в интендантстве не мог бы присниться западным коллегам.

В сложившемся положении рисовались различные выходы. Германская сторона возлагала главную надежду на подводную блокаду: вначале останавливали судно, снимали с него команду и, если груз казался предосудительным, топили его. Затем стали топить все вооруженные, затем все торговые суда враждебных стран (некоторое исключение делалось для пассажирских, на которых могли оказаться нейтральные, особенно американские граждане). Наконец, нача-

ли топить подряд все торговые суда в пределах обозначенной широкой зоны, не делая исключения и для нейтральных (на бортах которых рисовались цвета их флага в огромном размере). Вывод был, однако, для германской стороны неутешителен: английская надводная блокада наносила ей больше продовольственных и материальных потерь, чем немецкая подводная блокада — Англии.

Англия и Франция возлагали надежду на то, что Соединенные Штаты вступят в войну на их стороне, поскольку не только германская подводная блокада Европы, но и общее расстройство мировой экономики наносило американцам весьма чувствительные удары.

Соединенные Штаты играли в мире очень важную экономическую роль еще в одном отношении. В 1879—1889 гг. прославленный французский инженер Лессепс решил соединить Атлантический океан с Тихим, подобно тому как он в более молодые годы соединил Средиземное море с Индийским океаном, построив Суэцкий канал. Однако оказалось, что с латиноамериканскими помещичьими кликами и президентами было ладить куда сложнее, чем с арабами. Набравшая множество кредитов Компания Панамского канала объявила о своем банкротстве — и каком! Еще десятилетия спустя слово «Панама» было тождественно выражению «гигантское надувательство и гигантское разорение». Постройка Атлантико-тихоокеанского канала перешла в американские руки; американские деятели умели лучше обращаться с латиноамериканскими президентами. «Вдруг» так случилось, что, как нарочно, на Панамском перешейке, принадлежавшем республике Колумбии, почему-то возникло мощное и не бедное сепаратистское движение, была создана новая республика, Панама, а поперек нее прошла нейтральная зона, арендованная на столько-то лет Соединенными Штатами. В этой-то зоне был наконец к 1914 г. построен знаменитый судоходный Панамский канал, создавший новую эру в мировом мореплавании и в торговых и политических связях между Дальним Востоком, странами Тихого океана, Карибского моря, всей Атлантики и прежде всего всей Европы.

Если прибавить к этому высокое техническое развитие, огромные денежные средства и людские ресурсы США, то о лучшем союзнике англо-франко-русская коалиция не могла и мечтать, однако американцы пока не спешили вступать в войну.

Война тем временем приняла такие масштабы и такой всеобъемлющий характер, что вести ее дольше на основе средневековых понятий воинской чести было уже совершенно невозможно. С обеих сторон пресса создавала образ врага: немцы — «кроважадные гунны», убийцы детей и разрушители

храмов (последнее было недалеко от истины), а англичане и французы и особенно «дикие славяне» заслужили не лучшую репутацию. Пропаганда ставила себе тройные цели: укрепить дух собственных войск, вызвать ненависть к противнику и склонить общественное мнение в нейтральных странах на свою сторону. Часто грань между задачами пропаганды и военными действиями была нечеткой: делались попытки уничтожения океанских телеграфных кабелей между Германией и США, смещения неугодных министров в нейтральных странах. Была введена строгая военная цензура; в Англии и Франции она находилась в руках гражданских лиц, в Германии и Австро-Венгрии — военных.

Положение в корне изменилось со вступлением в войну Соединенных Штатов.

Президент Вильсон долгое время ориентировал противников к примирению, позже занял позицию «дружественного к Антанте нейтралитета». Еще в мае 1916 г. он провозгласил идею послевоенной Лиги Наций, которая должна была мирно решать все назревающие международные конфликты. Но почти в это же самое время начинается усиленная американская подготовка к войне. В декабре 1916 г. Вильсон обратился к воюющим сторонам с требованием определенно сформулировать свои военные цели. Англия и Франция были этим очень недовольны, так как любые практические выводы из войны зависели от исхода боевых действий, которые нельзя было предвидеть (можно было только на что-то надеяться). Государственный секретарь США, Лансинг, тайно подсказал британскому и французскому правительствам, чтобы они объявили цели, явно недостижимые без полной победы в войне. Он правильно рассудил, что «полумеры могут привести только к нестойкому полумиру». Однако Вильсон еще и в январе 1917 г. продолжал тайные переговоры как с Британией, так и с Германией. Но подводная война наносила Штатам слишком большой ущерб — и материальный, и моральный, а участие в победоносной войне сулило огромные выигрыши на послевоенный период.

Канцлер Бетман-Хольвег прислал Вильсону ноту с изложением германских условий мира и с просьбой к президенту продолжать его миротворческие усилия, но одновременно пришло и известие о том, что Германия начинает «неограниченную подводную войну», т. е. заявляет о «праве» германских подводных лодок топить любые суда, нарушающие объявленную ею блокаду государств Антанты. 3 февраля 1917 г. Соединенные Штаты порвали дипломатические отношения с Германией, а 4—6 апреля через конгресс было проведено объявление войны Германии. Была введена новая система призыва на военную службу, и до конца войны

американцы призвали 4,8 млн. солдат. Был зажат рот всей рабочей, социалистической, радикальной и пацифистской-прессе, милитаризованы железные дороги и проведены важные мероприятия, необходимые для финансирования войны.

18 января 1918 г. президент Вильсон изложил перед конгрессом 14 пунктов, в которых содержались следующие объявленные Соединенными Штатами требования: 1. Только открытая дипломатия. 2. Свобода мореплавания. 3. Устранение таможенных барьеров в международной торговле. 4. Гарантия всеобщего разоружения до низшего уровня, совместимого с безопасностью. 5. По отношению к колониям политика, основанная на справедливых интересах управляемых и управляющих народов. 6. Эвакуация германских войск с территории России и предоставление ей права самой избирать способ самоуправления. 7. Освобождение и развитие Бельгии. 8. Восстановление Франции в границах до 1871 г. 9. Уточнение границ Италии в соответствии с расселением национальностей. 10. Освобождение народов Австро-Венгрии. 11. Эвакуация германских оккупационных войск из Румынии, Сербии и Черногории, предоставление Сербии выхода к морю. 12. Предоставление возможности автономного развития инациональным частям Османской империи, открытие Дарданелл для судов всех стран. 13. Создание независимого польского государства. 14. Создание Лиги Наций.

К марту 1918 г. в боях на Западном фронте участвовало 85 тыс. американцев, а в сентябре — уже 1,2 млн.

Вслед за США войну Германии сразу же объявили Панама, Куба и Гаити. Другие латиноамериканские государства сначала удовлетворились разрывом дипломатических отношений, но затем Бразилия (в октябре 1917 г.), Гватемала (в апреле 1918 г.), Никарагуа, Коста-Рика (в мае) и Гондурас (в июле) также объявили войну. Кроме того, в войну с Германией вступили Либерия и Китай (в течение 1917 г.).

Настоящая книга посвящена теории исторического процесса человечества, поэтому в ней подробно не излагаются события первой и второй мировых войн. Относительно подробный рассказ, который мы до сих пор позволяли себе, имел целью показать, как практически весь Земной шар был вовлечен в первую мировую войну.

В течение февраля — июля 1918 г. Вильсон еще дважды выступал с важными инициативами. Это были «четыре принципа»: мир должен быть заключен на справедливых началах и в соответствии со справедливыми требованиями в каждом отдельном случае; народы и области не должны являться объектами торговли и обмена при переговорах; каждое решение по территориальным вопросам должно со-

стояться в интересах населения данной территории; все ясно выраженные национальные пожелания должны быть удовлетворены в той мере, в какой это совместимо с миром. Затем, «четыре цели»: разрушение или обессиливание всякой произвольной власти, могущей угрожать миру; решение территориальных, юридических, политических и экономических вопросов прежде всего в интересах народа, которого они касаются; соблюдение цивилизованных норм морали в международных отношениях; создание «мирной организации», или «определенного трибунала мнений», чтобы можно было обеспечить право и справедливость «соединенными силами свободных государств» (nations). Наконец, «уточнения»: мирные переговоры должны быть беспристрастными; общие интересы должны иметь предпочтение перед индивидуальными; члены Лиги Наций должны отказаться от частных соглашений с отдельными ее членами, и не только в политических, но и в экономических вопросах; международные соглашения должны публиковаться открыто и полностью.

Выступления Вильсона имели громадное значение для создания социально-психологической атмосферы, способствовавшей в дальнейшем переходу исторического процесса в восьмую фазу.

Частично вильсоновские выступления остались, конечно, лишь благими пожеланиями, но в своем большинстве они были то крайней мере формально приняты членами Лиги Наций, решение о создании которой было частью Версальского мирного договора и которая была образована в 1920 г.

Отметим очень кратко основные военные события, следовавшие за выходом России из войны в ноябре 1917 — марте 1918 г. и вступлением в войну США в апреле 1918 г.

На Западном фронте, куда немцы перебрасывали силы, освободившиеся с русского фронта, французы героически продолжали держаться под Верденом; потери судов от подводных лодок стали уменьшаться с улучшением противолодочной защиты. Развитие авиации несколько увеличило значение воздушных бомбардировок, но увеличило его не особенно существенно. На германском флоте происходили бунты. В июле 1917 г. германский рейхстаг рассматривал проект мирного урегулирования. Это, однако, не было предложением мира и не было воспринято как таковое Антантой. Тайные переговоры о мире велись с весны 1917 г. и Австро-Венгрией; они замерли после осеннего разгрома австро-венгерскими силами итальянских войск под Капоретто.

Положение на Восточном фронте позволило Германии перебросить некоторую часть войск на запад и начать здесь

под командованием Людендорфа новое внезапное наступление. Людендорф при этом рассчитывал на газы и недооценивал значение танков. Наступление (вторая битва на Сомме) велось силой 62 дивизий на 60-километровом фронте с 21 марта 1918 г., и к концу марта союзные армии быстро отступали; образовался большой выступ в глубь франко-британских позиций. Потери одних лишь англичан составляли 300 тыс. человек. Но в начале августа 1918 г. англо-канадские и французские войска перешли в контрнаступление. 8 августа Людендорф уже писал: «Надо кончать войну». Полноценное введение в бой свежих и хорошо накормленных американских сил решило вопрос окончательно.

На Восточном фронте 4—15 декабря между большевистской Россией и Германией было установлено перемирие. В русской армии вводилась выборность офицеров, в частях учреждались партийные комитеты; организовывалось братание с немецкими солдатами; дезертирство дошло до огромных размеров. 28 декабря мирные переговоры были прерваны. Деморализованные русские войска оказывали лишь слабое сопротивление. Немцы довольно быстро продвигались по всему Восточному фронту, заняты были Рига и значительная часть Белоруссии. Если большевики тянули с заключением мира, то потому лишь, что они рассматривали свою революцию — в России — только как начало мировой революции. В конце концов мир был подписан 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске (подробнее см. «иже»). Россия теряла Прибалтику и Украину (немцы еще 9 февраля подписали договор о мире с левонационалистическим правительством Украины — Центральной Радой).

Но к концу сентября 1918 г. по всему Западному фронту отступали уже немцы, преследуемые американскими, британскими, французскими, канадскими и бельгийскими частями. 14 сентября мира запросила Австро-Венгрия, в то же время был сломлен турецкий фронт в Палестине. 19 сентября капитулировала Болгария. 3 октября канцлером Германии стал принц Макс Виденский; он был поддержан большинством рейхстага, желавшим мира. Со своей стороны и Людендорф с Гинденбургом 1 октября 1918 г. потребовали заключения мира без промедления, и в «ночь с 3 на 4 октября 1918 г. Вильсону через Швейцарию была послана нота с просьбой начать переговоры на основе его 14 пунктов. Это положило начало серии нот (хотя во Франции продолжались бои). 24 октября начался мятеж немецких военных моряков против предполагаемого приказа вывести флот в море для улучшения условий мира. 26 октября Людендорф ушел в отставку. 30 октября было заключено перемирие с Турцией (хотя, как мы увидим, война Турции с Грецией

вскоре разгорелась снова). 3 ноября был заключен мир с Австро-Венгрией, дававший доступ в страну союзным частям.

К 14 пунктам Вильсона союзники добавили требование признания Германией полной материальной ответственности за ущерб, нанесенный гражданскому населению союзников и его собственности в результате «агрессии» Германии на суше, на море и в воздухе.

8 ноября 1918 г. в поездном вагоне в Компьенском лесу под Парижем германскими представителями были подписаны условия перемирия.

Тем временем, как и в России год назад, в Германии развивались революционные события. После волнений в Гамбурге, Бремене и других городах 7—8 ноября была объявлена «Демократическая и социалистическая республика (Бавария)», и в различных местах, по русскому образцу, создавались «советы солдатских « рабочих депутатов». В рейхстаге Макс Баденский терял поддержку социал-демократов, и лока Вильгельм размышлял, не сложить ли ему с себя титул императора и оставить только титул короля Пруссии, 9 ноября Макс объявил об отречении Вильгельма II и от германского, и от прусского престола. Германия была провозглашена республикой, было создано социал-демократическое правительство «Совет народных представителей» во главе с Эбертом. Утром 10 ноября Вильгельм бежал в сохранявшие нейтралитет Нидерланды. Революционные выступления были подавлены при участии правительства Эберта.

Могла ли Германия продолжать войну и выиграть ее, если бы не вступили в войну Соединенные Штаты? Могла ли она поправить свое положение за счет грабежа территорий, оккупированных на востоке? Ответ в обоих случаях — нет. Без участия в войне США Германия была бы способна протянуть еще год, проливая шотоки своей и чужой кроаи, но решительной победы она уже не могла бы достичь, и разумные люди понимали это давно. На востоке германская армия быстро разлагалась от соприкосновения с большевиками и за линией и перед линией перемирия, страна была разорена, транспорт был в полупарализованном состоянии, так что надежды на быстрое решение продовольственной проблемы за счет Украины и России не было.

Поучительны данные Encyclopaedia Britannica о числе мобилизованных (и потерь) в Первой мировой войне (см. с. 265).

Всего было мобилизовано 67 млн. человек, или около 9% взрослого мужского населения Земного шара. Потери составляли 36 млн., или около 5% взрослого мужского насе-

Страна	Млн. человек	Страна	Млн. человек
Россия	12 (9 до Брестского мира)	Турция	3 (1)
Германия	11 (7,2)	Греция	2,3 (0,03)
Великобритания и Британская империя	9 (3,2)	Болгария	1,2 (0,27)
Франция	8,4 (6,2)	Япония	0,8 (0,01)
Австро-Венгрия	7,8 (5,8)	Сербия	0,75 (0,5)
Италия	5,5 (2,2)	Румыния	0,75 (0,5)
США	4,4 (0,3)	Бельгия	0,25 (0,09)
		Португалия	0,1 (0,033)
		Черногория	0,05 (0,02)

ления Земного шара. К числу потерь надо добавить умерших от эпидемий и учесть процент неродившихся по сравнению со статистическим ожиданием.

Обратимся теперь к России и вернемся к 1916 г.

Из всех воюющих армий русская была, пожалуй, в наихудшем положении: кроме того что она несла огромные потери, состояние продовольственного снабжения держало ее на грани голода; на 90% она состояла из крестьян, и солдатам было ясно, что их хозяйства в полном расстройстве и что там началась настоящая голодуха.

Правые и центристские группы Думы были озабочены тем, как идет война. В результате заговора группы парламентариев и части титулованной знати Распутин был убит в конце 1916 г., однако и после его смерти управление страной было в большом расстройстве.

В марте 1917 г. в Петрограде, как уже упоминалось, начались волнения женщин, к которым присоединились солдаты. Власть приняла на себя сама Дума, которая в свое время была избрана по сложной и недемократической системе и вряд ли по праву могла выступать от имени русского народа. Но между тем в Петрограде и в других городах стали спонтанно возникать Советы рабочих и солдатских депутатов, претендовавшие на более справедливое выражение народных интересов. 15 марта Петроградский совет издал «Приказ № 1 по армии», в котором солдатам было предложено составлять свои комитеты и от них выделять делегатов в Советы. Политическое руководство армией передавалось комитетам, а офицерам шредоставлялись только чисто военные функции, даже оружие им должно было выдаваться лишь по мере надобности. В комитетах главенствовали выбранные или выкликнутые комиссары. Кроме того, Петросовет объявил о намерении России заключить мир /«без аннексий и контрибуций». Как и в Думе, так и в созданном ею Временном правительстве были представлены преимущественно правые и центристские силы, а левые — одним А. Ф. Керенским из правосоциалистической партии трудящихся. Относительный либерализм или даже квазисоциализм

Керенского, создал ему с невероятной скоростью большую Популярность среди либеральных интеллигентов и той части офицерства, и солдат, которые склонялись к созданию левого Правительства помимо Советов.

Трудность в признании законности мероприятий Думы усложнялась существованием Советов как параллельных органов, уже начавших осуществлять правительственную власть. Советы, являвшие собой как бы самозванный социалистический парламент, включали социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов (меньшевиков и большевиков). Лозунгом Советов было («шпыки — в землю и немедленный мир»).

С точки зрения международного права необходимо было убедить союзников в легитимности образованного Думой Временного правительства. Ведь все договорные отношения с Западом и Востоком были созданы упраздненным царским правительством. Союз России с Англией и Францией в их войне против центральных держав был заключен уже не существующим правительством. Но немедленный мир с Германией «а всем Восточном фронте означал бы усиление немецких войск на Западном фронте почти вдвое и проигрыш войны союзниками. Часть левых, центристы и правые рассматривали это как измену, которая может привести к непредсказуемым результатам для России.

Попытаемся поставить события Первой мировой войны в рамки наших теоретических представлений.

Мировые войны — неизбежный исход естественного развития капиталистического производства седьмой фазы. Капиталистическое производство имеет своей целью «акопление прибыли, а использование этой прибыли для дальнейшего развития производительных сил, культуры и т. п. имеет второстепенное значение, и то, что ее часть уходит на развитие технических наук и — косвенно — на повышение общего жизненного уровня (применение науки в производстве), является лишь побочным обстоятельством. Уместно отметить, что науки осббенно усердно применялись в военном производстве, что, конечно, содействовало необходимому для капитализма расширению источников сырья и рынков.

Это расширение — неотъемлемая часть развития общества, построенного на максимальном увеличении прибыли, а стало быть, с неизбежностью ведет ко все большему размаху колониальной оккупации, пока вся поверхность Земли не оказывается расхватанной, а далее может идти только насильственный передел всего Земного шара. Беда заключалась в том, что классический капитализм не создавал механизма для сдерживания разрушительных последствий развития производства; мировые войны стали неизбежными,

а это уже не просто социально-психологический дискомфорт, но всем дискомфортам дискомфорт.

Опыт фаз человеческой истории показывает, что массовый, тотальный общественный дискомфорт может быть снят ради создания новых условий производства только путем выработки альтернативной социальной психологии и при обязательном наличии сверхоружия, способного своим существованием утвердить новый порядок. Ни того ни другого к моменту наступления этапа передела мира человечество не имело, хотя всем было ясно, что делать что-то нужно.

Естественно, что в этих условиях стали создаваться альтернативные идеологии, причем сразу несколько. Одну из них представлял коммунизм.

Обстоятельствами, которые дали возможность действовать революционным партиям России, были крушение Российской империи в разгар Первой мировой войны и неуверенная, половинчатая позиция парламентских партий, пришедших к власти (в составе Временного правительства): они еще не давали народу того, что ему в тот момент настоятельно требовалось, — выхода из бессмысленной войны, разорявшей всю крестьянскую Россию, и передачи земли крестьянам³⁶.

Социалисты-революционеры, которые в предыдущий период полагались на индивидуальный террор, в сложившейся ситуации предпочли парламентские методы борьбы. Их программа отвечала интересам крестьян, и они имели хороший шанс победить на Предстоящих выборах, всеобщих, равных и тайных, в Учредительное собрание, созыв которого был назначен на зиму 1917/18 г. Той же тактики были намерены придерживаться правые социал-демократы (меньшевики). Однако левые социал-демократы (большевики), руководствуясь теорией Маркса и возглавляемые Лениным, выбрали, как мы знаем, другой путь.

Маркс, создав достаточно убедительную теорию капиталистического производства (недостатки ее, в особенности ошибочное утверждение об абсолютном обнищании пролетариата при капитализме, выяснились значительно позже), правильно предсказал его преходящий характер. Он предвидел наступление новой фазы исторического процесса, идущей на смену капитализму, но представлял ее еще в форме коммунизма, т. е. абсолютно гармонического будущего. О» ясно сознавал, что смена производственных отношений может наступить лишь по исчерпании всех возможностей капитализма, но при этом, по его предположению, потребуются более или менее насильственный переворот. Отметим, что в своей оценке исторического процесса марксисты исходили только из опыта Европы (и отчасти США), и прежде все-

го — из судеб Французской революции, которым они придавали универсальное значение.

В фазе капитализма, как уже отмечалось, естественные науки приобрели характер производительной силы. Марксисты же пытались использовать определенную гуманитарную науку (экономическую теорию) для вмешательства в исторический процесс. Для этого, конечно, было нужно, чтобы марксистская научная теория приобрела массовую, и притом международную, поддержку (Маркс отдавал себе полный отчет в сверхнациональном характере капиталистического производства). Чтобы получить такую поддержку, и была создана Международная ассоциация рабочих (I Интернационал), имевшая незначительное влияние, а после смерти Маркса — II Интернационал, в который вошла уже массовые европейские социал-демократические партии, по большей части парламентские.

Но массы не могут заниматься научной работой, они способны лишь заучивать предложенные им положения, принимающие демагогические формы. Научная теория, которая перестает совершенствоваться и догматизируется, перестает быть наукой. Эта теория в условиях массовости ее распространения уже не проверяется ни опытным, ни даже только логическим путем и должна превратиться в религию. Случай раннего буддизма и конфуцианства показывает, что религии могут существовать и без бога. Впрочем, — и в таком случае в дальнейшем происходит обожествление руководителей движения. Такая трансформация теории неизбежно привела к возникновению ошибочных расчетов.

В начале XX в. признаков исчерпания возможностей капитализма не наступало, и социал-демократы Европы все более занимались парламентской деятельностью. Иначе сложилась дело в России.

Ленин, ведущий русский марксист XX в., увидел в разразившейся мировой войне за передел колоний признак возникновения «империализма как последней стадии капитализма», как «эпохи мировых войн и революций» (опираясь при этом на опыт русско-японской войны и последовавшей затем неудачной русской революции 1905 г.). Он выдвинул ничем научно не подтвержденную гипотезу «слабого звена». Согласно ей, революция от капитализма к коммунизму может наступить в стране, где капитализм не только не исчерпал своих возможностей, как этого требовала классическая теория марксизма, но даже по-настоящему и не развился, а следовательно, был слаб. Однако на самом деле в России был слаб не только капитализм, «о и пролетариат, которому предназначалась роль «могильщика капитализма»: он составлял лишь очень малую часть населения (в 1910 г.

2—3%, не считая сельских батраков)³⁷. За семь лет- этот процент вырос незначительно. Таким образом, революция 1917 г., для того чтобы заменить в России «власть меньшинства» (капиталистов) «властью большинства», должна была бы быть крестьянской, а не пролетарской³⁸.

Однако, то гипотезе Ленина, после революционного «прорыва» в слабом звене коммунистическая революция должна была наступить не только в России, но и в других странах, где не только капитализм был заведомо силен, но и пролетариат по численности приближался к большинству населения. В этом именно смысле революция в России была задумана как «пролетарская революция». -Когда Ленин впоследствии пришел к власти, он учредил ксшпаб мировой революции» — Коминтерн. А в 1917 г. Ленин принял (временно) эсеровский лозунг ;«земля — крестьянам» и таким образом в дальнейшем (в ноябре этого года) смог совершить революционный переворот, привлекая на свою сторону не только малочисленных рабочих России, но и крестьян, а главное — состоявшую из крестьян армию. Обещание создать федеративную республику и явный интернационализм коммунистов привлекли на их сторону угнетенные национальности России.

16 апреля 1917 г. Ленин, Мартов и еще около 200 социал-демократов прибыли в Петроград. Это было неожиданно, ибо попасть в Россию они могли только через Германию. Так оно и было: при посредничестве нейтральных левых немцы пропустили из Швейцарии опечатанный поезд в Швецию, откуда было легко попасть в Финляндию и Петроград. Наличие тайных обещаний Ленина и его товарищей германскому правительству не может быть доказано, но немцы, очевидно, решили, что прививка России большой порции «пацифистов» поможет германскому делу.

На галошах сбоку от Финляндского вокзала Ленина и других встречала большая толла рабочих и солдат. Ленин взобрался на броневик и произнес свою знаменитую речь, которая легла в основу всей большевистской политики «а 1917 год (а казалось — навсегда). Он выдвинул требование немедленного мира с Германией, немедленного распределения помещичьих земель между крестьянами и передачи «всей власти Советам», т. е. призвал к непризнанию «аром Думы и Временного правительства.

До этого момента все социал-демократы России, как меньшевики, так и большевики, исходили из общеизвестной доктрины Маркса о том, что докапиталистические порядки должны быть сметены буржуазной революцией по типу Французской 1789 г. под руководством буржуа, « лишь когда внутренние противоречия капиталистического общества

назреют, численность пролетариата, его организованность и «сознательность» (т. е. приверженность марксизму) намного возрастут, власть сможет перейти к пролетариату, который и положит основу новых, социалистических производственных отношений. Но Ленин считал, «что опыт 1905 г. показал слабость русской буржуазии и ее неспособность, взять власть. Поэтому буржуазный этап революции должен быть проведен пролетарским авангардом, и эта революция: может перерасти в постбуржуазную, социалистическую при условии поддержки со стороны гораздо более сильного и организованного западного пролетариата. Признавая необходимость помощи западных рабочих, Ленин полагал, что союз рабочих и беднейшего крестьянства в России будет способен поддержать существование первого этапа революции вплоть до неминуемого пролетарского переворота в Западной Европе. Другими словами, применяя терминологию настоящей книги, Ленин предлагал совершить перескок с грани между шестой и седьмой фазами, где Россия все еще находилась, в восьмую. Но исторический опыт показывает, что спонтанный переход через фазу возможен только при господстве фазы высшей и после длительных и в производственном отношении плодотворных контактов между обществами двух фаз.

Другая точка зрения была представлена группой кмежрайанцев» во главе с Троцким, поддерживавшей сначала меньшевиков, но затем, и уже окончательно, примкнувшей к большевикам. Троцкий не соглашался с возможностью сохранения пережитков буржуазных отношений после победы пролетариата и считал, что революция, начинающаяся в России, должна быть «перманентной», т. е. за нею должны непосредственно следовать рабочие перевороты по всей Европе и по всему миру. Но на данном этапе истории между Лениным и Троцким не было больших расхождений. Троцкий вступил в партию большевиков и впоследствии сыграл в ней важную роль.

Для Ленина участие в парламентском режиме было неприемлемо, так как всякая парламентская процедура требует компромиссов и, помимо того, большевики не могли рассчитывать на большинство «ли даже на создание серьезной оппозиции в выборном парламенте, а следовательно, на участие во власти. Совсем иное дело — Советы: эти рыхло организованные объединения могли быть подчинены, большевиками. Отсюда лозунг «Вся власть Советам!».

Между тем 5 апреля 1917 г. новый министр иностранных дел, П. Н. Миллюков (как бы в ответ на запрос Вильсона), объявил о том, что военные цели России — присоединение австро-венгерской Галиции (населенной преимущественно-

украинцами и поляками), а также Константинополя и Дарданелльского пролива. Через четыре дня Петроградский Совет вынес решение о заключении немедленного мира «без аннексий и контрибуций». В свою очередь, Дума предложила добиваться «установления пробного мира на базе самоопределения наций». Это решение было 1 мая передано союзникам с одновременным уверением, что Россия будет продолжать войну до победного конца. В ответ в Петрограде произошли грандиозные демонстрации, Милюков и министр обороны Гучков вышли в отставку, а в июле, коалиционное правительство вошли и представители эсеров и меньшевиков ((представителей наиболее правых сил не было).

В результате всех этих событий дисциплина в армии близилась к нулевой отметке. Тем не менее новый министр обороны Керенский решил убедить солдатские комитеты продолжать войну и даже добился новой попытки наступления в Галиции. Из этого ничего не вышло, многие части просто отказались воевать.

В июле в Петрограде собрался I Съезд рабочих и солдатских депутатов, на котором большевиков насчитывалось около 12%. Но когда руководители съезда попытались организовать массовую демонстрацию в защиту «революционной демократии», большевики выставили контрдemonстрацию с требованием немедленного окончания войны. 16 июля большевистская демонстрация повторилась с большим участием рабочих, солдат и моряков флотской базы Кронштадт. Демонстрация грозила перерасти в очередной государственный переворот. Дело кончилось стрельбой по демонстрантам и их разгоном. Временное правительство стало принимать меры для ареста ведущих большевиков, был распушен слух о том, что Ленин — платный агент немцев; ему пришлось скрываться в пригородах Петрограда и в Финляндии. 21 июля Временное правительство было реорганизовано, причем Керенский получил пост премьера. Несмотря на некоторое колебание правительства, это означало продолжение войны.

Тем временем на окраинах империи началось движение за независимость нерусских народов. 17 мая в Киеве было организовано временное правительство Украины — Центральная Рада, возглавлявшаяся видным историком Грушевским. Временное правительство в Петрограде отказалось признать Раду, как не избранную общенародным голосованием (как будто действовавший остаток Думы был демократически избран!). Зато ряд льгот был предоставлен Финляндии, хотя вопрос о ее независимости был отложен до созыва Учредительного собрания. В Прибалтике складывались свои правительства, что было особенно опасно, так как до 1940 г. при-

балтийские области имели богатые и влиятельные немецкие меньшинства³⁹. Армения и Грузия ожидали созыва Учредительного собрания. В мае в Москве собрался съезд мусульман России. Но Временное правительство ничего никому не обещало.

В августе в Москве собралось «Демократическое совещание», на котором были представлены — довольно произвольно — различные группы населения и члены Думы прошлых созывов. Большевики в нем не участвовали, и никаких результатов оно не дало. Требования различных общественных и национальных образований были признаны в принципе справедливыми, но главной задачей оставалась оборона страны, что указывало на недостаточное понимание нужд и настроений солдат.

3 сентября немцы заняли Ригу, и Петроград оказался в опасности. Это вызвало правый мятеж против Керенского, возглавленный генералом Корниловым. Керенский обратился за помощью к Советам. Их представителям без особого труда удалось распропагандировать корниловских солдат; Корнилов был арестован. 15 сентября Керенский объявил Россию республикой, чему предшествовали тайные переговоры с Николаем II, находившимся в тылах фронта, и его отречение в пользу брата, который вслед за тем тоже отрекся. Но сентябрьские события не принесли Керенскому ни власти, ни славы — успех явно принадлежал большевикам. На VI съезде большевистской партии (Петроград, июль—август) была уже высказана мысль о необходимости взятия власти независимо от позиции Советов. Из большевистских лидеров Зиновьев и Каменев предлагали повременить с переворотом, но большинство пошло за Троцким и Лениным, выступавшими за немедленное взятие власти (сам Ленин пока еще скрывался).

Международное общественное мнение колебалось между поддержкой правых (Корнилова) и левых (Керенского). Деятельность большевиков совершенно не учитывалась. Между тем провал «корниловщины» был для большевиков сигналом к возможности захвата власти. Троцкий, как председатель Петроградского Совета, создал тайный «Временный революционный комитет». Жалкие попытки Керенского упрочить свою власть ни к чему не привели: большевистские агенты и комиссары были уже введены в воинские части и на главные предприятия. В ночь с 6 на 7 ноября (24—25 октября по старому стилю) большевики смогли почти бескровно произвести государственный переворот в Петрограде. Члены правительства находились в прежней императорской резиденции — Зимнем дворце. Керенский накануне бежал, и был пущен слух, что переодетый и чуть ли не в женской

одежде. Дворец охранялся женским добровольным батальоном, выстроившимся за громадными штабелями дров, приготовленными для отопления дворца. Но когда на подступах к площади с разных сторон появились вооруженные повстанцы, какой-то вахмистр распустил женщин по домам.

Никакого штурма Зимнего дворца, как он представлялся *post factum* в фильмах и на живописных полотнах, не было. Повстанцы подошли к левому подъезду дворца со стороны площади и обнаружили, что он не охраняется, поднялись по лестнице в «Малахитовую гостиную» и в «Белую столовую» и арестовали всех находившихся там членов Временного правительства. Никаких бесчинств при взятии дворца тоже не было, если не считать проткнутого штыком портрета Николая II. Скульптура, картины, мебель — все осталось в порядке. Но несколько позже во дворец стали проникать уголовники и пьяницы, поскольку он не охранялся. Они-то действительно нанесли вред дворцу, хотя предметом их вожделения были главным образом винные погреба.

8 ноября состоялось первое заседание Петроградского Совета при участии только большевиков и левых эсеров, на котором были приняты важнейшие декреты. Первый предлагал всем воюющим сторонам заключить немедленно мир без аннексий и контрибуций при согласии советского правительства рассмотреть любые мирные предложения. При этом была обещана публикация всех тайных договоров и соглашений, заключенных предыдущим правительством России. Второй декрет был о земле. Он провозглашал конфискацию в пользу государства всех помещичьих, царских и монастырских земель, которые затем должны были быть розданы крестьянам на условиях, которые выработает будущее Учредительное собрание. Затем был установлен восьмичасовой рабочий день, на предприятиях введены рабочие комитеты. Некоторые предприятия и все банки были национализированы (остальные предприятия были национализированы лишь летом 1918 г.). Учрежденному Всероссийскому комитету народного хозяйства было поручено управление всей индустрией.

В середине ноября большевики назначили главнокомандующим Западного фронта своего человека — прапорщика Крыленко⁴⁰.

Ленин давно уже объявил о «шраве наций на самоопределение вплоть до отделения», но вопрос состоял в том, кого большевики считали законными представителями наций. Так, они в принципе признали право Украины на отделение, но существующую Центральную Раду считали недемократической, потому что в ней были слабо представлены промышленные (сочувствующие большевикам) русскоязычные районы, а также потому, что Рада свободно пропускала царских

офицеров на Дон, где формировалась Добровольческая армия («белая», т. е. антибольшевистская), но не разрешала большевистским отрядам преследовать белых. В результате большевики создали в Харькове свое особое правительство Украины (во главе с Христианом Раковским⁴¹). Отсюда был организован поход против Центральной Рады. Члены Рады пытались обратиться к союзникам, но те никогда не признавали независимости Украины; в феврале 1918 г. в Брест-Литовске Центральная Рада подписала мир с Германией, но на германский вкус она была слишком демократична, и они поставили во главе Украины самозванного гетмана Скоропадского.

В Закавказье был создан Закавказский комиссариат, принявший на себя власть вплоть до решений Учредительного собрания.

В составе советского правительства Ленин создал комиссариат по делам национальностей под руководством Джугашвили (Сталина) — кадров было мало, со времен подполья они плохо знали друг друга, и довольно сомнительное прошлое Сталина осталось неизвестным, тем более что он впоследствии беспощадно уничтожал всех, кто знал о его прошлом вообще что-либо, плохое или хорошее. Деятельность комиссариата особенно поддерживали волжские татары, где был большой процент промышленных рабочих. В Казахстане создавалась собственная националистическая организация — «Орда», а в Средней Азии пытались учредить «Мусульманский центральный совет», однако русскоязычный пролетариат Ташкента (в основном железнодорожники) не только не признал этот совет, но и запретил мусульманам занимать административные должности. Мусульмане создали свой особый совет в Коканде и в течение ряда месяцев держали в подчинении сельские местности, в то время как в городах в основном имели поддержку большевики. Партизанская война против большевиков длилась в Средней Азии много лет.

В течение второй половины 1917 г. шла подготовка к созыву Учредительного собрания. Вначале предполагалось, что выборы состоятся ранней осенью на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования. Но в столь отсталой стране, как Россия, и в условиях бушевавшей в армии и в городах острой политической борьбы выборы состоялись без возражений со стороны Ленина только в ноябре 1917 г. Результат голосования был такой: эсеры (русские и украинские) — 419 мест, большевики — 168, меньшевики — 18, конституционные демократы (кадеты) и правые — 17, прочие — 81 место. Левые эсеры и многие «прочие» голосовали с большевиками, которые таким образом имели более 200 голосов, а против себя — почти 400 (но правые и кадеты с меньшеви-

ками не блокировались). Большевики заявили, что править страной должны Советы рабочих депутатов, так как Учредительное собрание — учреждение буржуазное и, во всяком случае, отражающее не текущее мнение народа, а уже отошедшее в прошлое.

В Петроград к 18 января 1918 г., ко дню созыва Учредительного собрания, съехалось лишь около половины избранных депутатов. Когда предложение большевиков и левых эсеров признать права Советов выше прав Учредительного собрания было провалено (230:136), большевики и левые эсеры ушли с него. В ночь на 19 января матросы, охранявшие Таврический дворец, где шло заседание, заявили, что «караул устал», и предложили всем разойтись. Собравшаяся наутро демонстрация протеста была разогнана силой оружия.

В течение некоторого времени в Петрограде царила анархия: неизвестные лица громили магазины, грабили квартиры, другие неизвестные производили аресты и расстрелы. Банки забастовали, но управление ими переняли комиссары с маузерами. Вообще, «народными комиссарами» именовались только члены нового, большевистско-левоэсеровского правительства, но назначенные на местах или самозванные комиссары появлялись на предприятиях, в цехах, учреждениях, «домовых управлениях» и т. д. Все они обзавелись револьверами и без зазрения совести расстреливали всех, кто казался им «буржуем» или «контриком».

Большевикам удалось навести некоторый порядок чрезвычайными мерами, но продовольственная ситуация только ухудшилась и в течение всей Гражданской войны была очень тяжелой.

Сразу после переворота были закрыты все газеты, кроме официальных коммунистических. Некоторое время, правда, выходила одна газета, настроенная критически по отношению к советской власти; ее издавал М. Горький, тогда еще не перешедший на сторону большевиков. Те создали Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем («Чека»), признававшую только одну карательную меру — расстрел. «Чека» — это был орган, возглавлявшийся большевиком-дворянином Дзержинским, но использовавший множество темных и бесовестных людей. Он поставлял на расстрел тысячи и десятки тысяч людей, не заботясь о судебной процедуре. Расстреливали по непроверенным данным за былую политическую или антибольшевистскую (в самом широком смысле) публицистическую деятельность, за офицерское звание в царской армии, расстреливали крупных (и не очень) помещиков и купцов и т. д.

15 декабря 1917 г. большевистское правительство подписало временное перемирие с Германией в Брест-Литовске.

Забастовки, незадолго до того прошедшие в некоторых городах Германии, усилили веру большевиков в близость мировой революции. Поэтому вместо ответственных уполномоченных большевики выслали на фронт агитаторов с намерением разложить немецкую армию и настроить ее в пользу революции. Со своей стороны немецкие уполномоченные настаивали на том, что условия перемирия не распространяются на Латвию, Литву и Польшу, которые становятся частью Германской империи. Троцкий, возглавивший советскую делегацию, выдвинул свою нелепую формулу «ни мира, ни войны». В феврале 1918 г. Германия уже заключила мир с украинской Центральной Радой, но еще в конце 1917 г. советская делегация покинула Брест-Литовск; Германия и Австро-Венгрия возобновили наступление. Один из виднейших коммунистов, Бухарин, предлагал начать «революционную войну» с Германией. После долгих споров и лишь незначительным большинством голосов Ленин добился в ЦК решения в пользу мира с Германией, который и был подписан 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске. Однако, не уверенные в том, что немцы будут соблюдать мир, большевики 12 марта 1918 г. перенесли столицу из Петрограда в Москву⁴².

Согласно Брест-Литовскому миру Россия теряла Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и часть Белоруссии. Украина была в руках Центральной Рады, но вскоре тоже перешла под фактическую власть Германии. Финляндия уже раньше по договору с Советской Россией получила полную независимость на всей своей территории, хотя некоторые коммунистические партизанско-путчистские действия еще продолжались здесь несколько лет. Турции Советская Россия отдала порт Батуми, а также города Каре и Ардаган с их областью (в целом — армянской).

Закавказье в 1918—1922 гг. подверглось внешней оккупации (турок, англичан, снова турок) и испытало внутреннюю кровопролитную борьбу. Одно время существовали независимые демократические республики — Грузия, Армения, Азербайджан (см. об этом ниже).

На VII партийном съезде в марте 1918 г. большевики приняли название «Российская Коммунистическая партия (большевиков)» (РКПб). Брестский мир был ратифицирован Съездом Советов сразу же после этого, но съезд (по другим причинам) покинули левые эсеры. Вскоре был спровоцирован эсеровский мятеж, и все ведущие эсеры взяты под стражу. Станным образом некоторые из них, в том числе наиболее выдающийся их лидер М. Спиридонова, не были расстреляны в течение долгого времени. Спиридонову расстреляли вместе с другими выдающимися деятелями в подмосковной тюрьме в 1941 г. ввиду приближения немецкой армии.

К середине 1918 г. страна явственно распалась на два политических лагеря — «красных» и «белых». К «красным» принадлежали большевики и сочувствующие им, к «белым» — те, кто враждебно относился к ним по самым разным причинам, но одинаково желал видеть единую и небольшевистскую Россию. У красных была большая, хотя и мало дисциплинированная армия, и до 1920 г. за ними стояло большинство крестьян, между тем как у белых было хорошо организованное и отчасти снабжаемое союзниками, но небольшое военное ядро под командой сначала генерала Корнилова, а затем генерала Деникина на Кубани.

Назревала новая война, значительно более кровавая, чем германская. Только было солдаты начали расходиться по своим деревням, как был объявлен набор в Красную гвардию (вскоре ставшую Красной армией, пополнявшейся путем принудительной мобилизации).

Новое наступление германских войск на Западном фронте в 1918 г. заставило страны Антанты сделать усилие для воссоздания хоть какого-нибудь Восточного фронта. Небольшой отряд британских и американских войск высадился в марте 1918 г. в Мурманске (с согласия местного Совета). В Мурманске стояли в это время русские военные корабли⁴³. Англичане их захватили, чтобы позже, в начале 20-х годов, разобрать на металл. В апреле японцы оккупировали Владивосток и Приамурье, а турки — Батуми с согласия РСФСР, но без извещения грузинских властей, которых Москва не признавала. В августе англичане заняли Архангельск, где было посажено марионеточное правительство во главе с престарелым народником Чайковским.

На территории России в предыдущие годы был создан вооруженный чехословацкий легион — из чехов и словаков, взятых в плен или дезертировавших из австро-венгерской армии. Советское правительство предложило чехословакам ехать на Дальний Восток, чтобы эвакуироваться оттуда морем. Но чехословаки почувствовали себя как в ловушке, и между ними и местными властями начались вооруженные инциденты. Троцкий, как наркомвоенмор, приказал чехословакам разоружиться. Те отказались и захватили транссибирскую магистраль. Отчасти в связи с этими событиями, отчасти независимо создавались (главным образом эсерами) эмбрионы альтернативного правительства. Большевики исключили всех эсеров и оставшихся меньшевиков из Советов и запретили им политическую деятельность. В июле 1918 г. группа левых эсеров убила посла Германии в Москве Мирбаха. Этим дело не ограничилось. 30 августа в Петрограде был убит главный местный чекист Урицкий, а в Москве эсерка Каплан тяжело ранила Ленина⁴⁴. На короткое время эсеры

захватили помещение «Чека», но были вытеснены оттуда. Вскоре были подавлены также восстания в Ярославле, Вологде и других городах.

Подавление эсеровского мятежа превратило советскую власть в однопартийный режим. Отныне все важнейшие решения по государственным вопросам принимались не в Советах, а в ЦК коммунистической партии — органе, не избираемом народом.

Раз уж речь зашла о «Чека», имеет смысл несколько пояснить ее деятельность. Так, в 1919 г. группа анархистов пыталась взорвать в Москве особняк, где на совещание должны были собраться члены большевистского ЦК. Заговор был раскрыт, и все причастные к нему анархисты были расстреляны, но заодно «Чека» произвела облаву среди самых разных слоев населения, не имевших к анархизму ровно никакого отношения, но, вероятно, недружелюбно относившихся к советской власти. Было расстреляно несколько сот человек. Это один случай, а по всей стране их были сотни, если не тысячи⁴⁵.

В сентябре 1918 г. в Уфе собрались некоторые члены разогнанного год назад Учредительного собрания (естественно, главным образом эсеры); существовал еще Комитет Учредительного собрания в Самаре. Уфимское собрание учредило Всероссийскую Директорию как временный орган власти вплоть до созыва законного Учредительного собрания в полном составе. Однако Красная армия, организованная Троцким и его соратниками, к осени заняла большую часть не только западной, но и восточной части Европейской России. Директория была перенесена в Сибирь, в Омск, где срочно была сколочена новая («белая») армия под командованием адмирала Колчака. При нем состояли британская и американская военные миссии.

Участие западных держав в событиях российской гражданской войны было незначительным и главным образом символическим, но оно дало основание коммунистам развернуть грандиозную пропаганду не просто даже об интервенции, но и о «походе Антанты на РСФСР»; поражение Антанты должно было произойти в результате всемирной революции, в быстрое наступление которой ранние коммунисты свято верили. Между тем у Антанты хватало забот на Западе.

Колчак считал эсеров такими же «красными», как и большевиков. В ноябре 1918 г. он произвел переворот, сделавший его единоличным диктатором — впредь до восстановления в России империи.

Сложнее и многостороннее Гражданская война шла на Украине. Режим Скоропадского, поддержанный немцами, развалился с их уходом, на части украинской территории к

власти пришли, левые украинские националисты во главе с Петлюрой, склонным к кровавым расправам и еврейским погромам. На другой части, включавшей почти целиком русскоязычный Донбасс и Харьков, власть принадлежала коммунистам, которые тоже расправлялись с нежелательными людьми, но больше тайно, чем публично. Кроме того, часть украинской территории была занята анархистами, которых возглавлял Нестор Махно; тот тоже не стеснялся в средствах проявления своей власти и заигрывал со всеми другими сторонами, кроме белых.

Белые эмиссары в странах Антанты утверждали, что они никогда не нарушали верности ей, что реальная российская армия Деникина продолжает существовать на Кубани. Поскольку, говорили они, революционное движение развивается не только в России, но и в побежденных странах — Венгрии и Германии, где делались попытки создать советские республики, а следовательно, коммунизм грозит всему миру, — постольку Антанта должна предоставить действенную помощь против коммунистов. Страны Антанты отнеслись к этому довольно прохладно: перспектива ввода большой армии на территорию России, конечно, не могла серьезно рассматриваться; такая мера привела бы к провалу любого правительства на выборах. Они оказывали довольно умеренную материальную помощь Колчаку и Деникину. Что же касается вооруженной помощи, то она была ничтожной. Французы, высадившиеся в Одессе, вообще неясно понимали, кому надо помогать, и вывели свои части в марте—апреле 1919 г., британцы и американцы покинули Мурманск и Архангельск в сентябре—октябре 1919 г. Только японцы продержались на Дальнем Востоке дольше.

Но именно на 1919 и 1920 годы пали основные события Гражданской войны. В начале 1919 г. Колчак начал энергично наступать из Сибири и через Урал, хотя его беспокоили с тыла красные партизаны; но с конца лета его наступление сменилось бегством на восток. Учрежденное в Иркутске временное колчаковское правительство было захвачено эсерами, которые выдали Колчака красным, и он, вместе с приближенными к нему лицами, был расстрелян в начале 1920 г. Затем начались расстрелы настоящих и мнимых колчаковцев.

Поздним летом 1919 г. началось мощное наступление Деникина с Кубани на Центральную Россию. В августе в его руках была Украина. В октябре 1919 г. был занят Орел, уже совсем недалеко от Москвы. Одновременно генерал Юденич, создав воинский контингент в Эстонии, начал наступление на Петроград, в котором при этом начались обычные массовые аресты и расстрелы. Однако к тому времени Красная армия

стала вполне боеспособной, ее командиры приобрели опыт, и Юденич и Деникин понесли поражение с тяжелыми потерями. Армия Юденича вернулась в Эстонию и там распалась, а тающая армия Деникина продолжала свое бегство до Новороссийска, где в марте 1920 г. ее остатки были эвакуированы судами Антанты.

Однако мощный очаг сопротивления красным еще сохранялся под командой генерала Врангеля в Крыму. Вскоре после октябрьского переворота большевики попытались захватить Крым, но их вожди были схвачены и расстреляны. В апреле 1918 г. в нарушение Брестского мира Крым пробовали занять немцы, но затем полуостров при известной помощи Антанты был занят белыми. К концу 1920 г. Крым превратился в убежище многочисленных беженцев от коммунистов. Перекопский перешеек, соединяющий Крым с материком, был сильно укреплен. В июне 1920 г., когда началось польское наступление на коммунистическую уже Украину, войска Врангеля вышли из Крыма и двинулись на Украину и Кубань. Но силы красных к этому времени были настолько превосходящими, что врангелевские части свели свои цели к тому, чтобы обеспечить своевременную эвакуацию гражданского населения из Крыма, с Кубани и из Одессы. Из одного только Крыма было эвакуировано 150 тыс. человек. Красная армия во главе с Фрунзе прорвала позиции белых у Перекопа и заняла Крым. После этого большевистские власти, возглавляемые Р. Землячкой, венгерским коммунистом Бела Куном и братом Ленина Д. Ульяновым, учинили чудовищную массовую расправу над сдавшимися врангелевскими офицерами и солдатами и неэвакуировавшимися «буржуазными элементами» и интеллигенцией — в том числе с застрявшими в Крыму дачниками. На этом Гражданская война могла бы считаться законченной, если бы не организованное эсерами крестьянское восстание под руководством Антонова в Тамбовской губернии, длившееся почти год и подавленное красными войсками Тухачевского. По обыкновению затем последовали массовые расстрелы. В казачьих станицах на Дону и на Кубани значительная часть населения поддерживала белых, и там шла кровавая кампания «расказачивания», потребовавшая сотни тысяч жертв.

Долго беспокойными были мусульманские области Средней Азии, и партизанские налеты басмачей, базировавшихся на Афганистан (и — косвенно — на Британскую империю), продолжались до 1930 г.

Не сразу был решен вопрос и на Украине. Петлюра заключил союз с польским президентом Пилсудским, рассчитывая на будущую польско-украинскую федерацию. Поляки претендовали на восстановление своих владений в границах

1772 г., т. е. со включением всей территории Белоруссии и Украины к западу от Днепра. Однако они не получили поддержки от украинского населения. Это время памятно жестокими погромами евреев, совершавшимися как петлюровцами, так и поляками. Количество жертв неизвестно, но оно, вероятно, выражалось шестизначным числом. Красная армия выбила поляков из Киева и быстро двинулась двумя колоннами на запад.

1920 год был годом коммунистических попыток совершить революцию в Германии, и Кремль, по-прежнему ориентированный на всемирную революцию (без чего коммунистический переворот в крестьянской России терял всемирно-историческое значение), решил, разбив поляков, выйти в революционную Силезию. Северная группа войск, возглавляемая выучеником царской военной школы Тухачевским, имела наибольший успех. В оккупированном Белостоке было создано временное правительство коммунистической Польши, и в августе красные уже шли к Висле. Но южная группа (Первая конная армия), возглавлявшаяся бывшим вахмистром Буденным и укомплектованная плохо организованными и недисциплинированными бойцами, вместо того чтобы идти на поддержку Тухачевскому, углубилась в Галицию, занимаясь отчасти военными действиями, отчасти грабежом. Между тем в Германии революционное движение было подавлено.

В августе 1920 г. поляки перешли в контрнаступление. Боевой дух красноармейцев падал под влиянием вестей из дому (реквизиции продовольствия — «продразверстка»), и в октябре 1920 г. РСФСР подписала перемирие с Польшей. По окончательному, Рижскому договору от 18 марта 1921 г. к Польше отошли значительные белорусские, а также украинские территории (прежде всего бывшая австро-венгерская Галиция, где преимущественно польским было городское население).

В Прибалтике после падения Юденича коммунисты попытались взять власть; в Риге она продержалась до мая 1919 г. (надо заметить, что латышские стрелки давно составляли самую надежную — и едва ли не самую жестокую — часть Красной армии). Но в 1920 г. Красная армия была уже слишком утомлена, а британцы ввели в Балтику свои военные корабли. В феврале РСФСР заключила мирный договор с Эстонией, в июле — с Литвой (у которой вскоре Пилсудский отнял частично польскоязычный город Вильно — Вильнюс, историческую столицу Литвы, — и Виленскую область), а в августе был подписан мир с Латвией. Бессарабию коммунисты уже не пытались отвоевать, хотя не признали ее аннексии Румынией.

В 1920 г. Грузия, Армения и Азербайджан получили при-

знание Антанты *de facto* (причем Армения теоретически включала и бывшие армянские области Турции, обезлюдевшие после геноцида 1915 г.). Пришедший в Турции к власти Мустафа Кемаль-паша (впоследствии получивший имя «Ата-тюрк» — «Отец турок») восстановил здесь турецкие границы и занял Каре и Ардаган. Армянское национальное правительство (социал-демократической партии дашнаков) смогло, однако, нанести туркам серьезное поражение и отбросить их за Араке. В Грузии меньшевистское правительство имело довольно единодушную поддержку.

Проблема Азербайджана⁴⁶ заключалась в том, что националистическая партия мусаватистов имела поддержку у тюркского (отныне азербайджанского) сельского населения и у жителей мелких городов, однако большой промышленный центр Баку с русским, армянским и еврейским пролетарским населением ее не желал.

В апреле 1920 г. мусаватистское правительство сдалось под угрозой восстания в Баку и наступления Красной армии. В декабре 1920 г. РСФСР заключила мир с кемалистской Турцией, по которому границей была признана р. Араке, а подавляющая часть русской Армении и Батуми отошли к России. С Грузией российское советское правительство в мае 1920 г. заключило мирный договор, что не помешало в феврале 1921 г. советским войскам ее оккупировать. В декабре 1922 г. была создана Закавказская Советская Федерация, в дальнейшем вошедшая в СССР. Значительно позже она была разделена на Грузию (с включением абхазской, юго-осетинской⁴⁷ и аджарской автономий), Армению и Азербайджан.

На Дальнем Востоке было создано социалистическое буферное государство — Дальневосточная республика. Японцы» видимо, были этим удовлетворены и, продолжая еще борьбу с партизанами, покинули Прибайкалье и Приамурье. Но они не хотели расставаться с Владивостоком и Приморьем. Такое усиление Японии не устраивало Соединенные Штаты, и осенью 1922 г. японское правительство заверило Вашингтон, что выведет все свои войска с бывшей русской территории. Дальневосточная республика была немедленно включена в РСФСР.

Необоснованная гипотеза Ленина, положенная в основу революционных действий, ценой большого кровопролития в ходе Гражданской войны и сопровождавших ее с обеих сторон безудержных, жесточайших репрессий привела к установлению новых производственных отношений на несколько уменьшившейся территории бывшей Российской империи — с 1922 г. в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР). В него кроме Российской Федерации (РСФСР) влились еще Белорусская ССР, Украинская ССР, Закавказская

Федеративная ССР и по-разному компоновавшиеся советские республики Казахстана и Средней Азии.

СССР сохранил имперский характер, поскольку предоставленная нерусским национальностям разная степень автономии во всех случаях имела фиктивный характер.

Несмотря на то что новое государство называлось Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, а затем Союзом Советских Социалистических Республик, практически Советы играли в нем только декоративную роль: все политические, хозяйственные и даже культурные дела решались в ЦК РКП(б) и в ее губкомах и укомах (позже — обкомах и райкомах).

Вторым после Ленина человеком в республике был, бесспорно, Троцкий. Как наркомвоенмор, он превратил Красную армию из необученного сброда, солдат-сверхсрочников, рабочих, проводивших Первую мировую войну на заводах и не нюхавших пороха, в дисциплинированную и в высшей степени боеспособную армию, несмотря на то (или именно потому) что командиры питались вместе с бойцами и не отличались от рядовых обмундированием; «товарищ» было единственным обращением между военными всех должностей. Троцкий же добился разрешения включить в кадры Красной армии проявивших лояльность опытных офицеров царской армии (другой видный большевистский деятель, Зиновьев, был более склонен их расстреливать; Сталин, который в этом разделял взгляды Зиновьева, в то время еще никакой значительной роли не играл). Созданию жесткой армейской дисциплины содействовала и строгая партийная дисциплина. К концу Гражданской войны Красная армия по боеспособности намного превосходила белые формирования. Для победы Красной армии большое значение имело и то обстоятельство, что большевики удерживали центр и его коммуникации, а белые находились на разных и не соприкасавшихся перифериях.

Как мы уже знаем, Ленин и коммунисты пришли к власти в 1917 г. потому, что приняли эсеровский лозунг «земля — крестьянам». Но как социал-демократы большевики всегда были убеждены, что сельское хозяйство следует национализировать, превратив крестьянина в пролетария, и это убеждение укрепилось в большевистском мышлении, несмотря на заявление Ленина в 1917 г. о передаче земли крестьянам. Кроме того, само ведение войны требовало чрезвычайных мер для снабжения хотя бы минимальным продовольствием не только армии, но и страны в целом. Для ведения войны нужна была новая мобилизация боеспособных (и работоспособных) крестьян и реквизиция продовольствия. Все это было окрещено «военным коммунизмом», и предполагалось, что такое положение продлится лишь до конца войны. Между

тем само понятие «крестьянства» как целого выпало из коммунистической идеологии. Теперь считалось, что существуют «кулаки», ведущие товарное производство и эксплуатирующие наемную рабочую силу, а потому принадлежащие к классовым врагам, нейтральные «середняки» и «бедняки», которые рассматривались как нечто вроде сельского пролетариата. Однако, если исключить больных и увечных, «бедняки» в основном состояли из неудачников, пьяниц и лодырей.

Отношения между крестьянами и коммунистами ухудшились с 1920 г., когда особенно жестоко проводилась введенная ранее «продразверстка» — отобрание у крестьян всего продовольствия, кроме того количества, которое, по мнению данного комиссара, было строго необходимо крестьянам для поддержания жизни.

Рабочий класс понес большие потери, потому что его наиболее активные и трудоспособные представители ушли в армию или в «комиссары». Индустриальное производство было полностью расстроено. Именно в этих условиях в головах Троцкого и его друзей возникла мысль, что военный коммунизм должен быть сохранен до (скорой, конечно) мировой революции и вообще может послужить образцом для будущего социалистического промышленного производства.

В начале 1921 г. в Петрограде прошли массовые забастовки, не только экономические, но и политические. Рабочие настаивали на освобождении из заключения социалистов-небольшевиков. В марте на балтийской военной базе Кронштадт возникли волнения. Моряки требовали передать власть от коммунистических комитетов Советам, как и было объявлено в ноябре 1917 г., и прекратить непомерные поборы с крестьян⁴⁸. 17 марта 1921 г. вокруг Кронштадта, еще скованного льдом, были собраны военные силы и начат обстрел города артиллерией. Моряки ответили тем же, а 18 марта город был взят штурмом. Началась неслыханная резня. Кое-кто на лодках бежал в Финляндию, кого-то оставили в живых — нельзя же было предоставить корабли самим себе; но, по-видимому, большая часть гарнизона была истреблена.

В том же марте 1921 г. состоялся X съезд РКП(б). На нем группа «рабочей оппозиции» требовала подавления только классовых врагов, но свободы слова и мнений для трудящихся и перенесения центра власти от партийных в профсоюзные комитеты. Близкая к ней группа «демократического централизма» ратовала за сохранение однопартийной системы, но с соблюдением свободы внутри этой партии. Ленин выступил против оппозиции, и она была побеждена громадным большинством голосов. Надо сказать, что старые социал-демократы большевики составляли к этому вре-

мени ничтожный процент делегатов съезда, а большинство прошло через горнило войны и чрезвычайек.

Съезд запретил создание фракций внутри партии. «Фракцией» считалось всякое обращение к партийным органам с особым мнением не от себя лично, а хотя бы от двух-трех коммунистов.

Наиболее важным решением съезда был отказ от «продразверстки» и переход к фиксированному «продналогу». Кроме того, Ленину, видимо, стало ясно, что всемирной коммунистической революции в ближайшем будущем не предвидится. Между тем революция в России была рассчитана лишь как фитиль, который должен зажечь аналогичные революции в других странах; но даже слабые попытки произвести социалистическую революцию в Венгрии, Баварии в ноябре 1918 г. были легко сметены капиталистическими силами. Поэтому Ленин вернулся к марксовой идее медленного вызревания коммунистических отношений и победы их лишь тогда, когда исчерпаются все положительные возможности капиталистического производства. Ленин объявил введение «новой экономической политики» (НЭП), при которой допускалось контролируемое частное предпринимательство (даже в книгоиздательском деле) на неопределенный, но достаточно долгий период времени. С этой идеей многие коммунисты, в том числе Сталин, не были согласны, но авторитет Ленина принудил их замолчать. Итак, крестьяне в 1921 г. все же получили землю, обещанную им в 1917 г.

Авторитет Ленина еще усилился благодаря окончательно утверждению нерушимой и не подлежащей обсуждению партийной власти. Коммунистические ячейки должны были руководствоваться указаниями вышестоящих партийных органов, те — решениями политбюро с его вспомогательными органами — секретариатом во главе с генеральным секретарем и оргбюро, а наверху всей пирамиды стоял Ленин. О такой полноте диктаторской власти XX век еще не слыхивал.

Для Ленина это не было последним словом. Еще нужно было обдумать, как сохранить монопольную власть партии в условиях практического возвращения к контролируемой форме капиталистической экономики. Но Ленину оставалось жить очень недолго. В результате внутрипартийных интриг и манипуляций к власти пришел самый темный и беспринципный из приближенных Ленина (но далеко не из самых близких) — Сталин. Здесь начинается новая и наиболее трагическая полоса истории человечества.

Число потерь за время Гражданской войны в России трудно установить⁴⁹. Говоря словами поэта, лозунгом тех лет было «Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер», но деятельность маузера не поддается статистике, да и организо-

ванные расстрелы происходили втайне, в оврагах и подвалах. Белые, правда, вешали публично, но тоже, конечно, далеко не всегда. Надо также учесть сильнейшие эпидемии тифа и других болезней, косвенно связанные с состоянием всеобщей войны. Если после Первой мировой войны одна только эпидемия гриппа — «испанка» унесла миллионы жизней, а на фронте до Брестского мира погибло 9 млн. русских солдат, то количество жертв Гражданской войны следует считать порядка 20 млн. Но главные потери нашей стране еще предстояли.

Поскольку характер производительных сил и технология производства оружия не изменились, никакого посткапиталистического общества не образовалось и не могло образоваться. Вместо этого вскоре после смерти Ленина в 1924 г. воссоздался капитализм в самой примитивной и грубой форме, включавшей в дальнейшем и рабовладельческое производство. Капитализм этот, называвший себя сначала «коммунизмом», а потом «социализмом как первой фазой коммунизма» и даже «развитым», или «реальным», социализмом, был, естественно, государственным, а новый господствующий класс был организован в гигантский бюрократический аппарат. Этот аппарат первоначально образовался из небольшого числа наиболее активных большевиков (коммунистов — сторонников Ленина). Потом наступил период беспощадной борьбы за власть между наследниками Ленина — Троцким и Сталиным⁵⁰, Бухариным и Сталиным. Кто смог прийти к власти (а в конечном счете им оказался Сталин), тот смог организовать массовые казни и другие жестокие репрессии, оправдываемые тезисом о том, что «насилие — повивальная бабка истории». Репрессиям подвергались и коммунисты, недостаточно преданные Сталину.

В новый господствующий класс стали входить те, кто выжил и пробрался к власти в этой жуткой обстановке, по преимуществу наиболее беспринципные и способные устроиться в самой кровавой ситуации. Защищенные непроницаемой, тщательно охраняемой государственной тайной, они устраивались с комфортом, которому позавидовали бы многие западные капиталисты. Этот класс эвфемистически назывался «номенклатурой». Член номенклатуры мог, как всякий советский гражданин, в любой момент быть брошен в лагерь или расстрелян по самым фантастическим и ничем не подтвержденным обвинениям (причем от него, как и от любого советского заключенного, требовалось обязательное собственное признание, вынуждаемое нечеловеческими пытками, угрозами «взять» детей и т. п.). Но уж если член номенклатуры не попадал в мясорубку, то он навсегда оставался в номенклатуре, а в случае неудовлетворительного исполнения

своих политических или хозяйственных обязанностей рисковал лишь переводом на другую номенклатурную должность, иногда связанную с некоторым понижением уровня материальных привилегий⁸¹.

Слабость ленинской теории заключалась, между прочим, и в том, что он и его сторонники не поняли историческую роль интеллигенции для развития как капиталистического, так и особенно посткапиталистического производства (см. об этом в конце раздела). Ленинцы рассматривали интеллигенцию не как самостоятельный фактор исторического процесса, несущий социально-психологические импульсы к общественным переменам, а как составную часть класса буржуазии; при этом подразумевалось само собой, что уж буржуазия-то безусловно подлежала физическому «революционному» истреблению — и интеллигенция в значительной части была тоже уничтожена. Если какая-то ее доля, в основном наиболее конформистская, и уцелела, то только потому, что совсем беа интеллигенции общественные и государственные механизмы вообще не могли бы работать. Однако, несмотря на сохранение в России некоторых блестящих умов, прекрасных специалистов, несмотря даже на освоение атомной и космической⁵² технологий, научно-техническая и производственная революция, необходимая для перехода общества в посткапиталистическую фазу, сделалась в СССР в полном объеме невозможной.

При всем различии идеологических установок между коммунизмом и, скажем, нацизмом функционально Советский Союз выполнял историческую роль тоталитарного государства. Особенно характерны: во-первых, срастание партии с государственным аппаратом, причем все серьезные вопросы решались не на «советском», а на партийном уровне, и, во-вторых, основанность режима на репрессиях⁵³.

Нерасстрелянные жертвы репрессий отправлялись в отдаленные и строго засекреченные лагеря на рабский труд и медленную смерть. Обширность неосвоенного пространства страны позволяла держать существование лагерей в тайне от большинства населения. Число рабов-заклученных в разное время колебалось, по-видимому, между 5 и 20 млн.⁵⁴.

Большая часть населения вследствие всепроникающего режима секретности, малейшее нарушение которого грозило жизни провинившегося (и судьбе его близких), ничего не знала ни о роскоши жизни «номенклатуры», ни о мучениях лагерных рабов («заклученных», «зэков») или лишь отчасти догадывалась о том. Но даже разговор с приятелем или родственником на эти темы мог стоить жизни, поэтому все молчали, нередко даже дома. Сталин рассчитывал обеспечить себе норму по одному доносчику («стукачу») на пять человек на-

селения. Поэтому все руководствовались в своих действиях не только коммунистическим энтузиазмом (как бы лишь подкрепленным страхом), но и прямым, животным ужасом; в то же время люди относились безразлично к своим трудовым обязанностям: от результата этого труда не зависело индивидуальное благосостояние, а возможность попасть под репрессии тоже не стояла в прямой зависимости от качества и характера выполнения вверенной работы. В то же время мощный аппарат пропаганды внушал населению (и самому себе), что жестокие репрессии и «режим экономии» (с общей тенденцией к понижению уровня жизни) вызваны наличием вокруг страны социализма кольцевой военной блокады: страну •ограждали вооруженные до зубов враждебные силы единых в своей ненависти капиталистических государств (на самом деле единства как раз не существовало).

Если что-либо особенно прочно вошло в образ мыслей каждого «советского человека», то это именно идея жизни в кольце вражеской блокады (сдерживаемой лишь солидарностью зарубежных революционных сил); это и еще обязательное молчание, когда дело касалось политических вопросов (и особенно репрессий) даже в самом близком кругу. •Особенно эти вопросы скрывались от детей и подростков, почти поголовно вовлеченных в коммунистические организации с детства («пионерия») и юношества («комсомол»).

В порядке «классовой борьбы» коммунистами было физически уничтожено (или сослано на дальний Север) все товаропроизводящее крестьянство (под фирмой «кулачества»); результатом был катастрофический голод 1932—1933 гг. Оставшееся крестьянство фактически влилось в рабочий класс и вместе с ним подвергалось нещадной эксплуатации, причем господствующий аппарат отбирал у эксплуатируемых не только избыточный, но и часть необходимого продукта. Крестьяне были закрепощены в своих колхозах. Рыночный обмен практически прекратился и заменился распределением через тот же аппарат, что считалось утверждением социалистических принципов в экономике и приветствовалось в СССР, а также и многими в Европе как освобождение от дискомфорта капитализма. В действительности система распределения лишь обусловила катастрофическую бюрократизацию государственного аппарата. Как всегда в истории (ср., например, Египет), господство бюрократии в конце концов*привело к более или менее длительному хаосу и к началу распада империи.

Прежде чем это стало очевидным, коммунистическая власть успела, однако утвердиться также в Китае и в других более или менее отсталых странах (Куба, Вьетнам, Камбоджа и др.) — с такими же, а иногда и худшими последствия-

ми. Вообще же коммунистическая религия оказалась очень стойкой и в Советском Союзе, и за рубежом в течение более полувека.

Когда в конце Первой мировой войны ясно определился дискомфорт, вызванный капитализмом вообще и в особенности таким разрушительным его проявлением, как всеобщая война, проблема снятия этого дискомфорта (хотя задача не формулировалась именно так) встала не только перед Россией (позже перед Китаем и другими коммунистическими государствами), но и перед развитыми капиталистическими странами Западной Европы и Америки. Обдумывание возможных путей выхода из военного тупика началось еще в ходе самой войны.

Со своего особого, но понятного правовому капиталистическому обществу, угла зрения подошел к этой проблеме — а именно как к этической — президент США Вильсон; его предложения мы уже рассматривали. Этику Вильсона его сотрудники и коллеги в США и в союзных государствах толковали на свой лад, ибо это были профессиональные политики, взращенные на дрожжах классической капиталистической экономики. Спасения в таком перетолковывании не было; человечеству предстояло убедиться в этом на горьком опыте. Однако всеобщий дискомфорт был настолько очевиден, что вполне серьезные политики все же не отвергли вильсоновские предложения как пустую пропаганду, а приступили к введению их в реальную политику, — разумеется, «улучшив» их сообразно идеям, всосанным с молоком матерей, и унаследованной политической реальностью. Предстояло решение о создании всемирной Лиги Наций. В основу его должна была лечь центральная мысль о том, что война агрессивная (не всякая, а именно агрессивная — но как легко объявить агрессивную войну оборонительной!) является преступлением не только против жертвы агрессии, но и против всего человеческого сообщества. Ее пресечение — право и обязанность всех государств, и если они будут действовать совместно и сообразно с этим принципом, то возникновение агрессии окажется если не невозможным, то по крайней мере не слишком вероятным. В связи с этим в практическую политику впервые было введено понятие коллективной безопасности. Эта идея отменила более ранние понятия об абсолютном верховенстве государственного суверенитета каждой независимой страны.

Еще на Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. проводилась идея международного арбитража для двух спорящих стран, но во все реальные договоры вводилась оговорка, фактически отменявшая действие международного суда в сколько-нибудь важных конфликтах. Однако, несмотря на все ухи-

шения политиков, идея о правовых или согласительных процедурах разрешения международных споров (mediation) пробивала себе дорогу в специальной научной литературе. Некоторые прецеденты создания международных обязательных соглашений и даже организаций уже существовали (Регистр судоходства Ллойда, Всемирный почтовый союз, Красный Крест).

Высказывалась мысль, что причиной войн, особенно в мировом масштабе, были, во-первых, уже само по себе неограниченное вооружение государств³⁵ (которое в действительности было вызвано нарастанием конфликтов из-за источников сырья и рынков сбыта), а во-вторых, «секретная дипломатия».

С весны 1915 г. политиками стран Антанты начали обсуждаться проекты некоего сообщества победивших наций. С января 1918 г. в выступлениях Вильсона было не только сделано предложение всем воюющим странам объявить свои военные цели, но и содержалась идея создать всеобщую ассоциацию наций, гарантирующую политическую независимость и территориальную целостность всех государств, больших и малых.

После окончания войны проблема создания Лиги Наций приобрела живую актуальность. В феврале 1919 г. Парижской мирной конференции был предложен проект устава Лиги Наций, и 28 апреля 1919 г. он был принят единогласно. Оставалось его ратифицировать. Устав предусматривал создание Ассамблеи из представителей всех государств, которые войдут в Лигу, и Совета из пяти постоянных членов (США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) и еще четырех членов, избираемых на срок от разных групп государств. Все участники Лиги должны были принять на себя обязательство разоружиться «до пределов возможного», запретить частное производство оружия и установить регулярный обмен информацией о вооружениях.

Первоначально членами Лиги Наций были государства-победители, а также государства, образованные самим Версальским миром и аналогичным диктатом Антанты в отношении Австро-Венгрии.

В соответствии с мирным договором Австро-Венгрия перестала существовать и была разделена на немецкоязычную Австрию, мадяроязычную Венгрию и славяноязычные государства Чехию и Словакию (вскоре объединенные в Чехословакию, включавшую и Закарпатскую Украину); славяноязычные же области на юге Австро-Венгрии были отданы Сербии, переименованной в «Королевство сербов, хорватов и словенцев», а позже в «Югославию»; Трансильвания (Семиградье) была отдана Румынии; польскоязычные земли (и часть укра-

иноязычных и белорусских земель) отошли к новому государству Польше, выкроенному из польскоязычных областей бывшей России, бывшей Австро-Венгрии и Германии. Польша получила также «коридор» между Западной и Восточной Пруссией, выведший ее к морю. Бывшие немецкие города Данциг (Гданьск) с польским меньшинством и Мемель (Клайпеда) с литовским большинством среди сельского населения были выделены в самоуправляющиеся области.

Все члены Лиги обязывались уважать неприкосновенность и независимость других членов Лиги (а не членов?) и оказывать им помощь для пресечения возможной агрессии. Все разногласия должны были представляться на рассмотрение Лиги Наций, и конфликтующие стороны призваны были воздерживаться от войны в течение трех месяцев в ожидании соглашения, осуществляемого через посредничество Лиги. В случае начала агрессии все члены Лиги Наций должны были применить экономические санкции против агрессора, а в случае нарушения санкций — также и против нарушителя. По исчерпанию всех иных мер члены Лиги были обязаны объявить войну агрессору. Все дипломатические соглашения становились действительными лишь по передаче их в секретариат Лиги Наций; любой договор, противоречащий уставу Лиги, автоматически полагалось объявить недействительным.

Особой статьей вводился статус мандатных территорий. Бывшие колонии центральных держав (а в некоторых случаях и другие) передавались какой-либо из великих победивших держав под временное мандатное управление впредь до достижения народами колонии уровня цивилизации, достаточного для обретения независимости. Кто и как должен определить этот уровень, не уточнялось. Учреждались различные международные организации. Среди них нужно отметить представлявшую национальные профсоюзы Международную организацию труда, созданную для повсеместного обеспечения и поддержания гуманных трудовых условий, — это было важной победой рабочего экономического движения.

Устав Лиги не удовлетворил крайних пацифистов. Как показала дальнейшая история, они были правы. В свете нашего позднейшего опыта многие пункты устава справедливо кажутся наивными и неэффективными. Особенно серьезными были два недостатка: Лига Наций не имела собственных вооруженных сил, способных добиться осуществления ее решений; кроме того, все решения Лиги Наций (кроме процедурных) должны были приниматься единогласно⁵⁴. Другими словами, действовало правило *liberum veto*, и Лиге Наций был тем самым уготован удел польской Речи Посполитой. При рассмотрении конфликтных ситуаций голоса конфлик-

тующих сторон не принимались во внимание. По сложившемуся правилу государства, предложения которых не собрали большинства голосов в комитетах Лиги, воздерживались от голосования на Ассамблее. Работники секретариата Лиги-Нации выходили из-под юрисдикции своих государств. Для содержания Лиги Наций был собран жалкий бюджет в 5 млн. долл.

Катастрофа произошла, в сущности, уже в 1920 г., когда конгресс США не ратифицировал Устав Лиги Наций, сочтя его нарушающим конституционные prerogatives Штатов. Безучастия Соединенных Штатов, да и СССР, никакое важное решение, которое имело бы подлинно международное значение (в частности, о санкциях против агрессора), не могло быть проведено в жизнь. Однако Лиге Наций удалось осуществить несколько гуманных мероприятий, сыгравших определенную роль в жизни населения планеты.

Роковой, но с исторической точки зрения понятной ошибкой держав-победительниц было взыскание с побежденных держав, главным образом с Германии⁵⁷, непосильных и рассчитанных на десятилетия репараций, что резко снизило жизненный уровень немцев и столь же резко повысило уровень дискомфорта.

В 20-х и начале 30-х годов в Лигу Наций, штаб-квартира которой находилась в Женеве, вступили все государства — члены победившей коалиции. Из государств, воевавших против Антанты, в Лигу постепенно вошли Австрия и Болгария (конец 1920 г.), Венгрия (1922 г.), Германия (1926 г.), Турция⁶⁸ (1932 г.). На принятии Германии, а затем и СССР в состав Лиги Наций настаивали некоторые нейтральные государства, а также пацифисты разных стран мира. При этом они исходили из мысли о том, что членство Германии в Лиге Наций будет сдерживать активность германских националистов и-реваншистов^{Ma}.

Из положительных действий Лиги Наций можно отметить установление польско-германской границы; спасение Австрии от финансовой катастрофы; коллективную помощь Венгрии, Болгарии и Греции; урегулирование рурского вопроса (Рурский железопроизводящий бассейн в Германии был долго оккупирован французской армией)⁶⁹; пресечение попытки Италии (там к власти пришел фашист Муссолини) оккупировать греческий остров Корфу.

К 1924 г. был разработан проект организации во всемирном масштабе режима всеобщей безопасности, но он был отвергнут тремя из четырех⁶⁰ великих держав Совета Лиги (кроме Франции). Дано было определение агрессии: агрессором считалась та сторона в конфликте, которая отказывалась от арбитража Лиги Наций. Выработано было положение об общих правилах межгосударственного арбитража (но не как часть Устава Лиги!), обсуждались проекты взаимной безопасности и разоружения, но они натолкнулись на возражения, особенно со стороны Великобритании.

В 1925 г. государства Антанты и Германия заключили соглашения в Локарно. По одному из них Германия добровольно признавала условия Версальского договора, которые до сих пор выполняла лишь под диктатом союзников, опиравшихся на свои войска в Рурской и Рейнской областях и в Сааре. В том же году Германия была введена в Совет Лиги в качестве пятого постоянного члена⁶¹. В Лиге теперь задавали тон главным образом Бриан (от Франции), О. Чемберлен (от Великобритании) и Штресман (от Германии). В том же, 1925 г. был составлен проект протокола о всеобщем разоружении и началась подготовка конференции по разоружению, на которую США и СССР обязались прислать делегатов. Согласно Версальскому договору, на все побежденные государства было наложено обязательство ограничить вооружения, но Штресман хлопотал об его отмене для Германии. Пока ей была разрешена постройка линейных кораблей, но только ограниченного тоннажа («карманные броненосцы», которые, однако, по эффективности не уступали «настоящим»).

Лига Наций функционировала сравнительно успешно до 1929 г., когда началась очередная, и притом сильнейшая, присущая капитализму депрессия.

В рамках Лиги Наций в 1927 и 1933 гг. проводились всемирные экономические конференции. Речь шла о более полном и организованном международном обмене, но нараставшая экономическая катастрофа делала подобные обсуждения беспредметными. Резко обострились, кроме прочих, польско-германские отношения, иранско-турецкие, греко-болгарские.

В 1932 г. состоялась конференция по разоружению, которая проходила в условиях шедшего экономического кризиса. Дискуссии завязли в комитетах, основным вопросом «разоружения» стала проблема довооружения Германии. Германская делегация даже временно покидала конференцию и вернулась, только получив заверения в том, что Германия равенство в вооружении получит.

Теперь остановимся на событиях, происходивших на Востоке, в частности в Китае. Политически наиболее влиятельной фигурой здесь был мыслитель и реформатор Сунь Ятсен (Сунь Исянь), начавший революционную деятельность еще с 1894 г. Его программой были «Три народных принципа»: национализм, что означало свержение маньчжурской династии и восстановление суверенитета китайцев (ханьцев); народовластие (установление демократии); благосостояние (уравнение прав на землю в духе утопических идей американского экономиста Генри Джорджа). В 1911 г. в Китае была низложена тысячелетняя империя и провозглашена республика под президентством Сунь Ятсена, но вскоре он был вынужден сложить полномочия, после чего президентом — и диктатором — стал генерал Юань Шикай. Однако Сунь Ятсен сначала в эмиграции, а потом в самом Китае возглавил (тогда

революционную) «национальную» партию Гоминьдан. После Октябрьской революции 1917 г. в России Сунь Ятсен вошел в контакт с Лениным; советское правительство послало в Китай видных военачальников и политического советника (Бородин). Партия Гоминьдан стала центром притяжения всех левых сил в Китае. Сам Сунь Ятсен испытал сильное влияние коммунистической идеологии. Умер он в 1925 г. Лидером Гоминьдана стал Чан Кайши.

В 20-е годы и позже Китай был раздираем гражданской войной между различными милитаристскими лидерами. Объединение в Гоминьдане левых радикалов с коммунистами оказалось недолговечным. Бывшие союзники стали вооруженными врагами, разделившись и территориально. Чан Кайши никогда не осуществлял власть на всей территории Китая, и столицей его был не Пекин и даже не Нанкин, а Чунцин на юго-западе страны. Однако большинство государств мира признавало именно Китай Чан Кайши.

В сентябре 1931 г. японские войска вторглись в китайскую Маньчжурию под совершенно смехотворным предлогом⁶². Чтобы не быть классифицированным как агрессор, японское правительство оформило захват как «освобождение» империи Маньчжурия (по-китайски Маньчжоу-Го). Императором поставили некоего Пу И, последнего представителя маньчжурской династии Цин⁶³.

Захват Маньчжоу-Го был началом выполнения «плана Танаки». Этот японский государственный деятель ратовал за поочередную оккупацию Маньчжурии, Китая, Индокитая, Филиппин и островов Тихого океана. Мотивировкой было превосходство японцев над окружающими народами и божественность японского императора, провозглашенные религиозным учением синтоизма. «План Танаки» Япония пыталась позже в точности выполнить в ходе Второй мировой войны.

Любопытно, что «план Танаки» очень походил на план Сесилия Родса, предполагавший, что в конечном счете Великобритания должна овладеть не только всей Восточной Африкой от Каира до Кейптауна, но также Кипром, Критом и всем Ближним Востоком, включая Палестину.

Рядовые члены Лиги Наций потребовали, по уставу, бойкота Японии как агрессора, что по многим политическим и экономическим причинам было для великих держав неприемлемо. США и СССР, в частности, не собирались поддерживать бойкот. Вместо этого в 1933 г. была принята резолюция о необходимости в принципе возвращения Маньчжурии Китаю. В ответ на это Япония вышла из Лиги Наций.

В октябре 1933 г. в Германии в результате всенародного голосования к власти пришли нацисты во главе с Гитлером^м.

В 1934 г. в Лигу Наций вступил СССР. Талантливый Литвинов произносил горячие речи о необходимости всеобщего полного разоружения, в то время как все державы были озабочены только тем, как бы легально довооружиться.

В 30-х годах Лига Наций выступила и с некоторыми позитивными начинаниями. Так, при частичной поддержке США удалось привлечь в состав Лиги Мексику, Эквадор, Афганистан, номинально освободившийся от британского протектората Ирак. Возбуждение, вызванное убийством короля Югославии Александра I и французского министра иностранных дел Барту хорватским террористом, было улажено при участии Лиги (1934 г.). В 1935 г. был проведен плебисцит в Саарской области, до тех пор находившейся под французской оккупацией, и Саар был возвращен Германии. Удалось уладить конфликт Колумбии и Перу, но не войну Боливии с Парагваем.

В 1933 г. Германия вышла из Лиги Наций. В начале 1936 г. Гитлер денонсировал локаرنские соглашения, тем самым признав для себя условия Версальского мира необязательными. СССР, с 1939 г. вступивший в фактический союз с Германией, был исключен из Лиги Наций. Затем эта организация сохранила призрачное существование вплоть до самороспуска в 1946 г..

Мир подошел ко Второй мировой войне.

Здесь следует остановиться на нацизме (и других видах фашизма) не только как на политическом, но и как на социально-психологическом явлении.

Коммунизм был не единственной попыткой выскочить из нормального процесса развития капитализма. Другими попытками были создание фашизма в Италии и нацизма (национал-социализма) в Германии.

В быту нацисты часто назывались и называются фашистами, однако, строго говоря, это обозначение относится только к монополюльной партии итальянского тоталитарного государства. Итальянские фашисты (до тех пор, пока их не вынудили к этому германские союзники уже в разгар Второй мировой войны) не ставили вопрос о геноциде евреев или вообще о преследованиях по расовому признаку (что было изначально присуще только гитлеровским нацистам и, по их следам, нашим «национал-патриотам»). Фашисты считали себя вправе создавать мировую империю в своем качестве потомков и преемников римлян, отождествляли государство с партией, партию же (а за нею — все общество) строили на полумилитаризованной основе. Они преследовали всякого рода рабочие союзы и партии и, безусловно, служили своему, итальянскому капитализму. В отличие от нацистов, милитаризованные отряды которых (СА) носили коричневые рубашки и имели символом украденную у индийцев свастику, итальянские фашисты носили черные рубашки и символом

имели римские дикторские фасции (топор, окруженный прутьями для порки). В общем, конечно, фашисты — это «тех же щей», что и германские нацисты, но «пожиже влей». Именно итальянским фашистам подражали испанские фалангисты (те носили зеленые рубашки), португальские, греческие фашисты и многие другие.

Как и коммунизм, нацизм расцвел на почве резкого понижения жизненного уровня населения, что было следствием Первой мировой войны. Целью нацизма было всемирное перераспределение материальных благ в пользу нацистской Германии, а средством — массовые убийства (геноцид) ряда наций. Согласно полуофициально оглашенному плану, «окончательному решению» (геноциду) должны были сначала подвергнуться евреи и почему-то цыгане⁶⁵. Затем — через некоторое время — поляки. У русских предполагалось уничтожить интеллигентную элиту (опять эта злосчастная интеллигенция!), а остальным запретить обучение чему бы то ни было, кроме элементарной грамоты и четырех правил арифметики — и впереди для них маячил рабский труд на германскую нацию.

Экономическое положение Германии после проигранной войны было очень плохим, жизненный уровень народа — низким, а после наступления экономического кризиса 1929 г. — очень низким. Опасаясь победы все усиливавшейся коммунистической партии, ведущие капиталисты-монополисты Германии (имевшие собственную, Национальную партию) в 1932 г., перед очередными парламентскими выборами, пошли на сговор с фюрером нацистов Гитлером. Ему была предоставлена возможность осуществить «социалистический» переворот и национализировать промышленность при условии, что прежние владельцы останутся «фюрерами» предприятий (принцип «фюрерства» последовательно проводился нацистами в администрации и промышленном управлении государством; областные подразделения были непосредственно подчинены партийным функционерам — гаулейтерам).

Заметим, что германская компартия была самой многочисленной из западных коммунистических партий и очень влиятельной как среди рабочего класса, так и среди интеллигенции. В СССР возлагали большие надежды на то, что революция в Германии станет дальнейшей ступенью к созданию всемирного коммунизма. Однако по указанию Сталина, теперь безраздельно властвовавшего в мировом коммунистическом движении, на выборах немецкие коммунисты не блокировались с социал-демократами меньшевистского толка, в то время как нацисты блокировались с националистами (впоследствии обе партии слились) и одержали оглушительную победу, получив втрое больше голосов, чем коммунисты.

Предприятия были «национализированы», рабочие профсоюзы распущены, а на их месте учреждены нацистские, которые давали трудящимся гораздо больше всяких благ (санатории, зарубежные круизы и др.). Крестьянство тоже получило свою организацию: по весне каждый крестьянский двор подвешивался подробной описи, а после урожая часть дохода (во время войны — соответствовавшая рабочей карточке на каждого члена семьи) оставлялась в распоряжении крестьянина, остальное сдавалось государству через магазины по твердой цене, фиксированной на уровне 1932 г. или (в Австрии) 1939 г. Германская экономика 30-х годов вошла в период процветания. Все было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство: вся германская экономика расцветала только в кредит, за счет ожидавшегося ограбления других стран. Это означало близкую войну.

Мы вступили в эпоху, современниками которой были мы сами или, в крайнем случае, наши отцы⁶⁶. Нарушая хронологическую канву изложения, мы остановимся на судьбе нацизма как опыта создания альтернативной идеологии, необходимой для выхода из седьмой (капиталистической) фазы. Формулировка тут может быть самая краткая: нацизм как политическая, экономическая и социально-психологическая система не оправдал себя и в результате Второй мировой войны, гораздо более кровопролитной, чем первая, прекратил свое существование. Тут важную роль сыграли и политические установки держав-победительниц, но об этом мы скажем далее в своем месте.

После экскурса в тупиковые линии развития седьмой (капиталистической) фазы исторического процесса мы можем перейти к событиям, приведшим ко Второй мировой войне, и к самой этой войне, а затем и к предпосылкам возникновения восьмой, посткапиталистической фазы развития исторического процесса.

Версальским миром никто не был удовлетворен. 20-е и 30-е годы были полны конфликтных ситуаций. Выкроить новые государства так, чтобы никто из одной нации не подпал под суверенитет другой нации, было невозможно. Все время происходили обострения, примирения и новые обострения, образование недолговечных разнородных союзов и коалиций внутри самой Лиги Наций — союзов, каждый раз объявлявшихся совсем уже окончательными и через год-два распадавшихся⁶⁷. Прочнее других, может быть, была Малая Антанта, состоявшая из Чехословакии, Румынии и Югославии и направленная главным образом против Венгрии, которая пережила кратковременную коммунистическую революцию (часть задуманной всемирной) и которая чувствовала себя особенно обездоленной: большие куски ее бывшей территории

с немалым венгерским (и немецким) населением отошли от нее соседям. Численность населения уменьшившегося государства сократилась очень сильно, жизненный уровень был весьма низок. Долго не были улажены по всей Восточной Европе вопросы государственного устройства. Лига Наций становилась все менее эффективным органом.

В 1929 г. на американской фондовой бирже разразился самый большой экономический крах в истории капитализма. Валовой национальный продукт уменьшился наполовину, уровень производства упал на 48%. Шло падение стоимости акций, и последствия этого быстро разрастались, распространяясь на все капиталистические страны; безработица повсюду выросла в два-четыре раза; число безработных в США дошло до 13 млн. В Германии экономическое положение было особенно тяжелым: страна могла уплачивать репарации только за счет денежных инвестиций и кредитов, получаемых от тех же держав-победительниц. По договору, заключенному в 1932 г. в Лозанне, было решено снять репарации с Германии и скостить ей часть военных долгов. Но скорого воздействия на экономическую ситуацию в Германии эта мера не имела. И хотя обычно капиталистический мир довольно быстро выходил из кризиса, в данном случае кризисное положение сохранялось несколько лет — в значительной мере вследствие резкого снижения покупательной способности населения.

Одновременно в СССР началось грандиозное промышленное строительство — «первая пятилетка». Как выяснилось потом, скорость строительства в значительной мере обеспечивалась рабским трудом и снижением уровня жизни свободных рабочих, а возводившиеся объекты по качеству оставляли желать много лучшего, но тогда пятилетка вызвала большой энтузиазм и в самом Союзе, и среди рабочих и левой интеллигенции Запада как некий позитивный ответ на кризис западного капитализма. Многие западные специалисты приезжали в СССР для участия в стройке. Если им не удавалось вовремя бежать, то далее им шел прямой путь в рабские лагеря, потому что в ментальности Сталина каждый, кто был иностранцем, был тем самым потенциальным агентом тайных служб империалистов. Еще гораздо больше в лагеря пошло советских строителей социализма⁶⁸.

Как уже упоминалось, в 1932 г. на выборах в рейхстаг нацисты добились большого успеха. В январе 1933 г. престарелый фельдмаршал Гинденбург, в то время президент Германии, предложил Гитлеру стать канцлером, хотя нацисты еще не имели парламентского большинства.

В феврале 1933 г. нацисты организовали поджог рейхстага, рассчитывая устроить большой судебный процесс, кото-

рый должен был дискредитировать коммунистов (судились болгарские коммунисты Димитров, Попов, Танев и люмпен-пролетарий голландского происхождения Ван-дер-Люббе)⁶⁹. Процесс провалился, но среди немецкого населения благодаря нацистской пропаганде влияние коммунистов действительно упало. На выборах в марте 1933 г. нацисты получили в рейхстаге 288 мест, а совместно с националистами и центристами — 441, коммунисты — только 81 депутатский мандат, но не были допущены в рейхстаг. Против этого голосовали 94 социал-демократы.

В октябре 1933 г. гитлеровская Германия покинула конференцию по разоружению и вышла из Лиги Наций. На тот момент в германской армии (рейхсвере) был 21 полк, но при этом в ней числилось 40 генералов и 8 тыс. офицеров, и ее легко можно было развернуть в большую армию — что Гитлер и сделал, переименовав, кстати, рейхсвер, т. е. «государственную оборону», в вермахт, т. е. «оборонную мощь». В январе 1934 г. была отменена федеральная структура Германии, в июле нацистская партия была объявлена единственной законной. Националистическая партия была поглощена национал-социалистской. В числе многих прочих соглашений Германии был разорван договор, подписанный в Рапалло, включая его секретные статьи, и Германия перестала получать военную помощь от СССР.

В мае 1933 г. на фоне бурного роста национализма и милитаризма Япония нарушила границы Китая. Следуя тезисам Танаки, Япония требовала, чтобы Китай отказался от зарубежных военных советников (кроме японских), запретил антияпонские выступления, пребывание на китайской территории иностранных военных частей (кроме японских). Положение в Китае усложнялось тем, что здесь шла вооруженная борьба между более или менее либеральным, но не совсем неподкупным правительством Гоминьдана, несколькими отдельными генералами, осуществлявшими военную диктатуру в различных частях страны, и коммунистами, также создававшими свои вооруженные силы. Как уже упоминалось, краткое время коммунисты поддерживали гоминьдановское правительство Чан Кайши, но затем началось преследование коммунистов и наступление на контролировавшиеся ими районы в Южном Китае. Коммунисты во главе с политическим руководителем Мао Цзэдуном и военным руководителем Чжу Дэ впоследствии совершили так называемый Великий поход с юга Китая в более или менее изолированную местность на северо-западе собственно Китая, где создали замкнутый военизированный район господства коммунизма и где продержались до 1945 г. Некоторое время они пользовались помощью советских военных советников.

Несмотря на японские протесты, в Китае находилось немало иностранных военных. В 1937 г. японцы потопили американскую канонерку «Панай» на реке Янцзы, и американско-японские отношения стали быстро ухудшаться.

3 июля 1933 г. в Лондоне была подписана очередная конвенция при участии СССР, прибалтийских государств, Турции, Ирана (Персии) и Афганистана. На этот раз конвенция давала определение термину «агрессор». Тема конференции была не случайной: Гитлер не скрывал своего намерения следовать положениям, которые он изложил в 20-х годах в своей книге «Майн Кампф», когда сидел вместе со своим другом Р. Гессом в кутузке за попытку путча в Мюнхене. Он утверждал, что границы 1914 и 1871 гг. неадекватны потребностям немецкого народа, так как не включают германоязычную Австрию и вообще стесняют расселение арийцев-германцев. Первой задачей Гитлер ставил уничтожение Польши как «сезонного государства». По утверждению Гитлера (впрочем, заимствованному у других немецких авторов), Германии не хватало «жизненного пространства» (Lebensraum), т. е. всех стран, где жили или могли жить когда-либо немцы. Сюда входили в первую очередь Австрия, затем Польша⁷⁰, Прибалтика и Россия, где местные жители должны были либо быть вовсе вытеснены, либо играть роль батраков.

В июне 1934 г. произошел конфликт Гитлера с его помощником, командиром отрядов коричневорубашечников (СА) Рёмом. Рём настаивал на включении отрядов СА в состав армии, что вызвало негодование генералов, в чьей поддержке Гитлер тогда очень нуждался. Кроме того, Рём начал проявлять излишнюю самостоятельность. 30 июня по приказу Гитлера была организована резня коричневорубашечников, а заодно и других нежелательных для него лиц. Постепенно отряды СА (за небольшим исключением) были заменены чернорубашечниками СС (с подчинением Гиммлеру, главе созданной Гитлером тайной полиции, гестапо)⁷¹.

В августе 1934 г. был проведен плебисцит, давший нацистам 88% голосов. Гитлеровская партия усердно начала создавать «образ врага»; в качестве «врага» были избраны евреи⁷². С 1 апреля 1933 г. отряды СА организовали бойкот еврейских лавок и магазинов, 7 апреля неарийцам (евреям) было запрещено занимать государственные должности; в дальнейшем запрет был распространен на занятие всякой научной, культурной, врачебной и преподавательской деятельностью, причем неарийцем признавался всякий, кто имел хотя бы одного деда или бабушку из евреев. Еврейским художникам, артистам и музыкантам было запрещено появляться перед арийской аудиторией; евреям было также запрещено заниматься журналистикой.

По нюрнбергским расовым законам, принятым 15 сентября — 14 ноября 1935 г., гражданином «рейха» («империи», как теперь называлось германское государство) признавался только тот, кто «германской или родственной крови и кто своим поведением доказывает, что он и желает и способен верно служить германскому народу и рейху»; еврей не мог быть гражданином рейха и иметь право голоса. Не только браки между арийцами и евреями, но даже внебрачные отношения между ними запрещались, и виновные подлежали уголовному наказанию. Евреям запрещалось держать в услужении «лиц женского пола германской или родственной крови возрастом моложе 45 лет»⁷³. В паспортах евреев ставился специальный штамп; все евреи, носившие не характерно еврейские имена, обязаны были сменить их на еврейские.

В ноябре 1938 г. нацисты организовали систематические погромы еврейских квартир и магазинов, домов для престарелых и детских приютов. Десятки тысяч евреев были брошены в концентрационные лагеря; сжигались синагоги, осквернялись священные книги евреев. Декретами от 12 и 23 ноября 1938 г. евреи полностью исключались из германской экономической жизни и на них был наложен коллективный штраф в 1 млрд. марок.

Начиная с 1941 г. нацисты приступили к «окончательному решению», т. е. к полному физическому уничтожению (путем сожжения в специально сконструированных печах) " всех •евреев вообще. Фактически до конца войны было уничтожено около 85% евреев на доступной гитлеровцам территории. Заметим, что многие христианские организации пытались лротивостоять антисемитизму.

Между тем в СССР происходили не менее, если не более кровавые события. Аресты и расстрелы политически нежелательных лиц происходили в СССР все время, как бы ни называлась его тайная полиция (ЧК, ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД); заключенных использовали на великих стройках пятилеток. Но с конца 1936 г. по специальному указанию Сталина была развернута гигантская кампания по аресту и уничтожению •людей («врагов народа») в масштабе всей страны. Уничтожались старые партийцы-рабочие, все, кто когда-либо голосовал за соперников Сталина, дети дворян и офицеров, в большом числе интеллигенция и просто люди, не поддающиеся унификации. В 1991 г. в одной из газет были опубликованы воспоминания палача, бравшего на воспитание некоторых детей, оставшихся без родителей по его вине. По его словам, только он один (не считая остальной «бригады») расстреливал в затылок до 50 человек за ночь, что было настолько утомительно, что специальный врач должен был делать ему периодически массаж руки. Бедный Гиппократ!

Чем, больше Сталин проливал крови, тем более он боялся ненависти к себе⁷⁴. Наконец, в конце 30-х годов он провел едва ли не самую безумную свою акцию, расстреляв около 80% маршалов, генералов и старших офицеров Красной армии и флота. Он надеялся, что Гитлер расправится с Францией и Англией, а за это время он успеет создать новый, более преданный (как ему казалось) офицерский корпус. Такие понятия, как квалификация и талант, для Сталина не существовали. Он считал, что люди — «винтики» и взаимозаменяемы, что стоит под страхом смерти передоверить какой-либо пост любому новому человеку, и он будет выполнять те же обязанности — «нет незаменимых людей», утверждал он. В результате в начале войны, получив соответственное воинское звание, во главе, скажем, разведывательных органов фронтов и армий могли стоять бывшие ротные и батальонные командиры пограничных войск НКВД, а полевыми частями и подразделениями нередко командовали повышенные в звании сержанты. По той же причине в боевых порядках армии почти не было новейших танков, она не была обеспечена новейшими самолетами — все это находилось в глубоком тылу на стадии испытаний, причем важнейшие авиастроители находились под арестом. А изобретатель ракетной артиллерии, так называемых «катюш», сыгравших впоследствии большую роль в войне, был расстрелян в числе многих других военных специалистов.

В книжке-памятке германского разведуправления, спущенной всем офицерам вермахта — до командиров рот включительно — в декабре 1940 г., было написано, что хотя русский солдат — лучший солдат в мире, но Красная армия обречена на поражение, поскольку в ней очень низкий уровень высшего командования — дивизии, корпуса и армии. Не смогут согласовывать свои действия.

За время сталинских кровавых безумств не сразу произошла эволюция советской внешней политики. Вначале Сталин пытался наводить мосты к бывшим державам Антанты. В 1935 г. был заключен договор о взаимопомощи между СССР и Францией и такой же договор с Чехословакией, но последний с оговоркой, что он вступит в силу только в том случае, если такую же помощь окажет Чехословакия Франция.

В 1935 г. член Совета Лиги Наций Италия напала на члена Лиги Наций Эфиопию. Муссолини объяснял эту акцию тем, что «пролетарская Италия несет [Эфиопии] цивилизацию и освобождение взамен фронта коррупции, эгоизма и лицемерия» (Муссолини, оказывается, тоже был «пролетарием»). Вооруженные силы Италии были направлены в Африку через Суэцкий канал, находившийся под контролем:

Англии. Лига Наций объявила Италию агрессором, но почти никаких санкций против нее не ввела. СССР и Румыния предложили перекрыть экспорт нефти в Италию, но это начинание было сорвано консервативными представителями Англии и Франции — Хором и Лавалем. Вместо этого они предложили схему раздела Эфиопии. Схема эта принята не была; вся Эфиопия была завоевана Италией и превращена в ее колонию.

Затем внимание читателей газет было перенесено на Испанию.

Испания в эпоху Первой мировой войны занимала умеренно прогерманскую позицию и, как все нейтральные страны, в известной мере наживалась на европейской войне. Однако уровень жизни был невысок, а уровень дискомфорта значителен. Имелись у Испании и другие заботы — затянувшаяся война с марокканским (берберским) военачальником Абд аль-Кримом и развивавшееся в стране террористическое анархистское движение. Испания считалась парламентской монархией, но правительства были крайне неустойчивы: за 20 лет там сменилось более 30 кабинетов. В 1923 г. король Альфонсо XIII призвал генерала Примо де Риверу и вручил ему диктаторские полномочия. С французской помощью был побежден Абд аль-Крим и подчинена часть Марокко (другая часть осталась под французским протекторатом). Испанская оппозиция превратилась из парламентской в подпольную, что, естественно, вело к ее резкой радикализации. В начале 1930 г. Альфонсо XIII сместил Примо де Риверу. На выборах 1931 г. восторжествовали республиканцы, и Альфонсо XIII бежал из страны. Соглашения между республиканцами не было; напротив, между ними возникли серьезные политические конфликты.

В 1936 г. сформировалось правительство Народного фронта. Оно возникло по образцу существовавшего во Франции правительства Народного фронта (Леона Блюма), но там парламентская коалиция состояла из социалистов и радикал-социалистов при поддержке коммунистов. Что касается испанского Народного фронта, то он представлял собой более широкую и рыхлую коалицию.

Новое правительство начало свою деятельность с репрессий против правых, но в июле 1936 г. против него был поднят офицерский мятеж; с сентября мятежников возглавил генерал Франко. Общественное мнение в Европе, в Америке и в СССР (особенно интеллигенция) воспринимало правительство Народного фронта как отстаивающее демократию, а франкистов — как фашистов. Ощущение того, что в Испании идет репетиция уже несколько лет ожидавшегося столкновения сил демократии (а значит, и коммунизма!) и сил фашизма, было очень сильным. На самом деле организация испанских фалангистов, которые могут быть сопоставлены с фашистами, была далеко не единственной силой, поддерживавшей Франко. На стороне Народного фронта находились либералы, радикалы, социалисты, анархисты, коммунисты-сталинисты и

коммунисты-троцкисты, каталонские и баскские сепаратисты. На стороне Франко помимо фалангистов были консервативные помещики и буржуа, монархисты двух разных направлений, большинство церковников, большая часть офицеров армии. Франко имел подготовленные военные части, а также отряды марокканцев и «терсио» — добровольцев, участвовавших в войне с Абд аль-Кримом. Ядром армии была «фаланга», пополненная монархическим ополчением.

Более слабые военные формирования республиканцев (главным образом добровольческие ополчения социалистов и анархистов), опиравшиеся лишь в малой степени на кадровых военных, были бы легко побеждены, если бы не прибытие интернациональных бригад, сформированных из убежденных (а потому более дисциплинированных) добровольцев из Европы и Америки. СССР не прислал солдат, но поставлял военных советников, инструкторов и штабных офицеров, а также танки, самолеты и артиллерию. В октябре 1936 г. республиканское правительство перевело в Москву свой золотой запас — 5,5 млрд. золотых песет. Правительство Леона Блюма разрешило послать республиканцам 100 самолетов с летчиками-добровольцами. Италия послала 100 тыс. «легионеров», и ее авиация обеспечивала переброску франкистских частей из Марокко. Кроме того, к Франко прибыло 10 тыс. португальцев. Несмотря на широкое всемирное сочувствие республиканцам, франкисты медленно, но верно продвигались вперед, отрезали рабочую Астурию на Бискайском побережье и подошли к Мадриду, но на подступах к столице были задержаны преимущественно интербригадовцами. Дисциплина в республиканской армии была низкой, анархисты и троцкисты не желали подчиняться коммунистическому командованию (и наоборот), стороны прибегали к репрессиям. Вообще в ходе гражданской войны человеческая жизнь ценилась мало не только на фронте, но и в тылу.

Правительство Франко было признано Германией и Италией. Муссолини хвастал, что принес в Испанию фашистский дух. Франция провозгласила политику невмешательства, ее поддержало британское консервативное правительство. Был создан комитет по соблюдению невмешательства, в который входили Италия с Германией, а также СССР. С лета 1937 г. на Средиземном море шла настоящая пиратская война, имевшая целью заблокировать поставки оружия воюющим сторонам. Комитет решил положить этому конец, однако на практике мешал главным образом поставкам, направлявшимся республиканцам. В марте 1938 г. франкисты вышли на Средиземноморское побережье, отрезав Валенсию (где к тому времени находилось республиканское правительство) от Каталонии. Между тем в Мадриде сторонники замирения с

Франко произвели переворот, и в течение марта 1939 г. республиканские области Испании перешли в руки франкистов.

Тоталитарный режим Франко обычно относят к числу фашистских. Подобно им, он опирался на военизированные отряды и применял террор по отношению к противникам, однако от германского и итальянского фашизма он отличался отсутствием социальной демагогии — оставался лозунг «За Бога, короля и отечество!».

В 1939 г. Франко вслед за Италией и почти одновременно с Венгрией и Маньчжоу-Го присоединился к антикоминтерновскому пакту, заключенному в 1936 г. между Германией и Японией.

Народы Европы с волнением следили за ходом гражданской войны в Испании, так как почти всем было ясно, что это — репетиция предстоящей большой войны, к которой уже неприкрыто готовился Гитлер.

В 1938 г. он, почти не встретив сопротивления, совершил «аншлюс», т. е. присоединение, немецкоязычной Австрии к германскому рейху.

Начиная с 1933 г. непрерывно происходили провоцировавшиеся Гитлером конфликтные инциденты в Чехословакии, которую он называл «советским авианосцем, нацеленным на Германию». Во Франции на место правительства Народного фронта к власти пришел кабинет Даладье, который дал понять, что Франция не будет обязана воевать за интересы Чехословакии. О том же дала понять через полуправительственную прессу и Великобритания. И Лондон, и Париж полагали (и настаивали дипломатически), что мир можно сохранить, если передать Германии — в порядке осуществления «права на самоопределение наций» — Судетскую (пограничную) область Чехословакии, населенную немцами (но в таком случае граница Германии пролегла бы по ту сторону чехословацких оборонительных линий). Оставшись без союзников, Чехословакия тем не менее объявила мобилизацию. 24 сентября 1938 г. Н. Чемберлен, премьер-министр Англии, представил в Прагу ультиматум Гитлера о немедленной передаче Судет Германии. 29 сентября Н. Чемберлен попросил новой (уже третьей) встречи с Гитлером и Муссолини для обсуждения чехословацкой проблемы. На обсуждении чешские представители лично не присутствовали, им только ночью был сообщен результат: немедленная передача Судет Германии. В Лондон Чемберлен вернулся ликующим — он привез «мир чести». На это его будущий преемник Черчилль ответил: «Полное и несмягченное поражение».

Между тем Венгрия и Польша потребовали от Чехословакии свою долю, а словацкие сепаратисты образовали собственное правительство в Братиславе. В марте 1939 г. Гитлер

превратил Чехию в германский протекторат Богемию и Моравию. Кроме того, он предъявил ультиматум Литве, и она покорно уступила Германии Клайпеду (Мемель).

В апреле 1939 г. Италия оккупировала королевство Албанию.

Несколько лет Гитлер заигрывал с Польшей, пытаясь убедить ее руководителей в том, что Германия и Польша имеют общего врага — советский большевизм. Но после занятия Судет, Чехии и Клайпеды он перешел к прямым военным угрозам.

Причина такого поворота заключалась не в Судетах и не в Клайпедо. Летом 1939 г. представители Англии и Франции находились в Москве, где вели переговоры относительно договора о взаимопомощи, который включал бы и второстепенные европейские государства, однако успеха не достигли. Не последнюю роль здесь, видимо, сыграло то обстоятельство, что Польша (вполне естественно) не хотела такой помощи, которая предполагала бы введение коммунистических воинских сил на ее территорию в мирное время. Но главное — Сталин решил сменить внешнюю политику, что выразилось, между прочим, в том, что наркомом иностранных дел вместо еврея Литвинова был назначен русский приближенный Сталина Молотов, а переговоры с англо-французской делегацией были поручены не ведомству иностранных дел, а маршалу Ворошилову. С гитлеровским министром иностранных дел Риббентропом Молотов и Сталин договорились быстро, и уже 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении с секретными статьями и картой, по которым определялись будущие сферы влияния. Советскому Союзу отводилась Бессарабия (Молдова), еще во время гражданской войны воссоединенная с Румынией, северная (украинская) часть Буковины, восточная часть Польши (Западная Украина и Западная Белоруссия), Литва⁷⁵, Латвия, Эстония и Финляндия; Германии предоставлялась свобода рук в остальных странах Европы.

В ночь на 1 сентября 1939 г. группа эсэсовцев, переодетых в польские мундиры, инсценировала нарушение поляками немецкой границы. В 5 часов утра началось германское наступление на Польшу. Польская армия имела отличных солдат, но, как обычно и бывает, организация и запланированная стратегия армии были рассчитаны на условия предыдущей войны (советско-польской 1920 г.). Армия Польши была ориентирована на наступление, а главной ее наступательной силой была кавалерия. Между тем германская армия применила совершенно новую стратегию и тактику. Ее ударной силой были автономные мотомеханизированные дивизии и танковые корпуса, рассчитанные на то, чтобы быстро продви-

гаться в глубь территории противника, расстраивая его пехоту и конницу.

3 сентября Франция и Англия объявили Германии войну, хотя англо-французские силы были не готовы к немедленным действиям. Уже 10 сентября главнокомандующий польской армией маршал Рыдз-Смиглы отдал приказ об эвакуации из центра и общем отступлении на юго-восток. Варшава пала 28 сентября, а отдельные группы поляков продолжали сопротивление до 5 октября. Между тем 17 сентября польскую границу на востоке перешли советские войска под предлогом защиты белорусов и украинцев, составлявших большинство сельского населения тогдашней Восточной Польши. Белорусам и украинцам на самом деле, конечно, немцы не грозили, так как территория Польши была уже заранее разделена по секретному соглашению Гитлера и Сталина. Но одновременно на эту же территорию прибывали тысячи беженцев из центральной Польши, и сюда же отступали части Войска польского. Они были взяты в плен частями Красной армии и направлены в лагеря. Впоследствии польских офицеров (большой частью запасников) расстреляли — факт, который советская сторона признала только 50 лет спустя. Некоторая часть польских беженцев и военных укрылась в нейтральных странах.

10 октября, опять под предлогом охраны границ, СССР потребовал в ультимативной форме введения своих воинских частей на территории Литвы, Латвии и Эстонии⁷⁶.

12 октября СССР предложил Финляндии, опять якобы для обеспечения безопасности, передать ему территорию Карельского перешейка (между Финским заливом и Ладогой) в обмен на большой, но почти незаселенный кусок Карелии, богатый только болотной клюквой и лесом, которых Финляндия и так хватало. Финляндия на такой обмен не согласилась. 30 ноября советские войска перешли финскую границу на участке от Белоострова до Ладожского озера. Советская авиация бомбила Хельсинки. Началась так называемая «Зимняя война» по всей границе от Финского залива до Баренцева моря.

Подобно полякам, советские военные готовились к войне типа гражданской 1918—1921 гг. Стратегия подвижных танковых армий, разработанная (параллельно германскому штабу) Тухачевским и его сотрудниками, была признана вредительской. Все они, как и было принято в те времена, были расстреляны. Против финнов бросили массу пехоты, которая не имела зимнего обмундирования — вместо полушубков и валенок люди были одеты в стандартные шинели и кирзовые сапоги и не имели понятия о таких вещах, как минометы, противопехотные мины и снайперский обстрел. Предлогом

для начала войны выставлялось особенно то, что построенная финнами на Карельском перешейке «линия Маннергейма»⁷⁷ якобы являлась исходной позицией для артиллерийского обстрела Ленинграда. Предлог этот был совершенно вздорным, так как «линия Маннергейма» была расположена на таком расстоянии от советской границы, что поражать артиллерией цели в Ленинграде и даже в Белоострове оттуда было никак невозможно. Это была мощная, глубоко утопленная в землю оборонительная линия, о которую разбивались все наступательные попытки.

Как только советские войска, перейдя границу, заняли приграничный финский городок Териоки (ныне Зеленогорск), там состоялось заседание будущего марионеточного коммунистического правительства во главе с деятелем Коминтерна Куусиненом. Сообщение о занятии Териок было задержано, чтобы сделать вид, будто о создании нового «правительства» на финской территории советские власти узнали через радиоперехват. С правительством Куусинена было сразу же заключено соглашение, которое должно было быть ратифицировано немедленно после занятия Красной армией финской столицы Хельсинки.

Французские и английские власти, рассматривая СССР как союзника Германии, обдумывали вопрос о помощи Финляндии продовольствием, военными материалами и, может быть, воинскими частями, но из этой затеи ничего не вышло, так как нейтральные Норвегия и Швеция отказались пропускать все это через свою территорию, а единственный порт Финляндии на Баренцевом море был уже занят русскими. Английские руководители, и особенно Черчилль (тогда еще не сменивший Н. Чемберлена в качестве премьера Великобритании), лелеяли планы ввода войск на территорию Норвегии отчасти в помощь финнам, отчасти чтобы перекрыть поставку немцам железа из шведского города Елливаре через норвежский Нарвик и отчасти для лучшего обеспечения действий английских морских сил на Северном море против Германии.

Война, начатая войсками одного Ленинградского военного округа, продолжалась силами и других военных округов. Потери Красной армии были огромны, по британской оценке — порядка полумиллиона, по нашим данным — четверть миллиона. В феврале 1940 г. «линия Маннергейма» была прорвана, и финские части перешли к отступлению. Был высажен десант западнее Выборга, 7 марта финны запросили мира, и 12 марта война закончилась. О правительстве Куусинена и о Хельсинки речи уже не было. К Советскому Союзу отошел большой кусок наиболее плодородной части Финляндии, включая ее второй по величине город Выборг.

Гитлер знал о норвежских замыслах Англии, и он решил предупредить их собственной оккупацией Норвегии, а также Дании, чтобы обеспечить связь своих оккупационных войск в Норвегии с Германией. По этому поводу он вел переговоры в декабре 1939 г. в Берлине с лидером норвежских фашистов (чрезвычайно непопулярным в Норвегии) Квислингом, а 9 апреля 1940 г. утром немецкие военные корабли вошли во все главнейшие норвежские порты от Нарвика на севере до Осло на юге. Лишь на подступах к Осло оккупанты были несколько задержаны, так как двумя торпедами из старинной крепости у входа в Осло-фьорд был потоплен немецкий крейсер. Но немецкий парашютный десант захватил аэропорт Осло, и парашютисты, построившись, прошли парадом по городу вечером того же дня, после чего норвежское правительство признало завоевание Норвегии свершившимся. Еще ранее практически без боя была оккупирована Дания.

Немцы вскоре посадили в Норвегии свое правительство во главе с Квислингом, но в Дании король Христиан X⁷⁸ и его правительство формально сохранили свое положение.

Хотя правительство Норвегии капитулировало, сопротивление внутри страны, возглавленное королем Хоконом VII, продолжалось. 14 апреля 1940 г. небольшая группа английских и других союзных войск заняла плацдарм в Северной Норвегии, в районе Нарвика. Вместе с небольшим остатком и вообще-то малочисленных норвежских вооруженных сил их было 20 тыс. человек. Однако ввиду тяжести положения, сложившегося во Франции, союзные войска были эвакуированы из Нарвика к 7 июня.

Между тем, выполняя согласованный с Гитлером план, Сталин предъявил 28 июня 1940 г. ультиматум Румынии и отобрал у нее Бессарабию и населенную украинцами северную часть Буковины.

Военной доктриной Гитлера, как главнокомандующего, была «молниеносная война» (*блицкриг*), основанная на быстром продвижении в глубь территории противника танковых колонн, наступление которых облегчалось забрасыванием во вражеский тыл парашютистов-диверсантов при одновременной бомбардировке важнейших военных объектов, мостов и т. п.

На западе Европы в течение более чем полугода господствовало некое затишье, окрещенное «липовой войной» (*phony war*). 10 мая 1940 г. немцы перешли и здесь в решительное наступление. Они повторили как бы расширенный вариант «плана Шлиффена», но на основе новой стратегии быстро движущихся танковых корпусов с разрушением коммуникаций диверсантами. Наступление шло одновременно через Нидерланды (Голландию), Бельгию и Люксембург. Задача со-

стояла не только в том, чтобы разбить Францию, но и в том, чтобы сделать недоступными для вывода или ввода английских войск все порты на континенте. Против Франции были пущены в ход две трети германских вооруженных сил (одна треть противостояла французской укрепленной «линии Мажино» южнее). На всех участках наступления немцы продвигались очень быстро. Мир был потрясен стратегически бессмысленной бомбардировкой мирного Роттердама (когда голландское сопротивление уже прекратилось), хотя эта бомбардировка была ничто по сравнению с будущими бомбардировками городов Германии: немецкие бомбардировщики «Юнкерс-88» и пикирующие «Юнкерс-89» несли обычно по четыре полутонные бомбы и действовали небольшими группами. В конце войны британская и американская авиация посылала на Германию флотилии из сотен бомбардировщиков, построенных в шахматном порядке, чтобы полностью охватить бомбардируемую территорию, причем каждый из них нес пяти- или даже десятитонный бомбовый груз. Но до этого было еще очень далеко.

10 мая немцы заняли Люксембург. В тот же день правительство Великобритании возглавил Черчилль. 13 мая 1940 г. голландская королева Вильгельмина бежала в Англию вместе с правительством. 12 мая, пройдя через Бельгию, немцы вторглись во Францию. Сделав танковый бросок через считавшийся недоступным гористый регион Арденн в Бельгии, они вошли во Францию у Седана, встретив сопротивление только пехоты и кавалерии. Их намерением было, выйдя к морю у французского порта Дюнкерк, отрезать французские и бельгийские войска, а также британский экспедиционный корпус, и двинуться далее на запад. После слабых попыток контрнаступления (с помощью пехоты и приданных ей танков) английскому командованию стало вполне ясно, что немцы ведут дело к окружению экспедиционного корпуса и большой массы французских и бельгийских войск. Было решено предпринять массовую эвакуацию через Дюнкерк. По счастью, немецкое наступление 24 мая было задержано приказом Гитлера, так как он переоценил опасность флангового контрудара немногочисленных английских танков. Германское командование сочло, что свои танки надо беречь для будущих сражений, а подручный Гитлера —т Геринг, командовавший германской авиацией, заявил, что с одной ее помощью можно будет сорвать эвакуацию англичан. Тем не менее она началась 26 мая и длилась до 3 июня; в порт Дюнкерк было подтянуто множество всяческих судов, вплоть до яхт и лодок. Шла она под немецкой бомбардировкой. Но даже когда немцы возобновили наступление, оно сдерживалось героическими усилиями британского арьергарда. Всего уда-

лось эвакуировать около 200 тыс. британских и 150 тыс. французских солдат. Правда, оружие и боеприпасы были по большей части брошены. За три недели сражений немцы взяли около миллиона пленных при собственных потерях в 60 тыс. пленными и убитыми. Две английские дивизии, находившиеся в отдалении от Дюнкерка, еще оставались во Франции.

Немцы начали новое наступление 5 июня, имея 10 танковых дивизий, пополненных новыми машинами, и 130 пехотных дивизий. Сопротивление длилось два дня; немецкие силы прорвались в центральную Францию, выйдя в тыл французским дивизиям, оборонявшим «линию Мажино» вдоль франко-германской границы.

Глядя на такой беспримерный разгром англо-французских сил, Муссолини решил, что самое время вступить в войну и Италии. Объявление войны последовало 10 июня, но никаких серьезных результатов на франко-итальянской границе Муссолини не достиг. На северном фронте остатки французской армии рассыпались, французское правительство во главе с Рейно, в очередной раз меняя свою резиденцию, переехало в Бордо на Атлантическом побережье. 14 июня немцы заняли Париж, Рейно подал в отставку. Новое правительство сформировал герой верденской обороны в Первую мировую войну, маршал Петэн, с которым Гитлер и Муссолини и подписали перемирие 25 июня 1940 г.

Франция была разделена на две зоны — «независимую» центральную, с практически прогерманским правительством Петэна в г. Виши, и непосредственно оккупированную немцами, включая Париж и северное побережье. Англичане оказались один на один с Германией — началась битва за Британию.

Для этой битвы англичане имели всего около 700 истребителей «Харрикейн» (довольно слабых) и «Спитфайр»; летный состав в немалой мере пополнялся добровольцами. Немцы имели воздушный флот из 1200 бомбардировщиков и почти 1 тыс. истребителей. Германские бомбардировщики не могли наносить непрерывно достаточно мощных разрушительных ударов, а наличие у англичан радаров лишало налеты неожиданности. Истребители «Мессершмитт-110» превосходили «Харрикейны», но уступали «Спитфайрам», а самолеты «Мессершмитт-109» с меньшим радиусом действия использовались главным образом для защиты бомбардировщиков, слабо оснащенных огневыми средствами. В августе 1940 г. битва за Британию дошла до своего апогея — по полторы тысячи вылетов в день с обеих сторон. Потери немцев примерно вдвое превосходили потери англичан. Изучение же аэрофотоснимков показало германскому командованию, что

дневная бомбардировка конкретных объектов недостаточно прицельна, а свои потери при ней слишком велики. Воздушная битва за Британию была Германией проиграна. С осени 1940 г. и в последующую зиму немцы вели ночные налеты на целые города, а не на отдельные объекты. Идею завоевания Англии они не оставили, но отложили.

На Балканах занятие Советским Союзом Бессарабии и Северной Буковины, по-видимому, не расценивалось как действие, согласованное с Германией. Здесь более всего опасались агрессии Советского Союза и Италии, а не Германии; напротив, прогерманские настроения были очень сильны. Хотя вследствие германского арбитража Венгрия, находившаяся фактически под диктатурой адмирала Хорти, получила обратно от Румынии две трети Трансильвании (а Болгарии досталась от румын Южная Добруджа), пришедший к власти в Румынии в качестве «вождя государства» генерал Антонеску⁷⁹, занял пронемецкую позицию. Собственно, он занимал ее и ранее — еще в мае Румыния заключила с Германией договор о поставке ей нефти и оружия. Сделанные Румынией уступки Венгрии были поставлены в вину королю Каролю, который был смещен с престола и заменен сыном, Михаем. В октябре 1940 г. в Румынию прибыла немецкая военная миссия с заданием готовить румын к предстоящей «лине с СССР, ибо, хотя Сталин не хотел в то верить, решение о подготовке этой войны было принято Гитлером сразу после проигрыша битвы за Британию.

В конце октября 1940 г. Италия напала на Грецию из Албании. Предполагалась война и с Югославией, но Гитлер наложил на нее запрет, оставляя Югославию для себя. Так как Греция имела гарантию Англии, которая к тому же рассчитывала на свое господство на Средиземном море, английские войска высадились на греческом острове Крит. Югославия примкнула к тройственному союзу («оси Берлин—Рим—Токио») под условием, что Германия не будет использовать югославскую территорию для нападения на Грецию. Между тем в Греции в марте 1941 г. высадились английские войска, которые нанесли поражение итальянцам, и балканский поход Гитлера, давно готовившийся, должен был состояться.

6 апреля 1941 г. произошла, без малейшего предупреждения, бомбардировка Белграда, и начался очередной германский «блиц» — двигаясь из Болгарии, немцы за два дня отрезали Югославию от Греции; вторая колонна немцев вышла в центр Югославии, третья, действовавшая с австрийской и венгерской территории (Венгрия приняла участие в походе), заняла Хорватию. «Великая Хорватия», объявленная независимой, получила Боснию, Герцеговину и часть Словении

{другая ее часть была непосредственно включена в «рейх»).

11 апреля итальянская армия заняла п-ов Истрию и Адриатическое побережье Югославии (Далмацию). Югославская армия, окруженная в Боснии, 17 апреля капитулировала. Югославское государство было объявлено несуществующим. Но еще ранее немцы заняли Салоники и Янину (в Греции), отрезав греческую армию, расположенную в тот момент в северной Албании. 22 апреля греческая армия капитулировала. Тщетно англичане защищали Фермопилы — 27 апреля немцы вступили в Афины, а к маю 1941 г. вся континентальная Греция и острова Эгейского моря, кроме Крита, были оккупированы немцами (Италия оккупировала Ионические острова). В мае же началась высадка немецких десантов на Крите с морских судов и планеров. Шли кровопролитные бои, и в конце мая британские войска и войска Британского Содружества наций (вернее, то, что от этих войск оставалось) были эвакуированы с Крита в Египет.

Контролируя города и железные дороги в Югославии, гитлеровцы не смогли предотвратить создание в горах патриотических партизанских групп: либерально-монархической Михайловича и коммунистической во главе с И. Брозом (партийный псевдоним — Тито). Однако «добро» на действия партизан Тито было дано Москвой лишь 4 июля, когда началась война Германии против СССР.

Англичане были крайне обеспокоены судьбой Суэцкого канала, Англо-Египетского Судана, а также своих восточно-африканских колоний. От Италии, которая захватила Эфиопию и объединила ее с Эритреей и Сомали, исходила серьезная угроза; тем более что она обладала преимуществом в воздухе. С 10 июня 1940 г. Англия была в состоянии войны с Италией, и итальянцы начали со вторжения в Судан и оккупации Британского Сомали. Англичане, нанеся удар по итальянской авиации, затем, поддержанные эфиопскими **сто*** ройниками императора в изгнании — Хайле Селассие, с трех сторон двинулись на оккупированную итальянцами Эфиопию. Итальянский командующий сдался в мае 1941 г., и Эфиопия как самостоятельное государство была возрождена.

Ливан и Сирия, находившиеся под французским мандатом и подчинявшиеся правительству Виши, были заняты английскими и французскими (деголлевскими)⁸⁰ войсками, но им была обещана независимость после войны⁸¹. В Иране шла внутренняя борьба группировок, и англичане оказали вооруженную поддержку той из них, которая не ориентировалась на Германию и Италию, подавив другие группировки.

Между тем в Африке британские имперские (и в том числе индийские и австралийские) войска, двигаясь из Египта,

с неожиданной для самих себя быстротой разгромили итальянскую армию на побережье Киренаики (восточной част» Ливии) и, продолжая наступление, 22 января 1941 г. заняли крепость Тобрук. Все было готово для дальнейшего наступления на оставшуюся территорию итальянской Ливии, но Черчилль распорядился перебросить часть войск из Ливии в Грецию, где они едва не попали во второй Дюнкерк. Тем временем в феврале 1941 г. в Ливию из Германии были направлены две дивизии, из которых одна — танковая. Их командующий Роммель быстро отбросил британцев и индийцев: почти до границы с Египтом, но австралийская (позже английская) дивизия и польская бригада удерживали Тобрук до 21 июня 1942 г. Лишь осенью 1942 г. Роммель был разбит британскими войсками генерала Монтгомери под Эль-Аламейном и вынужден был уйти из Киренаики. Тобрук был освобожден 13 ноября 1942 г.

Еще 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал «план Барбаросса», который начинался со слов: «Германские вооруженные силы должны быть готовы подавить Советскую Россию быстрым походом до окончания войны с Англией». И уже с декабря 1940 г. к границам СССР начали подтягиваться немецкие части. Об этом советскому командованию приходили многие сотни сообщений от наших и английских агентов. Мой добрый знакомый, профессор Келленбенц, служивший тогда солдатом в танковых частях генерала Клейста на нашей границе, успел до начала войны выучить русский язык и прочесть целую главу «Евгения Онегина». Но Сталин, рассчитывая на собственное наступление, пренебрегал всем: агентов он объявлял «двойниками» и «provokatorami». Выросший с юности в атмосфере провокаций, он патологически их боялся. А ему уже сообщалась и точная дата нападения — 22 июня 1941 г.⁸². Первоначально нападение было назначено на более ранний срок, но развитие событий на Балканах заставило Гитлера отложить его на июнь. Эта отсрочка имела немаловажное значение: по «плану Барбаросса» на весь блицпоход против России отводилось максимум три-четыре месяца. Наступление, начатое в апреле—мае, привело бы немцев к Москве ранней осенью, и они не были бы в таком жалком моральном и физическом состоянии, в каком оказались зимой 1941 г.

В немецкой акции приняли участие румынские, итальянские, венгерские, а позднее и словацкие части⁸³.

Наступление началось в назначенный день тремя колоннами: Рундштедт двигался на юго-восток (в направлении, возможность которого все же допускал Сталин), Бок — с запада на восток и Лееб — на северо-восток⁸⁴. По немецким данным, они наступали 120 дивизиями и не обладали числен-

ным превосходством над русскими, но рассчитывали на превосходство тактики танковых прорывов. На западном направлении господствовал хаос, и советские силы оказались смелены: долговременные укрепления на старой границе в предвидении собственного наступления были уничтожены, а на новой границе возведены не были, чтобы «не провоцировать немцев». Как уже отмечалось, план создания танковых армий, разрабатывавшийся маршалом Тухачевским, был объявлен «вредительским». Весной 1941 г., правда, к этому плану вернулись, но танковые кузова были собраны в одном месте, пушки — в другом, а танкисты находились в третьем месте, и все попало в руки немцев. Не были введены в строй ни уже разработанные новые типы самолетов (наличные истребители не справлялись с «Юнкерсами» и «Мессершмиттами»), ни новая реактивная артиллерия («катюши»). Советские войска Западного фронта и мелкими частями, и большими группировками оказывались в окружении. За лето 1941 г. немцы взяли 1200 тыс. пленных. Всем выжившим из них предстояло после немецких лагерей по приказу Сталина попасть в советские рабские лагеря («пленных у нас нет, есть предатели»). Однако и разрозненные советские части все время оказывали сопротивление⁸⁵. Кроме того, немецкое командование недооценило резервные возможности СССР. В стране была проведена беспрецедентная эвакуация промышленности на восток и мобилизация людских ресурсов, созданы ополченческие дивизии из рабочих и служащих Москвы, Ленинграда и других городов (в Москве даже была создана пехотная рота писателей), и на месте разбитых дивизий появлялись все новые с Урала, из Сибири и из других мест. Немецкое наступление начало выдыхаться. Однако германское командование считало, что близится коллапс Советского Союза, и через силу продолжало наступление. Немаловажное значение имело то, что в отличие от немецких танков, двигавшихся на траках, снабжение их танковых частей осуществлялось колесным транспортом, который завязал в осеннем бездорожье. В октябре шла тяжелая битва под Вязьмой. 16 октября происходило бегство советской партократии из Москвы, по улицам носились полусожженные обрывки уничтожаемых документов.

Бегут во тьму завмаг и предзавком,
Во тьму шуршат машины сытой черни,
С заката пахнет кровью и огнем —
Vexilla regis prodeunt inferni".

О. Кудрявцев

Успешно и быстро продвигались немцы и на двух других направлениях. На Украине им удалось взять советские части

в клещи и в сентябре захватить Киев. На севере они быстро продвинулись через Прибалтику, Новгородскую и Псковскую области и в начале сентября охватили Ленинград плотным кольцом. Удачным для немцев воздушным налетом были уничтожены городские запасы продовольствия — в Ленинграде началась блокада, длившаяся 900 дней, и нарастал чудовищный, смертоносный голод. Однако немцев удалось остановить в пригородах. Одновременно начались военные действия со стороны Финляндии, но на ленинградском направлении финны ограничились выходом на свою границу 1939 г. Зато севернее Ладоги они продвинулись до Онежского озера, перерезав железную дорогу Ленинград — Мурманск: этот город был единственным портом, через который можно было в зимних условиях получать снабжение от союзников⁸⁷.

В ноябре 1941 г. почти одновременно с речами по радио выступили Сталин и Гитлер. Сталин, придя в себя после начальной паники, спокойным голосом обещал, что «враг будет разбит, победа будет за нами», а Гитлер неистовым голосом кричал, что «этот противник уже сломлен и никогда более не поднимется», что «его гренадеры», дошедшие до стен Ленинграда, не входят в него только потому, что город и так свалится немцам в руки, «как спелый плод».

Зима в тот год наступила рано, а немецкие солдаты не имели (и не получили и в дальнейшем) зимнего обмундирования. Зато Советская армия вскоре стала получать идеальную зимнюю амуницию: теплые шапки, овчинные полушубки⁸⁸, ватные штаны, валенки. 2 декабря немцы начали последнее наступление на Москву, его с трудом сдерживали редеоющие советские части, но советское командование смогло вовремя бросить в бой свежие сибирские дивизии. Немцы, вышедшие было к окраинам Москвы, откатились к западу. Позади немецких линий частью из окруженных советских бойцов, частью из местных жителей, частью из заброшенных за линию фронта парашютистов повсеместно в лесах создавались партизанские отряды, своими действиями не дававшие немцам создать себе надежный и обеспеченный тыл. В декабре Красной армии удалось перейти в ограниченное контрнаступление.

Никогда ни до, ни после этого, вплоть до последних месяцев войны, немецкие солдаты не были так деморализованы. Если бы у советского командования были тогда силы для более развернутого наступления, немцев отбросили бы полностью. К весне их боевой дух поднялся; пошли новые победы, и даже в 1943 г., когда началось решительное отступление, немецкие солдаты продолжали верить пропагандистским увещеваниям, что идет планомерное сокращение фронта перед победным наступлением.

Большой бедой для Советского Союза была преждевременная попытка наступления на немецкие позиции на левом (высоком) берегу р. Волхов. Немецкую оборону удалось прорвать лишь на очень узком участке, и в образовавшийся прорыв было брошено непомерно много сил. Идея была, по-видимому, в том, чтобы прорвать извне блокаду Ленинграда. Когда в болотистых лесах за Волховом собралось множество советских войск, немцы захлопнули ловушку; в ней погибли сотни тысяч солдат, так и оставшихся непохороненными. Командующий этой, так называемой Второй ударной армией, генерал Власов, сдался в плен.

Несколько слов об обстановке внутри нацистской Германии. Вопреки известному утверждению, что немцы жили по правилу «пушки вместо мяса», уровень жизни гражданского населения в 1939—1940 гг. мало отличался от довоенного времени, хотя частично пришлось перейти на эрзацы в продуктах питания. Нефть Германия получала бесперебойно из Румынии и создавала свой синтетический бензин, а потери рабочей силы из-за массовых мобилизаций компенсировались рабским трудом покоренного мирного населения, депортированного из России, Польши, Югославии и отчасти Франции.

Ход войны заметно изменился 7 декабря 1941 г., когда в войну были втянуты Соединенные Штаты.

Замысел войны Японии не только против Китая, но и против США, Великобритании и Голландии (владевшей Индонезией) был разработан как конкретизация «плана Танаки» лишь осенью 1941 г. Начиная с 1940 г. война в Китае вошла в «патовую» ситуацию, а успехи стран «оси» (Германии и Италии), которые победоносно завоевывали Европу, заставили Японию поторопиться, чтобы принять участие в дележе мира.

В июле 1941 г. японская армия продвинулась на территорию французского Индокитая и заняла китайский остров Хайнань; в намерения Японии входило завладеть индонезийской нефтью. Между тем США наложили полное эмбарго на экспорт нефти и нефтепродуктов в Японию. Ближе к зиме японская правительственная делегация была послана в Вашингтон якобы для мирных переговоров, но на самом деле для отвода глаз: японское командование решило нанести Соединенным Штатам превентивный удар, так как можно было предположить, что США вскоре предпримут шаги против проникновения Японии в страны Тихого и Индийского океанов. Японское командование продолжало приписывать непомерную важность линейным флотам. Опыт Второй мировой войны затем показал, что при наличии у противника бомбардировщиков и подводных лодок надводные корабли приносят мало пользы и легко могут быть потоплены.

7 декабря 1941 г. японские авианосцы подошли близко к Гавайским островам, где в порту Пёрл-Харбор были сосредоточены почти все корабли американского Тихоокеанского флота. Налет около 360 японских бомбардировщиков привел к тому, что из восьми американских линейных кораблей пять были потоплены, одному нанесены тяжелые, а еще двум — легкие повреждения; кроме того, были потоплены несколько эсминцев и другие военные корабли; много американских самолетов было уничтожено или повреждено на аэродроме до взлета.

Налет на Пёрл-Харбор привел американское общество в воинственное настроение, и США объявили, что находятся в состоянии войны со странами «оси» — Японией, Италией и Германией.

На другой день японцы обрушили удары сходной силы на аэродромы и военные базы, принадлежавшие США на Филиппинах, и на базы британского Гонконга, который вскоре был оккупирован японскими войсками; 10 декабря началась их высадка и на Филиппинах. В течение декабря 1941—января 1942 г. японцы заняли важные острова Индонезии, вторглись в Бирму (отрезая путь снабжения Китая американской нефтью), а в феврале заняли Сингапур; они высадились и на Новой Гвинее и на некоторых островах Тихого океана. Началась долгая и изнурительная война Великобритании, Австралии, США против Японии. Поскольку голландская метрополия была оккупирована нацистами, голландские войска оказали японцам слабое сопротивление, были полностью захвачены в плен и направлены в лагеря не лучше сталинских.

Путем большого напряжения союзники стали теснить Японию. Ее превосходный линейный флот не сыграл решающей роли. Союзники (главным образом американцы и австралийцы), перебрасывая свои силы с острова на остров, все более приближались к Японскому архипелагу. В марте 1943 г. японский главный штаб разработал план оборонительной войны (но оборонять предполагалось не столько территорию Японии, сколько новую Японскую империю).

Вступление США в войну облегчило положение не только Англии, но и СССР.

Президент Рузвельт еще в июле 1940 г. заявил, что предоставит «материальные ресурсы США противнику силы». Объявив себя «арсеналом демократии», США в марте 1941 г. приняли закон о «ленд-лизе» (букв. «заем-аренда»), по которому президент мог по своему усмотрению снабжать союзников военным снаряжением, обслуживанием и информацией на любых условиях. 7 ноября 1941 г. «ленд-лиз» был распространен и на СССР. Первоначально Рузвельт надеялся, что

«ленд-лиз» избавит Америку от необходимости непосредственно участвовать в войне, но когда США оказались втянуты в войну, «ленд-лиз» не прекратился. В СССР поставки по «ленд-лизу» шли зимой (в темное время года) через Мурманск⁸⁹ и по новой железной дороге между Мурманской линией, перерезанной финнами, и железной дорогой Архангельск — Москва или прямо через Архангельск; летом поставки шли через Иран, где успели было освоиться немецкие агенты, но куда теперь были введены, согласно старому соглашению о зонах интересов между царской Россией и Великобританией, советские войска на севере и британские — на юге.

Поставки по «ленд-лизу», по некоторым данным, составляли 5—10% потребностей Советской армии. Они имели большое моральное значение — советский солдат переставал чувствовать себя одиноким в борьбе с немецким фашизмом. Особенно важны были поставки Советскому Союзу отличного автомобильного транспорта, взрывчатки и стратегических металлов (никеля и др.). Менее существенными были непосредственные поставки оружия. Сложность поставок по «ленд-лизу» состояла в том, что немецкие подводные лодки господствовали на Атлантике, редкому судну удавалось проделать путь от берегов Соединенных Штатов до Европы более двух-трех раз⁹⁰.

К 1942 г., срочно перебазировав важнейшие объекты военной промышленности на Урал и в Сибирь и введя их в действие в рекордно короткие сроки, Советский Союз начал получать в достаточном количестве танки Т-34, превосходившие тогдашние немецкие танки по своим качествам, «катюши» и другую военную технику; к концу 1942 г. стали поступать на вооружение новые отличные боевые самолеты (они проектировались в значительной части в «спецтюрьмах» НКВД). Заметим при этом, что на военных заводах работали едва ли не преимущественно женщины и подростки при 12-часовом рабочем дне.

Англия устами своего премьера Черчилля объявила себя союзницей СССР еще в июне 1941 г. и тоже участвовала в «ленд-лизных» поставках⁹¹. Но главным для Советской армии было обещание открыть второй фронт в Европе. Его пришлось долго ждать. Советские вооруженные силы несли огромные потери в живой силе. По некоторым подсчетам, СССР потерял вчетверо больше солдат, чем Германия, а англичане выжидали, пока их операция сможет быть проведена с минимальными людскими потерями.

1942 год протекал чрезвычайно скверно для СССР. Правда, Гитлер уже не мог вести наступление сразу по трем направлениям, и летом 1942 г. он решил начать его только на

южном, хотя генерал Рундштедт считал такую стратегию ошибочной и подал в отставку со своей должности.

Немцы в ноябре 1941 г. достигли Ростова, но затем были отброшены за р. Миус. Их новому наступлению предшествовала состоявшаяся по инициативе Сталина попытка контрнаступления на Харьков весной 1942 г., в то время явно преждевременная; она окончилась разгромом и новым окружением множества советских частей.

Задача, поставленная немецкой армии, заключалась в том, чтобы прорваться к Кавказу и в Закавказье, захватить нефтяные промыслы Майкопа, Грозного и Баку и в дальнейшем составить угрозу британским силам на Ближнем Востоке (где немцы успешно разворачивали антианглийскую пропаганду среди арабов)¹². Им действительно удалось занять Майкоп, Минеральные Воды и Грозный и кое-где преодолеть кавказские перевалы, но последовавшее поражение их войск на Волге и на Дону вынудило их оставить Кавказ.

Другая немецкая группировка была брошена на восток от Харькова и на северо-восток от Ростова с заданием перехватить Волгу и создать угрозу промышленным регионам России. Гитлер не скрывал, что Сталинград для него — слово символическое. Когда немецкие войска вошли в него, он провозгласил: «Где ступила нога немецкого grenадера, там он не ступит назад» — но ошибся. В самом городе Сталинграде 6-й германской армии не удалось вытеснить советских бойцов с прибрежной полосы, где они сопротивлялись с небывалой стойкостью, несмотря на огромную мощь бомбардировок и артиллерийского огня. В ходе боев выяснилось, что 6-я армия выдвинулась слишком далеко вперед, и в результате операции, проведенной генералом Жуковым и маршалом артиллерии Вороновым при общей координации генерала Василевского, советским войскам удалось полностью окружить Сталинград и отрезать немцев от всякого снабжения. Стоявшие на флангах группировки итальянских и румынских солдат сдались, германские части все более сжимались, пока наконец стоявшая в центре котла часть немцев, оставшихся в живых, также не сдалась в плен.

Сталинградская эпопея потрясла население Германии, но все же ни оно, ни германская армия не теряли надежду, поддаваясь на оптимистическую пропаганду.

С этого момента стратегия Германии была направлена уже не на дальнейшие завоевания, а на удержание захваченного. Гитлер теперь боялся открытия второго фронта во Франции, и с этим связано его решение 11 декабря 1942 г. оккупировать и всю петэновскую часть Франции.

Не менее важную роль, чем сталинградская битва, вскоре сыграла грандиозная битва на Курской дуге. Снова заняв

Белгород и удерживая Орел, немцы задумывали удар в сторону Курска с целью окружить советские войска, но на этот раз их танковые колонны имели недолгий успех; ответное советское танковое наступление отбросило германские части на запад. Одновременно немцы стали откатываться и из-под дальних подступов к Москве, и с осени 1943 г. и до конца войны, оказывая отчаянное сопротивление и нанося Советской армии тяжелые потери, почти непрерывно находились в отступлении.

Такой поворот событий имел несколько причин. К советским генералам и офицерам⁹³ пришел опыт, средний офицерский состав, после репрессий 1938 г. и последующих лет в основном образованный «выдвиженцами» из сержантского и лейтенантского состава, не имевшими тактической подготовки, был в значительной мере перебит и заменен толковыми офицерами из запаса⁹⁴. Путем огромного напряжения, используя труд женщин и подростков, СССР сумел организовать военное производство на Урале и в Сибири и к середине 1943 г. имел явное господство в воздухе и преимущество в танковых силах.

В самой Германии, как уже упоминалось, вплоть до 1940 г., да даже до 1943 г., немецкое гражданское население не испытывало особых тягот. Рабочая сила пополнялась за счет депортации в Германию более 7 млн. «восточных рабочих» (Ostarbeiter) мужского и женского пола (русских, украинцев, поляков). Было намечено будущее государственное устройство: в центре Европы создавалась «Великогерманская империя» (Reich), которая включала помимо старых немецких земель западную Польшу, Австрию, Эльзас, Лотарингию и Люксембург. Великогерманской империи подчинялись также «Генерал-губернаторство», включавшее центр Польши и Галицию (слово «Польша» было табуировано), и «Протекторат» (Чехия). Нидерланды, Данию и Норвегию, а также Крым и Кольский полуостров предполагалось включить в «Германскую империю немецкой нации», полноправное население которой должно было полностью состоять исключительно из «арийцев» (к ним относились только пароды, говорившие на языках германской группы). Франция, Сербия и др. должны были находиться в зависимости от Германии. Территория «Генерал-губернаторства» и четырех «имперских комиссариатов» — Украины, Остланда (Белоруссии и Прибалтики) и предполагавшихся, но не созданных комиссариатов «Московии» и «Кавказии» — должна была служить для расширения германского «жизненного пространства» и немецкой колонизации. Поляки и русские рассматривались как «недочеловеки» (Untermenschen) и подлежали полному или частичному истреблению с высылкой оставшихся в жи-

вых в область «Идель-Урал» (Поволжье и Приуралье) и в Сибирь.

Кроме того, уничтожению подлежали большевистские кадры (был приказ при пленении расстреливать на месте армейских политработников), а также «расовая (биологическая) основа большевизма», каковой Гитлер считал еврейскую национальность, точно так же как он считал биологической основой нацизма немецкую национальность. За ее чистотой тщательно следили: германский офицер, если хотел жениться, должен был предъявить «предковый паспорт» (Ahnenpass) невесты, доказывающий чистоту германского происхождения с 1800 г. (а для эсэсовцев и более давнее). Хорошо, что в европейских церквах тщательно сохранялись книги актов гражданского состояния за многие годы. Такие же требования предъявлялись для занятия государственных, профессорских и других постов.

В тылу наступающей немецкой армии действовали четыре эйнзатцгруппы СД (службы безопасности), которые специально занимались поголовным истреблением еврейского населения, независимо от пола и возраста. До конца 1941 г. было уничтожено 1 миллион 400 тысяч человек, а всего в процессе так называемого «окончательного решения» было убито в специальных лагерях уничтожения 5 миллионов 700 тысяч евреев (по английским подсчетам). Союзные с Германией и зависимые государства шли на участие в «окончательном решении», хотя и неохотно. Так, правительство Виши долго не выдавало евреев, являвшихся французскими гражданами.

«Окончательное решение» в дальнейшем должно было распространяться не на одних евреев: предполагалось поголовное истребление поляков и возможно более значительное истребление русских (в первую очередь всех коммунистов, а также интеллигентов).

Во всех оккупированных странах в разных формах и в разной степени развивалось подпольное движение сопротивления. Если, скажем, норвежское сопротивление занималось главным образом антинацистской пропагандой и агентурной разведкой для союзников, то во Франции возникали партизанские группы (maquis). Еще более мощным было партизанское движение в Югославии. На Украине, в Польше и в Югославии действовали параллельно коммунистические и (впоследствии уничтоженные коммунистами) националистические партизанские группы⁹⁵.

С марта 1942 г. начались массовые бомбардировки городов Германии новым поколением английских (а потом и американских) тяжелых бомбардировщиков. От прицельных бомбардировок союзники отказались как от неэффективных и

Если бомбардировку фугасными и зажигательными бомбами по площадям, т. е. по целым городам. С 1943 г. налеты велись шахматным строем («ковровые бомбардировки»), и на земле не оставалось ничего не разрушенного. Впрочем, военный потенциал эти бомбежки разрушали (как выяснилось в 1945 г.) все же малоэффективно.

В условиях постоянного отступления на фронтах это, пожалуй, более, чем что-либо, сломило дух немецкого гражданского населения и побудило союзников выдвинуть требование о «безоговорочной капитуляции» противника.

В течение 1943 г. в СССР и за рубежом, в том числе в США, все громче раздавались голоса о необходимости открыть «второй фронт» в Европе. Однако, с одной стороны, высадка англо-американских войск требовала гигантской подготовки, а с другой — Рузвельт и Черчилль решили добиваться победы относительно малой кровью. Черчилль считал, что попытка прямой высадки во Франции или в Голландии пока еще трудно осуществима хотя бы из-за отсутствия достаточного количества транспортных судов, но также ввиду несомненно ожидавшихся в таком случае тяжелых потерь для Англии. Поэтому союзники разработали стратегию ударов по Европе с юга.

Дело начиналось издавна. В ноябре 1942 г. произошла высадка союзных войск в Марокко (у Касабланки) и в двух пунктах Алжира, где находились французские власти, подчинявшиеся Виши. Американцы вошли было в контакт с верховным комиссаром африканских владений адмиралом Дарланом, считавшим необходимым узаконить оккупацию французских колоний санкцией Петэна, но затем союзники остановились на кандидатуре не связанного с Петэном генерала Жиро, которому предложили возглавить французскую администрацию в Алжире. Де Голлю, фактически возглавлявшему в изгнании «Свободную Францию», американцы почему-то не доверяли. В начале 1943 г. немцы попытались организовать оборону Туниса, но это кончилось в мае капитуляцией германского «Африканского корпуса».

Одновременно с битвой на Курской дуге (в июле 1943 г.) союзники, опираясь на Тунис, высадили свои войска во главе с Монтгомери в Сицилии и без большого труда заняли этот остров, а затем начали высадку в разных пунктах Южной Италии. Однако германским войскам удалось задержать союзное наступление в Центральной Италии (у Монте-Кассино). 25 июля 1943 г., формально по приказу короля Италии Виктора-Эммануила III, был смещен Муссолини, к власти в Риме пришло правительство Бадольо, и Италия перешла на «сторону союзников. Но защититься от Германии Италия на «самом деле не могла, потому что на ее территории находи-

лись многочисленные немецкие части, оказывавшие отчаянное сопротивление. Гитлеровцы организовали похищение Муссолини⁹⁶, и он продолжал, по немецкой указке, править на севере Италии.

Несмотря на ожесточенные бомбардировки, до середины 1944 г. Германия продолжала в нарастающем темпе производить нужное ей вооружение и боеприпасы. Правда, она не могла остановить конвейеры, выпускавшие уже устаревшие «Юнкерсы» и «Мессершмитты», чтобы заменить их более совершенными моделями самолетов, которые могли бы тягаться с новыми английскими, американскими и советскими машинами: постоянные потери самолетов на фронте и перерыв в поступлении новых машин, прежде чем удалось бы наладить их серийное производство, вызвали бы коллапс воздушных сил. Но экономика Германии была в свое время рассчитана на короткую войну, в войне изнуряющей она постепенно ослабевала. К работе стали привлекать (как уже делалось в СССР и Японии) женщин и подростков. Надо отметить, что успехи союзной стратегии во многом зависели от плановой экономики, введенной не только в СССР, но, в качестве временной меры, и в демократических странах.

Еще в январе 1943 г. Черчилль и Рузвельт (к которым позже присоединился и Сталин) выдвинули требование безусловной капитуляции Германии и Японии, не оставляя им надежд на компромиссный выход из войны. Быть может, это несколько и затянуло войну, вызвав ожесточенное сопротивление врага, но без этого условия ликвидировать тоталитарный режим, который продолжал бы угрожать всеобщему миру, было невозможно⁹⁷.

В мае 1944 г. союзники начали новое наступление в Италии и прорвали укрепленную линию немцев у Монте-Кассино. 5 июня был занят Рим, 13 августа — Флоренция, и союзники подошли ко второй укрепленной линии, созданной немцами в Северной Италии.

В июле 1944 г. советские войска взяли Львов и 31 июля вышли на Вислу. Дальнейшее наступление было пока невозможно, так как, во-первых, войска были утомлены 600-километровым наступлением, нуждались в подтягивании снабжения и, во-вторых, немцы продолжали контратаковать на флангах. Однако польское освободительное движение приняло выход советских войск на Вислу как сигнал к восстанию в Варшаве⁸⁸. Оно было беспощадно подавлено немецкими войсками, превратившими город в сплошные руины. Советским частям было практически трудно помочь восставшим, но, видимо, Сталин и не хотел приходить на помощь сторонникам, польского правительства в изгнании. Оставшихся в живых повстанцев немцы бросили в концентрационные лагеря. Взять

то, что осталось от Варшавы, и начать новое наступление на центральном фронте советские войска смогли только месяцы спустя.

В августе 1944 г. советские войска вступили в Румынию. Румыния прекратила военные действия "против СССР и 25 августа объявила войну Германии. Советские войска заняли также Болгарию и Трансильванию, выйдя на границу с Венгрией.

К концу 1944 г. советские армии были в значительной мере моторизованы, в том числе благодаря поставкам из США. Однако в том, что касалось авиации и особенно танковых соединений, союзническая помощь после 1942 г. не сказывалась сколько-нибудь заметно".

Между тем 6 июня 1944 г. началась высадка союзных войск (англичан, канадцев и американцев) на севере Франции — в Нормандии. 8 июня был взят центр немецкой обороны г. Кан. Немцы бросили против высадившихся самое большое число войск, которое могли выделить для Западного фронта, но они не имели ясности в отношении планов союзников и не могли правильно распределить свои силы. В то же время союзники совершили ошибку: вместо того чтобы после высадки сконцентрировать все силы для удара по Германии, они попытались освободить полуостров Бретань на северо-западе Франции, но здесь немцам удалось удержать важнейшие порты. Лишь в сентябре союзники двинулись на восток и заняли Верден, а затем Антверпен. Немцы пытались укрепить свои силы 1-й парашютной армией, набранной из случайных людей — зеленой молодежи, конторщиков, выздоравливающих инвалидов и т. п.; она, конечно, не имела никакого успеха. Немецким генералам стало ясно, что война проиграна.

20 июля 1944 г. в ставке Гитлера в Восточной Пруссии на него было совершено покушение, но он остался жив. После этого его выступление по радио, произнесенное глухим голосом, без привычных криков, было последним его появлением в эфире. Покушение организовала группа высокопоставленных военных и отчасти промышленников. По этому делу было казнено 250 человек, в их числе некоторые выдающиеся немецкие полководцы (Роммелю Гитлер предоставил покончить жизнь самоубийством). Еще 5 тыс. человек было казнено по подозрению в сочувствии заговорщикам.

Гитлер, безусловно, тоже понимал, что война проиграна, но, следуя своей доктрине «Германия может существовать только как великая держава или не будет существовать вообще», он решил продолжать борьбу до последнего немецкого солдата.

В августе произошла высадка союзников на юге Франции,

где они не встретили большого сопротивления. Характерно различие в снабжении продовольствием и снаряжением западных союзников и немецких войск: союзники получали ежедневно 700 т продовольствия и снаряжения на дивизию, а немцы — по 200 т, причем доставка им пищи и боеприпасов еще и затруднялась налетами авиации, а также действиями партизан в тылу.

Тем не менее в декабре 1944 г. немцы перешли в контрнаступление в горной местности Бельгии — в Арденнах, где им удалось на некоторое время остановить союзников. Однако возобновившееся наступление советских войск на востоке заставило Гитлера снять часть дивизий из Арденн, и наступление союзников продолжилось.

Между тем еще в октябре советские войска вышли к границе Югославии и 20 октября заняли Белград, сомкнувшись с партизанами Тито. Но в Венгрии, у оз. Балатон, они встретили упорнейшее сопротивление и понесли большие потери. Лишь в феврале 1945 г. был занят Будапешт. В апреле был заключен договор о дружбе между СССР и Тито¹⁰⁰. Со стороны некоммунистической оппозиции договор подписал министр иностранных дел Шубашич, однако в дальнейшем правительство Тито стало чисто коммунистическим. Греция на совещании великих держав была отнесена к зоне интересов Англии. В Греции тоже отдельно существовали коммунистические силы и либерально-монархические, вступившие между собою в кровавую борьбу. Англия поддержала монархическую группу, и коммунистический строй в Греции не возобладал, но вооруженная борьба еще долгое время продолжалась.

Коммунистические режимы были установлены советскими войсками в Болгарии, Румынии, Польше и Венгрии.

Опишем самым кратким образом войну американцев (а также австралийцев, новозеландцев и британских индийских частей) на тихоокеанском фронте.

В Бирме задача состояла в том, чтобы предотвратить японское вторжение в Индию, и в том, чтобы восстановить дорогу между Бирмой и Китаем, по которой войска Чан Кайши снабжались нефтепродуктами. Кроме того, предстояло вытеснить японцев из Новой Гвинеи и с тихоокеанских островов, с одной стороны, чтобы не допустить вторжения в Австралию, а с другой — чтобы получить базы, с которых можно было бы с воздуха атаковать Японию.

Союзными сухопутными силами командовал генерал Макартур, морскими — адмирал Нимитц. Им удалось разбить японцев на Новой Гвинее, высадиться на Филиппинах (в сентябре 1944 г.), занять острова Гилберта (Кирибати), Маршалловы острова.

После победы американцев¹⁰¹ на о-ве Гвадалканал (Со* ломоновы острова) зимой 1942/43 г., на Новой Гвинее в январе 1943 г. и на Алеутских островах в августе 1943 г. и взятия опорного пункта японцев Рабаул (на о-ве Новая Британия, восточнее Новой Гвинее) японцы явно перешли к оборонной стратегии. Несмотря на многократные морские бои, японцам не удалось реализовать господство своего надводного флота, образовавшееся было после губительного налета на Перл* Харбор. Сражение авианосцев у Филиппин — вернее, самолетов, базировавшихся на авианосцах (19 июля 1944 г.), — тоже не принесло японцам решительной победы. Занимая одну группу островов за другой, американцы подбирались к той точке, с которой можно было бы бомбить саму Японию. Японцы начали использовать камикадзе — летчиков-самоубийц, которые не обстреливали объект, а падали на него вместе с самолетом. Эта мера не привела, однако, к сколько-нибудь важным успехам. В течение 1944 г. американцы заняли Марианские острова с важными базами на островах Гуам (ранее — американская колония), Сайпан и Тиниан, откуда тяжелые бомбардировщики уже могли наносить удары по самой Японии. В феврале 1945 г. с большими потерями был захвачен остров Иводзима, еще ближе к Японии, а в апреле 1945 г. — остров Окинава в группе принадлежавших Японии островов Рюкю. Начались мощные бомбардировки японских городов. В мае—июне 1945 г. австралийские войска заняли остров Борнео (Калимантан). На Яве и других островах Индонезии началось освободительное движение, ставившее себе целью не столько изгнать японцев, сколько не допустить возвращения голландцев.

Параллельно шли тяжелые бои с переменным успехом в джунглях Бирмы и на пути к временной столице Чан Кай-ши — Чунцину. Но лишь в мае 1945 г. англо-индийским войскам удалось занять столицу Бирмы — Рангун и потеснить японцев в других частях региона. Однако судьба войны решалась не здесь. Американцы были уже готовы для мощного бомбового удара по Японии.

Развязка пришла в Европе ранее, чем на Тихом океане. 12—14 января 1945 г. началось мощное наступление на Германию силами войск Конева, Жукова и Рокоссовского. 17 января были, наконец, заняты советскими войсками руины Варшавы. Гитлер снял дополнительные части с Арденнского направления и перебросил их в Венгрию, чтобы сохранить источники венгерской нефти. Начались жестокие бои у оз. Балатон, в которых и советские войска несли тяжелые потери. Между тем на центральном направлении советские войска сделали за неделю мощный бросок вперед и продвинулись на 160 км на фронте в 400 км. Войска Конева вошли

в Силезию, войска Жукова — в Бранденбург и Померанию (более чем в 300 км западнее Варшавы). 25—26 января Рокоссовский занял Данциг (Гданьск) и отрезал немецкие войска в Восточной Пруссии¹⁰². Гитлер бросил в бой на центральное направление наспех сформированную армию, сколоченную главным образом из эсэсовцев во главе с обер-палачом Гиммлером. Начался набор отрядов «фольксштурма» из аозрастов, не подлежавших призыву на военную службу, и лиц, освобожденных от нее. 31 января 1945 г. Жуков перешел р. Одер у Кюстрина и оказался в 60—70 км от Берлина. 15 февраля Конев с юга достиг притока Одера — Пейсе, выйдя на одну линию с Жуковым.

В конце февраля продвижение советских войск задержалось, так как наступление не могло продолжаться без подвоза горючего, снарядов, продовольствия и новых пополнений, в том числе из поправлявшихся в полевых госпиталях. Линия немецких войск сократилась и поэтому стала более обороноспособной. Гитлер решил к тому же, что наступление Советов опаснее для Германии, чем наступление западных союзников, а потому опять перебросил войска с западного направления на восток, способствуя дальнейшему наступлению союзников на Германию. Надо отметить, что немецкие железнодорожные коммуникации действовали с большими перебоями.

Уже в предшествующие периоды происходили неоднократные встречи Рузвельта и Черчилля (или Рузвельта, Черчилля и Сталина, например в Тегеране, в Ялте). Здесь вырабатывались глобальные стратегические и политические решения. Принципиально важной была историческая Атлантическая хартия, предложенная Рузвельтом и Черчиллем. В ней утверждалось, что их страны не стремятся к территориальному или иному расширению, уважают права наций на самоопределение, и выражалось стремление заключить «мир, который даст всем нациям возможность жить в безопасности внутри своих границ». Вскоре после Пёрл-Харбора состоялась еще одна конференция, на которой было заявлено, что Объединенные Нации не заключат никакого сепаратного договора о мире, что принципы Атлантической хартии приняты ими всеми, что союзники сражаются, дабы «защитить жизнь, свободу и независимость и религиозную свободу и чтобы сохранить права человека и справедливость».

В октябре 1944 г. в Москве Черчилль и Сталин опять провели совещание: близость победы диктовала необходимость договориться по важнейшим вопросам войны и послевоенной политики. Черчилль еще раньше пытался добиться прямой договоренности между Миколайчиком, главой польского правительства в Лондоне, и Берутом, главой прокоммунистического Комитета национального освобождения в Люблине на

занятой советскими войсками территории. Миколайчик настаивал на восстановлении Польши в границах 1938 г., и стороны не пришли к соглашению. Однако Черчилль и Сталин договорились о разделении сфер влияния в Восточной Европе: Румыния и Болгария доставались СССР, Греция — Англии; Югославия должна была находиться под влиянием обеих держав, но в конце концов Черчилль отказался от поддержки Михайловича и признал представителей Тито при условии символического участия в его правительстве некоммунистических деятелей (такая же договоренность была достигнута относительно правительства Берута). Нечего и говорить, что «буржуазные» представители скоро были устранены из правительств Польши и Югославии.

На Ялтинском совещании было решено, что Германия будет разделена на три¹⁰³ оккупационные зоны и что Берлин будет также разделен на зоны и управляться по соглашению между союзниками. Была также достигнута договоренность о том, что СССР вступит через некоторое время в войну с Японией согласно секретному протоколу, за что получит Курильские острова и область, утерянную царской Россией в 1905 г., — Южный Сахалин, а также право пользования портами Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь) как морскими базами и право участвовать в управлении Китайско-Восточной и Юго-Маньчжурской железными дорогами¹⁰⁴. Народам Европы были обещаны свободные выборы в кратчайший срок; все важные решения должны были приниматься Великобританией, США и СССР совместно. Кроме того, обсуждался будущий статус Организации Объединенных Наций. Сталин требовал, чтобы в ней были представлены все 16 советских республик как якобы суверенные (подобно тому как Австралия, Канада, Новая Зеландия и Южная Африка входили в ООН, хотя были членами Британского Содружества наций). Западные союзники не считали союзные республики суверенными и не желали предоставлять СССР сразу 17 голосов¹⁰⁵. В конце концов Черчилль и Рузвельт согласились включить в ООН две союзные республики, наиболее пострадавшие от войны, — Украину и Белоруссию.

Между тем наступал заключительный период Второй мировой войны. В ночь с 13 на 14 февраля 1945 г. и еще трое суток подряд англо-американская авиация бомбила Дрезден, затем последовали еще две бомбардировки в марте и апреле. Эти варварские бомбежки прекрасного старинного города вряд ли имели особое военное значение, но уже тогда было ясно, что Дрезден отойдет в советскую зону оккупации, — и не этим ли руководствовалось союзное командование, желая лишить русских этого важного промышленного центра? По английским данным, погибли 60 тыс. мирных жителей, по

немецким — 135 тыс., т. е. больше, чем в Хиросиме. Одновременно разрушались и другие немецкие города, и поскольку бомбежка шла по площадям, то больший урон наносился опять же гражданскому населению, чем промышленным предприятиям.

Гитлер фактически оголил свой Западный фронт, рассчитывая на то, что его обстрел городов Англии новым оружием — крылатыми ракетами «Фау-1» (с июня 1944 г.) и «Фау-2» (с сентября 1944 г.), несшими огромные разрушения (так, почти весь центр Лондона был разрушен), вызовет панику среди союзников и задержит их наступление. Однако оно продолжалось почти по плану. В ночь на 23 марта 1945 г. американские части, почти не встретив сопротивления, перешли Рейн; британские войска двинулись через Северную Германию к Балтийскому морю у Любека. 12 апреля 1945 г. умер президент Рузвельт, и это обстоятельство привело к вспышке надежд в ставке Гитлера, находившейся теперь уже в Берлине. 25 апреля Берлин был полностью окружен войсками Конева и Жукова; 27 апреля произошла встреча советских и американских солдат на Эльбе. 30 апреля Гитлер покончил с собой в бункере в центре Берлина. 2 мая прекратились бои в Северной Италии. В ночь на 8 мая адмирал Дёниц, возглавивший германское правительство после смерти Гитлера, объявил о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Для советской армии война, однако, продолжалась на день дольше: генерал Шёрнер в Праге отказался сдаться, и против него выступили «власовцы», т. е. русские части, образованные гитлеровцами из пленных¹⁰⁶, затем подошли и регулярные советские войска, и последние бои на Восточном фронте прекратились 9 мая 1945 г.

С 17 июля по 2 августа в Потсдаме под Берлином состоялась последняя встреча глав союзных великих держав. США были представлены президентом Трумэном; Великобритания — сначала Черчиллем, но так как на происходивших в это время в Англии выборах консерваторы потерпели поражение, то британскую делегацию возглавил новый премьер-министр, лейборист Эттли; СССР был представлен Сталиным; участвовали также министры иностранных дел. Трумэн сообщил Сталину неофициально, что в США успешно проведено испытание атомной бомбы, которая, возможно, будет применена против Японии, в войне с которой Сталин обещал участвовать. Обсуждался вопрос о репарациях, и было решено, что СССР может взимать репарации с оккупированных им территорий, и получить право на известный процент с зон, оккупированных западными союзниками. СССР предъявил также претензии на возврат областей, отошедших от России к Турции в прошлую войну, и потребовал передачи итальян-

ских колоний в Африке (!) под советский мандат и, кроме того, предложил продолжить войну в Испании, чтобы свергнуть Франко. СССР виделся Сталину теперь как колониальная держава, но его претензии были отклонены союзниками. Они протестовали против того, что Сталин единолично, не совещаясь с их официальными представителями, решает вопросы о политическом устройстве стран Восточной Европы. Было решено, что во всех оккупированных советскими войсками странах будут проведены «свободные и нестесняемые выборы». Выборы здесь были позже действительно проведены, но назвать их свободными и тайными было никак невозможно. Решение спорных вопросов было отложено до следующей встречи глав правительств, в Вашингтоне, которая так и не состоялась.

На Тихоокеанском фронте Япония явно слабела. Население страны перевели на «блокадные пайки», на исходе были запасы топлива и рабочей силы. Потери вооруженных сил, в том числе флота и авиации, были крайне тяжелы. Американцы снова завоевали Филиппины в начале марта 1945 г. 1 мая 1945 г. австралийские войска освободили о-в Борнео (Калимантан) и положили начало освобождению Индонезии. Советские войска 8 августа 1945 г. вступили в Маньчжурию (где скоро завязали контакты с коммунистическими силами Мао Цзэдуна, двинувшимися навстречу советским войскам) и на север Кореи.

6 августа 1945 г. на японский город Хиросима была сброшена первая атомная бомба, разработанная в США международной группой физиков. Площадь в 7 кв. км была полностью выжжена. По американским данным, 90 тыс. человек погибли сразу, не считая погибших от излучения в течение еще долгого времени. 9 августа 1945 г. американцы сбросили вторую атомную бомбу, на Нагасаки, где было убито не менее 40 тыс. человек. На другой день Япония сообщила, что принимает условия прекращения войны, изложенные на Потсдамской конференции, при условии, что император Японии не будет лишен своих привилегий. Союзники согласились на это условие, с тем чтобы император следовал директивам союзных держав. 14 августа 1945 г. война с Японией пришла к концу. Власть в стране взял на себя американский генерал Макартур, сразу же объявивший о запрещении синтоизма как официального культа, поскольку он являлся идеологическим оправданием японской агрессии и жестокого обращения с неапонским населением.

Для удобства разоружения японских войск в Корее США и СССР договорились о создании демаркационной линии на Корейском полуострове по 38-й параллели.

В потерях воюющих сторон за период Второй мировой

войны число смертей гражданских лиц от болезней, режима концентрационных лагерей и бомбежек превосходило для некоторых стран число убитых и пропавших без вести на фронте. Так, Бельгия потеряла 12 тыс. человек в ходе военных действий и 76 тыс. гражданских лиц; Англия — 264 тыс. убитыми во время боевых действий и 92 тыс. мирного населения. Германия — 3,5 млн. на фронте и около 700 тыс. в тылу плюс многие тысячи не вернувшиеся из числа 3,5 млн. солдат и офицеров, попавших в плен. Статистика по Китаю практически отсутствует, но гоминьдановские войска потеряли с 1937 по 1945 г. 1,3 млн. убитыми; Польша потеряла в боях около 130 тыс. убитыми (не считая уничтоженных в советских лагерях), но более 5,5 млн. гражданского населения; Япония — 1,3 млн. и 672 тыс.

Совершенно неясна статистика по СССР. Неизвестно число советских пленных, освобожденных советскими войсками и переданных союзниками советским войскам, но сгинувших затем в советских концентрационных лагерях. Оптимистические западные подсчеты дают общие потери мужского населения СССР за годы войны в 15—20 млн., из них 8,5 млн. убитых (по другим данным — 11 млн.), 7 млн. погибших гражданских лиц¹⁰⁷ и неизвестное число погибших в лагерях — как немецких (напомним, что немцы взяли почти 6 млн. пленных и, кроме того, в лагерях уничтожения и других концентрационных лагерях содержались миллионы), так и в собственных советских¹⁰⁸.

Общие потери убитыми и умершими во Второй мировой войне оцениваются в 40—50 млн., из них почти половина приходится на гражданское население. В Европе насчитывался 21 млн. перемещенных лиц, по большей части привлеченных немцами для принудительного труда, но также некоторое число беженцев от того или иного режима. Бразилия, поздно вступившая в войну на стороне союзников, понесла наименьшие потери — 1 тыс. человек¹⁰⁹. Огромные разрушения были нанесены предприятиям и городам. Так, Франция, далеко не самое пострадавшее государство, считала, что стоимость разрушенного на ее территории имущества равна трем годовым бюджетам страны.

В СССР среди населения возникла определенная эйфория. Если раньше гражданам объясняли, что жестокость режима связана с тем, что страна окружена кольцом вражеских сил, то теперь, казалось, страна была окружена союзниками. Этой интеллигентской эйфории пришел конец еще в 1946 г., когда приспешник Сталина, Жданов, в своей речи ошелмивал двух произвольно выбранных из наиболее чтимых русских писателей — Ахматову и Зощенко.

Все советские пленные, освобожденные из лагерей союз-

яками, а также едва ли не большинство перемещенных лиц «были» направлены в советские концентрационные лагеря. Этим был нанесен тяжелый удар прежде всего по сельскому хозяйству, где пахота и другие сельские работы велись без всякой техники, вручную, преимущественно женщинами и детьми, но также и по промышленности. Последняя, однако, довольно скоро была восстановлена отчасти за счет оборудования, вывезенного из советской оккупационной зоны Германии (правда, оборудования далеко не новейшего), отчасти за счет применения рабского труда военнопленных и заключенных.

Если в ходе войны взаимодействие между западными •союзными государствами и коммунистической страной — СССР было удовлетворительным, то в период мирного переустройства оказалось, что между странами седьмой, классической капиталистической фазы (причем ведущие государства находились уже в фазовом переходе к восьмой) и коммунистическим ответвлением седьмой фазы достичь соглашения весьма трудно.

Мы не будем останавливаться на сложнейших перипетиях послевоенных переговоров между СССР и западными державами. В этих переговорах противоречия двух систем выразились в полной мере. Отметим только некоторые события.

10 февраля 1947 г. был заключен мир с Венгрией, Румынией, Болгарией и Финляндией. Во всех этих странах (кроме Финляндии, но с добавлением Польши) в результате выборов, проводившихся под давлением, к власти пришли коммунисты. Западные державы согласились на это при условии участия в управлении и других антифашистских сил; это условие было принято, но некоммунистические элементы вскоре были вытеснены из правительств этих стран, и в них установились коммунистические диктатуры. В Чехословакии в результате коммунистического путча было низвергнуто коалиционное антифашистское правительство. В Китае благодаря поддержке СССР и его вооруженных сил коммунистический лидер Мао Цзэдун сумел распространить •свою власть на всю страну. Остатки гоминьдановцев бежали на о-в Тайвань (Формозу). Этот остров ранее был оккупирован Японией, но его население, не считая незначительных остатков аборигенов, было китайским.

Великобритания признала в 1947 г. независимость Индии, разделенной на собственно Индию и мусульманский. . Пакистан "" (позже Восточный Пакистан выделился в самостоятельное, весьма отсталое государство Бангладеш). Вскоре получили независимость Бирма, а затем страны Малаккского полуострова и область Саравак на о-ве Борнео; они объединились в республику Малайзию. Статус самостоятельного

государства получил островной город Сингапур — первоначально тоже малайский, но к середине XX в. имевший уже почти чисто китайское население. В Индокитае французы с 1946 г. вели войну против коммунистических (и других) повстанцев, но после поражения, понесенного ими под Дьенбьенфу в 1954 г., вынуждены были признать независимость Северного Вьетнама, а затем Камбоджи и Лаоса. Однако коммунисты, руководимые Хо Ши Мином, не желали ограничиться Северным Вьетнамом, и их люди проникали в Южный; местное самоуправление почти повсюду становилось коммунистическим. Если прибавить к этому громадное усиление коммунистов в получившей независимость Индонезии, где они блокировались со склонным к тоталитаризму правительством Сукарно, то будет ясно, что в регионе происходила крупномасштабная коммунистическая экспансия. Процесс этот продолжался и в 60—70-х годах, но не везде он оказался необратимым¹¹.

В попытке задержать распространение коммунизма на Юго-Восточную Азию американцы, находившиеся в некоммунистическом Южном Вьетнаме, начали военную интервенцию в Северный Вьетнам. В течение долгих лет война шла не столько против северовьетнамцев, сколько против их партизан на юге, частично поддержанных местным населением. В ней применялись тяжелые бомбардировки и другие самые бесчеловечные средства. Огромные потери понесло вьетнамское население и немалые — сама американская армия. В конце концов в первой половине 70-х годов американцы под давлением общественного мнения в США вынуждены были вывести свои войска из Вьетнама. Установившаяся в обеих частях страны коммунистическая власть показала себя не лучше, чем другие коммунистические режимы: в стране господствовала всеобщая бедность, часть населения (особенно китайская) пыталась бежать через океан на лодках.

В Корее временная разграничительная линия между войсками США и СССР, проведенная по 38-й параллели и созданная первоначально для разоружения японских войск советскими и американскими частями, к 1948 г. превратилась в государственную границу. СССР способствовал созданию в Северной Корее коммунистического государства¹² со своей армией, которую он обеспечил советниками и военной техникой. В Южной Корее американцы в мае 1948 г. «провели референдум (в котором Северной Корее советскими властями не разрешено было участвовать) и создали Республику Корею южнее 38-й параллели. По-видимому, во время визита Мао Цзэдуна в Москву в конце 1949 — начале 1950 г. они со Сталиным договорились не только об экономической помощи Китаю, но и об утверждении коммунизма во всей Корее-

25 июня 1950 г. северокорейские войска внезапным мощным ударом вторглись в Южную Корею. Утверждение советской пропаганды, будто бы война была начата южнокорейцами и даже американцами, неверно: американцы на тот момент обладали в Корее очень малыми силами. В войну вначале были втянуты четыре южнокорейские дивизии, которые были быстро отброшены на крайний юго-восток полуострова. Только тогда американцы высадили в Корее первую дивизию, за которой последовали и другие войска членов ООН. Они отбросили агрессоров до китайской и советской границ, но затем началось контрнаступление уже китайских войск (в составе которых имелись и советские военные специалисты). В конце концов было достигнуто перемирие на основе демаркационной линии по 38-й параллели.

В Африке британцы постепенно оставили свои колонии; важные военные действия происходили только в Кении; где было много британских поселенцев. Франция покидала свои колонии с большим трудом. Так, хотя была признана полная независимость Марокко, однако в Алжире, где имелся большой процент французского населения, Франция оказывала сопротивление национально-освободительному движению, в том числе и военное. Война тянулась с 1945 по 1962 г., но затем независимость Алжира и Туниса была признана. Были оставлены и другие французские колонии. Позже обрели независимость португальские колонии (Мозамбик и Ангола), но там возникла военная конфронтация между прокоммунистическими силами (поддержанными Советским Союзом) и антикоммунистическими. Борьба здесь (и подобная же борьба в латиноамериканских странах, прежде всего в Никарагуа и Сальвадоре) продолжалась вплоть до начала «перестройки» в СССР в середине 80-х годов и даже дольше.

Во многих освобождавшихся странах «третьего мира» — в Азии (за исключением Индии), в Африке (в том числе в Эфиопии, где был свергнут император), в Латинской Америке — образовывались тоталитарные режимы. Некоторые из них объявляли себя социалистическими или коммунистическими, но это был не ранний коммунизм с его утопическими идеями гегемонии пролетариата и беднейшего крестьянства, а коммунизм поздний, с монополистической властью сросшегося с государством партийного («номенклатурного») аппарата. То же верно в отношении «коммунистических» государств Европы — Германской Демократической Республики, созданной из советской зоны оккупации, и также Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии (аналогичный строй был создан и в Югославии, но Тито вскоре поссорился со Сталиным, и это сошло ему с рук.)

Но если в Европе коммунистический тоталитаризм был

искусственно навязан советскими вооруженными силами, то в странах «третьего мира» тоталитаризм возникал по той причине, что общества этих стран, как правило, находились в пятой фазе и местные диктаторы типологически играли роль средневековых монархов. Нельзя утверждать, что перескок сразу в более высокую фазу вовсе невозможен. Но практически он произошел только в одном исключительном случае. Некоторые арабские страны, обладая в большом количестве бесценным для современной промышленности сырьем — нефтью, достигли исключительного благополучия, несмотря на сохранение политических структур пятой-шестой фазы. Таковы Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты. В промышленном отношении весьма развит Египет, который с 1956 г., несмотря на попытки военного противодействия со стороны западных держав, получил в свое распоряжение Суэцкий канал. Но Египет уже сейчас испытывает чудовищное перенаселение, которое мешает его процветанию. Так или иначе, в богатых нефтью странах сложилось совершенно особое положение, нетипичное для других стран «третьего мира» и, безусловно, не могущее быть продолжительным. Поэтому Саудовская Аравия и Кувейт (до его разорения Саддамом Хусейном, диктатором Ирака) откладывали средства на поддержание высокого уровня жизни в будущем. Однако в целом страны «третьего мира» еще долго обречены на тоталитарные или, во всяком случае, авторитарные режимы.

В арабских странах сложилось особое положение. Здесь господствующей идеологией являются арабский национализм и (прямо или косвенно) идея возрождения исламского Халифата. Идея эта вряд ли более осуществима, чем была бы идея возрождения Римской империи на том основании, что ее бывшие земли все населены романскими народами, которые одинаково принадлежат к католичеству. Языки арабов Магриба (Марокко, Алжира и Туниса), арабов Египта и арабов Судана, арабов Сирии и т. д. — это взаимно непонятные языки, столь же различные, как румынский, итальянский, испанский и португальский. Правда, образованные арабы выучивают общеарабский классический язык, который преподается в школах, — процесс, аналогичный переучиванию всех разноязычных евреев на иврит (современный вариант древнееврейского) в Израиле. Но иврит в Израиле вошел в быт, чего нельзя сказать о классическом арабском, который можно скорее сравнить с книжной латынью.

Арабский национализм во многом поддерживается общей для всех арабов ненавистью к Израилю — государству, образовавшемуся в Палестине в результате сионистского движения.

Основателем сионизма был австрийский еврей Теодор* Герцль. Слагалось это движение в противовес антисемитизму, получившему в конце XIX в. большое распространение в Австрии, Германии, Франции и России. Идея движения заключалась в том, чтобы евреев перестали обвинять в «безродности», чтобы они могли получить свое отечество (переселение в него всех евреев мира не предполагалось). Оно мыслилось только как некий «национальный очаг». Совершенно вздорно невежественное утверждение завзятых антисемитов,, будто сионизм ставил или ставит себе целью покорить евреям весь мир. Это движение было всегда центростремительным, направляя упования еврейского народа к некоему малому, но реальному «отечеству». После ряда дискуссий среди сионистов было решено создавать «национальный еврейский очаг» в Палестине (тогда турецкой, а по языку населения — арабской)^{III}, и первые еврейские поселения появились здесь еще до 1900 г. Британские власти, которые получили мандат на Палестину в результате Первой мировой войны, то покровительствовали еврейским переселенцам, то старались препятствовать иммиграции, особенно когда она стала принимать широкий характер и вызывала протест арабов, с которыми британцам ссориться не хотелось ввиду близости Суэцкого канала. Но геноцид евреев в гитлеровской Европе многократно увеличил поток еврейских переселенцев в Палестину. Они превосходили местных арабоязычных жителей страны по уровню образования, работоспособности, сложившейся за долгую жизнь в жестких условиях ограничения прав в течение седьмой фазы, и тогда же приобретенной предприимчивости. Среди них были и экстремисты-террористы (организация Иргун Цвей Леуми), но основную роль играли социал-демократы и консерваторы.

Решением Генеральной Ассамблеи ООН^{1H} предполагалось создание в Палестине двух государств — еврейского и арабского; Иерусалим выделялся в особую зону под международным контролем; предполагался экономический союз между обоими государствами. Граница между ними была проведена при участии международных экспертов.

Ко времени решения ООН (в ноябре 1947 г.) и отъезда британской администрации (14 мая 1948 г.) у израильтян были подготовлены армия и все государственные структуры со столицей в Тель-Авиве; у арабов не было готово ничего. США признали новое государство Израиль *de facto* 16 мая, СССР — *de jure* 17 мая 1948 г. 15 мая семь арабских государств, в том числе Египет, Трансиордания (позже — Иордания), Ирак, Сирия и Ливан, объявили о вводе своих войск в Палестину для установления порядка. Войска Иордании оккупировали Старый город в Иерусалиме (включая еврейский

квартал). В июле 1949 г. удалось достичь перемирия на условиях сохранения территорий, занятых каждой стороной на этот момент. Граница делала невозможные зигзаги, так что оборонять ее было практически нельзя ни с той, ни с другой стороны.

Одним из важнейших решений израильского кнессета (парламента) был «закон о возвращении» (*алия*), по которому всякий еврей имел право иммигрировать в Израиль. Иммиграция была действительно очень большой: если в 1948 г. в Палестине насчитывалось 0,5—0,6 млн. евреев, то через двадцать лет их было уже около 3 млн., а с тех пор это число почти удвоилось. Иммиграция шла и из США, но главным образом (по понятным причинам) из арабских стран и из СССР, где с конца правления Сталина антисемитизм стал официальной политикой (хотя само слово «антисемитизм» не произносилось). Интересно, что в строительстве Израильского государства приняла участие организация молодежи из ФРГ во искупление германских преступлений против евреев.

Войны между Израилем и арабскими странами возникали в 1948 и в 1956 гг., но в 1967 г. готовилось нападение сирийской, иорданской и египетской армий, вооруженных преимущественно советским оружием, на Израиль с трех сторон с открыто выраженной целью его полностью уничтожить. Израиль начал превентивные военные действия, и тут-то и выяснилось, что воевать государствам более отсталой фазы развития с государством, которое, как Израиль, вошло уже в восьмую фазу, нельзя: все три армии были разбиты израильянами за шесть дней. Арабская часть Палестины, захваченная израильянами во время войны, не была включена в государство Израиль, но управлялась как оккупированная территория.

Израиль представляет собой сейчас островок восьмой фазы посреди моря часто враждебных друг другу авторитарных и тоталитарных арабских государств, объединенных лишь общей враждой к Израилю. Однако уничтожить его теперь уже вряд ли удастся.

Из других событий 50—60-х годов отметим вооруженное подавление Советским Союзом демократических движений в Венгрии (в 1956 г.) и Чехословакии (в 1968 г.; реформа там была задумана в рамках коммунизма) и ссору между СССР и Китаем, после чего «коммунистические» (= тоталитарные) государства Азии и Африки разделились на просоветские и прокитайские. Коммунистические движения в этих странах уже не выступали с утопическими попытками освобождения рабочего класса и крестьянства, а сразу устанавливали на подвластной им территории тоталитарный строй с господствующим классом в виде партийного аппарата. Важно также

отметить «культурную революцию» 1966 г. в Китае, сводившуюся к высылке на рабский труд или к физическому уничтожению интеллигенции (впрочем, не только ее)¹⁵.

Как видно из этого беглого очерка, с середины XX в. можно уже говорить о переходе к новой фазе исторического процесса в ряде государств; поэтому о внешнеполитической истории конца века мы скажем (очень бегло) в следующей главе.

В 1952 г. произвели испытание первой термоядерной (водородной) бомбы США, в 1953 г. — СССР и в 1964 г. — Китай. Это означало, что передовые страны достигли всех диагностических признаков восьмой фазы, а страны, находившиеся на тупиковом «коммунистическом» пути, получили сигнал о том, что их вариант седьмой фазы исчерпал себя.

Термоядерное оружие настолько разрушительно, что война, развернутая с его применением, должна привести к уничтожению человеческой среды обитания на суше, на море и в воздухе, к гибели миллиардов людей. Можно бы, конечно, продолжать вести локальные войны без применения ядерного оружия. Пример шестидневной войны Израиля против нападавших арабских стран в 1967 г. и акции ООН во главе с Соединенными Штатами в 1991 г. против Ирака, совершившего чудовищную агрессию в отношении соседнего процветающего государства Кувейт (акции, которая тоже закончилась в течение нескольких дней), показал, что войны между тоталитарными государствами, не дотянувшими до седьмой фазы, и передовыми государствами восьмой фазы все равно бесперспективны.

На 1990 г. восьмая фаза установилась во всех странах Западной и Северной Европы, в Соединенных Штатах и Канаде, в Израиле, в Японии, Южной Корее, на Тайване, в Гонконге, в Сингапуре, в Южно-Африканской Республике и, видимо, в Таиланде. Неясно, произошел ли фазовый переход в некоторых латиноамериканских странах.

Однако события последнего полувека не принадлежат еще истории, поэтому я не буду их здесь подробно рассматривать.

При обозрении предыдущих фаз исторического процесса я старался останавливаться на отдельных личностях, деятельность и творчество которых имели значение для дальнейшего фазового развития общества, пробуждая в людях чувство необходимости перемен. Называли мы такие имена и для XIX в. Великие писатели XX в. слишком близки к нам, чтобы судить о них вполне объективно. Я перечислю их только на основании собственных привязанностей: Кафка, Фаллада, Ремарк, Бёль в немецкой литературе; Грэм Грин в английской; Хемингуэй и Фолкнер в североамериканской; Гарсиа Маркес в латиноамериканской литературе. Они скорее отра-

жали в своем творчестве трагедии эпохи, чем давали какие-либо ключи к переменам. В России не затронутыми коммунистической пропагандой, несмотря на преследования, были главным образом великие поэты. В прозе были созданы гениальные картины современности в фантастическом плане (Булгаков) и реалистическом (Гроссман)¹¹⁸.

Всех этих весьма несхожих писателей разных стран объединяет человечность, они способствовали всемирному утверждению учения о правах личности. Но тот, кто сыграл подлинно историческую роль, — это был, конечно, Солженицын. Выход в свет его «Архипелага ГУЛАГ», — правда, за рубежом, но доходившего до советского читателя через «самиздат» (перепечатки на пишущей машинке) и «тамиздат» (незаконно ввезенные экземпляры зарубежных русских изданий) — был поистине таким разоблачением преступлений коммунизма, что он послужил смертным приговором этому строю.

Живописное искусство в конце седьмой и в восьмой фазе теряет свою функцию изобразительного воспроизведения внешнего мира. Эту функцию целиком перенимают фотография, кино и телевидение, а на долю живописца выпадает изобразительная передача эмоций по поводу внешнего мира. Наиболее крупными фигурами этого нового рода живописи представляются Пикассо (1881—1973) и Шагал (1887—1985). Архитектура становится все более функциональной.

Восьмая фаза входила в свои права главным образом благодаря действиям ученых, исторически сливавшимся в цельное движение. Наука не терпит неравенства, в ней дело решают не академические звания, а практически проверяемая истина. Это были тысячи ученых — физиков, биологов, экономистов, статистиков, даже филологов и многих других; поименно назвать их трудно. Именно развитие наук сделало возможным переход человечества в посткапиталистическую фазу.

Восьмая фаза

(посткапиталистическая)

Итак, капиталистическое общество породило несколько альтернативных идеологий, в том числе коммунизм и нацизм. В основе нацизма лежала, однако, идея всемирного завоевания и милитаризации, на что ее сторонникам не хватило сил. Более стойким оказался коммунизм, но сама его прочность привела к бюрократическому застою и, закономерно, к экономическому оскудению. В Восточной Европе пришлось препятствовать его распаду вооруженной силой (Венгрия, 1956 г.; Чехословакия, 1968 г.). Старания распространить коммунистическую идею за пределы «страны победившего коммунизма» — СССР приводили к дорогостоящим, но бесполезным попыткам поддержать тоталитарные режимы в странах Африки (бывших колониях), в Латинской Америке. Они и не могли не оказаться бесплодными, потому что африканские диктатуры, якобы находившиеся в поисках «пути некапиталистического развития», на самом деле олицетворяли не седьмую и даже не шестую, а в лучшем случае пятую фазу исторического процесса. Отсюда непрерывные войны, неустойчивые границы владений и отсутствие каких бы то ни было гарантированных прав человека.

«Коммунистическая» система экономики и идеологии имела два центра, с 1961 г. соперничавшие: СССР и Китай.

Заметим, однако, что обе названные альтернативные идеологии седьмой, капиталистической фазы — нацизм и коммунизм — были тупиковыми и не выводили общество в какую-либо новую фазу¹. Это смогла сделать третья альтернативная идеология — учение о правах личности, ставшее теперь мощным социально-психологическим побуждением.

Подобно тому как проповедь Иисуса происходила в I в. н.э., в четвертой фазе, а христианство возобладало как универсальная идеология лишь в начале пятой фазы, так и учение о правах человека как социально-психологическое побуждение было выражено в работах Беккариа, Монтескье, во фран-

цузской «Декларации прав человека и гражданина», в американском «Билле о правах»², появившихся еще в XVIII в., на пороге седьмой фазы, но это учение до середины XX в. не стало господствующим.

За первыми декларациями последовало развитие классического капитализма с его безудержной эксплуатацией рабочего класса. Действительно, альтернативная идеология оказывает влияние на общество лишь тогда, когда в силу вступают и другие два признака новой фазы — изменения в структуре производства и сверхоружие. Изменения в структуре производства происходили исподволь с начала XX в. — очень важную роль здесь сыграли социал-демократы, фабианцы и лейбористы, сумевшие добиться изменения расстановки сил в производстве. Учение о правах человека получило дальнейшее развитие в выступлении Вильсона в 1918 г., в Уставе Лиги Наций в 1920 г., т. е. в конце седьмой фазы. Универсально оформившейся идеологией оно стало лишь на пороге восьмой фазы — в Уставе Организации Объединенных Наций, разработанном в 1942—1946 гг., и в других ее декретах. Но окончательный предел капиталистической фазы положило изобретение ядерной бомбы. Ядерная война означала бы гибель всего человечества, а чтобы запретить ядерные бомбы и прекратить их производство, нужно было перестроить все отношение общества к военным конфликтам вообще, снять максимальное количество дискомфорта. Это еще не окончательно достигнуто: некоторые тоталитарные (да и другие) режимы не теряют надежду создать собственную ядерную бомбу и тем самым под угрозой уничтожения человечества укрепить или установить свою власть. Но мне кажется, мировому сообществу удастся избавить себя от этой опасности.

Первые зачатки движения в сторону новой, восьмой фазы исторического процесса относятся к 30-м годам XX в. и связаны с проблемой периодических кризисов перепроизводства в капиталистической экономике. Еще Маркс, как и некоторые другие экономисты, заметил, что в стремлении к увеличению прибыли капиталистическая индустрия периодически начинает производить больше товаров, чем может приобрести население, и это приводит к сокращению производства, росту безработицы и другим кризисным явлениям; что при этом такие кризисы перепроизводства возникают регулярно — каждые десять-одиннадцать лет, становясь все более глубокими и болезненными. Такие кризисы отмечены в 1857, 1866, 1873—1878, 1892, 1900—1903, 1907, 1920, **1929—1933** гг., причем последний кризис был наиболее болезненным и, казалось, ставил под сомнение дальнейшее существование самого капиталистического строя.

В то время как марксистские экономисты предлагали радикально решить проблемы кризисов путем уничтожения капитализма, со стороны буржуазии тоже была сделана попытка подключить, как это делал Маркс, гуманитарную науку политической экономии к решению производственных вопросов — но с учетом новых открытий в этой научной области, сделанные в послемарксову эпоху. Новое решение проблемы капиталистического производства было дано Дж. М. Кейнсом в 1936 г. Оно заключалось, между прочим, в том, что в критические периоды роста безработицы и сокращения спроса правительству и центральным банкам нужно не сокращать инвестиции, как довольно естественно делалось раньше, а, напротив, увеличивать инвестиции на общественные нужды и удерживать инфляцию. Государственное оформление эти же идеи получили в политике New Deal («Нового курса», точнее, «Новой раздачи карт») президента Франклина Д. Рузвельта в Соединенных Штатах (1933—1937). Новые идеи прививались не сразу, и кризисы еще продолжались, но имели уже более локальный и непериодический характер. Большой кризис 1975 г. был связан уже с трудностями перехода к восьмой фазе и имел далеко не столь тяжелые для населения результаты, как кризис 1929 г.

Существенно, что социальная обеспеченность трудящихся, а в какой-то мере и безработных с наступлением восьмой фазы становится важнейшей частью государственной экономической политики. Наиболее важными на этом этапе были, пожалуй, прежде всего работы американского экономиста Василия Леонтьева в области экономического программирования и прогнозирования.

Но еще в 1930-х годах было математически доказано, что наибольшая производительность труда достигается при восьмичасовом рабочем дне и регулярных выходных днях и сокращается при увеличении рабочего дня. Освоение этой истины привело к прекращению преследования рабочих профсоюзов и к поощряемой властями политике удовлетворения все большего числа человеческих нужд и потребностей, порой даже прихотей. Стремление устранить дискомфорт распространяется затем и на женщин, все большее количество которых участвует в производстве, в науке и администрации; оно распространяется даже на сексуальные меньшинства, ранее подлежавшие уголовному преследованию.

Настоятельная необходимость перехода к новой системе экономики ощущалась в Западной Европе не только в связи с проблемой периодических кризисов перепроизводства, но и (в еще большей степени) в связи с уроками Октябрьской революции в России. Грозный характер ситуации подчеркивался грандиозными забастовками рабочих (такова была, на-

пример, стачка горняков в 1926 г. в Англии, поддержанная Коминтерном). Политику ведущих держав с конца 20-х годов XX в. можно сформулировать так: «Лучше самые большие уступки рабочему классу, чем самая маленькая коммунистическая революция». Профессиональные союзы рабочих теперь становятся органической частью действующего общественного строя («истеблишмента»); вводятся в действие кейнсианское и посткейнсианское законодательство. Все это происходит на фоне бурного развития промышленности, основанного на включении науки в число производительных сил.

Важную роль в становлении нового общества играет антимонопольное и налоговое законодательство. Введение прогрессивных налогов направлено против сверхприбылей, так как стало ясно, что они никакой пользы для общества дать не могут. Если прибыли какого-то лица составляют, скажем, 100 млн., то 85% налога не лишат его стимула инвестировать средства в производство, ибо 15 млн. тоже хватит детишкам на молочишко. Зато налог снижается для капиталиста, если часть капитала тратится на общественно необходимые расходы — на просвещение, лечение и благотворительность. Далее, прогрессивный налог на очень большие наследства поднят до 90%. что обеспечивает обществу невозможность создания династий миллиардеров. Правильное функционирование налоговой системы обеспечивается жестким контролем, вплоть до уголовных санкций за нарушение налоговых законов³. Практически управление производством перешло в руки служащих — менеджеров, очень высоко оплачиваемых и к тому же обычно имеющих немалое число акций, но все-таки сильно отличных от держателей капиталов. Сам капитал приобрел форму акционерного, и хотя рабочие — рядовые держатели акций, конечно, не могут определять планы акционерного общества, так как не обладают контрольным пакетом акций, однако они становятся, во всяком случае, заинтересованными в производительности собственного труда. «Капиталистическую» форму могут принимать и благотворительные организации; например, пенсионный фонд работников той или иной отрасли производства или предприятия может купить акции и из доходов на них уплачивать или увеличивать пенсию.

Социально-экономический строй, возобладавший с конца 1940-х — начала 1950-х годов, в западной науке нередко терминологически не отличается от капитализма (для него же предпочитается термин «индустриальное общество», чтобы избежать марксистской терминологии). Такое отождествление неверно, так как структурные отличия от классического капитализма времени до Первой мировой войны разительны.

Посткапиталистическая фаза охватила не весь Земной шар, что наряду с «постиндустриальным» обществом существует так называемый «третий мир», не приспособившийся еще даже к седьмой фазе. Для обществ «третьего мира» типично сохранение и усиление социального и национального дискомфорта, вызывавшего в Европе тоталитарные идеологии. И для современного «третьего мира» характерно стремление к особому рода то талитаризму, где лозунги берутся из буквального истолкования традиционных религий, а политическая стратегия дублирует нацизм и коммунизм. Это явление обычно носит название «фундаментализм». Очаги фундаментализма существуют и внутри стран посткапиталистического мира.

Возникает вопрос, что произойдет дальше. «Коммунизм» держался за счет использования Советским Союзом ресурсов вассальных государств Восточной Европы и фактически безудержной колониальной эксплуатации частей самого Советского Союза. Таков был удел Сибири, Казахстана и особенно ярко—Узбекистана, который был превращен в хлопковую колонию за счет уничтожения садов и в котором нерациональное развитие оросительной системы привело не только к загрязнению арыков всяческими отходами, но и к гибели целого гигантского озера—Аральского моря; вокруг него образовалась зона заражения ядовитыми отходами пестицидов, вносившихся на хлопковые поля. Еще одним результатом тоталитарной «коммунистической» экономики было, например, запустение нечерноземной части Европейской России, где непомерность планов и невыгодность сельскохозяйственного труда привели к бегству населения, как только Хрущев отменил сталинское крепостное право—прикрепление крестьян к отдельным колхозам. Между тем «коммунизм» держался, потому что был выгоден засекреченному господствующему классу—номенклатуре. Все это могло только задержать, но не предотвратить неизбежный коллапс. Заметим, что с переходом к восьмой фазе исторического процесса все капиталистические империи распались, и «коммунистическая» империя не может быть исключением.

Буйно развивающийся сейчас фундаментализм «третьего мира» может ждать такой же конец: на базе фундаменталистской идеологии нельзя снять мучительные противоречия предыдущей фазы (или перехода к ней) и нельзя выйти вследующую, которая непременно наступит.

Вряд ли странам «реального социализма» придется изживать еще и конечную стадию классического капитализма седьмой фазы, но переход не от вершин капитализма к посткапитализму, а из⁴ хаоса, созданного бюрократическим управлением в течение многих десятилетий, к посткапитализму обещает быть долгим и мучительным.

Диагностическим признаком новой фазы является становящееся всеобщим учение о минимизации личностного дискомфорта при отсутствии какой-либо религиозной или философской идеологии. Это учение и служит социально-психологическим обоснованием существования данного общественного строя; оно предполагает плюрализм не только мнений, но и религий! Другими диагностическими признаками являются: ядерное и другое вооружение такой разрушительной силы, что его применение грозит уничтожением не только людей в стране противника, но и человечества вообще; механизация и электронизация всей научной и технической информации а также повседневного быта; все большее вытеснение книги телевизором и компьютером; развитие микротехнологии.

Важнейшая общественная задача — выживание человечества; признаки — изменение его производственной структуры, на которой я не буду останавливаться.

Отсчет времени существования новой фазы надо производить с того момента, когда все три главнейших диагностических признака наступления новой фазы были уже налично, а именно со времени испытания первых водородных бомб в США (1952 г.) и СССР (1953 г.).

Отчасти сохраняются и поныне три типа обществ: посткапиталистические, «коммунистические», т. е. государственно-капиталистические, и общества «третьего мира», не вышедшие из предшествующих фаз исторического процесса — именно это обстоятельство влекло здесь местных лидеров к попыткам «выпрыгнуть» из фазы («поиски некапиталистического пути развития»), что, естественно, приводило к созданию государств примитивного тоталитарного типа. Наблюдалось противостояние государств ведущего, посткапиталистического типа, с одной стороны, и государств второго, «коммунистического» типа — с другой (с их сателлитами третьего типа). Заметим, что интернационализм, пропове-

довавшийся более ранними коммунистами, в поздних «коммунистических» государствах отнюдь не господствовал, хотя иногда официально и провозглашался.

"Противостояние наблюдалось между государствами ведущего и второго типа: стратеги США и СССР составляли карты городов и объектов страны предполагаемого противника, подлежащих ядерному уничтожению. СССР силой оружия поддерживал «коммунизм» в странах Восточной Европы, в Китае⁶ и странах Индокитая, содействовал его дальнейшему насаждению путем предоставления военной помощи тоталитарным режимам на Кубе, в Африке и в других регионах, что не могло привести к положительным результатам, поскольку эти страны «е вошли еще в седьмую и даже шестую фазу. Была прямая военная интервенция в Афганистане, что привело к потерям порядка пятнадцати тысяч человек в Советской армии и порядка миллиона среди ее противников и среди местного гражданского населения (афганцы традиционно и в мирной обстановке всегда носили оружие)⁷; советские лидеры не читали трудов по истории, иначе бы они знали, что Англия трижды завоевывала Афганистан и трижды вынуждена была оттуда уйти. США пытались вооруженной рукой противодействовать созданию тоталитарного режима («коммунистического» строя) во Вьетнаме (и других государствах Индокитая); поддерживали Израиль в конфликтах с арабскими странами Ближнего Востока; обстреливали столицу тоталитарного государства Ливия; вмешивались в гражданские войны в ряде государств Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки.

Кратковременная, но разрушительная война была проведена странами Объединенных Наций во главе с США против тоталитаристского Ирака в связи с захватом и разграблением другого арабского государства — члена Организации Объединенных Наций, Кувейта, причем иракцы при отступлении попытались вызвать глобальную катастрофу поджогом сотен кувейтских нефтяных источников, что привело к загрязнению Персидского залива нефтью, смертельному для его флоры и фауны, и к обширному распространению облаков черного дыма⁸. Но сама эта война показала, что мировые войны, видимо, невозможны. Надо отметить, что Организация Объединенных Наций, Кувейта, причем иракцы при отступлении попытались вызвать глобальную катастрофу поджогом сотен кувейтских нефтяных источников, что привело к загрязнению Персидского залива нефтью, смертельному для его флоры и фауны, и к обширному распространению облаков

черного дыма⁸. Но сама эта война показала, что мировые войны, видимо, невозможны. Надо отметить, что Организация Объединенных Наций со штаб-квартирой в Нью-Йорке оказалась намного эффективней покойной Лиги Наций, ее механизм — более продуманным.

Характерной чертой начавшейся восьмой фазы явилось всеобщее предоставление независимости колониям. Этот процесс начался Великобританией. Некоторые ее колонии, где численно преобладали выходцы из Англии, — Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка — получили самостоятельность (в пределах Британского Содружества наций) еще до первой мировой войны⁹ (с сохранением английского короля в качестве номинального главы государства); после Второй мировой войны англичане практически без кровопролития ушли почти из всех своих колоний; большинство их бывших колоний осталось в составе Содружества, хотя без королевы Англии во главе. Покинула свои колонии и Франция, правда только после тяжелой вьетнамской и не менее тяжелой алжирской войны; США ушли с Филиппин; Голландия — из Индонезии; Италия потеряла свои колонии в результате Второй мировой войны. «Коммунистическая» империя, созданная Сталиным, стала разваливаться с началом горбачевской «перестройки».

В связи с тем, что страны, вошедшие в новую фазу, терпят свой выраженный однопациональный характер, а также в связи с деколонизацией происходит подъем национализма как в новых государствах, так и среди меньшинств в пределах старых; национализм имеет известный успех как результат попыток минимизации личностного дискомфорта через извечное социально-психологическое побуждение — противопоставлять «наших» и «не наших»; он не снимается, а лишь поощряется характерной для фазы установкой на признание прав наций на самоопределение. Несомненно, однако, что создания вполне независимых мелких капиталистических государств ожидать вряд ли возможно: посткапиталистическая экономика требует всесторонней международной кооперации, так что скорее можно думать о тесном экономическом союзе или союзах национальных государств. Процесс создания таких надгосударственных союзов уже идет в Европе и, возможно, в Латинской Америке. Помимо этого, все государства входят в Организацию Объединенных Наций, наделенную известными властными полномочиями и контингентом войск для ликвидации конфликтов.

Конечно, посткапиталистическая фаза отнюдь не является обществом абсолютной гармонии, рисовавшимся мыслителям прошлого, от автора «Апокалипсиса» до Кондорсе, Маркса и

Ленина. Гигантский прогресс, наблюдаемый в восьмой фазе в сфере производства и научной мысли, как любой прогресс, должен оплачиваться потерями, и эти потери соизмеримы с масштабом прогресса. Если не наступят резкие перемены, к концу XXI столетия численность населения Земли достигнет 15 млрд. человек — примерно на порядок выше, чем два века ранее,— и на этом рост не остановится. Это значит, что на порядок больше будет и нагрузка на окружающую среду¹⁰. Для снабжения такого многочисленного населения энергией не хватит традиционных энергетических источников, и необходимо будет осуществить полный переход на атомную энергетику, а это значит, что при вероятности аварий даже в одну десяти тысячную они будут постоянно происходить в разных частях Земного шара, заражая радиацией все большую часть поверхности Земли. Воду рек и океанов будет уже невозможно очищать от ядовитых промышленных отходов, резко сократится лесной покров, особенно в результате вырубki лесов Сибири и Бразилии (в бассейне Амазонки). Это значит, что начнет уменьшаться поступление кислорода в воздух. Одновременно в атмосфере должно увеличиваться количество углекислоты и других вредных газов за счет выброса дымов индустриальных предприятий, продолжающих работать на угле и нефти. Если этот процесс будет продолжаться еще значительное время, то, по-видимому, наступит парниковый эффект, повысится температура Земли¹¹, будут таять полярные льды и повысится уровень Мирового океана, что вызовет затопление прибрежных территорий. В любом случае дикая фауна сохранится (и то лишь отчасти) только в отдельных заповедниках; флора очень сильно обеднеет. Может быть нарушен озоновый слой атмосферы, защищающий жизнь от губельного ультрафиолетового излучения¹².

Частично иссякнут, частично сильно оскудеют запасы серебра (необходимого для фото- и кинопромышленности и многого другого), меди, некоторых редких металлов; конечны возможности добычи нефти, а в дальнейшей перспективе — и угля, которые необходимы и для изготовления важнейших пластмасс, без которых непредставима современная цивилизация; иссякают леса — источник кислорода и озона, а также лесоматериалов.

Еще не введено во всемирном масштабе даже политическое запрещение производства ядерного оружия (кроме как в США и СССР), бактериологического и химического оружия, уже применявшегося Ираком против собственного курдского населения, американцами — против вьетнамцев (agent orange, уничтожавший растительность), а в СССР —

для подавления национальных конфликтов. Между тем необходимо добиться действительного, повсеместного, гарантированного прекращения загрязнения речных и морских вод нефтью, что может привести к омертвлению верхнего слоя океана и вымиранию его фауны и флоры: а морской планктон наряду с лесами снабжает земную атмосферу кислородом.

Человечество еще не гарантировано от новых широкомасштабных войн с подобными последствиями, не говоря уже о громадных дополнительных человеческих потерях, которые будут связаны со взрывами складов бактериологического и химического оружия и атомных электростанций. Подобные взрывы поведут к радиационному и бактериологическому и химическому заражению непредсказуемого множества населения в разных странах. Как уже может считаться установленным, ядерные войны поведут не только к поражению непосредственных целей (огромному!) и к радиационному поражению неограниченного числа людей, не только к трупному заражению глобального масштаба, но и к исключительного масштаба пожарам, которые создадут задымление атмосферы; к прекращению поступления на Землю значительной части солнечного излучения и наступлению «ядерной зимы» с длительным (до столетия) снижением средней температуры на поверхности планеты ниже уровня, необходимого для жизни как людей, так и большей части современной флоры и фауны. Дело далеко не невозможное: периоды сильнейшего охлаждения земной поверхности (ледниковые периоды) — не новость в истории Земного шара, и последний из них переживался еще нашими собственными предками — архантропами. Как тогда обстояло дело с озоном, нам, правда, точно неизвестно.

Кустарные занятия экологией, которые к тому же очень поздно начаты по всей Земле, кардинальному решению этих проблем могут и не помочь¹⁴. И пока не видно, какие механизмы будут противостоять этим губительным явлениям, кроме изменения общественного строя — в какую сторону?

Нет сомнения, что исторический процесс являет признаки закономерного экспоненциального ускорения.

Нанесенные на график, все фазы складываются в экспоненциальное развитие, которое предполагает в конце концов переход к вертикальной линии или, вернее, к точке — так называемой сингулярности. По экспоненциальному же графику развиваются научно-технические достижения человечества, а также, как упомянуто, численность населения Земли.

Вертикальная линия на графике равносильна переходу в бесконечность. В применении к истории понятие «бесконечность» лишено смысла: не могут дальнейшие фазы исторического развития, все убыстряясь, сменяться за годы, месяцы, недели, дни, часы и секунды. Если не предвидеть катастрофы — хочется верить, — премудрый *Homo sapiens* сумеет ее предотвратить, — тогда, очевидно, следует ожидать вмешательства каких-то новых, еще не учитываемых движущих сил, которые изменят эти графики. Хорошо, если они переведут их на платформу, плохо, если изменение выразится в стремительном падении линии на графиках от какой-то достигнутой вершины. Будем надеяться, что уже вскоре человечество ждуг непрогрессирующие или слабо прогрессирующие фазы.

Можно высказать уверенность в том, что наука не перестанет быть производительной силой. Напротив, именно на нее падет задача обеспечить сохранение оставшегося человечества, регулирование его численности и устранение тех серьезных дискомфорта, которые будут возникать после возможной катастрофы. Можно надеяться, что главными источниками энергии станут управляемый ядерный синтез и, возможно, солнечное излучение, а вместо сырья, имеющегося на Земле в недостаточных количествах, могут быть найдены способы применения распространенных на Земле, но почти неиспользуемых элементов. Доставка нужного сырья с других планет маловероятна — во-первых, из-за ее большой сложности и стоимости, а во-вторых, потому, что угля, нефти и т. п. на ближайших планетах вовсе нет.

Исключается переселение людей на какие-либо иные планеты. Для того чтобы на какой-либо планете была возможна жизнь, необходимо совпадение десятков строгих условий — нужна совершенно определенная стадия развития центрального светила, его единичность (планеты двойных и тройных звезд должны описывать сложные орбиты с громадными перепадами температуры); нужно совершенно определенное расстояние планеты от центрального светила и количество получаемого света и тепла (почти идентичные Земле по большинству параметров планеты Марс и Венера непригодны для жизни). По современным астрономическим данным, в пределах триллионов километров от нас (ста световых лет) совпадения всех необходимых условий для центрального светила нигде не наблюдается.

Заметим, что создание корабля, несущегося даже с половиной скорости света, принципиально неосуществимо.

К моменту написания этой книги восьмая фаза длится уже около пятидесяти лет, но еще не охватила все страны мира. Эти пятьдесят лет протекали уже на моей памяти и на памяти моих современников, так что мне оставалось только напомнить некоторые наиболее важные, кардинальные по значению события этих пяти десятилетий.

На этом я заканчиваю обзор и периодизацию всемирного исторического процесса. Не будучи специалистом по новой истории, я неизбежно допускал неточности и прямые ошибки. Надеюсь, что это не повлияло на правильность обрисованной картины в целом. Кроме того, объем книги требовал от меня предельной краткости: целые периоды истории и судьбы целых стран иной раз приходилось сводить до одного абзаца и даже одной строки. Но читателю не надо забывать, что почти за каждой из этих строчек стоят пролитие целых рек крови и почти невыносимые страдания людей. И обещать, что в будущем этого не будет, я не могу.

14 августа 1991 г.

Примечания

Введение

¹ *Маркс К.* К критике политической экономии.— *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е, т. 13. М., 1959, с. 7—8; ср. Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938, с. IV. Введение Сталиным (или его консультантами) понятия «рабовладельческая формация» в значительной степени восходит к работам В. В. Струве начала 30-х годов.

² В данном случае речь идет о непоследовательности употребления ученым принципов, которые он сам принял для себя как обязательные. Если всякое движение есть результат борьбы противоположностей, то этот закон должен иметь всеобщий характер, распространяющийся на физику, космологию и т. д. Однако в современной физике понятие движения (motion) не строится на борьбе противоположностей. Попытки философов отстоять перед физиками гегелевское понимание характера движения следует признать неудавшимися. Как мы увидим, закон борьбы противоположностей нелегко проследить и в истории.

³ В «Истории древнего мира», вышедшей тремя изданиями (1980, 1982, 1989) под редакцией И. С. Свенцицкой, В. Д. Нероновой и моей, авторы сохраняют рабовладельческую концепцию, но едва ли не в большинстве случаев с оговорками: так, в моих главах основной эксплуатируемый класс древнего общества характеризуется не как «рабы», а как «подневольные люди рабского типа» (2-е изд., т. I, с. 43), «илоты» и т. п.

⁴ См.: «История древнего мира». Под ред. И. М. Дьяконова, И. С. Свенцицкой и В. Д. Нероновой. 3-е изд. Т. III. М., 1989, с. 152 (глава написана по материалам С. С. Аверинцева).

⁵ Мы привыкли (и справедливо) считать энциклопедистов антиклерикалами, но, может быть, не так уж несущественно, что и Дидро, и д'Аламбер были воспитанниками янсенистов, т. е. католиков, находившихся в оппозиции к папству и подчеркивавших значение свободы человеческой воли в противовес всеобщей безнадежной предопределенности. Влияние христианских ценностей на энциклопедистов вряд ли можно оспаривать.

⁶ Как известно, марксизм имеет «три корня и три источника» — классическую немецкую (читай: гегелевскую) философию, английскую политическую экономию (читай: Адам Смит) и французский утопический социализм (читай: Сен-Симон; Фурье не сыграл тут большой роли). В нашем изложении мы не касались Адама Смита. Он тоже различал три этапа в развитии государств — сельскохозяйственный, промышленный и внешне-торговый. Однако он говорил (в IV книге «Богатства народов») только о наибольшей «естественности» первого этапа и не предсказывал будущей общественной гармонии. Поэтому для понимания марксистской теории истории нам важны только сен-симонизм и гегельянство.

⁷ Если по ходу человеческой истории можно говорить о каком-либо действительно линейном прогрессе, то это прогресс технологический. Имен-

но его позитивисты XIX — начала XX в. напрямую отождествляли с прогрессом самого человечества. Молчаливо предполагалось, что чем лучше человечество технически вооружено, тем более комфортна жизнь и тем самым меньше всяческого, в том числе социально-психологического и эмоционального, дискомфорта. На самом деле и эта связь не такая уж, прямая, и плата за этот прогресс растет и растет: разрушается среда обитания человечества, беднеет эмоциональная жизнь, исчезают традиционные культурные ценности, и не только тысячи биологических видов, но и многие народы Земли.

⁸ См. в его книге «Этногенез и биосфера земли». Л., 1989. Л. Н. Гумилев дает этому другое объяснение, с моей точки зрения, неправильное. Хотя можно согласиться с его характеристикой этноса как феномена, представляется преувеличенным то значение, которое автор придает роли этноса в возникновении пассионарных ситуаций.

⁸ Это было замечено еще Ф. Энгельсом, но наблюдение его осталось в свое время неопубликованным. См.: *Энгельс Ф.* Материалы к «Анти-Дюрингу». — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20, с. 650.

"> О чифдоме см. ниже.

Первая фаза (первобытная)

¹ Проблема развития современного человека (род. Номо, вид *sapiens*, подвид *sapiens*) из каких-то более ранних форм все еще находится в стадии дискуссии. Если признаком «Человека разумного» является изготовление хотя бы самых примитивных орудий труда и использование огня, то к роду Номо *sapiens* нужно отнести уже так называемого синантропа (Китай); однако сейчас считается, что синантроп — тот же вид, а может быть, и подвид, что и питекантроп в Индонезии, олдувайский человек в Африке и гейдельбергский человек в Европе, которых теперь принято объединять под термином Номо *erectus* (человек прямоходящий) или Номо *sapiens erectus* (архантроп). Время его жизни — средний плейстоцен (порядка 500—200 тыс. лет тому назад); но в это же время существовал (или еще существовал) и другой гоминид — австралопитек; позднейшая его разновидность предположительно тоже уже изготавливала очень примитивные орудия. По мнению некоторых ученых, архантроп является прямым предком современного человека (в результате мутации), по мнению же других, современный человек — мутант Номо *sapiens neanderthalensis* (палеоантропа). Но неандертальский человек засвидетельствован начиная с последнего (четвертого) оледенения, в то время как самые ранние (шелльские и ашельские) палеолитические орудия рядом исследователей приписываются еще архантропу. В таком случае архантропа надо было бы считать предком как неандертальцев, так и современных людей. Промежуточный между теми и другими тип, обнаруженный в Палестине (Кармель, Кафзех), следует тогда рассматривать как гибридный. Вопрос продолжает исследоваться.

² То же относится к заселению Американского континента человеком. Оно, видимо, произошло в начале последнего ледникового периода через перешеек между Чукотским полуостровом и Аляской. Этот перешеек преграждал с севера путь холодному океанскому камчатско-курильскому течению, а с юга его достигали воды теплого северно-тихоокеанского течения, в результате чего на Камчатке и на Беринговом перешейке существовал достаточный травянистый покров и создались довольно благоприятные климатические условия вообще. На Американском же континенте новопоселенцы нашли кое-где более благоприятные условия для развития, чем в Азии.

³ Тасмания была полуостровом Австралии в конце последнего ледни-

кового периода. Однако в антропологическом отношении вымершие теперь тасманийцы заметно отличались от австралийских аборигенов. По-видимому, их происхождение связано с более ранней миграцией через Австралийский континент. Альтернативная гипотеза, которая выводит тасманийцев с Новых Гебрид, неприемлема: Новые Гебриды окружены глубоководным океаном, люди не могли туда добраться ранее неолита, а неолитические люди не могли занести палеолитическую культуру в Тасманию.

Вторая фаза (первобытнообщинная)

¹ Плодородным Полумесяцем называется полоса земель, тянущаяся через Палестину, Сирию, Северную Месопотамию и Ирак, окруженная с одной стороны полукольцом гор, с другой — зоной пустынь и степей.

² В частности, по определению же, от способа эксплуатации труда. Однако В. П. Илюшечкину удалось доказать, что число возможных способов эксплуатации ограничено и применение их зависит не от социально-экономической формации как целого, а от ряда неодинаковых конкретно-исторических условий, и ни одна ее форма не является свойственной только древности или только средневековью. Они являются общими для всех «докапиталистических» («доиндустриальных») цивилизаций. См.: *Илюшечкин В. П. Системы и структуры добуржуазной частнособственной эксплуатации*. М., 1980; *он же. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах*. М., 1990.

³ *Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 12, с. 713.

⁴ О ней применительно ко второй фазе «доклассового», или «догородского», общества см.: *Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада*. М., 1991.

⁵ Но импульс «быть как все» может принять и антипрогрессивную форму: «оставьте меня в покое» (такова, например, в наше время общественная ценность с позиции бюрократа).

⁶ Женщины — лидеры общественной или военной деятельности появляются в истории лишь как исключение, подтверждающее правило (Екатерина II, Жанна д'Арк и т. п.). Поэтому читателю исторических книг (где только лидеры выступают как лица, названные по именам) можно получить впечатление об истории как об играх одних лишь мальчиков. Но в основе всех этих «игр» лежит охрана очага и поэтому женщин, и побуждаются они в немалой степени стремлением не быть «милых жен лобзаний недостойным». Современные феминистки ошибочно считают, что такое положение женщины неестественно, что оно искусственно установлено теми мужчинами, которые являются «шовинистами мужского свинства» (male chauvinist pigs). Они ошибаются: так было на протяжении семи фаз из восьми, известных нам в истории; и если в восьмой фазе женщины начинают занимать почти равное с мужчинами положение в обществе, в общественно значимом труде, в науке и политике, то это относится к диагностическим признакам восьмой фазы и несвойственно всей истории человечества вообще.

⁷ Такая большая семья может вырасти лишь до определенных размеров, зависящих от условий производства; на пределе нормы она распадается на нуклеарные семьи, которые либо гибнут, либо вырастают в новые большие семьи.

⁸ Если не учитывать условную счетную систему знаков — вещных, рисованных, объемных и специально изготавливаемых, как те, что были открыты для эпохи позднего неолита в Передней Азии Денизой Шмандт-Бессерат. До введения первичной письменности они были распространены по всей зоне Плодородного Полумесяца, а стало быть, были общепонятны на тер-

ритории распространения разных языков и диалектов. Они не составляют письменности как знаковой системы фиксации речи.

⁹ Уровень развития астеков и майя соответствует уровню развития шумеров протописьменного периода или египтян додинастического периода (± 3000 г. до н. э.).

Третья фаза (ранняя древность)

¹ От лат. *civis* «гражданин», *civilis* «гражданский», *civitas* «гражданская община-город». Ранняя древность—это эпоха различения «гражданина» и «негражданина», или, по Аристотелю, «свободного» и «раба по природе».

* О. Д. Берлев. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972. Слово **ḥamw* в общафразийском праязыке означало «свойственный», «непрямой родич».

² Аналогичной, но не столь развитой была и система эксплуатации труда в Хеттском царстве Малой Азии. Ср. институт бэмин в Японии.

³ Однако, поскольку эти северо-восточные европейские государства существовали в мировом окружении государств раннесредневековых, в них наряду с явными чертами ранней древности (например, наличие класса свободных крестьян-воинов) проявляются и черты раннесредневековые (принятие, вначале довольно формальное, догматической христианской идеологии; начало эксплуатации части крестьянства). На грани чифдомов и ранней древности, но тоже в раннесредневековом окружении, со всем, что из этого вытекало, находились социумы Северного Кавказа вплоть до их завоевания Россией. Таким образом, эти общества в своем развитии перескакивали через ряд этапов: поздней древности, а в случае с Норвегией, Исландией и Северным Кавказом — и позднего средневековья.

⁴ Относя андскую цивилизацию к третьей фазе (ранней древности), я исхожу из данных Инки Гарсиласо де ла Вега. См.: История государства инков (*Comentarios reales de los Incas*). Л., 1974, кн. V, гл. I—II, с. 245 и сл. Письменности не имели и некоторые ранние африканские государства.

⁵ Это землетрясение, возможно, послужило основанием для легенды об Атлантиде.

⁶ Продвижение протоармян на Армянское нагорье, фригийцев и других балканских народов на п-ов Малую Азию и другие аналогичные движения популяций не следует рассматривать как уничтожение или вытеснение первоначальных обитателей этих регионов — хеттов и урартов. И те и другие остались на той же территории, но восприняли новые языки. Последние, в свою очередь, восприняли некоторые особенности субстратных языков. Так, армянский язык помимо заимствований некоторого числа хуррито-урартских слов, связанных с локальными природными и общественными условиями существования армянского народа, потерял противопоставление долгих и кратких гласных и заменил индоевропейские тоновые ударения на урартское фиксированное силовое ударение на предпоследнем слоге, что, в свою очередь, привело к падению односложных суффиксированных именных и глагольных флексий или замене их прежними двусложными. См.: *Diakonoff I. M. Hurro-Urartian Borrowings in Old Armenian.* — *Journal of the American Oriental Society*. 105, 1985, с. 597—603. Только ассимилировав урартов, протоармяне образовали армянский народ. О происхождении грузинского языка пока можно лишь гадать, но вполне вероятно предположение, что он находится в боковом родстве с индоевропейскими и, может быть, его носители тоже восходят к культуре Чатал-Хююк. Северокавказские языки вместе с родственными хурритским и урартским, по-видимому, относятся к древней языковой надсемье, 6—8 тыс. лет назад распространенной от Восточной Европы до Кавказа и Центральной Азии.

⁷ Предцивилизации, зарождавшиеся здесь на юге среднеазиатской

степной зоны, в зоне речных культур юго-западного Афганистана и в отдельных очагах Ирана, разделили судьбу крито-микенской и индской цивилизаций по еще неясным для нас причинам. Лишь эламская цивилизация в юго-западном Иране, главным образом в долинах Каруна и Керхэ, развивалась параллельно месопотамской.

Четвертая фаза (имперская древность)

¹ Мы лишь условно обозначаем древнее углеродистое железо как сталь. Она, конечно, существенно отличалась от нашей литой стали.

² Изложенные ниже идеи принадлежат Н. Б. Янковской.

³ Хотя с точки зрения самих скотоводов производство скота есть производство продуктов потребления (мяса), в сельскохозяйственных районах древности мясо потреблялось главным образом во время храмовых и других праздников. Скотоводы поставляли тягловых животных и важнейшее ремесленное сырье, а сельскохозяйственные районы имели в избытке зерно, шерсть, лен и хлопок (в зависимости от местности).

⁴ Однако монеты в Китае первоначально служили скорее мерой стоимости; средством обращения они стали лишь в имперский период.

⁵ Птолемеи — первая из египетских династий I тысячелетия до н. э., власть которой впервые вышла далеко за пределы Нильской долины.

⁶ Термин «колонны» стал применяться к основному эксплуатируемому населению лишь в поздней Римской империи; в ранней в основном эксплуатировались собственно рабы, по крайней мере в самом Риме и в Италии.

⁷ Мы уже отмечали, что налогообложение не всегда можно считать эксплуатацией (если налоги идут на общественно необходимые цели), но, конечно, оно может использоваться и как форма эксплуатации.

⁸ Отсутствие полисной системы, основанной на общинно-частной собственности, способствовало сохранению двух секторов экономики в Китае еще и в фазе поздней древности.

⁹ Так, в Месопотамии III тысячелетия до н. э. регулярное налогообложение отсутствовало; были регулярные вызовы на оросительные работы (необходимые всем классам общества) и нерегулярные поборы различного характера.

¹⁰ В Ново-Вавилонской и Ахеменидской империях рабы, оставаясь собственностью своих хозяев, могли осуществлять собственное производство, давать деньги в рост, иметь своих рабов и т. п.

¹¹ Очень важно подчеркнуть, что в обществе эпохи древности, как ранней, так и особенно имперской, в отличие от средневековья среди всего свободного населения грамотность повсюду имела широкое распространение.

¹² Для христианского читателя отмечу, что я излагаю лишь внешнюю историческую канву событий и не касаюсь того, что является делом веры.

¹³ Буддизм направления Махаяны (Тибет, Монголия, Китай, Япония) уже очень отличался от первоначального учения Сиддхартхи Гаутамы: бодхисаттвы превратились в божеств, появились и другие божества. Направление Тхеравада — более архаичное; оно было распространено на Цейлоне, в Бирме, Таиланде, Камбодже.

¹⁴ Ныне официально называется по-санскритски Шри-Ланка («Священная Ланка»). Слово *Seylon* — чит. *си-лонг* — это местное сингальское произношение этого названия острова. Официально принята санскритская форма, чтобы не обижать тамильское (дравидское, не индоевропейское) население острова, для которого санскрит есть все же язык священных писаний. Отметим, что только сингалы — буддисты; пришедшие*на остров позже тамилы — индуисты.

¹⁵ Чуть раньше, у Геродота, история еще носит характер занимательного повествования.

*Пятая фаза
(средневековье)*

¹ В этом же разделе рассматривается типологически своеобразный вариант исторического процесса — общество кочевников.

* Знаменитое «скифское золото» — изделия греческих мастеров по скифским заказам.

³ Искусственные объединения, создававшиеся кочевниками и охватывавшие огромные территории, можно назвать империями лишь в кавычках, так как их создание не вызывалось необходимостью объединения регионов, производивших средства производства, с регионами, производившими продукты потребления.

⁴ Фулани были бродячими скотоводами и не обладали конницей, но принадлежали к культуре железного века и сумели создать недолговечную «империю», заметно воздействовавшую на дальнейшую историю региона.

⁵ Арбалет (самострел) представлял собой стальной лук на деревянном ложе; тетиву натягивали воротом. Арбалеты были очень рано изобретены в Китае, но в Европе и на Ближнем Востоке они появляются лишь в XI в. (во время крестовых походов). Замки в Европе тоже возникают около этого времени.

⁶ Сравним удобства виллы богатого римлянина II—III вв. с замком — холодным и антигигиеничным жилищем западноевропейского феодала XIII—XV вв.

⁷ Изобразительное искусство и в меньшей мере поэзия, особенно лирическая, все же проявляют зависимость от господствующей идеологии; но способность их вызывать эмоциональное сопереживание шире рамок, устанавливаемых идеологией. Расхождение объясняется тем, что идеология, хотя и базируется на первоначальных спонтанных и эмоциональных социально-психологических побуждениях, все же является их контролируемой и в известной степени рационализированной формой; между тем эмоция как таковая может быть всеобщим феноменом для вида «человек» и не подлежит контролю. Типологически увязать содержание произведений лирической, т. е. наиболее эмоциональной, поэзии с историческими фазами трудно, хотя форма такой увязке поддается.

⁸ Пятая фаза совершенно не переживалась Австралийско-Полинезийским регионом, а в Африке она захватила только северную ее часть (от Судана и Эфиопии до Магриба — Алжира и Марокко), включая, конечно, Египет. Эти страны мы будем рассматривать вместе с Ближним Востоком.

Что касается Латинской Америки, то она в результате вторжения обществ пятой-шестой фаз поверх первой-третьей пережила эквивалент третьей, четвертой и пятой и, не дойдя до шестой, испытывала конфронтацию с капитализмом седьмой фазы. Но, несмотря на архаичность проходившихся ею фаз, как-то не с руки излагать ее историю до открытия самой Америки, и мы изложим латиноамериканскую историю как приложение к VI главе. В Северной же Америке шестая и седьмая фазы были трансплантированы из Европы и водрузились на месте туземной второй. Поэтому Соединенные Штаты мы будем рассматривать вместе с Европой.

⁹ Найденные циньские и ханьские законы еще как следует не изучены. Тайский кодекс, служивший в Китае образцом до конца XIX в., был, однако, весьма далек от Юстинианова или сасанидского. Сторонники «Фацзя», настаивавшие на создании систематических, единообразных для всех законов, в особенности уголовных, были дискредитированы поддержкой режима Цинь Ши Хуан-ди, а Конфуций считал, что в человеке надо воспитывать добродетель, которая не нуждается в законах — достаточно сущностного усмотрения. В бюрократическом Китае юридическая мысль слабо развивалась, и, несколько упрощая вопрос, можно сказать, что танский кодекс представлял собой перечень «преступлений» (в том числе

и гражданских); к нему прилагались таблица основных наказаний (большей частью довольно зверских) и таблицы их смягчений в зависимости от статуса виновного в бюрократической иерархии и иерархии знатности (в этом кодекс следовал положению из конфуцианской книги <Лицзи>: «Наказания не поднимаются до начальников, а обряды не опускаются до простолюдинов»). Короче говоря, для того чтобы вершить суд, чиновнику не надо было быть юристом, достаточно было водить пальцем по перечню; состязательного процесса средневековый Китай не ведал.

¹⁰ Это определение, конечно, еще более верно в отношении конфуцианства в Китае, которое, несомненно, стало общенародным образом жизни.

¹¹ Надо отличать философское понятие «брахман» (ср. р.) от обозначения члена сословия (варны) жрецов — брахман (м. р.) и от верховного божества индуизма — Брахма (м. р.).

¹² Это не касается самого имени божества — Шива; оно первоначально — не имя собственное, а индоарийский эпитет данного божества, подлинное имя которого неизвестно.

¹³ Одной из таких каст, по-видимому, были цыгане (рбмани), выселившиеся из Индии в XIV—XV вв.

¹⁴ Манихейство — догматическая религия с собственным Писанием, основанная Мани (215—274) в Вавилонии. Мани был знаком с зороастризмом, христианством и иудаизмом, с разными гностическими и мистическими учениями и считал себя «печатью пророков», окончательным законоучителем; его «апостолы» распространяли его учение в Иране, Средней Азии и даже в Китае, Египте, Северной Африке и Малой Азии. Догматика и мифология манихейства была весьма сложной. Согласно Мани, добро и зло содержатся во всем, что существует, и они вечно находятся в борьбе. Дьявол вторгся в мир Света. Душа человека по неведению или по небрежности может уступить злу, что отсрочивает ее принятие в рай (или снова в мир, или снова в ад, в зависимости от высшего суда). Верующим рекомендовалось устраниваться от мира, вести аскетическую жизнь, исповедоваться, соблюдать посты и т. д. Распространяясь в такую эпоху (пятая фаза), когда во всех цивилизованных государствах господствовали другие догматические религии, манихейство почти всюду жестоко преследовалось. Оно было практически уничтожено в Риме и Византии в VI в., в Иране — еще раньше (здесь сам Мани умер в тюрьме), в Арабском халифате — в X в.; от ислама манихеи спасались в Средней и Центральной Азии; в Китае манихейство было запрещено в IX в.; долее всего оно продержалось в Восточном Туркестане (до XIV в.). Если Мани учил о Творце, борющемся со Злым Творцом, то некоторые западные манихеи (христианско-манихейская секта павликиан, Сирия — Малая Азия, VII—IX вв.) считали, что мир создан Злым Творцом, с которым борется Благая. Это учение возродилось в X в. в вере богомилов, распространившейся в Болгарии, Сербии, Боснии и Италии. С ними были идейно связаны и христианские «еретики» альбигойцы на юге Франции, поголовно уничтоженные католическими феодалами-скрестоносцами в 1209—1244 гг. Богомилы, по-видимому, исламизировались после завоевания Балкан Турцией в XV—XVI вв.

¹⁵ Может быть, немаловажно то, что лошадь как тягловое и пахотное животное стала распространяться лишь с конца I тысячелетия н. э. в связи с разведением (сначала в низовьях р. Рейн) породы лошадей-тяжеловозов, а также с изобретением подковы и хомута.

¹⁶ Заметим, что нередко уходила лишь часть населения. Так, некоторая часть воинов Центральной Швеции (свионы) ушла с готами, часть осталась и стала шведами; часть готов тоже осталась в Швеции, сохранив название «гэутов», но приняв шведский язык. Часть центральногерманского племени свевов была подхвачена движением вандалов и в конце концов создала недолговечное королевство в Португалии, другая часть (швабы) живет по сей день в Германии и составляет часть германской нации.

Позже только часть саксов ушла в Британию с англами и усилила их диалект, но большая часть осталась в Германии.

¹⁷ Та же именная основа — * hlaibh — сохранилась в современном английском: loaf — «булка», «буханка»; ср. «лорд» из древнего hlāfweard — «хранитель (и податель) хлеба».

¹⁸ Бургунды, видимо, тоже происходили с Балтики: их имя носит здесь о-в Борнхольм, древний Боргундархолм.

¹⁹ Мы опустили историю аваров (обров), повторивших гуннское движение в VI в. Авары осели в Паннонии (будущей Венгрии) и в Дакии. Еще с другими волнами кочевников (хазар, булгар), возможно, связано появление в начале IX в. на Дунае венгров (мадьяр — племени, родственного хантам и мансийцам на Иртыше и на Оби, но унесенного кочевниками со своей родины). Число венгров, вселившихся в Паннонию, было невелико, но тем не менее местное славянское население перешло на их язык.

²⁰ Они создали королевство в Сицилии и Южной Италии.

²¹ Это деление, сохранившееся от греческой историографической традиции, не вполне соответствует словоупотреблению, распространенному в различных частях славянского мира. Так, русских эстонцы и финны называют венедами (vene), между тем, по греческой терминологии, русские и белорусы должны бы относиться не к венедам, а к антам. Впрочем, вероятно, и то, и другое — лишь две различные традиции произношения одного и того же этнонима (не обязательно автонима). Ср. также уменьшительное «Вятка» (=Хлынов) и племенное название «вятичи», оба от древнейшего *ван > ть. Город был назван «антским» как находившийся в неантском, финно-угорском окружении. Сами славяне делили племена на словен, говоривших понятно, и немцев («немых, непонятных»).

²² Булгары были тюркским племенем, возможно, одной языковой группы с современными чувашами. На Балканы они были вытеснены хазарами в VII в. Но значительная часть булгар, создавшая еще раньше царство между Доном и Кубанью, продвинулась в IX в. в Волжско-Камский район, где их царство просуществовало до монгольского завоевания в XIII в.

²³ Прimitивный алфавит, заимствованный, вероятно, у северных этрусков на территории будущей Швейцарии, был с первой половины I тысячелетия и. э. и у германцев. Но он использовался преимущественно в магических и поминальных целях («руны»),

²⁴ Феодальная система была введена в Англии после норманнского завоевания Вильгельмом I в 1066 г. Под норманнами в данном случае надо понимать династию норманнского (норвежского) происхождения, захватившую Северную Францию (Нормандию) и к XI в. давно уже полностью окатоличенную и романизовавшуюся (говорившую на диалекте французского языка).

²⁵ Прусы (не смешивать с немцами, позднейшими обитателями Пруссии — пруссаками) были группой племен балтийской ветви индоевропейских языков, к которой ныне принадлежат литовцы и латыши, а ранее принадлежали еще и жмудь, ятвяги, курши и другие племена, жившие от Вислы до Оки и вошедшие в состав литовского, русского и белорусского народов.

²⁶ Впоследствии Швеция принимает лютеранскую реформацию и производит конфискацию обширных церковных земель, что дало толчок развитию страны по постсредневековому пути. Развивается горнорудная и другая промышленность, все шире применяется наемный труд. С 1680 г. устанавливается абсолютная монархия (Карл XI, 1670—1697, Карл XII, 1697—1718). На некоторое время Швеция покоряет почти все берега Северной и Южной Балтики. Но и потеряв эти свои владения, Швеция развивается обычным европейским путем — к капитализму.

²⁷ «Великая хартия вольностей» (1215 г.) содержит важнейшее положение, которое имело конституционное значение для всей последующей истории Англии: «Ни один свободный не будет заключен, или лишен вла-

дений, или объявлен вне закона, или изгнан, или иным образом уничтожен, кроме как по законному суду равных ему и по законам страны.... Права и правосудия никому мы (т. е. король.—Я. Д.) не продадим [за деньги], не лишим [его] и не задержим» (статьи 39—40).

²⁸ Хорезмийский язык — один из иранских языков, родственный осетинскому; хорезмийцы, жившие в низовьях Амударьи, позже слились с узбеками и отчасти с таджиками.

²⁹ Ср. несравненно большее количество великих ученых и писателей в соседней и сравнимой по численности населения Франции в течение XVII—XIX вв.

³⁰ Тамплиеры, державшиеся очень самостоятельно от местных государей, собрали громадные богатства в ходе крестовых походов и пользовались ими для ростовщичества, вызывая зависть королей и пап. Это их и погубило: в начале XIV в. орден был распущен, золото конфисковано, и многие тамплиеры были казнены.

³¹ С XVI в. орден иоаннитов стал именоваться Мальтийским орденом.
³² Ср., например, варварское уничтожение полуманихеев — альбигойцев в Провансе (на юге Франции) в 1209—1244 гг.

³³ Гораздо позднее термин «дехкан» стал означать иранское и среднеазиатское крестьянство.

³⁴ В настоящее время Фирдоуси принадлежит как персидской, так и таджикской литературе (разница между литературным персидским и таджикским языком ничтожна). Но в средневековье «таджиками» назывались осевшие в Средней Азии арабы, а предки нынешних таджиков — просто иранцами, если только не *фарси* — «персами». Персоязычное население Афганистана официально называет свой язык «дари», раньше он назывался «фарси-кабули». Его носителей часто называют «таджиками».

³⁵ *Тура* (мн. ч. *туран*) было одним из кочевых иранских племен, упоминаемых в Авесте. Но у Фирдоуси и вообще в позднейшей традиции термин «Туран» воспринимается как «обнимающий земли, населенные тюрками».

³⁶ До XX в. Азербайджаном (поздняя форма названия «Атропатена», происходящая от имени Атропата, сатрапа, а потом царя Западной Мидии в конце IV в. до н. э.) назывались только тюркоязычные области северо-западного Ирана. Когда в 1918—1920 гг. власть в Восточном Закавказье (Ширван и др.) захватила партия мусаватистов, она приняла для своего государства название «Азербайджан» в расчете на то, что иранский (или собственно) Азербайджан, имевший значительно большее тюркское население, в условиях политического распада, в котором находился в то время Иран, сможет быть легко присоединен к новому государству. Сами азербайджанцы до XX в. называли себя «тюрки», а русские их называли «татарами». Азербайджанский язык принадлежит к огузской группе тюркской семьи.

³⁷ Едва ли не позже всего — в XIII—XIV вв. — это произошло в бывшем Ширване и окрестных областях Закавказья, которые ныне входят в Азербайджанскую Республику.

³⁸ Наряду с книжной латынью, новогреческим, церковнославянским, древним общескандинавским, литературным арабским, персидским, санскритом и другими индийскими языками, книжными тибетским, китайским и японским. Народные говоры, часто того же происхождения, скорее разъединяли, чем соединяли.

³⁹ Хотя за этим обозначением, возможно, скрывается самоназвание гуннов, в китайской традиции существовала другая его интерпретация, основанная на игре слов: *сюн ну* — «злые рабы», *хун ну* — «покорные рабы».

⁴⁰ Впоследствии термин «татары» стал самоназванием ряда племен и народов весьма различного происхождения, говорящих на тюркских языках преимущественно кипчакской и отчасти огузской групп. Это прежде

всего казанские татары, в средние века — основное население Золотой Орды, а сейчас — Республики Татарстан на Волге, хотя они расселены и значительно шире; сибирские, или черные, татары и целый ряд других этнических групп. Крымские татары, создавшие в XV в. могущественное Крымское ханство, выселенные в 1944 г. из Крыма Сталиным, а ныне стремящиеся вернуться домой, являются результатом слияния в единый народ нескольких этнических групп — степных племен огузской группы, османских турок тоже огузской группы, части ногайцев кипчакской группы и оторченного местного населения — готов, греков, генуэзцев и др.

⁴⁰а Ассасины (от арабского «едящие гашиш») были террористической группой, принадлежавшей к исламской секте исмаилитов, крайнему ответвлению шиизма. Своих наследственных имамов исмаилиты воспринимали как живое воплощение божества. Сны, являвшиеся ассасинам под влиянием наркотика, выдавались имамом за видения рая, который они обретут за свое презрение к смерти при выполнении террористического задания (в качестве джихада). Ассасинская организация с центром в замке Аламут в северном Иране была создана Хасаном ибн Саббахом около 1090 г. Действовали ассасины (направляемые из Сирии своим начальником — «Старцем горы») главным образом против суннитов-сельджуков, но и против египетских Фатимидов, шиизм которых казался исмаилитам недостаточно правоверным, а также против крестоносцев.

⁴¹ Главной опорой иоаннитов был остров Родос, который они удерживали с 1309 по 1522 г. После этого они обосновались на о-ве Мальта (см. примеч. 31).

⁴² Мухаммед Шейбани был потомком Джучи, сына Чингиза, и претендовал на продолжение традиций Чингизидов. Однако опирался он не на монголов, а на тюркские племена кипчакского, карлукского и огузского происхождения, вошедшие в состав узбекского народа (средневековый литературный язык — чагатайский).

⁴³ В 1857 г. последний Великий Могол, Бахадур-шах, был низложен англичанами. Однако могущество Великих Моголов просуществовало фактически лишь до начала XVIII в.

⁴⁴ Исламский запрет на изобразительное искусство как на поощряющее идолопоклонство был смягчен в восточных мусульманских странах: если изображение было плоскостным, оно не приравнивалось к сотворению идола. Отсюда мощное развитие миниатюрной живописи в Иране, Средней Азии и Индии.

⁴⁵ Выражение живых человеческих чувств могло быть при желании истолковано в мистическом смысле — вот почему Хафиз мог позволить себе написать: «Когда ширазская тюрчанка схватит рукой мое сердце, я отдам Самарканд и Бухару за одну ее черную родинку».

⁴⁶ Низами жил в Гяндже, тюркоязычном (азербайджанском) городе, но писал он по-персидски.

⁴⁷ Дожи пожизненно выбирались «народом» (фактически верхушкой городского населения).

⁴⁸ Не только титул императора Священной Римской империи был не наследственным, но и титул короля Германии; каждый новый император должен был быть избран коллегией наиболее влиятельных феодалов — *курфюрстов*, но для получения императорского титула необходимо было еще признание и инвеститура папы. Наиболее яркий эпизод конфликтов между императорами и папами — правление императора Генриха IV (1084—1106). Отлученный папой Григорием VII от церкви, он в 1077 г., тогда еще германский король, вынужден был три дня босиком и на коленях каяться перед папой, находившимся в замке Каносса, чтобы получить от него прощение. Будучи вновь отлучен от церкви, он захватил Рим и в 1084 г. был там коронован своим ставленником антипапой Климентом III. Дальнейшая его деятельность была полна войн, приключений и

главным образом неудач. Лишь род Габсбургов с XV в. поставлял римских императоров почти автоматически.

⁴⁹ По преданию, чума была занесена из Центральной Азии; она впервые разразилась в половецких войсках, осаждавших генуэзскую колонию Кафу (Феодосию) в Крыму в 1347 г. Осаждавшие забрасывали к противникам чумные трупы, а затем генуэзские корабли занесли заразу в Европу. Особенно тяжело были поражены Центральная и Южная Европа, но эпидемия доходила и до Северной Африки, Англии и даже Норвегии, где население нескольких долин полностью вымерло. В начале 1350-х годов эпидемия быстро пошла на убыль. Однако новые вспышки происходили в течение всего XIV века.

⁸⁰ Лишь в 1532 г. Алессандро Медичи принял титул герцога.

⁸¹ Заметим, что эта элитарная «разговорная» латынь имела мало сходства с народными романскими языками (португальским, испанским, провансальским, французским, итальянским, молдавским и др.), развивавшимися из простонародной разговорной («вульгарной») латыни времен Римской империи.

⁶² Впоследствии, при разделе Польши во времена Екатерины II, большинство польских евреев стали подданными России. Им было запрещено покидать бывшую польскую территорию («черту оседлости») и жить за пределами городов. Еврейские гетто стали очагами беспросветной бедности. За черту разрешалось выселяться выкрестам, купцам первой гильдии, затем лицам, которым удалось получить высшее образование (практически юристам и врачам), лицам, отслужившим 20-летнюю рекрутскую повинность, и... проституткам.

⁶³ Восстание это сопровождалось кровавейшими погромами католиков и особенно евреев.

⁶⁴ После падения Византийской империи в 1453 г. русские цари стали претендовать на «покровительство» всем греко-православным народам, жившим в пределах Османской империи. Между тем духовным главой всех православных по-прежнему считался греческий патриарх Константинополя; лишь в 1589 г. московским государям удалось добиться учреждения московской патриархии. В связи с этим возникла проблема унификации богослужебных книг и религиозных ритуалов, которые оказались не вполне идентичными у греческих и русских православных. Унификацию проводил московский патриарх Никон (с 1652 г.). Она встретила ожесточенную оппозицию на Руси, где считали, что греки «отуречились» и что подлинное православие сохранилось только у русских; главное внешнее отличие между никонианами и старообрядцами было крещение тремя перстами у первых и двумя у вторых. Началось жестокое преследование старообрядцев, главным глашатаем которых был протопоп Аввакум. Его инвективы и воспоминания, чуть ли не впервые писанные на отличном выразительном народном языке, явились началом собственно русской литературы, в отличие от прошлой, преимущественно церковнославянской. Аввакум был сожжен за ересь, но и Никон был сослан в дальний монастырь: царя Алексея интересовала не богословская распря сама по себе, а утверждение права русского царя указывать православной церкви не только на Руси, но и за рубежом.

⁵⁵ Все звезды в этом радиусе учтены астрономами, и ни одна из них не имеет параметров, нужных для возникновения около них обитаемых планет. Самые долголетние живые существа не достигнут ближайшей обитаемой планеты даже за много поколений. Инопланетян можно исключить из фантастики, претендующей на эпитет «научный».

⁵⁸ Впервые Колумб упоминается в 1472 или 1473 г. как корсар на службе Ренэ д'Анжу, претендента на арагонский и неапольский престол, а затем в 1476 г. в битве португальского флота с генуэзским на стороне Португалии.

” Обычно пишут, что Колумб искал Индию. Но Las Indias (во мно-

жественном числе) в те времена означало вообще «страны Востока, лежащие по ту сторону мусульманских земель». На самом деле Колумб искал Японию (у путешественника XIII в. Марко Поло Zipango—это страна, упомянутая как самая дальняя в восточном океане,— от китайского-Жибэнь-го, «государство восхода солнца» — одно из названий Японии, наряду с более обычным Нихон-го, Ниппон).

⁵⁸ Рио де ла Плата по-испански означает «Река серебра».

⁵⁹ В первой половине XVI в. Венесуэла (на южном берегу Карибского моря) стала исходным пунктом для искателей жемчуга на побережьях и для экспедиций в поисках мифической, сказочно богатой страны Эльдорадо. В 1528 г. Карл V, взяв очень крупную сумму в долг у немецкой: банкирской фирмы Вельзер, отдал Венесуэлу в залог и на откуп Вельзерам, которые продержали ее до 1546 г., но, не получив больших доходов, не возобновили своей концессии.

⁶⁰ Слово «креол» означает «урожденный» (в данном месте). Креолами назывались вообще все лица европейского происхождения, рожденные а бывших французских, испанских и португальских колониях в Америке, Африке и Вост-Индии, в противоположность тем, кто недавно приехал туда из Европы. Затем сначала в Бразилии, а потом и в других европейских колониях «креолами» стали называть негров, проживших там два поколения или более после их продажи из Африки, а также мулатов. В этом смысле слово «креолы» употребляется в лингвистике.

Говоря (в первоначальном смысле слова) о креольском населении испанских владений в Америке, следует учесть, что с каждым поколением множилось количество метисов (*местисос*) — потомков от браков и незаконных связей между креолами и аборигенами. К XVIII—XIX вв., если не считать негров и мулатов, большинство латиноамериканского населения состояло практически из метисов, а креолы стали рассматриваться как малочисленная общественная элита.

⁶¹ Пронунсиаменто — декларация о перемене характера власти (например, от выборной к диктаторской или о низложении существующего правителя).

⁶² Пеон — крестьянин или батрак, отрабатывающий долги помещику (часто мнимые). Пеонаж обычно был не только пожизненным, но и наследственным. Типологически пеон — особенно в XVII—XVIII вв. — был гораздо ближе к крепостному пятой фазы, чем к колону четвертой. Пеонами были более половины крестьян; кроме них были свободные батраки, а часть индейцев продолжала жить независимыми сельскими общинами типа второй фазы (*эхидос*).

⁶⁸ Парагвай с 1610 г. составлял своего рода республику ордена иезуитов. Поначалу они не только занимались крещением индейцев, но и брали на себя заботу о защите их интересов и обучали земледелию. Однако вся земля была объявлена собственностью ордена, и непривычная и тяжелая работа в качестве батраков, частые эпидемии и мятежи привели к катастрофическому падению численности индейского населения. В 1768 г. иезуиты были изгнаны из Парагвая. После этого страна управлялась весьма жестокими диктаторами; территория ее заметно расширилась за счет соседних областей. Страна богатели и привлекала к себе предпринимателей. К середине XIX в. Парагвай вплотную подошел к переходу в капиталистическую фазу. Но его положение осложнялось отсутствием выходов к морю и спорами с Бразилией, а также с Аргентиной по поводу использования р. Параны. Агрессивная политика парагвайского диктатора К. А. Лопеса вызвала губительную войну 1864—1870 гг. с «тройственным союзом» Бразилии, Аргентины и Уругвая, в ходе которой отчасти от военных действий и репрессий, отчасти от голода Парагвай потерял почти 70% женского и 90% мужского населения. В Европе эти события прошли почти незамеченными. Жюль-верновские дети капитана Гранта, пере-

«секая Аргентину в марте 1865 г., не заметили аргентино-парагвайской войны.

⁶⁴ Бразильское красное дерево (*Caesalpinia*) дает красную краску и ценную твердую древесину, используемую, между прочим, для изготовления мебели и т. п.

Шестая фаза

(стабильно-абсолютистскоепостсредневековье)

¹ Главным оружием рыцарей со времен крестовых походов был арбалет (арк-баллиста, см. выше).

² Заметим, что, например, в древней Месопотамии, при полном осознании существования общей культуры, были два языка (сначала шумерский и аккадский, затем аккадский и арамейский).

³ Признание права всех наций на самоопределение есть предвестник грядущего перехода в восьмую фазу, для которой оно является уже одним из диагностических признаков. Национальное самосознание начинает повсюду становиться важным фактором в международной политике с 1800—1900-х годов (первоначально только в Европе, где этот фактор сказался в политическом лереустройстве после Первой мировой войны).

⁴ Различие в распределении групп крови у разных популяций, конечно, к национальности отношения не имеет, да и ареалы распространения групп крови и национальных характеров (и языков) совершенно различаются.

⁵ «Жакерия» во Франции (1368 г.) и др.

⁶ В дальнейшем от практики меркантилизма стало возможно отойти, когда Адам Смит объяснил, «чем государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет». Теория Адама Смита стала практически осуществляться в условиях установления капиталистического уклада экономики как ведущего.

⁷ Первые попытки реформировать католицизм были сделаны Виклиффом в Англии и под его влиянием Яном Гусом (1370—1415) в Чехии. Реформа должна была свестись главным образом к признанию необязательности власти папы, ограничению богатства клира, а также к пересмотру некоторых богословских тонкостей. Гус был вызван на католический вселенский собор в Констанце и сожжен как еретик. Однако гуситы сохранились в Чехии вплоть до победы контрреформации в XVII в. Связь гуситства с Лютером явственно не прослеживается.

⁸ Подступы к введению наборного шрифта делались, по-видимому, и до Гутенберга, но только этот последний наладил настоящее типографское производство. В Китае наборный шрифт был известен гораздо раньше (в XI в.), но ввиду огромного количества китайских литер работа наборщиков была значительно сложнее и шла медленнее, и внедрение наборных книг тоже шло не быстро. Для Украины, в той части ее, которая была под властью Польши, наборный шрифт кириллицы был впервые применен Ш. Фиолем уже в 1491 г. в Кракове. А на Руси Иван Федоров и Петр Мстиславец в 1564 г. создали первый «печатный двор». Однако в отличие от Западной Европы наборные книги на Руси были признаны если не прямо чем-то дьявольским, то, во всяком случае, не благословленным Богом. Иван Федоров вынужден был бежать в Польско-Литовское государство и продолжал публикацию церковнославянских книг для белорусов и украинцев. В России печатание книг началось всерьез с XVII в., но еще при царе Алексее Михайловиче (1645—1676) продолжалась, например, традиция рукописного летописания.

⁹ Талмуд (по-древнееврейски «Учение») является послебиблейским <вященным писанием евреев. Главные составные части Талмуда: *Мишна* 4 букв. «Повторение», I—II вв. н. э.) — сборник толкований права отдель-

ными законниками, соответствовавший условиям послебиблейского периода, и *Гемара* (букв. «Завершение», или Талмуд в узком смысле слова), состоящая из перемежающихся частей законодательных (*галаха*) и повествовательных (*аггада*). Существуют фактически две Гемары — «Иерусалимский Талмуд», написанный (кроме библейских цитат) на западноарамейском языке в I—IV вв. и. э., и «Вавилонский Талмуд», написанный по-восточноарамейски в III—V вв. и. э. Была разработана сложная система аналогических и аллегорических толкований библейского текста, позволявшая переинтерпретировать древние законоположения применительно к позднейшим изменявшимся условиям.

¹⁰ Курфюстами назывались семь крупнейших вассалов Священной Римской империи, имевшие право избирать очередного императора.

¹¹ Несомненно, что это была пусть разговорная, но книжная латынь. Латынь народная к тому времени уже превратилась в итальянский, испанский, французский и другие взаимно малопонятные языки. Не только для клириков, но и для образованных мирян именно книжная латынь, хотя и очень отличавшаяся от Цицероновой, сохранялась как живое средство общения.

¹² Здесь надо назвать еще одного человека, труд которого оказал (впоследствии) огромное влияние на создание альтернативной католичеству идеологии. Это был польский монах Николай Коперник. Его книга, доказывающая, что земля не находится в центре мироздания, вышла в 1543 г., в год смерти автора. Интересно, что первый набросок коперниковской системы был одобрен палой, зато издание полного труда в Нюрнберге было задержано в результате возражений Лютера и лютеран.

¹³ Древнееврейский язык Лютер знал хуже Рёйхлина, хотя, конечно, пользовался его словарем и грамматикой; влияние Вульгаты на его текст было очень велико.

¹⁴ Уже в 20—30-е годы XVI в. инквизиция сжигала протестантов-и реформаторов и во Франции, и на землях, подчиненных Священной Римской империи, и в других странах Европы. Чрезвычайно быстро распространились протестантские учения, которые шли гораздо дальше Лютера и Кальвина. Особое озлобление как католиков, так и протестантов вызывали появившиеся еще при жизни Лютера анабаптисты, проявившие себя в 1525 г. Они считали, что крещение в христианскую веру возможно только как сознательный акт взрослого человека и не иначе как после серьезной духовной подготовки, отвергали все клятвы и присяги, создавали коммунистические общины и ждали конца света. Несмотря на казни и преследования, анабаптисты, полностью истребленные в Германии, сохраняются и сейчас под названием меннонитов в ряде стран, в том числе (вторично) и в Германии.

¹⁵ Иногда императорский титул, как уже упоминалось, совмещался со званием короля Германии.

¹⁶ В Испании, где тоже царствовали Габсбурги, попытки внедрить протестантские или реформаторские учения были полностью раздавлены инквизицией. Это ей меньше удалось в подпавших под власть испанских Габсбургов Нидерландах. Северная их часть (Голландия) отделилась, но там продолжалась ожесточенная борьба различных протестантских учений, южная (Фландрия), католическая, была частично завоевана Францией, а частично осталась за Габсбургами. Протестантство в какой бы то ни было форме не имело успеха в Италии.

¹⁷ Не путать с деятелем английской революции Оливером Кромвелем, дальним родственником Томаса Кромвеля.

¹⁸ Большинство европейских мыслителей XVII в. говорило и писало по-латыни и принадлежало к образованной части постсредневекового общества Западной Европы в целом. То обстоятельство, что Декарт был французом (но 20 лет прожил в Голландии), Локк — англичанином, Спиноза — голландским евреем • (сефардом), Галилей — итальянцем, Кеплер —

немцем, Гюйгенс — голландцем и Ньютон — англичанином, тогда не играло роли. Национальное самосознание проявлялось тогда еще очень слабо, если проявлялось вообще.

¹⁹ И циническому учению о политическом приспособленчестве — в умной книге Н. Макиавелли «Государь» (по-итальянски, 1532 г.).

²⁰ Королевство Дания объединяло две родственные, но отличные друг от друга нации: датскую и норвежскую.

²¹ В Нидерландах возникали самоуправляющиеся города, но страна в целом до XV в. подчинялась преимущественно бургундским герцогам (и графу Голландскому, зависевшему от Священной Римской империи). С 1516 г. бургундская часть Нидерландов подпала под власть Карла Габсбурга, ставшего в том же году королем Испании, а в 1519 г. избранного императором Священной Римской империи как Карл V. В части северных Нидерландов наместником (стадхолдером) был признан Вильгельм I Оранский. Северные, наиболее буржуазные и воспринявшие кальвинизм округа Нидерландов отложились от империи в результате восстания так называемых гёзов («нищих»); часть округов продолжала признавать стадхолдером Вильгельма I, перешедшего на сторону гёзов. В 1579 г. кальвинистские северные провинции образовали Утрехтскую унию. Испанские войска короля Филиппа II, возглавляемые опытными полководцами, продолжали войну до начала XVII в., однако рыхлая голландская республика, возглавляемая Генеральными штатами и стадхолдером и управляемая собраниями отдельных областей, сохранила независимость. Звание стадхолдера наследовалось и позже в роде Оранских герцогов, и в международных отношениях они приравнивались к королям.

²² Однако часть территорий, населенных басками и каталонцами, отошла к Франции.

²³ Рецидивом войны за испанское наследство была Семилетняя война (1756—1763), в которую опять были вовлечены Франция, Англия (и Ганновер в Германии, принадлежавший английским королям того времени), Австрия, Пруссия, а также Россия, Испания и Португалия и английские и французские колонии в Америке. По мирным договорам был произведен новый передел колоний в Америке и отчасти в Африке между Англией, Испанией и Францией; в Германии был восстановлен status quo.

²⁴ Руссо был из женевской кальвинистской семьи.

²⁵ Это приравнивало каждого гражданина к дворянину.

²⁶ Георг I, курфюрст Ганноверский, был сыном внучки Якова I, которая была наследницей английской королевы Анны, последней из дома Стюартов; он унаследовал таким образом английский престол.

²⁷ Крепостное право было отменено в Чехии еще в 1784 г., а в Венгрии — в 1785 г.

²⁸ Людовику XIV, королю Франции из династии Бурбонов, удалось посадить своего внука Филиппа на престол Испании в ходе войны за испанское наследство.

²⁹ Собственно, только после победы Наполеона это государство стало называться Австрийской империей; до этого оно все еще именовалось Священной Римской империей германской нации.

³⁰ Это удавалось с трудом. Кодекс Наполеона не был отменен в тех странах, где был введен. В 1820 г. было отменено крепостное право в последнем германском государстве — Мекленбурге, а безоговорочный возврат к постсредневековым порядкам не получился нигде.

³¹ В XV—XVI вв. в связи с усилением эксплуатации крестьянства как на Руси, так и во владениях Польши с православным населением (Украина) и с опустением степи после монгольского нашествия группы русских вооруженных крестьян стали уходить на степной юг и восток, где образовывали самоуправляемые вольные общества военно-республиканского типа. Они принимали тюркское название «казаки» (вольные

люди) и иногда сохраняли формальное подчинение Москве. Так образовались казачьи войска: Донское, Терское (на р. Терек), Гребенское, Уральское, Сибирское и др. Каждый здоровый казак считался '(и был) воином. В качестве противников рассматривались крымцы, ногайцы, чеченцы, буряты и другие соседние неправославные народы; постоянные войны с ними чередовались с мирными отношениями.

Совершенно особую организацию составляли запорожские казаки — украинцы, которые имели свой укрепленный лагерь — Сечь (за днепровскими порогами); они служили не пожизненно и к старости возвращались в свои села, которые находились по большей части под верховной властью Польши. Запорожские казаки носили особую одежду, имели характерный чуб (*оселедец*) при бритой голове и, вступая в казачество, приносили присягу, свидетельствующую об их православии и трезвом поведении. Они предпринимали грабительские набеги на Крым и турецкие владения. В XVIII в. (при Екатерине II) небольшая часть запорожских казаков ушла в турецкие владения, а большая часть была выселена на Кубань; эта последняя часть получила тот же статус, что и Донское и другие войска, но сохранила украинский язык.

Русские цари рассматривали казачество как барьер против нападений с юга и востока и долго не вмешивались в его внутренние дела.

³² Это была дочь владельца крошечного немецкого княжества Ангальт-Цербст София-Фредерика-Августа; именно за ее незначительность императрица Елизавета выбрала ее в жены своему полоумному немецкому племяннику и наследнику (сыну ее сестры) Петру III. Но незаурядные ум и воля, тактичное овладение русским языком и нравами, а также единомышленная поддержка гвардии позволили Екатерине, беременной (не от мужа), верхом на коне и в гвардейском мундире возглавить переворот, сделавший ее на 33 года русской императрицей с официальным эпитетом Великой.

³³ Екатерининские офицеры перевешали много повстанцев, но когда бои закончились, закончились и зверские репрессии, и некоторые бывшие пугачевцы, получившие прощение, вернулись домой и служили унтер-офицерами в армии, мелкими чиновниками и т. п.

³⁴ Иезуиты настаивали на совместимости христианства с этикой Конфуция и с конфуцианским почитанием предков, но обрели ожесточенных противников в доминиканцах и францисканцах; после длительнейших дискуссий папа Климент XI в 1715 г. издал буллу против позиции иезуитов и тем самым практически уничтожил шансы на сколько-нибудь значительное распространение христианства в Китае. Заметим, что написанные по-китайски сочинения Маттео Риччи оказали большое влияние на японское небуддистское и неконфуцианское религиозное мышление при создании в XVIII—XIX вв. новой идеологии, синтоизма, на базе державшихся архаичных верований, восходивших к третьей фазе исторического процесса.

³⁵ Уже в 1605 г. Иэясу сложил с себя звание сегуна, но фактически продолжал править страной до самой смерти в 1616 г. После него правили сегуны из его рода Токугава, по которым весь период 1603—1867 г. называют «периодом Токугавы».

Седьмая фаза (капиталистическая)

¹ «Интеллигенция», несмотря на латинский облик, — слово русского происхождения (по-английски оно транскрибируется как *intelligentsia*). Это люди, которые заняты не материальным производством, а творчеством, учением, лечением и познанием. Такие люди были в обществе всегда, например в составе дворянства, духовенства и т. д. Однако как определенный наследственный социальный слой, связанный служением нравст-

венности и знанию, она создавалась (во всяком случае, на первых порах) только в России. Западное соответствие интеллигенции — intellectuals — обычно не составляет единого социального слоя; это скорее одна из общественных функций: отец, братья, дети интеллектуала могут быть бизнесменами, фермерами и кем угодно. Однако интеллектуалы выполняют ту же социальную роль, что и русская интеллигенция, и для целей настоящей книги я применяю термин «интеллигенция» в более общем смысле, обозначая так все те слои населения, которые создают нематериальные ценности, учитывая, однако, что их создание сказывается на развитии материального производства и экономики.

Интеллигенция как социальная сила — порождение седьмой, капиталистической фазы. Однако роль ее не исчерпывается этой эпохой. Роль ее в переходе к восьмой фазе, с его научно обоснованными производственными и социальными мероприятиями, исключительно велика. И в восьмой фазе на ней лежит задача создания всего того, что материально облегчает жизнь (gadgets, научные разработки). Кроме того, интеллигенция способствует превращению толпы в сознательные массы людей, а в восьмой фазе именно на ней лежит еще и обязанность сколь можно уберечь человечество от экологической катастрофы. Именно интеллигенция является главным носителем альтернативной идеологии, которая от седьмой привела к восьмой фазе.

² Священная Римская империя германской нации прекратила свое существование в эпоху наполеоновских войн (в 1806 г.) и превратилась в Австрийскую империю, а с 1867 по 1918 г. — в Австро-Венгерскую империю. Венгерские земли, ранее в значительной степени удерживавшиеся турками, отошли к Габсбургам в конце XVII и начале XVIII в.

³ Внутри Германии были восстановлены мелкие герцогства, княжества и королевства, но наиболее мелкие из них были «медиатизованы», т. е. включены в какое-либо соседнее, более крупное королевство, с сохранением почестей для «медиатизованного» князя. Финляндия, отвоеванная в 1809 г. Россией у Швеции, была оставлена за Россией на условиях некоторого самоуправления; Норвегия была отдана Швеции на аналогичных условиях.

⁴ Одним из важнейших проповедников реформ с конца XVIII в. и по 1832 г. был экономист и юрист Дж. Бентам. Именно ему принадлежит формулировка цели всякого разумного законодательства как «наибольшего блага для наибольшего числа людей». Он отстаивал полное невмешательство государства в дела личности, и в частности в предпринимательство. Бентам был избран почетным гражданином Франции в 1792 г., но никогда и нигде не принимал участия в реальной законодательной деятельности.

⁹ На Балканах были и христиане-католики: словенцы и хорваты вместе с далматинцами.

^{5a} Официальным названием этого государства было «Сардинское королевство». Оно включало о-в Сардинию, Пьемонт, Ниццу, Савойю, Геную и герцогства Аоста и Монферрат.

⁶ Это был шаг в сторону современного понимания необходимости разделения независимых властей (по Монтескье): власти законодательной, власти исполнительной и власти судебной. Все три никогда не существовали вполне независимо в России, и по сей день судебная власть не является независимой.

⁷ Война против русских завоевателей велась под руководством исламских имамов — Гази Мухаммеда, Гамзат-бека и Шамяля. Кавказские горцы жили тогда еще на грани третьей фазы исторического процесса, так же как и горцы Афганистана и Памира. Англичане трижды (1838—1842, 1878—1880, 1919—1921 гг.) пытались покорить Афганистан и трижды должны были уйти из него. Впрочем, они сохранили за своей Индийской империей большую часть территории важнейшей афганской народно-

сти — пуштунов вместе с городом Пешаваром (сейчас в составе Пакистана).

⁸ Сен-Симона традиционно причисляют к социалистам-утопистам, однако сам он рассматривал свое учение как научную теорию, и не случайно именно сен-симонизм (наряду с философией гегельянства) имел наибольшее влияние на Карла Маркса.

⁹ Прудон (1809—1865), которому принадлежит афоризм «собственность — это кража», выступал фактически не за отмену частной собственности, а против подавления мелкой частной собственности крупным капиталом.

¹⁰ Доктрина Монро, которая была провозглашена этим президентом США в 1823 г. и которой с тех пор США всегда придерживались, заключается в утверждении, что всякая попытка европейской державы контролировать какую-либо территорию на Американском континенте является акцией, недружелюбной по отношению к США.

¹¹ Пуэрто-Рико впоследствии получил статус «присоединившейся территории», что означало, между прочим, свободу переселения пуэрториканцев в США. Остров сильно перенаселен, и в настоящее время в США живет значительно больше пуэрториканцев, чем на острове.

¹² Еще в эпоху независимости началось заселение Гавайских островов японцами, китайцами, американцами, филиппинцами и европейцами. В настоящее время на островах не свыше 10% гавайцев, и большинство из них забыло родной язык. То же наблюдается и на многих других островах Полинезии, бывших (отчасти и остающихся) под властью Франции, США, Новой Зеландии, Австралии.

¹³ Еще два изобретения времен англо-бурской войны были переняты всеми армиями мира: военная форма защитного цвета (английские солдаты, одетые в традиционные красные мундиры, несли слишком большие потери от огня бурских снайперов) и тактика окопной войны.

¹⁴ В Капской колонии действовала «дальтоническая» (colourblind) избирательная система: цветные и черные не были отстранены от голосования по закону, но фактически отстранялись экономическим и образовательным цензом.

Впоследствии в составе Южно-Африканского Союза (позже Южно-Африканской Республики) возникли автономии важнейших племен банту, частично образовавшие особые государства. Это Зулуленд (в составе ЮАР), королевства Свазиленд и Лесото и республика Ботсвана — последняя входит в ООН. Наиболее крупная народность, коса, своей территории не имеет и является главной опорой партии Африканский национальный конгресс в ЮАР, в то время как зулусы в основном поддерживают другую партию. Готтентоты сохранились (под названием нама) только в Намибии, а бушмены — в Намибии, Ботсване и небольшими группами в Замбии и Анголе. Что касается так называемых «цветных», то часть из них говорит по-английски, а часть — на африкаанс. В стране много индийских иммигрантов.

¹⁵ В более высокой фазе находились буряты, буддисты Прибайкалья.

¹⁶ Ныне маленькая группа айнов, практически потерявших свой язык, сохраняется лишь на японском острове Хоккайдо. Айны не принадлежат к монголоидной расе и, может быть, родственны папуасским или австралийским аборигенам.

¹⁷ Даты приводятся по «новому стилю» (григорианскому календарю). В России до конца 1917 г. действовал юлианский календарь, отстававший в XX в. на 13 дней от григорианского.

¹⁸ Демонстрация была организована священником Гапоном, внушавшим рабочим, что царь разберется в их жалобах. После этого император Николай II перенес свою резиденцию в Царское Село под Петербургом и в столице больше почти не появлялся. Связь Гапона с полицией несомненна, но не исключено, что он искренне предполагал, что сумеет исполь-

зовать полицию для своей «революционной» цели. Позже был убит эсерами.¹⁹

Хотя державы признавали суверенитет Китая над Тибетом и Монголией, последние фактически были независимы.

Россия после русско-японской войны сохранила «железнодорожные» интересы в северной Маньчжурии.²⁰

В 1946 г. Ньюфаундленд вошел в состав Канады, а в 1961 г. Южная Африка вышла из Содружества.²¹

Эти колонии возникли в результате итальянских вооруженных вторжений в регионы Африки, а также в результате итальяно-турецкой войны 1912 г.²²

Французские интересы могли сталкиваться с английскими, на что указывает фашодский кризис — когда вооруженный французский отряд из Центральной Африки захватил в 1898 г. крепость Фашоду на Верхнем Ниле (Судан) и это чуть было не привело к войне с Англией.²³

На это указывал Агадирский инцидент 1911 г., когда немецкая канонерка, в нарушение франко-германского соглашения, вошла в марокканский порт Агадир.²⁴

Конечно, современные македонцы-славяне не имеют ничего общего с древними македонянами, родственными грекам и фракийцам и прославившимися в IV в. до н. э. при Александре.²⁵

Ныне Ужгородская область Украины. Рутенским (русинским) было и население северной части захваченной Австро-Венгрией Буковины; южная была заселена румынами.²⁶

И Люксембург, но это вызвало меньше волнений, да и был он на треть немецким. Население его трехязычно, говорит на французском, немецком и на местном диалекте.²⁷

Англия объявила войну Германии 4 августа 1914 г., а Турции — лишь 12 ноября **1914 г.**, и до этого «Гебен» и «Бреслау» действовали как немецкие военные корабли, находясь в Босфорском проливе как бы в нейтральных водах.²⁸

Лучшие русские корабли погибли под Цусимой. Новый, созданный специально для Черноморского флота с учетом уроков японской войны линейный корабль «Императрица Мария» перевернулся незадолго до войны в порту. Мошенники-интенданты поставляли обувь с негодными подошвами; поэтому матросы ходили в пороховой погреб и вырезали там себе лодметки из листового пороха, которые прекрасно служили. Но один матрос однажды вошел в погреб с горящей свечой... (рассказ академика А. Н. Крылова).²⁹

На Балтийском флоте, тоже с учетом уроков японской войны, строился совершенно новый, отличный русский военный флот: линейные корабли, линейные и легкие крейсера, эскадренные миноносцы и подводные лодки. Однако к 1914 г. и этот флот был еще далеко не достроен.³⁰

Фолклендские острова, первоначально безлюдные, ныне населены главным образом шотландцами и отчасти скандинавами; постоянного испаноязычного населения там никогда не было, хотя на них до сих пор претендует Аргентина.³¹

Небольшая группа христиан-ассирийцев (арамеев) прорвалась в русское Закавказье и отчасти расселилась по русским городам; но в 1937 г. они стали в значительной части жертвами сталинских репрессий.³²

Так, русские высадили десант в Энзели на юге Каспийского моря.³³

Салоники принадлежали Греции, тогда нейтральной, но были заняты союзниками под благовидным предлогом.³⁴

С апреля 1916 г. германскими войсками командовал Гинденбург (Фалькенхайн был переведен в Турцию), а французскими (вместо Жоффра) — Нивелль; после явных неудач Нивелль был заменен Петэнном.³⁵

Во всяком случае, без танков. Танки находились на стадии конструирования первых моделей.

³⁸ Точнее, не «не давали», а не успели дать: обо всем этом намеревалось позаботиться демократически избранное Учредительное собрание, в котором большинство получили социалисты-революционеры (эсеры). Но процесс его избрания и созыва задержался до начала 1918 г., когда большевики уже захватили власть и смогли это собрание разогнать; а некоторых видных деятелей и расстрелять.

³⁷ Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». Изд. 7-е. М., [13*32?]. «Россия IV» (36-И), табл. III, итоги. Цифра, приводимая Лениным в «Развитии капитализма в России» (--10 процентов), включает иждивенцев и «полупролетарские слои», но тоже не составляет «большинства».

³⁸ Правительство Ленина имело право считать Временное правительство представляющим меньшинство народа, а себя представляющим большинство только до тех пор, пока оно придерживалось лозунга «земля — крестьянам». Но в последующем лозунг о «союзе рабочего класса и крестьянства» повис в воздухе, когда большевики ввели с 1919 г. систему отъятия хлеба у крестьянства («продразверстку»), а затем, после кратковременного периода действительного обладания крестьян землей в 1922—1929 гг., наступило массовое истребление товаропроизводящего крестьянства под ложным лозунгом «ликвидации кулака как класса».

³⁹ В 1940 г. после семисот лет проживания в Прибалтике, они были выслены в Германию по соглашению Сталина с Гитлером.

⁴⁰ Впоследствии не раз выступал как обвинитель на инсценированных Сталиным процессах, но не пережил 1936 год.

⁴¹ Впоследствии расстрелян.

⁴² В мае 1918 г. и Румыния заключила сепаратный мир с центральными державами. Но к концу года они оставили Румынию, и в это же время к Румынии отошла Бессарабия, оккупировавшаяся Россией больше 200 лет. Центральная часть Бессарабии населена румынами-шолдаванами, но именно молдаване, проживающие и к западу от Бессарабии, совместно с валахами и образуют сам румынский народ.

⁴³ Это были откупленные у японцев старые русские суда времен русско-японской войны, в том числе знаменитый «Варяг».

⁴⁴ Каплан не судили; после краткого допроса в ЦК ее усадили в легковую машину и в ней застрелили.

⁴⁵ В числе жертв революционного террора оказалась и семья Николая II. Сначала Николай с семьей был сослан в Тобольск, затем переведен в Екатеринбург, где занимал охраняемый особняк с несколькими лицами из прислуги, гувернантками, доктором и т. п. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. все эти лица, включая больного малолетнего сына Николая II, были отведены в подвал дома и расстреляны; трупы их были тайно вывезены и, по-видимому, сожжены. Официально считалось, что это было «самодельностью» местного совета, но впоследствии было доказано, что расстрел произошел по инициативе Ленина и его ближайшего соратника Свердлова. В 90-х годах нашего века этот эпизод был использован для развертывания широкой монархической пропаганды. Но вспомним, сколько тысяч семей было не менее жестоко уничтожено большевиками; почему же судьба именно этой семьи должна вызывать какие-то особые эмоции? Николай II был слабый правитель, ничтожный полководец, в значительной мере на нем лежит вина за репрессии 1905—1906 гг. н'за развязывание мировой войны, за все ее последствия; на нем лежит подозрение в участии в убийстве Столыпина, когда тот перестал вешать и начал нужные для России земельные реформы. Он был незначительной личностью, и превознесение его сверх меры кажется мне неуместным. Тем не менее паблисити, созданное екатеринбургской бойней, привлекает внимание к общему характеру «красного террора», развернутого с середины 19-18 г.

⁴⁶ Восточное Закавказье до 1918 г. никогда не называлось Азербайджаном. Это название восходит к древнему *Атурпаткан* — «область Атро-

пата», образовавшего самостоятельное государство при разрушении Ахеменидской империи Александром Македонским, и всегда относилось к северо-западной части Персии (ныне — Ирана), где преобладало тюркское население. Так как в 1918 г. Персидское государство находилось в состоянии распада, мусависты рассчитывали соединить свое государство восточнокавказских тюрков с более обширной территорией, населенной тюрками в Персии, и поэтому дали своему государству (заранее) название Азербайджан, которое с тех пор и закрепилось за восточным Закавказьем. Почти чисто азербайджанский состав населения Баку 1990-х годов — результат последующего исторического развития.

⁴⁷ Создание отдельной юго-осетинской автономии малообъяснимо, поскольку за горным хребтом существует северо-осетинская автономия, населенная тем же самым народом. Видимо, Сталин, которому было поручено решать национальные проблемы, не хотел обидеть грузин, считающих Южную Осетию коренной частью Грузии, хотя утверждение о том, что эта территория до осетин была заселена грузинами, во-первых, спорно и, во-вторых, не опровергает права осетин жить на земле, заселенной ими, во всяком случае, в течение столетий. Что касается аджарцев, то это те же грузины, принявшие ислам, но не отуреченные (те назывались «месхетинскими турками»).

⁴⁸ Заметим, что большинство кадровых моряков ушло (часто — командирами) в Красную армию, и в 1921 г. гарнизон Кронштадта в немалой мере состоял из недавно мобилизованных крестьян.

⁴⁹ По данным эмигрировавшего статистика И. Курганова, кажущимся весьма убедительным, Россия недосчиталась между 1917 и 1959 гг. 110,5 млн. человек, включая несостоявшееся пополнение новорожденными. Это включает потери от Гражданской и Второй мировой войны.

⁵⁰ Джугашвили (партийный псевдоним Сталин) выдвинулся в партии большевиков в эпоху революции 1905 г., когда и эсеры, и большевики для финансирования своей расширявшейся деятельности стали прибегать к экспроприациям, т. е. попросту к крупномасштабным грабёжам. Естественно, что в этот период должен был происходить приток в большевистскую партию деклассированных, уголовных элементов. Из их числа и выдвинулся Сталин, который, по-видимому, был рекомендован Ленину в качестве члена ЦК (после ареста русского бюро ЦК в 1912 г.) видным большевиком Малиновским, тогда еще не разоблаченным как провокатор. Сильная воля и абсолютная, параноидальная беспринципность позволили Сталину все выше продвигаться по ступеням партийной иерархии. Однако ошибается тот, кто полагает, что при Троцком, с его идеями поголовной военизации населения (подсудного праву маузера), или при Бухарине, лелеявшем идею поголовного истребления «чуждых элементов», было бы лучше. Было бы несколько иначе, но размах репрессий был заложен в самой идее коммунизма.

⁵¹ Важно помнить, что репрессии были далеко не только формой проявления розни между коммунистами разных оттенков. Гораздо шире репрессии применялись как средство сознательной классовой борьбы.

⁵² Авиационная и космическая технология СССР в значительной мере создавалась руками заключенных (Туполева, Королева, Петлякова и др.).

⁵³ Гибель миллионов людей могут в какой-то мере объяснить два фактора. Во-первых, если в обычной войне друг в друга стреляют более или менее одинаково вооруженные люди и бой кончается погребением павших и уводом пленных (не навсегда), то гражданская война предполагала тотальное истребление классового врага (классовая принадлежность определялась на глазок). Применение суда «товарища маузера» для пристреливания пленных и расстрела классово чуждых элементов на захваченной территории так же входило в обязанность красных командиров (и особенно комиссаров), как и стрельба по противнику в бою. Во-вторых, неполучение признания от арестованного (и уже тем самым

виновного) рассматривалось как брак в работе следователя или прямое вредительство, и все новые и новые группы чекистов сами подвергались расстрелу. Заметим, что и белые не отличались гуманностью к врагам, но их казни ужасали больше, так как производились публично. Коммунисты расстреливали и хоронили расстрелянных в строжайшей тайне, и родственникам, по крайней мере с 1938 г., не сообщали, что арестованный мертв. Надежда вновь увидеть арестованного сына, мужа, брата, жену подавляла стремление к смертельно опасному протесту. Позже стали выдавать липовые похоронки на якобы умерших от разных болезней в различные сроки между 1939 и 1945 гг., но в действительности расстрелянных, сразу же после вынесения приговора.

⁵⁴ По подсчетам Солженицына, с 1918 по 1956 г. в результате большевистских репрессий погибло около 60 млн. человек, по данным Курганова (на 1959 г.) — 66,7 млн. Заметим, что статистики, производившие в 1938 г. перепись населения, были расстреляны Сталиным как «вредители».

⁵⁵ Сдерживание гонки вооружений выразилось лишь в том, что на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. было достигнуто международное соглашение об ограничении числа и тоннажа линейных кораблей для отдельных морских держав. История показала, что линейные корабли в конце концов вообще потеряли смысл.

⁵⁶ В Организации Объединенных Наций — преемнице Лиги Наций — правило единогласия действует только в Совете Безопасности.

⁵⁷ Австро-Венгрия, как уже упоминалось, распалась. В Турции война с Грецией фактически продолжалась.

⁵⁸ По первоначальному договору из Турции были выкроены огромные куски с преимущественно нетурецким населением, у нее были отняты все острова, включая Кипр, в Восточной Анатолии создана республика Армения. Почти все эти нововведения были уничтожены Кемаль-пашой (Ата-тюрком), не признававшим Версальского мира и продолжавшим войну, прежде всего с Грецией. Большинство армян в Анатолии было вырезано еще при султанском правительстве в 1915—1916 гг., а Кемаль пытался распространить армянский геноцид на Закавказье и на грекоязычное население Эгейского побережья. Особенно душераздирающие и кровавые формы принял геноцид греков в Смирне (тур. Измир), где они жили с X—VIII вв. до н. э. После того как Турция заключила с Грецией мир, обе страны были приняты в Лигу Наций. К этому времени от Турции были отделены все арабские области. Сирия с Ливаном были переданы под мандат Франции (фактически стали ее колониями), Палестина и Ирак — под мандат Англии (но в Ираке создалось «самостоятельное» Хашимитское королевство). Хиджаз и Асир были объявлены независимыми (так же как ряд княжеств Персидского залива, включая Кувейт, а также Оман и находившиеся в ранней, третьей (?) фазе Хадрамаут и Йемен; порт Аден и остров Сокотра были британскими). В 1921 г. из мандатной территории Палестина был выделен также находившийся под английским мандатом эмират Трансиордания. Первым государством, признавшим правительство Кемалья, была РСФСР, нуждавшаяся в тот момент в любом международном контакте.

«а в 1922 г. РСФСР заключила договор с Германией в Рапалло и, согласно его тайным статьям, создавала для Германии запрещенные ей Версалем подводные лодки, танки, химическое оружие, проводила обучение военных летчиков и т. п. Заметим, что в перевооружении Германии кроме СССР участвовали Швеция (артиллерия) и Швейцария (пулеметы). В 1935 г. британское правительство отказалось от своих возражений против морских вооружений Германии (в пределах квоты — 36% величины британского флота).

⁸⁹ По плану германского министра иностранных дел Штресемана в 1925 г. французские войска были выведены из Рура, Рурская область демилитаризована, а франко-германская граница гарантирована Лигой На-

ций. Осталась демилитаризованной и 50-километровая пограничная зона
• вдоль Рейна, и довольно долго еще оккупирован французскими частями
• Саарский угольный бассейн.

Любопытно, что Штресман, вошедший в доверие Бриана, Остина Чемберлена и других лидеров Антанты, одновременно издал под псевдонимом брошюру, где называл «версальский диктат» преступлением против Германии и указывал на необходимость отнять у Польши «польский коридор» (выход к морю между Западной и Восточной Пруссией) и ряд других территорий, а также вернуть в состав Германии Данциг (Гданьск) и Мемель (Клайпеду). Все это было вскоре взято на вооружение нацистской пропагандой.

⁶⁰ Напомним, что пятый предполагаемый член группы великих держав — США — не вошел в состав Лиги Наций.

⁶¹ Это вызвало претензии на такой же статус со стороны Польши и Бразилии. Любопытно, что Нидерланды (Голландия), обладавшие огромными колониальными владениями в Индонезии, на великодержавный статус не претендовали.

⁶² Утверждалось, что китайцы разобрали железнодорожный путь перед японским поездом и что только вмешательство божественной силы (очевидно, воплощенной в императоре!) спасло поезд от гибели,

⁶³ Пу И был внуком китайской вдовствующей императрицы Цы Си и по ее завещанию в годовалом возрасте был провозглашен императором Китая. Это усилило междоусобные разногласия, ввергнувшие Китай, руководимый относительно либеральной партией Гоминьдан, в многолетнюю войну — с диктаторствующими генералами, с Японией, позже с коммунистической Красной армией. Пу И в 1945 г. был выдан советским войскам в Маньчжурии, а ими передан китайскому (тогда еще гоминьдановскому) правительству. При коммунистической диктатуре Мао Цзэдуна Пу И был арестован, но выжил и на старости лет написал мемуары.

⁶⁴ Гитлер, как и Сталин, происходил из деклассированной (в условиях Германии наиболее озлобленной) среды; работал маляром, в войну служил «фрейтором».

⁶⁵ По учению нацизма, немцы принадлежат к «арийской расе» (устаревшее название нордической антропологической расы блондинов, к которой принадлежат скандинавы, прибалты, финны и некоторая часть немцев). В современной науке «ариями» называются только те народы, которые имели самоназвание «арья», т. е. древние иранцы и индийцы. Цыгане принадлежат к последним. Согласно идее нацизма, «арийцы» — народ господ по своей природе. Заметим, что, когда отсутствие класса капиталистов в СССР сделало невозможным объяснение неудач «реального социализма» влиянием русской буржуазии, эти неудачи не только стали объясняться происками зарубежного капитализма (который и в самом деле, мягко говоря, не стремился укреплять советский строй), но, кроме того, Сталин заимствовал у нацистов также идею и практику геноцида. Правда, народы, подвергавшиеся ему в СССР, не прямо сжигались в печах, а лишь в 24 часа вывозились в мало приспособленные для жизни районы и погибали либо в дороге, либо на новом месте, где их ждала обычно та или другая форма рабского труда. В странах, перешедших под власть СССР по стовору с Гитлером, выселялось не все население, а 10% (выселение происходило частично уже после Второй мировой войны). При этом поощрялось заселение этих стран с сохранившимся довольно высоким уровнем жизни русским населением из «старых» областей СССР. Некоторые народы, в том числе евреи, не успели быть выселены до смерти Сталина.

⁶⁶ Вниманию читателя: некоторые приводимые мною факты, относящиеся к нацизму и Второй мировой войне, взяты не из литературы, а из тех сведений, которые я смог получить, исполняя задания советского

командования в составе военной разведки и отдела пропаганды среди войск противника.

⁶⁷ Отметим, что в июле 1932 г. СССР выдал Польше гарантии в том, что не будет оказывать помощь никакому государству, которое совершит агрессию против нее.

⁶⁸ Сталин организовал экскурсии писателей в лагеря заключенных на Беломорканале и на канале Москва—Волга, причем была создана грандиозная массовая инсценировка мужественной и героической жизни «перестроившихся» заключенных. Эта инсценировка обманула многих, хотя и не всех.

⁶⁹ Суд, оказавшийся под мировым общественным давлением, осудил только Ван-дер-Люббе. Попов и Танев были репрессированы в СССР, но Димитров стал одним из руководителей Коминтерна.

⁷⁰ Впрочем, в мае 1933 г. Гитлер заявил о нерушимости границ Польши.

⁷¹ Уже во время войны часть отрядов СС была преобразована в полностью вооруженные части (Ваффен-СС), которые подчинялись общему военному командованию, но которым поручались «особо важные» задания, вроде антипартизанских действий или расстрелов евреев, включая детей.

⁷² Предполагалось, что репрессирование евреев пройдет безнаказанно, поскольку они не представляют какого-либо государства, конфликт с которым был бы преждевременным.

⁷³ Понятие «германской» (или «русской», или какой угодно другой) крови как якобы определяющей расу или нацию, абсурдно: группы крови существуют, но они не совпадают с биологическими расами.

⁷⁴ Важно заметить, что в результате тотальной пропаганды «ленинских» идей о социализме Сталин как вождь коммунистов не только не вызывал ненависть, а, напротив, вызывал массовое обожание. Это характерно для всех тоталитарных обществ.

⁷⁵ По первоначальному варианту соглашения Литла должна была отойти Германия.

⁷⁶ Вслед за тем в 1940 г. в прибалтийских государствах были инсценированы «плебисциты», после чего они были включены в состав СССР. Сразу же началась депортация прибалтийских государственных деятелей и десятков тысяч других лиц в сибирские лагеря; она продолжалась и после войны.

⁷⁷ Независимость Финляндии была признана Лениным еще в 1918 г., что не мешало коммунистам вести там ряд лет партизанскую войну; остатки их отошли в советскую Карелию. Маннергейм, когда-то царский генерал, стал президентом Финляндии и главнокомандующим ее вооруженными силами. Именно ему принадлежала идея сооружения оборонительной линии для защиты против СССР.

⁷⁸ Дании, как «расово близкой» германцам, Гитлер сохранил ее довоенную конституцию и главенство короля. Когда и в Дании начались преследования евреев, король Христиан стал носить на рукаве желтую повязку, обязательную у гитлеровцев для евреев, и помог почти всем евреям бежать в Швецию. Христиан был братом норвежского короля Хокона VII.

⁷⁹ Вскоре между «железной гвардией» и Антонеску произошел конфликт. Гитлер поддержал Антонеску, но дал «железной гвардии» убежище в Германии, чтобы держать Антонеску под угрозой в случае его неповиновения.

⁸⁰ Де Голль, французский боевой генерал и заместитель министра обороны в правительстве Рейно, бежал в Англию и оттуда обратился по радио к французам с призывом к сопротивлению. Он был признан Англией (но не США) в качестве главы «Свободной Франции».

⁸¹ Такова же была и судьба французской колонии — о-ва Мадага-

скар, державшего сторону Виши, но оккупированного британскими и «свободными французскими» деголлевскими частями.

⁸² Об этом же на основании данных, имевшихся у английской разведки, сообщил советскому послу Майскому британский министр иностранных дел Иден. Однако советское телеграфное агентство ТАСС на другой день по указанию Сталина реагировало официальным заявлением, успокаивавшим население.

⁸³ Словаки появились на фронте поздно, и чуть ли не три четверти их состава перешли на сторону Красной армии, где были использованы при создании чехословацкого корпуса.

⁸⁴ Было еще четвертое направление — из Финляндии к Белому морю. Здесь далеко продвинуться удалось только финнам. Немцы же, расположенные севернее, продвинулись лишь на трех несообщавшихся направлениях, разделенных пустыми пространствами тайги и тундры, и на очень небольшое расстояние.

⁸⁵ Сталин не нашел ничего лучшего, как расстрелять командующего Западным фронтом, хотя, по существу, он и его солдаты делали в невозможных условиях чудеса.

⁸⁶ Близятся знамена царя преисподней (Данте).

⁸⁷ Силами заключенных была по болотам срочно построена железнодорожная ветка Беломорск—Обозерская, которая связала оставшуюся часть Мурманской дороги с магистралью Архангельск—Москва, и переброска войск и грузов на север и с севера вновь наладилась.

⁸⁸ В армии считали, что овчинные полушубки — это вклад Монголии (коммунистического государства в глубине Азии) в войну против Германии. Если так, то это был очень важный вклад.

⁸⁹ Неудивительно, что Мурманск и Мурманская железная дорога подвергались непрерывным бомбардировкам. По американским данным, бомбардировка Мурманска могла сравниться только с бомбардировками британских позиций на о-ве Мальта и в Тобруке. Но, несмотря на все усилия, немецким летчикам (в противоположность тому, что утверждает немецкими историками) не удалось разрушить мост через р. Ковду; его разрушение прекратило бы надолго всякое движение транспорта из Мурманска. Вообще прицельность немецких бомбардировок была низкой.

⁹⁰ Заметим, что попытки использовать в боевых действиях надводные корабли были признаны обеими сторонами неудачей.

⁹¹ Я спрашивал профессора Постана, бывшего экономического советника Черчилля, почему Англия поставляла нам слабые самолеты «Харрикейны», на которых наши летчики несли большие потери, вместо более хороших — «Спитфайров» и задерживала свои транспорты подолгу в Исландии. На первый вопрос он ответил, что Сталин все время боялся провокации со стороны англичан. Ввоз «Спитфайров» он отверг как предложенный английской стороной и сам остановился на «Харрикейнах». На второй вопрос он ответил, что транспорты пережидали светлые месяцы.

⁹² Во время Второй мировой войны гитлеровцы усердно пытались насадить свою агентуру среди деятелей египетского освобождения:

⁹³ Сталин все более развивал пропаганду, подчеркивавшую преемственность побед Красной армии (превратившейся теперь в «Советскую армию») с победами дореволюционными: в 1943 г. он одел армию в форму с погонами царского образца; бойцы стали именоваться солдатами, командиры — офицерами.

⁹⁴ Противоположный процесс наблюдался несколько позже в германской армии: опытные генералы и офицеры снимались по соображениям политической неблагонадежности и заменялись более благонадежными, но менее талантливыми.

⁹⁵ Такие же группы действовали и в Греции, но там, наоборот, были разгромлены коммунисты.

⁹⁶ Муссолини был похищен из заключения немецким разведчиком и

возвращен в Северную Италию. В 1944 г. он был захвачен итальянскими партизанами и казнен.

⁹⁷ В 1991 г. несоблюдение союзниками этого требования привело к сохранению тоталитарного режима Саддама Хусейна в Ираке.

⁹⁸ До этого в Варшаве, в огороженном гетто, куда были согнаны евреи со всей Польши, было поднято другое отчаянное восстание. Несмотря на известную помощь со стороны польского подполья, оно было обречено, и все население гетто было уничтожено.

⁸⁹ В конце 1944 г. начальник германской разведки Гелен доложил Гитлеру, что на Восточном фронте немецкой армии противостоят 229 пехотных дивизий и 22 танковых корпуса. Гитлер считал это за дезинформацию.

¹⁰⁰ Во время войны происходили совещания между Черчиллем и Рузвельтом и между Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным. На Тегеранской конференции в ноябре 1945 г. Черчилль выразил готовность поддержать югославское правительство Тито, обладавшее уже значительными военными силами, а Сталин обещал позже вступить в войну с Японией.

¹⁰¹ С участием также австралийских войск на ряде объектов.

¹⁰² Из Восточной Пруссии началось бегство немецкого населения, а оставшееся было позже выселено советскими войсками. В порядке «мести» советские солдаты наделали в Пруссии много бед, и командованию приходилось с этим бороться.

¹⁰³ Потом — четыре, свою зону получила и Франция. В западных зонах был проведен процесс денацификации: все национал-социалисты, запятнавшие себя преступлениями против человечности, были отданы в руки правосудия или, по крайней мере, лишены гражданских прав; прочие приравнивались в правах к остальному населению. В советской зоне денацификация не проводилась, и некоторые лица принимались из национал-социалистической партии прямо в коммунистическую.

Кроме того, согласно американскому «плану Маршалла», репарации с немецкого населения западных зон не взимались; напротив, этому населению была оказана большая помощь кредитами и инвестициями. В результате победители получили в лице Германии верного друга и союзника. Напротив, СССР настаивал на репарациях со всех зон на свою пользу.

¹⁰⁴ Впоследствии Люйшунь, Далянь и маньчжурские интересы были уступлены Сталиным коммунистическому Китаю.

¹⁰⁵ В тот момент Карело-Финская республика считалась союзной. Поэтому союзных республик было 16; статус Карело-Финской республики как союзной был позже отменен единоличным решением Хрущева.

¹⁰⁸ В состав русских частей вермахта входили не только лица определенно антикоммунистических взглядов, но и люди, пытавшиеся спастись от верной гибели в концентрационных лагерях.

¹⁰⁷ По данным И. Курганова, СССР во Вторую мировую войну потерял весь свой естественный прирост населения (15,4 млн. человек) и, кроме того, понес 28,6 млн. прямых потерь. По мнению военного историка Д. Волкогонова, вместе с гражданским населением СССР потерял 27 млн. человек, не считая погибших в наших лагерях. В одном только Ленинграде умерло от голода в блокаду около миллиона человек. Кроме того, аресты производились НКВД и во время блокады.

¹⁰⁸ Пример из собственных наблюдений: 9 мая 1945 г. норвежцы разоружили все лагеря русских военнопленных на территории своей страны, и бывшие пленные, имевшие свою подпольную организацию, помогали разоружать немецкие части. Норвежцы приглашали их в свои дома и всячески чествовали. Когда за ними пришел пароход из СССР, их провожали с цветами. Но по прибытии в Мурманск причал был оцеплен смершевцами, и все пленные без разбора были отправлены в лагеря на Воркуту.

¹⁰⁹ Тогдашний режим Варгаса в Бразилии типологически был сходен с фашистским. Тем не менее Бразилия вступила в антигерманский союз и ее солдаты воевали на итальянском фронте.

¹¹⁰ Так как во многих областях Индийского субконтинента мусульмане и индусы жили попеременно, то объявление независимости Индии и Пакистана привело к кровавым стычкам на границе и паническому бегству мусульман в Пакистан, а индусов — в Индию.

¹¹¹ В октябре 1965 г. коммунисты, рассчитывая на то, что число их приверженцев сильно возросло, попытались совершить путч в Индонезии. Путч не удался, население было натравлено на коммунистов, несколько сот тысяч которых были вырезаны по всей Индонезии. К власти пришел генерал Сухарто. Позже в Камбодже аналогичный путч удался коммунистической группе «красных кхмеров» во главе с Пол Потом, поддержанных коммунистическим Китаем. По доктрине Пол Пота, все старшее население страны считалось отравленным реакционной идеологией и подлежало физическому уничтожению, что было поручено бандам подростков. Это было уже чересчур, и Пол Пот был свергнут коммунистическим Вьетнамом, но окончательное устройство камбоджийского государства все еще являлось предметом переговоров.

¹¹² Дело это было нелегким, так как ЦК довоенной Корейской коммунистической партии был уничтожен в СССР в период репрессий 30-х годов, а корейское население, проживавшее ранее на Дальнем Востоке СССР, было тогда же выселено в Казахстан и другие глубинные области. Во главе Северной Кореи (Корейской Народно-Демократической Республики — КНДР) был поставлен диктатор-кореец туманного происхождения Ким Ир Сен, майор из штаба фронта в Советской армии. Он занял мое штатное место, когда я был откомандирован в Норвегию.

¹¹³ Заметим, что, подобно большинству нынешних арабоязычных народов, арабы-палестинцы не являются просто потомками выходцев из Аравии; скорее они потомки принявшего ислам более древнего населения Палестины, в том числе и исламизированных евреев.

¹¹⁴ И СССР голосовал за это решение.

¹¹⁵ В Тибете «культурная революция» приняла характер военной оккупации и привела к массовому бегству тибетцев в Индию (во главе с их духовным главой далай-ламой).

¹¹⁶ Почти все эти произведения русской литературы либо распространялись в Советской России подпольно, либо стали известны читателям лишь с большим запозданием.

Восьмая фаза (посткапиталистическая)

¹ Кризис «коммунизма» в Советском Союзе привел к так называемой «перестройке», результаты которой до сих пор еще недостаточно ясны. Что касается Китая, то там руководители коммунистов попытались провести экономическую реформу — в частности, раздав землю крестьянам, введя «особые зоны» действия капиталистических «правил» экономической игры, посылая молодежь учиться в США, — но не проводить политической и идеологической реформы. Многодневная демонстрация студентов за демократизацию на пекинской площади Тяньаньмэнь привела только к перевороту, совершенному с помощью танков более реакционными группами партийной клики, и к расстрелу студентов; по иностранным данным, погибло до двух с половиной тысяч молодых людей. Страны Запада некоторое время выражали свой протест, но президент СССР Горбачев, инициатор «перестройки», только что ходивший среди этих студентов и беседовавший с ними, никакого протеста не выразил.

² Напомним, что Джеймс Мэдисон сформулировал в 1791 г. «Билль о

правах» (1—10-я поправки к конституции Соединенных Штатов). В XIX в. были прибавлены дальнейшие поправки, в частности 13-я — об отмене рабства (1868 г.) и 15-я — о распространении прав на всех людей, независимо от расы (нации) и цвета кожи, а в XX в. — 19-я поправка — о распространении всех прав на женщин (1920 г.). На Билль о правах повлияла «Декларация прав человека и гражданина» времен Французской революции (1789 г.).

³ Конечно, такие мероприятия возможны только в условиях полной независимости судебной власти от власти как законодательной, так и исполнительной и наличия в каждом суде адвоката и прокурора, которые ведут обсуждение дела на строго равных правах с момента начала следствия и во время суда. Двенадцать независимых, выбранных по жребию присяжных выносят единогласный вердикт: «виновен — не виновен», «да — нет» после беспристрастного напутствия судьи, а судья только выносит в соответствии с этим вердиктом приговор или судебное решение. Материальное положение судей должно гарантировать от воздействия на них со стороны заинтересованных лиц. Полная зависимость судей от произвола власти партийной, что наблюдается при нацизме и коммунизме, в условиях восьмой фазы — фазы принципиально равных возможностей — не возникает.

⁴ Так, в Соединенных Штатах зарегистрировано не менее 150 вероисповеданий.

⁵ В СССР, напротив, русский нацизм до самого последнего времени пользовался полуофициальным покровительством со стороны коммунистических экстремистов — лишнее доказательство того, что страна еще не вошла в восьмую, посткапиталистическую фазу.

⁶ В результате поражения во второй мировой войне и подавления сильно коррумпированного режима Гоминьдана в Китае образовалось мощное «коммунистическое» тоталитарное государство, сначала находившееся под влиянием СССР, а затем ставшее центром притяжения коммунистических сил, конкурировавших с СССР и даже враждовавших с ним.

⁷ Кроме того, из примерно шести миллионов жителей Афганистана до трех миллионов бежало в соседний Пакистан. Это были преимущественно пуштуны, или собственно афганцы, число которых в Пакистане было всегда больше, чем в самом Афганистане. Кроме них в Афганистане живет еще около десятка разных народностей, из которых важнейшая — та часть населения, которая называет свой язык «дари». Вместе с персами и таджиками они являются наследниками блестящей средневековой персоязычной культуры. У нас их обычно именуют «таджиками».

⁸ Был подтвержден прогноз ученых, предупреждавших, что ядерная война и неизбежно сопровождающие ее пожары глобальных масштабов приведут к понижению температуры у земной поверхности ниже уровня, совместимого с жизнью на Земле. Нефтяные пожары, организованные иракским диктатором Саддамом Хусейном в Кувейте, т. е. на очень ограниченной территории, уже привели к региональному снижению температуры на 3—4 градуса.

* Они самостоятельно входили в Лигу Наций. В Организацию Объединенных Наций вошли уже и все бывшие колонии.

¹⁰ Эта глава была уже написана, когда я познакомился с книгой С. McEvedy, R. Jones «Atlas of World Population History» (Harmondsworth, 1978), содержащей историю человечества в статистических графиках. Прогнозы авторов во всем существенном сходятся с моими. Они предсказывают, что общее число населения Земли к 2025 г. дойдет до 8 млрд., и считают, что 8—9 млрд. — предел того, что сможет выдержать экология Земли, предполагая далее вирусную, пищевую или преднамеренно организованную катастрофу. Каждая женщина, которая намерена родить третьего ребенка, должна задуматься о том, что этим она приближает гибель мира, которая может наступить при ее внуках.

¹¹ Повышение температуры у поверхности Земли, по-видимому, уже наблюдается в последние годы: отступают северные сплошные полярные льды, бегут из Сахары населяющие ее племена тузарегов, нарушается озоновый слой атмосферы. Однако неясно, является ли это результатом засорения атмосферы человеком или вызвано — отчасти или целиком — другой причиной: тем самым неизвестным космическим фактором, который четыре тысячелетия назад (в конце III—начале II тысячелетия до н. э.) и восемь тысячелетий назад (в VI тысячелетии до н. э.) также вызывал значительные потепления Земли.

¹² Загрязнение внешней среды весьма ощутимо уже сейчас. Ткнув пальцем в карту: вокруг города Никеля на Кольском полуострове на 700 квадратных километров, на нашей и норвежской территории, сохнут растения, и нет не только теплокровных животных и птиц, но даже насекомых.

¹³ Прекращение войн, удовлетворявших социальное побуждение к агрессивности, должно привести к возрастанию агрессивности в быту, в частности терроризма и преступности, а также популярности таких видов спорта, как футбол, хоккей, тяжелая атлетика, карате и т. п.

¹⁴ Однако они не бесполезны. Так, за 30 лет в США удалось очистить воздух в Чикаго и других многолюдных мегаполисах, вернуть рыбу в оз. Мичиган (но пока не в другие Великие озера). Технология «зеленой революции» не без успеха вводится в Азии и Африке.

Содержание

Предисловие.	3
Введение.	5
ПЕРВАЯ ФАЗА (первобытная).	15
ВТОРАЯ ФАЗА (первобытнообщинная).	18
ТРЕТЬЯ ФАЗА (ранняя древность}.	27
ЧЕТВЕРТАЯ ФАЗА (имперская древность).	44
ПЯТАЯ ФАЗА (средневековье).	65
ШЕСТАЯ ФАЗА (стабильно-абсолютистское постсредневековье) . . .	152
СЕДЬМАЯ ФАЗА (капиталистическая).	205
ВОСЬМАЯ ФАЗА (посткапиталистическая).	341
Примечания.	353